

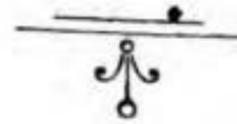
К. А. Скальковскій

К. Скальковскій

Новая книга

ПУБЛИЦИСТИКА
ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ
ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1904

1133 (188) N 24884

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	V
Изъ дневника меланхолика	1
Какія женщины нравятся?	31
✓ О русскомъ платьѣ	37
О петербургскомъ древносажденіи	42
Среди книгъ	50

Историческіе очерки.

Итоги XIX столѣтія	67
Сіятельный якобинець	77
✓ Графъ Д. А. Толстой какъ историкъ	100
Историческія разоблаченія	107
Въ защиту сербовъ	116
Сношенія Караджича съ русскими учеными	121
Въ Англіи и Шотландіи (путевые замѣтки)	131

Экономическіе этюды.

✓ Дѣйствительность и фантазія	196
✓ Эмиграція изъ Россіи	209
Покровительство промышленности	219
Помѣщики противъ промышленности	228
О миѳическомъ Ротшильдѣ	239
Иностранное учредительство	245
Французъ о кризисѣ	258

	СТРАН.
✓ Фиксація дивидендовъ	266
✓ Биржевая спекуляція и онъ-коль	272
✓ Харьковская биржа	278

По разнымъ вопросамъ.

Юбилей печати	289
Шутки съ огнемъ	298
О неудачной фразѣ	303
Къ вопросу о каперахъ и частной собственности на морѣ .	308
Децентрализація высшихъ учебныхъ заведеній	319
Перепроизводство инженеровъ	338
О клеветѣ	351
Нашъ балетъ	363
Любительскія потуги	371
Мелочи и поправки	378

Какъ я оказался пророкомъ въ своемъ отечествѣ.

✓ Metallургическій кризисъ 1898—1902 гг.	399
✓ Воспомянія о судѣ присяжныхъ	490
На берегахъ Атлантическаго океана	510

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ прилагаемую книгу вошли статьи и фельетоны, написанные мною въ послѣдніе годы. Само собою разумѣется, для отдѣльнаго изданія я пересмотрѣлъ ихъ внимательно, тщательно исправилъ, кое что выбросилъ, кое что прибавилъ и сгруппировалъ въ извѣстной системѣ.

По поводу интересныхъ свѣдѣній о Конго, передаваемыхъ въ «Дневникѣ меланхолика», могу сообщить, что англійское правительство обратилось уже съ дипломатической нотой къ государствамъ, подписавшимъ Берлинскій актъ, съ просьбою разсмотрѣть, не слѣдуетъ ли сдѣлать правительству Конго серьезныя представленія о его неправильныхъ дѣйствіяхъ по отношенію къ мѣстному населенію. Конечно, Англіей руководитъ не столько филантропія, сколько желаніе зацѣпить что либо изъ владѣній короля Леопольда.

Относительно писемъ моихъ объ Англии и Шотландіи я долженъ указать на недосмотръ, допущенный мною и въ отдѣльномъ изданіи, именно портретъ Помпадуръ въ Эдинбургѣ приписанъ Ватто, когда онъ Буше, и на слѣдующій оригинальный курьезъ. Письма эти, какъ и другія мои статьи, появились въ «Новомъ Времени». Какой-то господинъ безъ всякихъ измѣненій, но съ нѣкоторыми сокраще-

ніями, перевелъ ихъ въ «Berliner Tagblatt». Онъ счелъ излишнимъ упомянуть мое имя, но въ заголовкѣ своего перевода поставилъ фразу: «переводъ на другіе языки воспрещается!»

Таковы теперь журнальные нравы, а модный японскій писатель Матсумоти Кумпеи пишетъ:

«Журналистика—это священнодѣйствіе! вмѣсто старыхъ религій, въ которыхъ никто не вѣритъ, ея миссія просвѣщать, образовывать и руководить народъ, указывать ему, что онъ есть и къ чему долженъ стремиться. Она исправляетъ недостатки, мститъ за обиды и служитъ двигателемъ всякаго прогресса».

Надобно быть японцемъ, чтобы писать подобный наивный вздоръ и видѣть священнодѣйствіе тамъ, гдѣ въ девяти десятихъ случаевъ играютъ роль весьма низменныя побужденія.

Болѣе подходитъ къ печати старинное замѣчаніе Шатобриана, что «посредственность и бездарность составляютъ одно большое тайное общество, которое чуетъ всякій талантъ, считаетъ себя его врагами и старается ему мѣшать или держать его въ черномъ тѣлѣ».

Да и публика ищетъ въ газетахъ далеко не священнодѣйствія. Описаніе болѣзни слона Jingo въ лондонскомъ зоологическомъ саду довело тиражъ «Daily Mail» до 861,664 экземпляровъ, далеко превысившій тиражъ въ день сообщенія о тяжелой болѣзни перваго министра Бальфура.

Газетной клеветѣ и шантажу я посвятилъ нѣсколько страницъ и въ этой книгѣ. Отъ клеветы я давно отписываюсь. Сколько ихъ было, на примѣръ, по поводу моей характеристики графа П. А. Шувалова (вошедшую потомъ въ мою книгу «Наши государственные и общественные

дѣтели»). Одинъ «Гражданинъ» сколько написалъ, забывъ старую французскую поговорку, что «хорошимъ совѣтамъ нужно прежде всего слѣдовать самому совѣтчику». «Гражданинъ» совсѣмъ позабылъ объ этомъ мудромъ правилѣ, иначе не рѣшился бы писать, что все, что касается «осужденія»,

составляетъ всегда, и въ моментъ смерти, и послѣ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени, государственную тайну, которую покойный или уноситъ съ собой въ могилу, или оставляетъ для пользованія потомства въ государственныхъ учрежденіяхъ, или въ личномъ архивѣ лишь много лѣтъ спустя послѣ смерти своей. Ясно, что забѣгать впередъ и дѣлать выводы изъ невѣрныхъ, апокрифическихъ рассказовъ, уличныхъ сплетенъ и всякихъ газетныхъ вымысловъ и изъ этого подводить итоги надъ лицомъ и его дѣятельностью—сугубо легкомысленно и безнравственно...

«Гражданинъ», проповѣдующій, на половину на казенный счетъ, эти теоріи и утверждавшій, что поступать иначе значитъ не имѣть «тонкаго образованія», позволилъ себѣ, во все не дожидаясь, пока похоронятъ графа Лорисъ-Меликова, осуждать весьма свободно дѣятельность этого почтеннаго государственнаго человѣка. Не дожидаясь смерти графа Посьета и г. Салова, столько разъ печаталъ онъ о нихъ клеветы и оскорбительные отзывы. Я не привожу болѣе новыхъ примѣровъ.

«Гражданинъ» назвалъ мою весьма сдержанную и осторожную оцѣнку графа Шувалова—пасквилемъ. Газета очевидно и не знала даже, что такое называется пасквилемъ. А узнать «Гражданину» это было очень нетрудно. Стоило прочесть хотя бы прозрачный рассказъ въ «Дневникѣ» князя Мещерскаго о томъ, какъ нѣкія дамы высшаго общества за веселымъ ужиномъ интересовались «оцѣнкой» своей наружности со стороны какихъ-то кавалеровъ. Вотъ это несомнѣнно дерзкій пасквиль, пачкавшій и газету и его «тонко

образованнаго» автора. Такими пасквилями переполненъ и «Гражданинъ» и всѣ романы князя Мещерскаго. Повторенія же извѣстныхъ историческихъ фактовъ, сто разъ уже газетами комментированныхъ, никто и никогда пасквилемъ не считалъ. Затѣмъ умилительно видѣть кн. Мещерскаго, трактующаго о нравственности!

По поводу моей характеристики графа Шувалова и «Новости» пытались сочинить какую-то инсинуацію, но ничего изъ этихъ потугъ не вышло, какъ ничего не вышло изъ недавнихъ злостныхъ нападокъ этой газеты на меня по поводу напечатанныхъ въ предлагаемой книгѣ статей «Эмиграція изъ Россіи» и «Воспоминанія о судѣ присяжныхъ».

Парижъ 1 (14) Декабря 1903 г.

ИЗЪ ДНЕВНИКА МЕЛАНХОЛИКА.

I.

Пятница.

Другой день что ѣду въ сѣверную Пальмиру на Варшаву; на дворѣ дождикъ, въ вагонахъ хоть шаромъ покати, ни души, дочитываю книгу «Au Congo», барона де-Манда Грансея, отставного морского офицера, автора превосходной поѣздки по Архипелагу «Au pays d'Нотѣге» и другихъ остроумныхъ путевыхъ впечатлѣній.

Вотъ такъ нравы въ этомъ государствѣ Конго, сочиненномъ въ Берлинѣ при усердной помощи нашего профессора Мартенса, восхищавшей покойный «Голосъ». Жителей шестнадцать съ чѣмъ-то миліоновъ, но одна половина жителей только и думаетъ, какъ бы съѣсть другую, съѣсть не такъ, какъ у насъ поѣдомъ ѣдятъ другъ друга на службѣ, въ дѣлахъ, въ семействахъ, а дѣйствительно взять и безъ церемоніи скушать варенаго, а чаще жаренаго. Мы еще до этого, несмотря на всяческія оскудѣнія, не дошли.

К. СКАЛЬКОВСКІЙ.

1

Бельгійскій офицеръ разсказывалъ, что приходитъ къ нему начальникъ мѣстной милиціи и спрашиваетъ: нѣтъ ли ножика, мой-моль притупился. Офицеръ далъ. Смотритъ, негръ вышелъ на улицу и преспокойно сейчасъ же зарѣзалъ, какъ барашка, приведенную имъ для приготовленія обѣда маленькую дѣвочку.

Людоѣдство буквально у всѣхъ тамъ въ крови. Бельгійцы устроили родъ юнкерскаго училища, куда берутъ нарочно дѣтей трехъ, четырехъ лѣтъ. Баронъ Грансей осматривалъ это училище, ему понравился одинъ толстенькій мальчикъ и онъ ущипнулъ его за щеку. Мальчикъ испугался и взгрустнулъ, а остальные дѣти запрыгали и заорали отъ радости.

— Знаете, чему они радуются, сказалъ барону начальникъ училища. Мальчикъ думаетъ, что вы остановились на немъ, чтобы его съѣсть, а остальные мальчики въ восторгѣ, полагая, что и имъ можетъ достаться по кусочку ихъ товарища.

Въ Конго такъ усердно ѣдятъ другъ друга, что стариковъ и старухъ совсѣмъ нѣтъ; наоборотъ чѣмъ Уголино, здѣсь дѣти кушаютъ своихъ родителей. Если гдѣ обычай запрещаетъ съѣдать отца, то послѣдняго преспокойно вымѣниваютъ на другого старика. Впрочемъ для ѣды выше всего цѣнятся дѣти 13-ти и 14-ти лѣтъ: ихъ и подкармливаютъ, когда нужно. Такъ какъ тамъ отъ лѣности населенія и скудости почвы вѣчный голодъ, то подготовляемые къ смерти рады хотя нѣсколько дней хорошо покушать и спокойно ждутъ участи. Одна старая негритянская королева откармливала

себѣ дѣвочку, бельгійскій купецъ сжалился и купилъ ее, но дѣвочка убѣждала обратно съ первой же станціи.

Прекратить эти обычаи и думать нельзя, потому что европейцевъ въ Конго горсть, а войска состоятъ изъ тѣхъ же негровъ. Когда бельгійцы разрушили въ 1894 г. арабскія владѣнія Ніангье и Касонго, болѣе шестидесяти тысячъ убитыхъ негровъ и арабовъ было сварено, зажарено и засолено впрокъ войсками правительства Конго. Нѣкоторые солдаты умирали отъ объядѣнія.

Не нужно думать, что бельгійцы очень стараются уничтожить людоедство. Они имъ даже пользуются для торговыхъ цѣлей. Племя барингасъ, на примѣръ, очень богато слоновою костью, купить ее прямо трудно, ибо барингасы ничего не покупаютъ, у нихъ мало потребностей, отнять же кость трудно потому, что племя многочисленно и храбро. Вотъ бельгійцы и обращаются къ трусливому, но любящему европейскіе товары, племени баганзи. Оно беретъ ситцы, въ обмѣнъ за это откармливаетъ сотни своихъ молодыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ, которыхъ и продаетъ на съѣденіе барингасамъ. А тѣ взамѣнъ человѣческаго мяса отдаютъ слоновую кость, передаваемую бельгійцамъ. Каждый биліардный шаръ представляетъ такимъ образомъ зарѣзаннаго и съѣденнаго человѣка, а статистики восторгаются развитіемъ торговли въ Конго!

Людей ѣдятъ тамъ не просто, а съ ухищреніемъ. Есть много рецептовъ для приготовленія человѣческаго мяса.

Уже при продажѣ смазываютъ тѣло кокосовымъ масломъ, чтобы придать ему вкусный видъ. Затѣмъ передъ тѣмъ какъ зажарить мальчика или дѣвочку, имъ ломаютъ ноги и руки и опускаютъ на двѣнадцать или пятнадцать часовъ въ болото, но при этомъ привязываютъ веревкою за шею къ столбу, чтобы мальчикъ или дѣвочка не утонули; ихъ сразу не убиваютъ, ибо мясо дѣлается нѣжнѣе отъ вымачиванія: также поступаютъ и съ баранами и козами. Ихъ, какъ у насъ при продажѣ кошекъ на шкуры, привозятъ на базары не иначе, какъ съ переломленными ногами.

Жизнь человѣческая, особенно женщинъ, по дороговизнѣ продовольствія цѣнится очень мало. Когда умираетъ негритянскій король, женъ его сортируютъ: молодыхъ и жирныхъ жарятъ и съѣдаютъ въ день похоронъ, а старымъ и худымъ ломаютъ ноги и руки и укладываютъ ими дно могилы, чтобы тѣлу короля мягче было лежать, а затѣмъ все это вмѣстѣ засыпаютъ землею. «И вотъ люди, говоритъ баронъ Манда Грансей, изъ-за которыхъ г-жа Бичеръ-Стоу заставила проливать тысячи глупыхъ людей слезы!» Очевидно вывозъ негровъ въ Америку былъ благодѣяніемъ. Тамъ ихъ учили работать и ихъ не били, хотя подчасъ пощипали.

Глядя на дикіе нравы, европейцы въ Конго ожесточаются. Недавно былъ такой процессъ. Бельгійскому офицеру измѣнила его любовница; въ Европѣ онъ много, много — далъ бы за это ей двѣ пощечины и выпилъ бы съ горя пива; въ Конго же онъ началъ съ

того, что далъ виновной 50 ударовъ кнута изъ гипопотамовой кожи, затѣмъ смазалъ ее медомъ и привязалъ нагою къ дереву противъ своего дома. Въ два дня невѣрную негритянку съѣли живою бѣлые термиты. А оскорбленный любовникъ спокойно сидѣлъ и наслаждался изъ окна на это зрѣлище!

Такъ какъ въ Конго работаютъ только женщины, то и для содержанія своей двадцати-тысячной арміи бельгійцы обязаны собрать соотвѣтственное число женщинъ: солдату полагается по одной казенной женѣ, а унтеръ-офицерамъ по нѣскольку; ихъ преспокойно отымаютъ отъ непокорныхъ племенъ, и такъ какъ часто солдаты уходятъ въ отставку, то для новыхъ рекрутъ правительство имѣетъ всегда въ запасѣ двѣ-три тысячи женщинъ.

Воевать бельгійцамъ не легко, потому что ихъ противники всегда имѣютъ что съѣсть: въ 1897 г. они съѣли, на примѣръ, барона Даниса и четырнадцать офицеровъ, тогда какъ бельгійцы и въ случаѣ удачи, находя лишь мертвыя тѣла, умираютъ съ голода.

Замѣчательно, что людоедство подъ вліяніемъ европейской цивилизаціи не сократилось, а значительно расширилось. Это подтверждаетъ извѣстный африканскій дѣятель докторъ Гиндъ. Множество негритянскихъ племенъ, слабыхъ и бѣдныхъ, не смѣли и думать о поѣданіи людей, считая это привилегіей высшихъ племенъ, теперь же, подъ вліяніемъ идей равенства и наживая гораздо болѣе прежняго денегъ, и они не отказываютъ себѣ въ удовольствіи полакомиться при первой возможности хорошенькимъ человѣческимъ филе или антрекотомъ.:

Суббота.

А вотъ и граница.

Подъѣзжаю къ таможенѣ—длинное, длинное зданіе, какъ поле тюльпановъ подъ Гарлемомъ, украшено букетами изъ чиновъ пограничной стражи, жандармовъ, чиновниковъ, артельщиковъ съ бляхами и др. официальныхъ лицъ. Я думаю, у контрабандистовъ, буде еще таковыя остались, при одномъ видѣ такой внушительной силы долженъ дѣлаться родимчикъ.

Въ поѣздѣ буквально было два пассажира, а къ намъ на встрѣчу вышли восемь таможенныхъ чиновниковъ. Я былъ очень польщенъ такимъ вниманіемъ къ моему сакъ-вояжу, гдѣ кромѣ зубной щетки и пары туфель ничего не оказалось (книгу о Конго, какъ иностранную, я предусмотрительно спряталъ за пазуху) и никакого новаго приращенія государственныхъ доходовъ за апрѣль мѣсяцъ не послѣдовало. Для возстановленія равновѣсія въ бюджетѣ выпиваю впрочемъ рюмку плохой монопольной водки. Хорошую русскую водку можно найти теперь только въ Парижѣ. Но тамъ за бутылку, стоившую у насъ 55 коп., Кювилье беретъ или точнѣе деретъ по 10 франковъ...

Воскресенье.

День Свѣтлаго Христова Воскресенія. Вся Россія и Польша объѣдаются, а въ поѣздѣ кормятъ скверно и умѣренно. Хотѣлъ выпить минеральной воды. Подали какую-то темную бутылку, съ виду похожую на пивную. Оказывается, что означенная вода подъ на-

званіемъ «Ursus» имѣетъ особое значеніе. Поляки по подпискѣ поднесли въ національный подарокъ Сенкевичу, сочиненія котораго, кстати сказать, разошлись въ Парижѣ въ десять разъ болѣе, чѣмъ въ Польшѣ, имѣніе; но оказалось, имѣніе не даетъ дохода. Тогда кому-то пришла въ голову, вѣроятно по прочтеніи романа не Сенкевича, а Гюи де-Мопассана «Autour d'une Source», гениальная мысль открыть въ имѣніи источникъ. Изъ этого ручья болотную воду стали разливать въ бутылки и поляки пьютъ ее изъ патріотизма и очень хвалятъ.

Странно однако, что для обогащенія апологета старопляхетскаго пьянства выбрали воду, а не какой либо болѣе хмельной напитокъ. Впрочемъ восторженное отношеніе къ Сенкевичу уменьшается и немало уже польскихъ нигилистовъ иронически называютъ его польскимъ Петроніемъ и обличаютъ въ печати. Дѣйствуетъ, я думаю, и зависть къ доходамъ плодовитаго романиста.

Напившись урсуса, я сталъ читать купленные на станціи у продавщицы газетъ повѣсти Леонида Андреева, моднаго теперь, особенно въ Москвѣ, писателя. Чтеніе невеселое: все только пьяницы и самоубійцы.

Тоска смертная, а тутъ вокругъ по дорогѣ чудный пейзажикъ, хорошо знакомый всѣмъ пользующимся Варшавскою дорогою. Объ этомъ краѣ знаменитый республиканецъ, авторъ революціоннаго календаря Жильберъ Роммъ, писалъ графу А. С. Строганову, у котораго служилъ гувернеромъ, еще въ 1784 году:

«Здѣсь человекъ долженъ столько страдать отъ безплодія почвы и суровости климата, что я не понимаю причинъ, привязывающихъ его такъ сильно къ такой неблагодарной землѣ. Увѣряютъ, что жители этихъ странъ пришли изъ болѣе южныхъ мѣстностей; эта эмиграція совершилось значитъ въ эпоху, когда сѣверъ былъ болѣе обитаемъ; потому что непонятно, чтобы люди осѣли на почвѣ бѣдной, холодной и болотистой, когда еще у нихъ сохранялись въ памяти воспоминанія о красотѣ и богатствѣ ихъ первоначальнаго жилища. Одно это воспоминаніе должно бы служить постоянно источникомъ сожалѣнія о прежней землѣ ихъ отцовъ и отвращенія къ замерзшей почвѣ, гдѣ они основались. И какъ только свободные люди могутъ выносить столько бѣдствій сразу, имѣя средства избавиться отъ нихъ, а именно убѣжать изъ этого несчастнаго климата?»

Роммъ единственное объясненіе, что населеніе сѣвера Россіи не разбѣжалось, находилъ въ томъ, что вслѣдствіе осушенія болотъ климатъ сталъ холоднѣе постепенно и потому люди невольно къ нему привыкли и остались жить на почвѣ, дѣлавшейся все болѣе безплодной, при возрастающихъ бѣдности и запустѣніи.

Дѣйствительно, жить тутъ замысловато; что твое Конго! Издѣсь когда-то приносили человѣческія жертвы, приносятъ иногда и теперь, но людей однако никто не ѣстъ, предпочитая древесную кору. De gustibus или, какъ говорилъ одинъ армеецъ, de gustibus non est disputandum.

Глядя на эти палочки, торчащія изъ болотъ, удивляешься нашимъ финансовымъ геніямъ, которые изъ такого нехитраго матеріала умѣли цѣлые вѣка подрядъ извлекать милліонные сборы мірскіе, земскіе, дворянскіе, государственные, въ пользу Дворянскаго и Крестьянскаго банковъ. Еще оставалось кое-что для сберегательныхъ кассъ, а кое-что пряталось въ сапогъ за голенище.

Понедѣльникъ.

Наконецъ я у себя дома!

Первый пакетъ, что вскрываю по прїѣздѣ, содержитъ сакраментальныя строки: «Такое-то моль учрежденіе извѣщаетъ васъ, что прошеніе ваше, поданное тогда-то, подлежитъ, на основаніи устава о гербовомъ сборѣ, оплатѣ таковымъ сборомъ еще въ размѣрѣ шести рублей».

Задумался вновь о финансахъ. Долго не рѣшаюсь посылать дополнительный гербовый сборъ, памятуя, что когда-то внесъ по ошибкѣ за одно общество, во все не богатое, гербоваго сбора 3,750 руб., но его не только не возвратили, но послѣ четырехъ-лѣтняго «довольнаго разсмотрѣнія», когда дѣло дошло до Сената, то хотя за меня были три министра и оберъ-прокуроръ, лишь пять «особъ» рѣшили деньги, неправильно внесенныя, отдать, а пять особъ высказали, что лучше не отдавать, по юридической формулѣ, не вошедшей ни въ сводъ законовъ, ни въ римское право: что съ возу упало, то пропало. Въ утѣшеніе мнѣ сооб-

щено, что чрезъ три года, по выслушаніи «согласительнаго предложенія» генераль-прокурора, дѣло вновь станетъ разсматриваться въ общемъ собраніи, гдѣ если произойдетъ новое разногласіе, то затѣмъ, немножко повременя, пойдетъ въ Государственный Совѣтъ.

Вотъ какъ опасно ошибаться при уплатѣ гербоваго сбора, особенно когда жить остается немного лѣтъ.

Вторникъ.

Ищу развлеченій. Попалъ на благотворительный спектакль въ пользу французскаго общества пособія драматическимъ артистамъ, которое, при засвидѣтельствованной бѣдности, послѣ не менѣе 20 лѣтъ службы на театрѣ и возрастѣ не менѣе 55 лѣтъ, выдаетъ пенсіи не свыше 150 рублей въ годъ. Прослушавъ допотопныя recitations ветхими актерами и танцы такихъ же немолодыхъ балеринъ, утѣшился тѣмъ, что одинъ острякъ назвалъ означенный спектакль «Une soirée sous Louis Philippe».

Совершенно вѣрное названіе. Но вѣдь во Франціи теперь третья республика. Или это неизвѣстно распорядителямъ Михайловскаго театра?

Среда.

Есть оперетка «Рипъ», изображающая какъ нѣкій американецъ проспалъ сто лѣтъ, и когда проснулся, то все окружающее, рѣзко измѣнившееся за сто лѣтъ, кажется ему смѣшнымъ и невѣроятнымъ. Нашъ ба-

летъ это своего рода Рипъ, но на-изнанку. Жизнь ушла впередъ, введенъ промысловый налогъ, открыта Манчжурская дорога, прославленъ Максимъ Горькій, телефоны не только изобрѣтены, но перешли въ руки города, на каждомъ шагу продаются граммофоны, учреждено сто двадцать пять тысячъ, а можетъ быть и того болѣе новыхъ казенныхъ должностей, сняты даже на время лѣса Исаакіевскаго собора, а нашъ балетъ остался такимъ, какимъ былъ 60 лѣтъ назадъ, и вошедшій въ залъ Маріинскаго театра можетъ вообразить себя не въ 1903, а въ 1843 году, точно онъ воскресъ въ прошедшемъ.

Такое же освѣщеніе или затемнѣніе на сценѣ, какое было при Луи Филиппѣ, та же строгая классика, антраша и пируэты, тѣ же сюжеты изъ жизни воздушныхъ фей и пашей съ острова (sic) Адрианополя. Сегодня танцуютъ абисинскій танецъ, а завтра тотъ же танецъ, перемѣнивъ костюмы, оказывается уже танцемъ стрѣлковъ Унтервальдена.

И публика въ балетѣ, какъ извѣстно, не мѣняется; по годамъ, а то и десяткамъ лѣтъ въ креслахъ и ложахъ сидятъ одни и тѣ же сюжеты въ одиночку и группами. Многихъ бы можно сдѣлать изъ папье-маше и поставить на свои абонированныя мѣста. Никто бы и разницы не замѣтилъ.

«Нѣмножко асвѣжить, нѣмножко пѣремѣнить» вужно, какъ поютъ армяне въ Баку. Ну хотя бы и кѣкъ-уокъ протанцовали. На этомъ танцѣ теперь буквально сходится съ ума Парижъ и не только танцуютъ его на

всѣхъ балахъ, въ кафе-шантанахъ, ресторанахъ и на театрахъ, но даже дамы высшаго общества берутъ уроки этого танца, уплачивая молодымъ неграмъ по 100 франковъ за урокъ!

Четвергъ.

Недѣля, слава тебѣ Господи, проходитъ. Былъ на представленіи комедіи Чехова «Дядя Ваня». Драмы тутъ нѣтъ, она даже подчасъ смѣшна, но фотографія нашей провинціальной жизни поразительна. Люди не далеко ушли отъ Конго, ничего не дѣлаютъ и задыхаются отъ скуки, подчасъ ругаются по совѣту Максима Горькаго: «другъ друга грызи, а въ грязи лежи». Томящая скука охватываетъ естественно и зрителей, скучающихъ добросовѣстно и до конца спектакля, ибо за мѣста заплачено очень дорого. Томота густымъ туманомъ облакаетъ сцену и каждое дѣйствующее лицо въ особенности.

Всѣ буквально дурѣютъ отъ скуки, и то и дѣло, что пьютъ водку, даже дамы, глядя на это пьянство, въ часъ ночи начинаютъ пить на брудершафтъ. И не удивительно, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ, самъ дядя Ваня, вдругъ схватываетъ пистолетъ и начинаетъ палить въ своего родственника и сожителей, причемъ по неумѣлости ни въ кого не попадаетъ.

Скучающая героиня также заводитъ романъ и атакуетъ доктора, по неопытности, въ моментъ, когда уже лошади заложены, когда никакой романъ при всемъ добромъ желаніи и фельдъегерской поспѣшности рѣшительно невозможенъ.

— Эдакой скуки я давно не выносилъ, — замѣтилъ на подъѣздѣ театра частный приставъ.

А ужъ не полиціи ли приходится скучать по обязанностямъ службы.

— Вамъ скучно, — замѣтилъ стоявшій около меня чиновникъ питейной монополіи. — Поѣзжайте въ устроенный комитетомъ трезвости Народный Домъ въ Александровскомъ паркѣ. Вотъ такъ заведеніе! Случается, что бываетъ по четыре тысячи подвыпившихъ проститутокъ. Премило и превесело.

Искуситель!

II.

Понедѣльникъ.

По Демчинскому слѣдовало бы быть, кажется, болѣе двадцати градусовъ жары, а вмѣсто того холодно и поливаетъ дождичекъ. Настроеніе духа мрачнѣйшее. Не смѣю однако писать въ уныломъ тонѣ, потому что, къ удивленію, узналъ, что въ нашемъ старомъ уложеніи о наказаніяхъ, которое еще пока, хотя и не надолго, дѣйствуетъ, полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка на поселеніе тому, кто будетъ стараться возбуждать въ публикѣ уныніе.

Да и есть ли у насъ времена года? Я какъ то ѣхалъ по Невскому и видѣлъ, какъ дворники сгребали сѣрый снѣгъ и сыпали бѣлый, привезенный изъ за-города. Вспомнилъ, какъ генераль Треповъ, по выраженію одного извозчика, «боролся съ Богомъ», дѣлалъ

весну, которую такъ и прозвали треповскою весною; теперь дѣлаютъ искусственную зиму... Plus ça change, plus c'est la même chose.

Итакъ, будемъ веселы хотя и на морозѣ. Г. Меншиковъ утѣшаетъ насъ къ тому же, что въ Петербургѣ климатъ вовсе не дуренъ, такъ какъ нѣтъ малярійныхъ лихорадокъ. Утѣшимся, вспомнивъ, что у насъ нѣтъ и вулкановъ, крокодиловъ, гремучихъ змѣй, летучихъ мышей-вампировъ. Впрочемъ иные люди похуже всѣхъ крокодиловъ и змѣй, и разница та, что крокодила можно, взявъ винтовку, «пристрѣлить», а человекъ-крокодила не застрѣлишь, не подпавъ подъ вышеупомянутое милое уложеніе, которое дозволяетъ дѣвицу, согласившуюся быть увезенною для вступленія въ бракъ, приговорить на восемь мѣсяцевъ «къ уединенной жизни въ домѣ родителей»; не сказано только, можно ли при этомъ сажать на цѣпь. Статья вѣроятно не примѣняется, потому что теперь родители не возмущаются побѣгами, а скорѣе рады увозу дочерей-безприданицъ, да и чаще дѣвицы и дамы увозятъ нынче молодыхъ людей, нежели обратно.

А всетаки, я думаю, дурная погода обратитъ наконецъ на себя чье-либо просвѣщенное вниманіе и какая-либо комиссія изъ разныхъ вѣдомствъ выскажется за лучшее наблюденіе за земной осью, для чего предложить учредить особыхъ инспекторовъ въ V классѣ. Предлагали же у насъ недавно учредить должности инспекторовъ рисованія. Почему такая честь именно рисованію? Съ одинаковымъ правомъ можно бы устро-

ить хорошіе оклады для инспекторовъ чистописанія, а тамъ пошли бы инспектора пищеваренія, древонасажденія и развѣшиванія флаговъ въ торжественные дни. Жаль, что нѣтъ г. Ковалевскаго, онъ былъ мастеръ на созданіе такихъ должностей.

Вторникъ.

Зашелъ въ редакцію одной газеты. Обои запылены, на столахъ навалены горы книгъ «для разбора», которыхъ никто не разрѣзывалъ, и киши разныхъ англійскихъ и голландскихъ газетъ, которыя должны яко бы просвѣщать сотрудниковъ, но къ которымъ также никто не прикасается. Вездѣ много бѣлыхъ облатокъ для наклейки вырѣзокъ и ножницъ, потому что бывали редакціи безъ сотрудниковъ, но безъ ножницъ редакцій не существовало. Посыльные то и дѣло таскаютъ пакеты съ корректурными «полосами», а отъ времени до времени являются полуослѣпшіе отъ правокъ ночью метранпажи съ запросомъ: «Что выставить, что переверстать?» Секретарь редакціи любезно выпроваживаетъ актрисъ, приходящихъ просить замолвить объ ихъ талантѣ и неслыханныхъ успѣхахъ; редактора труднѣе видѣть, чѣмъ тибетскаго далай-ламу.

Необразованная публика думаетъ, что въ газетахъ болѣе пишутъ гимназисты третьяго класса и акушерки, но это не вѣрно; пишутъ болѣе офицеры разнаго оружія, а затѣмъ генералы штатскіе и военные, служащіе и отставные; пишутъ даже стихи; пишутъ

съ большою легкостью въ мысляхъ и слогѣ, причемъ военные болѣе проповѣдуютъ о захватѣ странъ, не признающихъ еще нашего владычества, а генералы критикуютъ существующій порядокъ вещей, вспоминая съ горечью всѣ причиненныя имъ на службѣ обиды по части обхожденія чинами, наградами и мѣстами.

Зашла рѣчь, о чемъ писать? Оказывается, что какъ во времена «*Marriage de Figaro*» можно говорить о чемъ угодно кромѣ того, что въ данный моментъ наиболѣе интересуется публику; но и объ этомъ писать можно, только осторожно. Къ тому же сверхъ цензуры, закономъ установленной, такъ сказать консервативной, въ послѣднее время объявилась цензура радикальная разныхъ литературныхъ босяковъ и косноязычныхъ семинаристовъ: тутъ тоже нужно держать ухо востро, — чего добраго — обольютъ помоями, а то и совсѣмъ станутъ сживать со свѣту.

— Ну, а о еврейскомъ вопросѣ писать можно?

— Можно, но также въ предѣлахъ и тоже рискуя не понравиться съ двухъ сторонъ. Вотъ «*Новости*» подняли вопросъ о томъ, чтобы распять журналистовъ - антисемитовъ: въ нихъ - де все зло. Точно антисемиты явились такъ себѣ, здорово живешь.

Я, не будучи антисемитомъ, думаю, что о еврейскомъ вопросѣ слѣдовало бы думать постоянно, а не разбирать его только во время безпорядковъ и грабежей. Это вѣдь своего рода вопросъ эдиповскій: разрѣши, или я тебя съѣмъ! А разрѣшить целегко. На

что былъ крѣпкій народъ римляне, но и тѣ не знали, что дѣлать съ евреями. Уже Цицеронъ жалуется, что когда Помпей привелъ для своего триумфа въ Римъ въ большомъ количествѣ еврейскихъ плѣнниковъ, то они черезъ пять лѣтъ заняли выдающееся положеніе и были настолько вліятельными, что на форумѣ никому не давали говорить, если кто осмѣливался выдвигать вопросъ о еврейской эксплуатаціи и ораторы которые не хотѣли вызвать бури, должны были ихъ менажировать. Это были вѣроятно предки нынѣшнихъ сотрудниковъ «Новостей».

Евреи всюду жалуются, даже во Франціи, гдѣ не только забрали мѣста депутатовъ, префектовъ, профессоровъ, генераловъ и членовъ академій, но уже прибираютъ (конечно, мѣняя вѣру) мѣста епископовъ.

Во всякомъ случаѣ я не желалъ бы быть евреемъ въ Россіи, хотя бы было вѣрно опредѣленіе, что еврей есть жидъ, имѣющій уже милліонъ...

Среда.

Былъ въ клубѣ на оригинальныхъ преніяхъ о томъ: слѣдуетъ ли клубу кормить своихъ членовъ не на ихъ собственный счетъ, а на общественный?

Дѣло въ томъ, что всѣ клубы приплачиваютъ изъ доходовъ отъ картежной игры, происходящей преимущественно по вечерамъ и ночамъ, за обѣды, подаваемые днемъ членамъ по большей части скромнымъ холостякамъ, въ карты если и играющимъ, то по малень-

кой. Поэтому вездѣ почти клубы дѣлятся на двѣ партіи, враждебныя другъ къ другу: партію игорнаго дома и партію состоящихъ на содержаніи. Первою живутъ клубы, вторая нужна для декорума, да и составляетъ обыкновенно ядро клуба.

Но если изъ карточнаго дохода можно, какъ дѣлается за границею, брать кое-что на улучшеніе хозяйства, то нельзя требовать, чтобы, внося въ день десять или двадцать копѣекъ (среднее изъ членскаго взноса), можно было требовать обратно въ видѣ пищи рубль или два. Этого однако многіе постигнуть не въ состояніи, почему и происходятъ горячія пренія въ родѣ тѣхъ, на которыхъ я имѣлъ честь присутствовать и которыя на этотъ разъ, несмотря на содѣйствіе адвокатовъ, кончились пораженіемъ партіи игорнаго дома. За свою губительную страсть игроки обречены въ видѣ плотовъ трудиться для пропитанія болѣе добродѣтельныхъ членовъ, не забывшихъ еще, очевидно, московскую систему «кормленія».

Наказаніе не строгое, если вспомнить, что за игру въ карты, которая, кстати замѣтить, перешла къ намъ отъ малороссійскихъ казаковъ, а тѣ выучились ей вѣроятно отъ нѣмцевъ въ Германіи, куда ходили воевать въ видѣ наемныхъ войскъ, еще при Аннѣ Іоанновнѣ полагались батоги, а ранѣе того при Петрѣ—любимый имъ кнутъ, а при Алексѣѣ Михайловичѣ сверхъ кнута и рѣзаніе рукъ и пальцевъ.

Послѣднее средство едва ли впрочемъ было дѣйствительно, потому что я въ молодыхъ годахъ встрѣтилъ

управляющаго блаженной памяти Онежскаго соляного правленія, у котораго обѣ руки были парализованы, что не мѣшало ему съ помощью особаго приспособленія по цѣлымъ днямъ отлично играть въ карты и даже меня обыграть въ ландскнехтъ.

А прогоръ картъ, не могу не вспомнить еще одного пассажа изъ своей жизни. Года два назадъ явился ко мнѣ въ Парижѣ весьма джентельменистаго вида господинъ съ письмомъ отъ одного довольно извѣстнаго соціалистическаго депутата, рекомендовавшаго означеннаго джентельмена, какъ инженера и изобрѣтателя какой-то стали, ищущаго примѣненія ея въ Россіи. Господинъ ѣхалъ въ Петербургъ и просилъ рекомендаціи; я тоже туда ѣхалъ и сказалъ, что свои карточки дамъ въ Петербургѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ господинъ пожаловалъ ко мнѣ; я ему далъ рекомендацію на Обуховскій заводъ и въ одинъ изъ департаментовъ. Онъ съ довольно кислымъ видомъ повертѣлъ карточки, спряталъ въ карманъ, а затѣмъ, пере мѣнивъ разговоръ, замѣтилъ:

— Скучно у васъ въ Петербургѣ, не знаю, что и дѣлать. Гдѣ бы у васъ можно поиграть?

— Я картами не занимаюсь, отвѣтилъ я, но въ этомъ у насъ недостатка нѣтъ.

Господинъ раскланялся. Прошелъ мѣсяць. Встрѣчаю какъ-то одного знакомаго техника въ ресторанѣ.

— А вотъ курьезный случай произошелъ, говоритъ онъ, — съ однимъ французомъ, назвавшимъ себя изобрѣтателемъ. Его кто-то записалъ въ N. N. клубъ,

гдѣ идетъ здоровая игра на манчжурскія деньги. Онъ и взялъ сейчасъ же четырнадцать тысячъ. Это показалось и обиднымъ, и слегка подозрительнымъ. Кому-то и пришла прекрасная идея свести счастливича въ ZZ клубъ: тамъ имѣется сколько угодно «спеціалистовъ». Дѣйствительно, игру пріѣзжаго скоро «проникли»: новаго вѣдь по этой части уже со времени осады Трои немного прибавилось. Французъ взялъ уже тысячъ двадцать, какъ однажды, когда онъ стасовалъ карты и хотѣлъ сдавать, одинъ изъ понтеровъ сказалъ: «Атавде, пари держу, что у васъ тамъ-то тройка и шестерка». Изящный игрокъ смутился, у него взяли изъ рукъ карты, открыли и дѣйствительно нашли, гдѣ слѣдовало, тройку и шестерку.

— Что же, — спросилъ я, — били его или составили протоколъ?

— Нѣтъ, только весьма любезно просили оставить клубъ. Не хотѣли приглашать полицію, она и то на этотъ клубъ давно косо посматриваетъ. Все обошлось по семейному.

Хорошее семейство!

Изъ описанія наружности оказалось, что означенный банкометъ былъ тотъ самый изобрѣтатель, который являлся ко мнѣ съ депутатскимъ письмомъ. Не удивительно, что онъ кисло отнесся къ рекомендаціямъ въ техническія учрежденія. Ему хотѣлось, очевидно, рекомендаціи къ какимъ нибудь тароватымъ богачамъ.

Я хотѣлъ было послать рекомендательное письмо

депутата къ знакомому мнѣ Рошфору, — въ это время были выборы въ палату, — да потомъ бросилъ: подлецовъ и своихъ довольно, чтобы преслѣдовать ихъ по чужимъ странамъ!

Четвергъ.

Сидѣлъ на съѣздѣ по расширенію сбыта желѣза. Преудивительное собраніе. Впрочемъ трудно было и ждать иного: вѣдь самая идея собрать съѣздъ потребителей, а не производителей желѣза для рѣшенія вопроса объ устраненіи металлургическаго кризиса не можетъ быть признана удачной. Это все равно, какъ если бы въ Испаніи или Сициліи стало падать производство апельсиновъ, а собрали бабъ на мостахъ и приказчиковъ фруктовыхъ лавокъ, чтобы рѣшать, чѣмъ помочь бѣдной Испаніи?

Въ совѣтчикахъ и въ лекаряхъ желѣзной промышленности недостатка не оказалось. Пригласили даже официальныхъ представителей Святѣйшаго Синода, вѣроятно для того чтобы они напомнили, что и Библия указываетъ, какъ опасно не поощрять собственнаго желѣзнаго производства. А именно въ 1-й книгѣ Царствъ, при описаніи пораженія израильтянъ филистимлянами, при Саулѣ, сказано: «Ковачь желѣза не обрѣтошася во всей землѣ Израилевѣ, яко рѣша иноплеменницы, да не сотворять евреи меча и копія. И хождаху вся сынове израилевы въ землю иноплеменну, ковати кійждо свои косы и орудія свои, и сѣкиры своя, и серпы своя. И притупишася орудія приспѣвшей жатвѣ; поправленія же има не бысть».

Книга Царствъ очевидно забыта, какъ забыть и завѣтъ Петра Великаго, что «отъ рудоконныхъ заводовъ и прилежнаго ихъ устроенія земля обогатѣетъ и процвѣтетъ». По крайней мѣрѣ на съѣздѣ, куда я заходилъ изъ любопытства нѣсколько разъ, я наслушался преудивительныхъ вещей.

Заводчиковъ на съѣздѣ не было замѣтно, но я встрѣтилъ четырехъ моихъ знакомыхъ, завѣдомо тронутыхъ, даже сидѣвшихъ на 11-й верстѣ: вѣроятно, они носили въ головахъ какія либо изобрѣтенія или проекты, о которыхъ искали случая поговорить. Но и безъ ихъ участія дѣло шло не дурно.

Говорилъ какой-то нѣмецъ на такомъ русскомъ языкѣ, что нельзя было понять рѣшительно ни одного слова; говорили какіе-то мрачные уѣздные земцы, плотные и съ длинными бородами, заявляя, что желѣзо дорого, и если его сдѣлать въ десять разъ дешевле, все равно для обѣднѣвшаго мужика будетъ дорого, но какъ продать пудъ желѣза за гривенникъ, когда онъ себѣ стоитъ не дешевле рубля, никто изъ этихъ господъ не разъяснилъ.

А то выйдетъ какой нибудь господинъ и заявитъ прямо, что никакая желѣзная промышленность Россіи вовсе не пужна. Другой для расширенія сбыта желѣза предложилъ всѣ нынѣшніе заводы закрыть и вмѣсто нихъ построить новые улучшенные, на другихъ мѣстахъ и строго специализированные. Кто же покроетъ убытки отъ этой операціи въ 220 милліоновъ рублей и дастъ новые 200 милліоновъ рублей, конечно, не

было рѣчи. Одинъ господинъ предлагалъ воспретить разъ на всегда вывозъ всѣхъ товаровъ изъ Россіи, а для удешевленія кредита взять и платить по государственнымъ долгамъ вмѣсто четырехъ два или три процента. Это онъ называлъ конверсіей!

Были такіе, что говорили длинныя рѣчи о пользѣ желѣза, точно мы живемъ еще въ мѣдномъ вѣкѣ и желѣзо представляется новостью, какъ радій. Вообще говорили долго, безсистемно, дико, мимо вопроса.

Одну только хорошую рѣчь я и слышалъ, это рѣчь г. Максимова о нашей желѣзнодорожной политикѣ. Ораторъ поступилъ на манеръ Гоголевской унтеръ офицерши, мастерски раскритиковавъ эту политику, что было сдѣлать ему тѣмъ легче, что онъ одинъ изъ отцовъ означенной политики.

Всѣ рѣчи г. Ковалевскій, который, кстати сказать, напоминаетъ по наружности президента Лубэ, съ ангельскимъ терпѣніемъ и пріятною улыбкою выслушивалъ и очень искусно резюмировалъ, извлекая даже изъ завѣдомой ерунды какіе-то кубическіе корни капелекъ здраваго смысла и сближая рѣзкія противоположности. Про него кто-то весьма остроумно замѣтилъ, что если бы Владиміръ Ивановичъ присутствовалъ при постройкѣ Вавилонской башни, то, несмотря на смѣшеніе языковъ, башня была бы достроена.

Одинъ ораторъ упрекалъ, что заводчики знаютъ только одно слово: «просить».

— Что же, — могъ бы отвѣтить на это кто либо изъ отсутствовавшихъ заводчиковъ, — просить совѣ-

туеть даже Писаніе; оно говоритъ также: «толцые». Къ сожалѣнію, мы не можемъ толкать въ шею тѣхъ, кого просимъ. Толочь же воду на подобныхъ сѣздахъ признаемъ лишнимъ.

Пятница.

Седьмой годъ меня растираетъ по утрамъ массажистъ, и такъ какъ въ это же время приносятъ газеты, то онъ неизмѣнно спрашиваетъ съ участіемъ, видя мое меланхолическое настроеніе:

— А что, еще опять немного послабѣе?

И дѣйствительно за послѣдніе годы не было почти дня, чтобы я, едва протеревъ глаза, не прочелъ въ биржевой хроникѣ: съ дивидендными бумагами было слабо, слабѣе или потише, а то вяло, угнетенно, бездѣятельно или значительно слабѣе. И это не только «въ недѣлю о разслабленномъ», но во всѣ 52 недѣли, когда угодно—и зимою, и лѣтомъ, и осенью. Хуже пожалуй петербургской погоды! А какъ вспомнишь миѳическія времена 1894, 1895 гг., когда даже новорожденные младенцы, попросивъ своихъ мамокъ купить какихъ нибудь глѣбовскихъ или сормовскихъ, уже на другой день видѣли, какъ ихъ богатства увеличивались и не только на бумагѣ, но въ дѣйствительности! Каждый могъ приказать банку продать, сдать приказу такого-то, получить деньги и кредитовать свой счетъ. Но никто ни приказывалъ, не сдавалъ и не кредитовалъ своихъ счетовъ. Всѣ вѣрили и всѣ чего-то ждали, пока не дождались—не мельхіоровыхъ под-

стаканниковъ Кача, а краха, ддящагося уже семь лѣтъ, какъ голодъ при фараонѣ. Продавали и сдавали только два, три счастливика, нажившіе милліоны, за то боги на Олимпѣ, завидующіе, какъ извѣстно, счастью смертныхъ, и не дали имъ насладиться благополучіемъ и прибрали ихъ къ себѣ ранѣе срока.

Тѣ же игроки, что остались, разсѣялись по лицу земли: греки уѣхали къ себѣ на Архипелагъ ловить губки, жидаы скрылись въ черту осѣдлости, дамы подъ вуалемъ, болѣе всѣхъ потерявшія, поѣхали за путейцами на постройку питательныхъ вѣтвей.

Люди глупые думаютъ, что есть какая-то наука биржевой игры, преисполненная махинацій, что есть злодѣи на биржѣ, задумывающіе ограбленіе публики и т. п. На дѣлѣ все это гораздо проще и дѣлается какъ-то само собою. Бываютъ моменты, что откуда-то являются деньги, и кому написано на «доскахъ предопредѣленія», тотъ наживаетъ разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ; это бываетъ обыкновенно послѣ разныхъ войнъ съ крупными подрядами или послѣ выкуповъ и конверсій, а затѣмъ неизмѣнно наступаютъ голодные годы.

И вездѣ то же самое. Вѣнская биржа голодала тридцать лѣтъ. У меня есть милый пріятель въ Парижѣ, биржевой маклеръ; въ Парижѣ это фигура, ибо за одно право быть маклеромъ платятъ милліона полтора. Онъ предложилъ мнѣ какъ-то позабавиться испанскими бумагами. «Je ferai tout comme pour moi même», сказалъ онъ, не спросивъ ни денегъ, ни обезпеченій, ни

взноса разницъ, *couverture*, какъ называется послѣднее на биржевомъ языкѣ.

Вотъ я сижу этакъ мѣсяцевъ шесть и получаю каждыя двѣ недѣли аккуратно, сначала письмо, а потомъ и *compte de liquidation, fin courant*, заканчивающійся неизмѣнно *debit'омъ*, т. е. убыткомъ въ столько-то тысячъ франковъ. И на все имѣются разумныя объясненія, не въ счетахъ конечно, а въ газетахъ; то какой-то претендентъ явился въ Марокко (а мнѣ-то до него что за дѣло), то булочники въ Барселонѣ сдѣлали стачку, то испанскій министръ финансовъ подалъ въ отставку. Это вѣроятно былъ какой нибудь геній, потому что бумаги, даже государственныя, упали въ одинъ день на шесть процентовъ. Главная же бѣда, что не повышается въ Испаніи вексельный курсъ.

Я вспомнилъ, что въ Крымскую войну въ Одессѣ, когда еще не было днѣстровскаго водопровода и воду возили изъ колодцевъ, пришелъ къ моей матери водовозъ и заявилъ, что воду по 40 копѣекъ за бочку онъ возить не согласенъ.—Почему?—«Курца» упала, т. е. упалъ нашъ вексельный курсъ!

Тогда я долженъ былъ жаждать изъ-за курса, а теперь вѣроятно буду голодать, потому что дебетъ въ ликвидаціонныхъ счетахъ еще только цвѣточки: къ нему въ видѣ ягодокъ каждыя 2 недѣли прибавляются налоги, коммисіонныя, куртажныя и расходы на репоры, съ начетомъ процентовъ на проценты. Я и понялъ горькое значеніе словъ «буду дѣлать, какъ бы

для себя»: посредники вѣдь никогда не теряютъ, какіе бы претенденты въ Мароко ни появлялись...

Курсъ въ Испаніи же, какъ и въ Одессѣ послѣ словъ водовоза, никогда не поправится. Дѣло въ томъ, что въ Мадридѣ сидитъ шайка банкировъ, которымъ принадлежатъ акціи Испанскаго банка; они и дѣлаютъ что хотятъ съ выпускомъ бумажныхъ денегъ и курсомъ. Сдѣлавъ хорошую привычку получать по 15⁰/₀ дивиденда по акціямъ своего банка, эти мошенники и знать не хотятъ ни испанскихъ министровъ, ни парламента, видные представители котораго у нихъ въ карманѣ.

Тутъ уже никакая качуча не разгонитъ моей меланхоли. Я знаю впрочемъ вѣрное средство сдѣлать выгодную спекуляцію, хотя и не на биржѣ. Это, если вамъ нужно отрѣзать руку или ногу или вообще сдѣлать хирургическую операцію, то дѣлать ее не за границей, а въ Петербургѣ. По добротѣ нашихъ хирурговъ, а можетъ быть по бѣдности русской публики, операціи здѣсь обходятся въ десять разъ дешевле, чѣмъ за границею.

Я уже осуществилъ какъ-то подобную «разницу». Одинъ знаменитый въ Парижѣ хирургъ, который беретъ тысячи по двѣ, только чтобы отрѣзать мозоль, пощупавъ меня, любезно сказалъ: «Тутъ только такъ слегка черкнуть навкрестъ скальпелемъ, и не замѣтите».

— Благодарю за совѣтъ, но осуществлю его въ своемъ отечествѣ,—сказалъ я съ адской улыбкою.

Хирургъ остался въ пиковомъ интересѣ, а я на-версталъ хотя маленькую толику своихъ испанскихъ убытковъ.

Досадно однако, что операція, какъ увѣряютъ врачи нехирурги, была совершенно излишня!

Признаюсь, что картина двухъ хирурговъ и фельдшера въ бѣлыхъ балахонахъ съ какими-то громадными бутылками антисептическихъ жидкостей и фунтами гигроскопической ваты меня позабавила. Въ Петербургѣ такъ мало развлеченій...

Суббота.

Хирурги у насъ дешевле парижскихъ, а вотъ пообѣдать порядочно такъ дѣйствительно стоитъ дороже. Въ хорошихъ ресторанахъ платятъ въ Петербургѣ ровно столько рублей, сколько въ Парижѣ франковъ, причемъ и ѣдятъ хуже, да и слушаютъ исполняемыя цыганскимъ оркестромъ шансонетки, которыя въ Парижѣ вышли уже изъ моды.

Ресторанное дѣло между тѣмъ выгодно. Ресторанъ Кюба въ короткое время перешелъ въ третьи руки, и каждый разъ съ большою надбавкою. Почему же нѣтъ конкуренціи? Или хорошіе повара рѣдки?

Говорятъ, уже римляне платили за хорошаго повара-раба въ двѣнадцать разъ дороже, чѣмъ за раба-философа или грамматика.

Музыканты и пѣвцы цѣнились также дорого; красивая и молодая музыкантша стоила иногда до 10 и 12 тысячъ рублей. Но, по словамъ Тацита, литература

не вела къ богатству; впрочемъ скупой императоръ Веспасіанъ подарилъ однажды поэту Салейюсу Бассусу 500,000 сестерцій (около 33,000 рублей).

Цѣна рабовъ вообще очень измѣнялась по профессіямъ. Хотя обыкновенная цѣна раба въ цвѣтуція времена Аѳинской республики была отъ шестидесяти до семидесяти пяти рублей по нынѣшнему курсу денегъ, но самая высокая плата была за рабовъ, знавшихъ горное дѣло. Въ Греціи Никіасъ, сынъ Никератуса, горный промышленникъ, заплатилъ за раба горнаго инженера сто тысячъ рублей. Имя его, показывающее, что горная профессія высоко цѣнилась гораздо раньше, чѣмъ наши криворожскія и бахмутскія помѣщицы продали свои «нѣдра» бельгійцамъ, слѣдовало бы написать золотыми буквами на стѣнахъ инспекторскаго отдѣленія горнаго департамента, куда обращаются за рекомендаціями опытныхъ инженеровъ. Никто бы тогда не жаловался на дороговизну.

Воскресенье.

Моя замѣтка о людоедствѣ въ Конго, появившись въ «Новомъ Времени», произвела, говорятъ, большой эффектъ и сдѣлалась модною темою разговора на два дня. Многіе желали прочесть книгу барона Манда Грансея въ подлинникъ и бросились въ наши тощіе теперь французскіе книжные магазины, гдѣ, конечно, книги не нашли. Вмѣсто того имъ предложили, какъ новость, сочиненія Корнеля и Расина.

По этому поводу я вспомнилъ анекдотъ о нашемъ

поэтѣ-дипломатѣ, извѣстномъ славянофилѣ Тютчевѣ. Онъ возилъ какого-то иностраннаго посла по Царскосельской желѣзной дорогѣ и спросилъ его о впечатлѣніи.

Посоль поморщился и отвѣчалъ, что все очень мило, но пейзажъ немного triste.

— *Triste peut être, mais très littéraire,*—отвѣчалъ остроумный Тютчевъ,— *il n'y a que des Racines* (корни) *et des Corneilles* (вороны).

— Ну, батюшка, чортъ знаетъ что такое вы написали,—сказалъ мнѣ одинъ пріятель. Послѣ вашей статьи я сдѣлался вегетарианцемъ; я никогда не любилъ мяса, а теперь совсѣмъ не могу его ѣсть; все кажется, что жую живую негритянку.

Другіе же, наоборотъ, прочитавъ мой маленькій фельетонъ, получили плотоядные инстинкты и готовы, кажется, не уѣзжая въ Конго, гдѣ изъ русскихъ былъ кажется только одинъ нашъ извѣстный путеецъ г. Кологривовъ, обратиться въ людоѣдовъ.

По крайней мѣрѣ сидя въ балетѣ и смотря, какъ скакали «четыре четверки и двѣ растопырки» (что по балетному называется *pas de six*), я собственными ушами слышалъ слѣдующій разговоръ:

— Недурно бы зажарить на кокосовомъ маслѣ госпожу Ваганову или Трефилову?

— А я бы Карсавину такъ просто сырую съѣлъ, замѣтилъ, пощелкивая зубами, толстый штатскій генералъ, который кажется одинъ могъ бы скушать свободно половину кордебалета.

КАКІЯ ЖЕНЩИНЫ ПРАВЯТСЯ.

Американскій філософъ, соціологъ и моралистъ Реффордъ Пайкъ изслѣдовалъ въ журналѣ «The Cosmopolitan» вопросъ: «Какія женщины нравятся мужчинамъ?» Интересная статья американца разобрана и пополнена Фагэ въ «Revue Bleue». Обыкновенно нѣсколько напыщенный академикъ и театральнй критикъ «Débats» отличился на этотъ разъ игривостью тона.

На заданный Пайкомъ вопросъ отвѣчалъ уже раньше Шопенгауеръ. Великій нѣмецкій философъ не признаетъ какого либо общаго закона или правила для того, чтобы мужчины или женщины нравились другъ другу. По теоріи Шопенгауера, которой сочувствуетъ и Фагэ, какъ бы некрасивъ ни былъ субъектъ, онъ кому нибудь да понравится, пбо влеченіе половъ другъ къ другу явленіе стихійное, такъ какъ природа стремится къ продолженію, а не къ уничтоженію чело-вѣческаго рода.

Американскій философъ смотритъ иначе. По его мнѣнію, которое кстати сказать соотвѣтствуетъ мнѣнію

г. Вопросительнаго знака въ книгѣ «О женщинахъ», извѣстные мужчины нравятся всѣмъ женщинамъ, тогда какъ обратные случаи наблюдаются очень рѣдко. Это доказываетъ, что женщины въ нравственномъ отноше- нїи отлиты въ одну общую форму и представляютъ гораздо менѣе разнообразїя чѣмъ мужчины. Дѣло ли это воспитанїя, профессїи или чего другого, неизвѣстно, но это фактъ.

Фагэ съ этимъ несогласенъ, хотя не отрицаетъ обще- извѣстнаго факта, что мужчины некрасивые или такіе, которыхъ мужчины находятъ некрасивыми, имѣютъ бо- лѣе успѣха у женщинъ, чѣмъ красавцы. Фагэ объяс- няетъ это очень просто: женщины боятся красивыхъ мужчинъ, увѣрены или боятся, что красивые мужчины преувеличеннаго о себѣ мнѣнїя, недоступны и въ осо- бенности невѣрны. Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, фактъ этотъ опровергаетъ теорїю Пайка; существуетъ одинъ типъ красоты, тогда какъ некрасивымъ можно быть на сто ладовъ; слѣдовательно, по мнѣнію ака- демика, нельзя увѣрять, что только одинъ типъ нра- вится женщинамъ. Мнѣ кажется, что Фагэ не совсѣмъ точно понялъ мысль Пайка; послѣдній не разумѣлъ, что одинъ только типъ нравится женщинамъ, но ка- ждый типъ, нравящійся женщинамъ, понравится всѣмъ женщинамъ безъ исключенїя.

По мнѣнію Пайка, красавицы не нравятся мужчи- намъ. Ими восхищаются, но ихъ не любятъ. Фагэ почти согласенъ съ этимъ, но находитъ выводъ мате- матически трудно доказываемымъ, ибо число милovid-

ныхъ (jolies) женщинъ, къ счастью, очень велико, тогда какъ число красавицъ (belles) чрезвычайно мало, и потому никакая точная статистика для сравненія невозможна. Что какая нибудь красавица осталась незамѣченною, можно объяснить чистою случайностью и ничего еще не доказываетъ.

Гораздо болѣе, чѣмъ женщины красивыя, нравятся мужчинамъ, по словамъ Пайка, женщины граціозныя. Грація же заключается, по вѣрному опредѣленію Дидро, въ полномъ соотвѣтствіи движеній съ натурою самого движенія. Поэтому-то танцы у всѣхъ народовъ считаются какъ бы предисловіемъ къ любви; они позволяютъ выказать грацію во всемъ ея совершенствѣ. Хотя танцы высшее выраженіе граціи, но уже одной походки женщины достаточно, чтобы опредѣлить ея граціозность. *Et vera incessu patuit dea*, говоритъ *Виргилій* о Венерѣ, т.-е. что «она уже въ походкѣ выказала себя богиней».

Третье качество, чтобы женщинѣ нравиться мужчинамъ, по словамъ американца, это быть изящной — элегантною, т.-е. умѣть дать себѣ красивую обстановку, умѣть хорошо одѣваться и со вкусомъ устроить свою квартиру. Для умѣнья одѣваться надобно быть въ извѣстной степени художникомъ, понимать красоту линий и сочетаніе красокъ. Квартиру элегантная женщина должна устроить вполне соотвѣтственно своей наружности, иначе она будетъ всегда имѣть видъ не хозяйки, а гостыи въ своей собственной квартирѣ. И *Шопенгауеръ*, и *Фагэ* въ этомъ случаѣ подтверждаютъ вы-

водъ Пайка. Элегантность преимущественно должна дѣйствовать на мужчинъ, потому что этого качества у послѣднихъ не хватаетъ, особенно по части костюма, который уже съ начала XVII столѣтія представляетъ верхъ безобразія.

Наиболѣе спорно четвертое положеніе Реффорда Пайка. Чтобы нравиться мужчинамъ, женщина должна быть еще пряма и откровенна. Онъ впрочемъ иронически прибавляетъ, что прямодушіе въ женщинѣ качество тѣмъ болѣе привлекательное, что оно встрѣчается чрезвычайно рѣдко.

Фагэ въ этомъ случаѣ рѣзко возстаетъ противъ Пайка. Отдавая дань уваженія прямодушію, онъ находитъ, что излишняя откровенность лучшій способъ убить любовь въ самомъ началѣ. Не состоитъ ли вѣжливость и правила этикета въ искусствѣ «лгать на половину»? Известно, что женщины проницательны, а мужчины самолюбивы. За рѣдкимъ исключеніемъ женщина, даже очень обыкновенныхъ умственныхъ способностей, видитъ сразу всѣ недостатки мужчины; она ихъ извиняетъ, смягчаетъ, но замѣчаетъ; она рассуждаетъ совсѣмъ по-женски: «Онъ мнѣ и такъ нравится». Какой однако мужчина полюбитъ женщину, которая выложитъ передъ нимъ все, что замѣтила въ немъ дурного? По всей вѣроятности Пайкъ подъ словомъ «прямая» разумѣлъ женщину, которая не кокетка и не лжетъ, когда ей нѣтъ въ томъ расчета. Фагэ разбираетъ разные виды женской лжи и находитъ, что ложь изъ вѣжливости, добродушія, снисходительности, съ

благотворительною такъ сказать цѣлью можетъ быть допускаема въ виду склада нашей общественности. Удовлетворяя же буквально требованію Пайка, женщины стали бы несносны и сдѣлали бы свѣтскую жизнь невозможною.

Въ заключеніе своего разбора Фагэ находитъ у Пайка два важные пробѣла; женщина, чтобы нравиться всѣмъ, должна имѣть еще два качества: быть любящею — *aimante* и затѣмъ веселою. Веселость едва ли не самое важное качество; «если веселость сама по себѣ не счастье, то она путь или монета для счастья». Короче говоря, — заключаетъ нашъ академикъ, — если мужчина болѣе всего ищетъ въ женщинѣ доброты и веселости, то потому, что онъ самъ эгоистъ и скучень.

Въ вышеприведенной полемикѣ замѣчательно одно, что въ нашъ вѣкъ феминизма въ числѣ средствъ для женщины нравиться ни у американца, ни у француза нигдѣ нѣтъ намека на умъ и на умственные качества, а тѣмъ болѣе на обширность познаній. Впрочемъ еще древніе греки, умнѣйшіе изъ народовъ, находили, что высокій лобъ, признакъ ума, — большой недостатокъ для женщины.

Можетъ быть такого качества трудно требовать отъ женщинъ, когда сами женщины, даже такія, которыя стояли во главѣ эмансипаціоннаго движенія, сомнѣвались въ умственныхъ качествахъ женщины. Въ томъ же выпускѣ «Revue Bleue», гдѣ напечатанъ этюдъ Фагэ, напечатана статья объ отношеніяхъ Жоржъ Зандъ къ знаменитому автору «Parole d'un croyant» Ламнэ.

Жоржъ Зандъ преклонялась передъ Ламнэ, но онъ относился довольно скептически къ ея идеямъ и не признавалъ даже развода. Несмотря на различіе воззрѣній, дружбы ради, Жоржъ Сандъ все-таки помѣстила рядъ статей въ журналъ Ламнэ «Monde» объ эмансипаціи женщины (Lettres à Marcie). Въ этихъ статьяхъ знаменитая защитница равноправности женщинъ даетъ послѣднимъ слѣдующую не очень лестную характеристику: «Женщины, я никогда не сомнѣвалась, что, несмотря на ваши недостатки, ваши пороки, вашу необычайную лѣнь, ваше глупое кокетство, вашу фривольную пустоту, есть что-то въ васъ чистое, восторженное, невинное, великое и великодушное, что мужчины или потеряли, или еще не приобрѣли. Вы прекрасныя дѣти. Ваша голова слаба, воспитаніе жалко, предусмотрительность ничтожна, голова пуста и способность мышленія безжизненна».

Такая атестація даровитѣйшей изъ женщинъ новѣйшаго времени сдѣлана, положимъ, до современнаго воспитательнаго движенія среди женщинъ, но за шестьдесятъ лѣтъ вкусы женщинъ, сложившіеся тысячелѣтіями, не могли измѣниться. Почему вѣроятно женщины и продолжаютъ, чтобы нравиться, зачесывать себѣ волосы на лобъ или закрываютъ послѣдній завитушками.

О РУССКОМЪ ПЛАТЬѢ.

Художникъ С. С. Соломко жаловался въ «Новомъ Времени», что его не пустили въ два ресторана, какъ одѣтаго въ «русское платье», а именно въ кафтанъ, сдѣланномъ по образцу кафтана, который царь Петръ носилъ въ Голландіи. Эга жалоба вызвала со стороны редакціи «Новаго Времени» замѣчаніе: «Какъ плотно втолкнулъ въ русскую жизнь Петръ Великій уваженіе къ иностранной одеждѣ. Наканунѣ празднованія двухсотлѣтія Петербурга въ рестораны не пускаютъ въ одеждѣ, напоминающей древне-русскую. А чѣмъ костюмъ г. Соломки, изображенный на рисункѣ (напечатанномъ въ газетѣ), хуже пиджака?»

Прежде чѣмъ упрекать Петра Великаго за его «вталкиваніе» въ русскую жизнь уваженія къ иностранной одеждѣ, нужно уяснить себѣ: почему костюмъ г. Соломки въ его *manches à gigot* «русскій» и почему пиджакъ костюмъ не русскій? Здѣсь, я думаю, кроется большое недоразумѣніе.

Что такое русскій и вообще національный костюмъ? Есть ли костюмы, которые специально приурочены природою извѣстной національности и такъ и остаются неизмѣнными? Можно положительно сказать, что таковыхъ костюмовъ нѣтъ. Одежда, какъ и всѣ другія условія быта, подвергается съ теченіемъ времени постоянному измѣненію подъ самыми разнообразными вліяніями: религіозными, культурными и политическими.

Кто бы напримѣръ думалъ, что костюмъ персидскихъ женщинъ въ богатыхъ гаремахъ заимствованъ въ значительной части изъ костюма балетныхъ танцовщицъ? Между тѣмъ современные балетныя тюники, уже частью бросаемаы за границей, — вещь сравнительно новая и въ свою очередь взяты изъ прозрачныхъ костюмовъ французскихъ *merve Heuse* конца XVIII столѣтія. До прошлаго столѣтія танцовщицы носили совсѣмъ другіе туалеты, совсѣмъ не воздушные.

Старѣйшіе славянскіе костюмы можно видѣть на барельефахъ Траяновой колонны въ Римѣ. Это люди въ войлочныхъ колпакахъ, холщевыхъ рубашкахъ и штанахъ. Ближе всего напоминаютъ они нынѣшній костюмъ малороссовъ. Костюмъ такъ элементаренъ, что, конечно, трудно вообразить себѣ русскихъ, какъ и другихъ славянъ, даже въ доисторическую эпоху, когда они приняли человѣческій видъ, иначе какъ въ рубахахъ, шароварахъ, сермягахъ, тулупахъ, лаптяхъ, а женщинъ въ рубахахъ и запаскахъ. Это пожалуй «русскій» костюмъ.

Но костюмъ мало-мальски зажиточныхъ классовъ, еще съ первымъ появленіемъ государственности, сталъ подвергаться иноземнымъ вліяніямъ. Прежде всего замѣтно сильно византійское вліяніе, особенно на женщинахъ. Оно продолжалось весь удѣльный періодъ, хотя черезъ варяговъ и другимъ путемъ вліяли ужъ и тогда западные образцы. Со времени татарскаго ига сильно сказалось татарское вліяніе, которое и до сихъ поръ существуетъ даже во многихъ названіяхъ русскаго костюма; черезъ татаръ, а можетъ быть и непосредственно проникло къ намъ въ узорахъ и пр. персидское вліяніе. Въ XVII столѣтіи присоединилось польское вліяніе: польскія шубы, откидные рукава, взятые изъ польскихъ кунтушей, полусапожки съ высокими каблуками и проч.

Съ Петра вошли отчасти силою, отчасти подъ вліяніемъ моды одежды венгерскія и особенно нѣмецкія. Съ Елисаветы французское платье стало обязательно для культурнаго класса, съ Павла I на мужской костюмъ повліяли англійскія моды. Ихъ вліяніе все расширяется, потому что мы видимъ теперь десятки тысячъ фабричныхъ рабочихъ, не говоря уже о прислугѣ, дворовыхъ и городскихъ жителяхъ, одѣтыхъ въ «спинжаки» и «пальмерстоны» и носящихъ, даже лѣтомъ, резиновыя калоши. На женскіе костюмы и въ просто-народьѣ имѣло огромное вліяніе развитіе хлопчатобумажной промышленности и замѣна домашнихъ набоекъ ситцами. И въ деревенскомъ мужскомъ крестьянскомъ костюмѣ, если сравнивать рисунки старыхъ путешественниковъ, видно даже въ глухихъ мѣстно-

стяхъ измѣненіе за нѣсколько столѣтій и безъ «вталакиванія» Петра. Измѣнились съ вѣками и костюмы казачьяго населенія, вообще консервативнаго.

Какой же, спрашивается, русскій костюмъ хочетъ возстановить г. Соломко? Повидимому, онъ боярскій костюмъ XVII столѣтія считаетъ почему-то спеціально русскимъ. Но костюмъ этотъ настолько же русскій, какъ спинжаки и картузы русскаго фабричнаго.

Русскій костюмъ во времена поѣздки Петра въ Голландію былъ вовсе не русскій, а на двѣ трети восточный: ферязь (турецкое платье ферадже), кафтанъ (тоже турецкое платье, отчего были турецкіе кафтаны), кафтанецъ, чюга, на головѣ тафья, кушакъ и т. д.

Неудивительно, что когда Аксаковы и Хомяковъ на дѣли въ 40-хъ годахъ костюмъ Московской Руси, то простой народъ въ Москвѣ ихъ принималъ за армянъ или тирольцевъ и былъ въ значительной степени правъ.

Затѣмъ, если бы можно было доказать, что костюмъ царя Петра въ Голландіи былъ не на одну десятую, а даже на девять десятыхъ русскій, то теперь, за двѣсти слишкомъ лѣтъ, онъ, съ измѣненіемъ моды и понятій пересталъ уже быть вовсе таковымъ и сталъ костюмомъ чисто маскараднымъ.

Владиміръ Мономахъ или Иванъ Грозный были несомнѣнно русскіе люди, но если бы кто нарядился въ ихъ костюмы, то конечно былъ бы на Невскомъ проспектѣ задержанъ полиціей, потому что въ маскарадномъ платьѣ ни въ какой странѣ никто не допускается

гулять на улицахъ, кромѣ разрѣшенныхъ дней публичныхъ маскарадовъ или прогулокъ ряженыхъ.

Уже ранѣе г. Соломки, капитанъ Павель Шиповъ предлагалъ въ особой книгѣ ¹⁾ вернуться къ платью XVII столѣтія, но я считаю это такъ же невозможнымъ, какъ и возстановить въ Россіи другія условія быта того времени. Вѣроятно, есть серьезныя причины, почему извѣстное платье носится одинаково въ различныхъ странахъ, а чисто національныя, или считаемыя таковыми, костюмы остаются и забываются. Нельзя видѣть въ этомъ одно обезьянство. Извѣстный художественный критикъ, покойный Шарль Бланъ, въ своей классической книгѣ «L'art dans la parure et dans le vêtement» прекрасно доказалъ, что въ одеждѣ и украшеніяхъ тѣла только кажется, что прихоть играетъ роль. Въ дѣйствительности онѣ строго подчиняются извѣстнымъ физическимъ и эстетическимъ законамъ. Самыя фривольныя измѣненія моды—и тѣ имѣютъ свои разумныя основанія.

*
* * *

Вышеозначенная статья вызвала возраженіе со стороны г. Шипова, напечатавшаго двѣ статьи въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и г. М. Левицкаго, помѣстившаго два фельетона въ газетѣ «Котлинъ». Оба автора, изъ которыхъ послѣдній обладаетъ начитанностью, ничего однако существеннаго не высказали,

¹⁾ П. Шиповъ. О русской одеждѣ.

а повторили мысль, противъ которой и я не возражалъ, а именно что слѣпое обезьянское подраженіе Западу нелѣпо, и что слѣдуетъ, не отказываясь отъ позаимствованій, въ примѣненіи вносить и свое самобытное. Да такъ оно всегда и было.

О ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ДРЕВОНАСАЖДЕНІИ.

Г. Горожанинъ, помѣщающій въ «Новомъ Времени» по большей части наивныя замѣтки о городскомъ благоустройствѣ, предложилъ двухсотлѣтній юбилей основанія Петропавловской крѣпости (ибо городъ въ устьѣ Невы существовалъ гораздо ранѣе, а столица здѣсь учреждена только въ 1712 г.) ознаменовать какимъ-то праздникомъ древонасажденія, причемъ мечталъ уже видѣть улицы Петербурга превращанными въ «аллеи березъ или благоухающихъ липъ». Для этого г. Горожанинъ предложилъ, по примѣру Запада, сажать по улицамъ не «аршинные отростки, годные на растопку», а многолѣтнія деревья въ листьяхъ и съ плодами и взять для этого на расходы часть изъ тѣхъ десятковъ тысячъ рублей, которые городъ назначилъ на украшенія и развлеченія по случаю юбилея.

Нѣсколько зная, во что обходится древонасажденіе на Западѣ, а именно въ Парижѣ, гдѣ это дѣло лучше всего ведется, могу засвидѣтельствовать, что мысль

обратить улицы нашей столицы съ ея уродливыми зданіями въ новоказарменномъ стилѣ въ благоухающія аллеи относится къ области очень пылкой фантазіи; да и вообще надежда гулять по благоухающимъ аллеямъ на Гороховой или Садовой относится къ области скорѣе маниловскихъ мечтаній.

Стараться намъ тянуться по части древонасажденія за Западомъ вообще нечего. Если смотрѣть на Парижъ съ Эйфелевой башни или на Петербургъ съ купола Исаакіевскаго собора, то сразу видишь огромныя преимущества нашей столицы передъ Парижемъ, такъ еще много сохранилось у насъ площадей, парковъ, садовъ, не говоря уже о Невѣ съ ея рукавами, вносящихъ въ городъ массу воздуха. Затѣмъ, Петербургъ окружаютъ дачи и пустыри, а Парижъ—сплошь застроенное пространство и десятки городовъ съ сотнями тысячъ жителей.

Очевидно, потребность въ посадкѣ деревьевъ въ Парижѣ другая, чѣмъ въ Петербургѣ; онъ и старается ее удовлетворить, хотя и съ превеликимъ трудомъ и громадными затратами. Всего въ Парижѣ имѣется около 80,000 деревьевъ. Посадка каждаго изъ нихъ обошлась свыше 80 франковъ (30 рублей), а всѣхъ вмѣстѣ болѣе 2¹/₂ милліоновъ рублей. Ежегодное содержаніе деревьевъ обходится около 14 франковъ (5 р. 25 к.) каждаго, или всѣхъ вмѣстѣ свыше полумилліона рублей. Эти цифры для громаднаго бюджета Парижа не кажутся тяжелыми, для насъ же онѣ совершенно невыносимы.

Деревьями въ Парижѣ обсаживаются не узкія улицы, а широкіе avenues и бульвары. У насъ такой ширины проѣздовъ и не имѣется, такъ какъ не хватаетъ даже мѣста для приличныхъ тротуаровъ.

Посадка деревьевъ не производится въ Парижѣ, какъ у насъ, втыканіемъ дрекольевъ. Для каждаго дерева вырывается колодезь, наполняемый соотвѣтственнаго качества землею. Снаружи дерево прикрывается, пока молодо, желѣзною рѣшеткою, а навсегда по уровню тротуара широкою чугунною рѣшеткою изъ отдѣльных частей, которая два и болѣе раза въ годъ снимается и поверхность очищается тщательно отъ сора и пыли; поливка идетъ постоянная. Вообще уходъ самый тщательный. Если дерево чахнетъ, его сейчасъ же выкапываютъ и съ корнями на гигантской спеціальной повозкѣ стоя увозятъ за городъ, гдѣ лечатъ посадкою на время въ особую подходящую почву. Въ Парижѣ лечатъ деревья, а у насъ и людей-то лечить не хватаетъ денегъ. Нѣтъ даже мѣстъ пріютить всѣхъ рожающихъ, такъ что нерѣдки случаи рожающихъ на улицахъ.

Несмотря на огромные труды и затраты, искусственная растительность Парижа вовсе не въ блистательномъ положеніи, несмотря на то, что климатъ его не идетъ ни въ какое сравненіе съ петербургскимъ, отличаясь ровностью, умѣренною влажностью, теплою и отсутствіемъ жарко-сухихъ и морозныхъ дней. Посаженные деревья въ Парижѣ всетаки скоро гибнутъ, а между тѣмъ требуютъ много воды, которою

Парижъ небогатъ, и служатъ источникомъ размноженія комаровъ, которые лѣтомъ надоѣдаютъ жителямъ улицъ съ аллеями. Кромѣ того отъ завязей евкалиптуса идетъ какая-то пыль, производящая накожную болѣзнь.

Замѣчено, что на улицахъ и площадяхъ деревья въ Парижѣ покрываются листьями почти мѣсяцемъ позже чѣмъ въ окрестностяхъ и теряютъ листву почти мѣсяцемъ ранѣе. Когда Государь Императоръ въ 1896 г. былъ въ Парижѣ, въ паркахъ около города держались еще на деревьяхъ листья, а на улицахъ, гдѣ проѣзжалъ торжественный кортежъ, пришлось надѣть на деревья искусственные листья изъ особой непромокаемой бумаги.

Причинъ, почему въ городахъ деревья растутъ плохо, очень много: тутъ и скудость почвы, и дымъ отъ печей, содержащій древесную и сѣрнистую кислоты, и пыль отъ мостовой и построекъ, и засореніе корней, и вліяніе отраженія солнца отъ стѣнъ домовъ, и вліяніе истеченій газа изъ газопроводныхъ трубъ; даже электрическіе токи вредно вліяютъ на деревья. Очень вредно также дрожаніе почвы отъ ѣзды экипажей, трамваевъ, автомобилей и ломовыхъ извозчиковъ. Замѣтимъ, что серпантины и конфетти также повредили растительности въ Парижѣ.

Въ Петербургѣ прибавляется къ этому дикая страсть ломать деревья и рѣзать ихъ кору, но наиболѣе всего вліяютъ наши сѣверныя климатическія условія, а затѣмъ отсутствіе канализаціи, почему вся почва про-

питана какою-то мерзостью, богатою аміакомъ и сѣро-водородомъ. Я думаю, что у насъ и сажаютъ потому прутики, что большія деревья никогда не принялись бы въ нашей уличной почвѣ. Затѣмъ, и деревья уже значительнаго роста продолжаютъ расти въ Петербургѣ очень медленно.

Болѣе сорока лѣтъ назадъ я пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Одессы и часто проходилъ по Конногвардейскому бульвару, прохожу часто и теперь и вижу, что за сорокъ слишкомъ лѣтъ деревья очень мало измѣнились въ ростѣ и объемѣ вѣтвей. Деревья въ Петербургѣ, чтобы имѣть ростъ парижскихъ эвкалиптусовъ и вязовъ, должны имѣть по меньшей мѣрѣ двѣсти лѣтъ. Такимъ образомъ г. Горожанинъ не могъ бы гулять въ благоухающей тѣни петербургскихъ уличныхъ аллей ранѣе 2103 года и развѣ только потомки его въ шестомъ поколѣніи дождались бы этого благополучія, но несомнѣнно деревья ранѣе того сгнили бы и повалились.

Деревья на Конногвардейскомъ бульварѣ еще идеаль, всѣ остальные, имѣя менѣе простора, будутъ очень скоро чахнуть. Примѣръ—неудачи аллей на Невскомъ проспектѣ. Онѣ были и по срединѣ улицы и съ боковъ и никогда не росли. Правда, покойный Григоровичъ, съ его богатой фантазіей, писалъ въ «Русской Мысли», что отдыхалъ въ молодости въ тѣни деревьевъ на Невскомъ проспектѣ, но изъ всѣхъ достовѣрныхъ описаній видно, что аллеи были уничтожены императоромъ Николаемъ именно потому, что

не росли и тѣни не давали. То же слышалъ я и отъ многихъ очевидцевъ означенныхъ древонасажденій.

Да и какое значеніе имѣеть эта тѣнь на нашихъ улицахъ. Деревья, какъ извѣстно, распускаются въ Петербургѣ за рѣдкими исключеніями въ началѣ и половинѣ мая; въ сентябрѣ у насъ, а иногда и въ августѣ, начинаются морозы, листья быстро желтѣютъ и осыпаются; да и кто станетъ искать тѣни въ августѣ и сентябрѣ при дождѣ, туманѣ и морозѣ? Полезная роль деревьевъ слѣдовательно продолжается не болѣе двухъ, двухъ съ половиною лѣтнихъ мѣсяцевъ, т. е. такихъ, когда и на Невскомъ никого нѣтъ. Въ остальное время деревья по улицамъ имѣютъ видъ жалкихъ метелокъ и швабръ и только мѣшаютъ свѣту проникать въ сырыя петербургскія помѣщенія. Стоитъ ли изъ-за этого возлагать сотни тысячъ новыхъ расходовъ на нашъ городской бюджетъ?

Самая польза «праздниковъ древонасажденія» сомнительна. Уваженіе къ деревьямъ—плодъ культуры и воспитанія, а не праздниковъ. У насъ и безъ того слишкомъ много праздниковъ. Русскій народъ за тысячу лѣтъ существованія русскаго государства прогулялъ не менѣе четырехъ сотъ лѣтъ жизни и отсталъ по крайней на два вѣка въ культурномъ отношеніи отъ Запада. Теперь же вмѣсто сокращенія числа праздниковъ и гуляній, чего добивается и правительство, предлагаютъ все новые. Если для посадки деревьевъ требуется какое-то особенное жизнерадостное, праздничное настроеніе, то, прилагая теорію Фурье, можно

требовать подобнаго же радостнаго состоянія и для другихъ отраслей труда. Можно устроить праздникъ очистки улицъ и дворовъ отъ навоза, праздникъ истребленія клоповъ и таракановъ. Это едва ли не было бы цѣлесообразнѣе праздника обращенія въ аллеи улицъ мрачнаго и прокисшаго Петрограда.

*
* * *

Г. Горожанинъ не оставилъ означенныхъ разсужденій безъ отвѣта и возразилъ, что обсадка улицъ деревьями необходима потому-де, что растенія поглощаютъ углекислоту, а не пускаютъ кислородъ.

Этимъ отвѣтомъ мой оппонентъ выказалъ только свое незнаніе ботаники, потому что химическіе процессы тождественны и въ царствѣ животномъ и въ царствѣ растительномъ. И растенія поглощаютъ кислородъ, выдѣляя углекислоту, т. е. дышутъ.

СРЕДИ КНИГЪ.

Прочелъ нѣсколько новыхъ книгъ и хочу подѣлиться впечатлѣніями изъ прочитаннаго.

Постоянный секретарь французской академіи Гастонъ Буасье, авторъ «Cicéron et ses amis» и другихъ прекрасныхъ изслѣдованій по римской исторіи, издалъ книгу о Тацитѣ («Tacite». Paris, 1903), въ приложеніи къ которой напечаталъ этюдъ объ одномъ изъ остроумнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безнравственнѣйшихъ римскихъ поэтовъ—Марціалѣ.

Изъ книги о Тацитѣ я узналъ, что уже во времена Плинія Младшаго слово «адвокатъ» сдѣлалось въ Римѣ браннымъ. Любопытно также, что въ Римѣ людямъ съ неповоротливымъ и грубымъ умомъ совѣтывали идти въ архитекторы!

Сотни изреченій Тацита остались навсегда великими истинами. Вотъ на примѣръ одна изъ неувядаемыхъ: «Всѣ, кто хочетъ завладѣть сосѣдними народами, увѣряютъ ихъ, что приносятъ имъ свободу».

Марціалъ былъ родомъ испанецъ, но уже въ молодости явился искать счастья въ Римъ, о которомъ его землякъ Сенека замѣчаетъ, что жители столицы большею частью родились въ провинціи... «Всѣ желаютъ жить въ городѣ, гдѣ добродѣтели и пороки оплачиваются дороже... одни продаютъ тамъ свою красоту, другіе свое краснорѣчіе»...

Насчетъ продажи красоты оказывается, что въ древности Аѳины играли роль нынѣшняго Парижа; для продажи красоты всѣ театры, гдѣ собиралось по 8 и 10 тысячъ зрителей, были вѣчно полны, а кокотки пользовались всемірною репутаціею. Городъ, гдѣ не было ни промышленности, ни торговли, собиралъ дань со всего свѣта, торгуя развратомъ.

Ученые экономисты высчитали, что въ 1815 г. болѣе половины контрибуціи, выплаченной Франціей союзникамъ, осталось въ Парижѣ, благодаря патриотическимъ усиліямъ дѣвицъ, наполнившихъ галерею Пале-Рояля, который игралъ тогда роль Монте-Карло. Нѣмцы усиленно возвращаютъ теперь Парижу милліарды, взятые въ 1871—1875 гг.

И въ древности, говоритъ остроумный авторъ «Au pays d'Homère», если пираты грабили въ Киликіи путешественниковъ, если спекуляторы въ Египтѣ искусственно поднимали цѣну на хлѣбъ, а въ Карфагенѣ работоторговцы устраивали экспедиціи къ Чадскому озеру за черными невольниками, то все это дѣлалось въ надеждѣ стать достаточно богатымъ, чтобы имѣть возможность разориться на «аѳинскихъ гетеръ».

Понятно, послѣднія очень уважались своими соотечественниками, которыхъ онѣ кормили и обогащали. Гетеры покровительствовали также искусствамъ, литературѣ, давали политическіе обѣды, — словомъ, ни въ чемъ не уступали нынѣшнимъ своимъ парижскимъ наслѣдницамъ.

Поѣздка въ Парижъ сдѣлалась уже не общеевропейскою, а всемірною потребностью. Гдѣ нибудь въ степяхъ Верхне-Днѣпровскаго уѣзда, какъ въ пампасахъ Аргентины или въ факторіи Китайскаго порта, мужъ говоритъ женѣ: «Что-то жизнь дороговата, расходы все увеличиваются; надобно, душенька, для экономіи поѣхать въ Парижъ, тамъ все дешево».

Эта «экономія» напоминаетъ мнѣ, какъ одна знакомая французенка поѣхала въ Нанси навѣстить умирающую мамашу со своимъ куаферомъ, съ своею маникюрюю и съ четырьмя кошками. Когда я спросилъ: «Для чего вся эта smala?» она спокойно отвѣтила:

— Изъ экономіи. Я убѣждена, что въ Нанси не найти маникюру ни за какія деньги, порядочный куаферъ тамъ навѣрное цѣлый день занять и его не достанешь и за двадцать франковъ, а кошекъ должна кормить моя горничная Жермень: ее пришлось бы тогда оставить въ Парижѣ и взять съ собою другую и нести двойной расходъ.

Что прикажете возражать противъ такихъ убѣдительныхъ аргументовъ? особенно при любви къ кошкамъ. Когда я встрѣтилъ ту же даму два года спустя, она съ грустью прежде всего заявила, что бѣдная Мими умерла.

— Да я думалъ, что ваша матушка умерла уже два года назадъ въ Нанси.

— Мими — это не моя мать, а мать всѣхъ моихъ кошекъ. Я такъ была разстроена ея смертью, что и пріѣхала въ Монте-Карло на праздники, да кстати купить себѣ пальмы; онѣ тутъ очень дешевы; правда, провозъ стоитъ дорого, но это ничего. Но вотъ что неприятно — пришлось для пальмъ заказать жардиньерку. Есть и дешевыя, но Jansen (извѣстный мебельщикъ) разъяснилъ мнѣ, что дешевую дѣлать неэкономно; онъ мнѣ и представилъ рисунокъ жардиньерки въ стилѣ ампиръ съ позолотою, всего въ три тысячи франковъ. Понятно, я торговалась изъ экономіи и онъ мнѣ сбавилъ сто франковъ. Теперь пальма не будетъ лишняя въ отелѣ...

Подобныхъ «экономныхъ» барынь сколько угодно, даже пожалуй черезчуръ много для извѣстнаго закона Дарвина о борьбѣ за существованіе, но черезъ нихъ Франція богатѣетъ, какъ въ свое время богатѣла Аѳинская республика.

Замѣчательно, что уже во времена Марціала много говорили о равноправности женщинъ. Марціальъ ничего не ожидалъ хорошаго отъ этой эмансипаціи и увѣрялъ, повторяя Катона, что въ тотъ день, когда женщины станутъ съ нами равны, мы сдѣлаемся ихъ рабами:

*Interim matrona suo sit, Prisce marito.
Non aliter fient foemina virque pares.*

Однимъ изъ покровителей Марціала въ Римѣ былъ уроженецъ Тулузы Антоніусъ Примусъ, прозванный за свой длинный носъ Вессо. Приговоренный при Неронѣ за подлогъ, онъ сумѣлъ уже къ концу царствованія Оттона сдѣлаться командиромъ легіона, стоявшаго въ Панноніи. Принявъ сторону Веспасіана, Бекко разбилъ Вителлія, сжегъ Кремену и взялъ приступомъ Римъ. Солдаты обожали его за смѣлость и краснорѣчіе. Въ военныхъ совѣтахъ онъ кричалъ громче всѣхъ, чтобы его слышали стоявшіе внѣ палатки, въ сраженіяхъ онъ метался во всѣ стороны, острилъ и въ случаѣ нужды, съ орломъ въ рукахъ, бросался впередъ. «Это первый гасконецъ, о которомъ память сохранила исторію», говоритъ Гастонъ Буасье.

Тулуза и до сихъ поръ создаетъ столь же ловкихъ дѣятелей. Вспомнимъ Констанса, Гальяра, знаменитую m-me Эмберъ. Очевидно, характеръ жителей не измѣнился въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ.

*
* * *

Новый романъ академика Анатоля Франса «Histoire Comique» интересенъ, какъ все, что пишетъ этотъ замѣчательный писатель, но плохой политикъ и отчаянный дрейфусаръ, недавно еще въ Римѣ объявившій величайшимъ человѣкомъ во Франціи Жореса!

Фабула романа весьма несложна. Это рядъ сценъ изъ жизни актрисы, которая страдаетъ галлюцинаціями подъ впечатлѣніемъ самоубійства своего бывшего лю-

бовника актера Шевалье и вынуждена прекратить связь съ новымъ любовникомъ дипломатомъ Робертомъ де-Линьи. Большинство дѣйствующихъ лицъ списано съ натуры: легко узнать Сарду, Пореля, Брандесъ и др. Какъ всѣ романы Анатоля Франса, его новое произведеніе изобилуетъ афоризмами, философскими и другими разсужденіями, которыя авторъ влагаетъ въ уста своихъ героевъ.

«Мы дѣлаемъ видъ, что жизнь сама по себѣ драгоценна, говоритъ одинъ изъ нихъ, между тѣмъ природа учитъ насъ, что нѣтъ ничего отвратительнѣе и презрѣннѣе. Прежде было менѣе сантиментальныхъ румянъ. Каждый считалъ свою жизнь очень драгоценной, но мало уважалъ чужую жизнь. Тогда были ближе къ натурѣ: мы созданы, чтобы пожирать другъ друга. Но наша слабая, нервная, лицемѣрная раса довольствуется скрытымъ людоедствомъ. Пожирая другъ друга, мы провозглашаемъ, что жизнь священна, и не желаемъ сознаться, что жизнь — убійство въ разныхъ видахъ»...

Эти слова надобно бы вывѣсить на стѣнѣ кабинета, гдѣ засѣдаетъ гаагская конференція.

«Есть священный законъ, — говорится въ другомъ мѣстѣ, — который руководитъ міромъ, которому мы должны повиноваться, который мы должны обожать. Это несправедливость, величественная, святая несправедливость. Ее благославляютъ вездѣ подъ именемъ счастья, богатства, генія и граціи... Справедливость есть мечта только нѣсколькихъ дураковъ».

Въ этомъ случаѣ Анатолю Франсу повторяетъ отчасти то, что ранѣе въ своей «Histoire du peuple d'Israèle» сказалъ Ренанъ. «Они (еврейскіе пророки) первые возстали противъ несправедливости и привилегій, безъ которыхъ однако нѣтъ ни арміи, ни прочнаго общества. Народы, которые поднимаютъ соціальный вопросъ, неизбѣжно погибаютъ». Почти то же говоритъ и нашъ Мечниковъ въ своей замѣчательной книгѣ: ¹⁾ «При нынѣшнемъ состояніи человѣческихъ знаній неизбѣжно совершать многочисленныя несправедливости и въ особенности подвергаться имъ».

Огюсть Контъ говоритъ гдѣ-то: «Человѣчество состоитъ изъ мертвыхъ и живыхъ. Мертвыхъ гораздо больше», и эту вѣрную мысль развиваетъ Анатолю Франсу: «По ихъ многочисленности, по количеству исполненной работы, мертвые имѣютъ наиболѣе силы. Они управляютъ, а мы имъ повинемся. Наши господа—это тѣ, что лежатъ на кладбищахъ. Вотъ законодатель, сочинившій законъ, который я сегодня еще исполняю; вотъ архитекторъ, построившій мнѣ домъ; вотъ поэтъ, создавшій фантастическіе образы, которые до сихъ поръ насъ волнуютъ; ораторъ, который убѣдилъ насъ еще до нашего рожденія. Вотъ авторы нашихъ знаній, вѣрныхъ или фальшивыхъ, нашей мудрости, нашихъ заблужденій... Въ нихъ сила, послѣдовательность и продолжительность. Что такое поколѣніе живущихъ по сравненію съ безчисленными поколѣніями

¹⁾ E. Metchnikoff. «Etudes sur la Nature humaine», стр. 144.

мертвыхъ? Что такое наша воля въ теченіе одного дня сравнительно съ ихъ тысячелѣтнею волею?»

Недурная характеристика влюбленности.

«Онъ не подозрѣвалъ, что ее любитъ. Для него, думалъ онъ, это только наслажденіе въ безконечномъ ряду возможныхъ наслажденій. Но наслажденіе приняло для него форму Фелисѣ (героини романа), и если бы онъ лучше подумалъ о безчисленныхъ женщинахъ, которыми онъ желалъ бы владѣть въ будущемъ, то убѣдился бы, что всѣ онѣ были Фелпсѣ».

«Любовь—это актъ простой и примитивный. Это борьба и ненависть. Насиліе тутъ необходимо. Любовь по взаимному соглашенію—скучная повинность», замѣчаетъ еще очень вѣрно Анатолий Франсъ.

*
* * *

Разъ зашла рѣчь о любви, переходъ къ Жоржъ Санду невольно напрашивается. Объ этой удивительной женщинѣ вышла новая книга Альбера ле-Руа «George Sand et ses amis». Книгу эту почему-то г. Вейнбергъ въ письмѣ въ «Новое Время» назвалъ плагиатомъ, будто бы она цѣликомъ украдена изъ книги нашей соотечественницы W. Каренине (псевдонимъ жены одного полкового командира) «George Sand, sa vie et ses ouvrages». Можетъ быть ле-Руа пользовался книгою Владиміра Каренина, которая представляетъ составленную съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ компиляцію всего, что писано о Жоржъ Сандѣ, и между прочимъ даетъ

новую для французовъ характеристику вліянія Жоржъ Санда въ Германіи, но отсюда далеко до грубаго плагіата. Послѣдующіе авторы всегда болѣе или менѣе обираютъ предыдущихъ, разъ не работаютъ самостоятельно надъ новыми документами.

Я спрашивалъ мнѣнія о плагіатѣ ле-Руа у моего пріятеля г. Анри Гарриса, автора лучшей книги объ аббатѣ Прево. Къ Гаррису обращалась, повидимому, и г-жа W. Кареніне. Онъ тоже находитъ, что книга ле-Руа прекрасно написана и плагіатомъ нельзя ее назвать, да и авторъ не новичокъ въ литературѣ. Онъ написалъ уже книгу «La France et Rome de 1700 à 1715».

Гаррисъ былъ пріятелемъ Жоржъ Санда въ послѣдніе годы жизни, познакомившись черезъ Сентъ-Бева на одномъ изъ литературныхъ обѣдовъ въ ресторанѣ Маньи около «Одеона». Онъ живалъ у нея въ Ноанѣ, присутствовалъ при ея смерти и похоронахъ; ему даже она указала, гдѣ именно желала быть похороненною.

По словамъ Гарриса, Жоржъ Сандъ всегда имѣла алюры аристократки; не имѣя никогда состоянія, она всѣмъ широко помогала и всѣхъ у себя принимала. Средства ея были маленькія. Разъ только, благодаря Дюма-сыну, исправившему для сцены ея комедію «Marquis de Villemère», она заработала 100,000 франковъ, на которые сейчасъ же купила дачу подъ Парижемъ.

И въ старости Жоржъ Сандъ сохранила великолѣпные волосы. Глаза ея были особенные, большіе, совершенно черные, такъ что бѣлка мало было видно;

зрачокъ былъ малъ, поэтому блеска въ глазахъ не было, но они отличались особымъ бархатнымъ отливомъ. Такихъ глазъ Гаррисъ никогда болѣе не встрѣчалъ. Говорила Жоржъ Сандъ очень мало, курила она не очень много, но цѣлый день держала въ рукахъ зажженную папиросу, которая то и дѣло что потухала. Вообще она имѣла видъ разсѣянный, все время обдумывая свои романы. Писала она такъ много, что не помнила тирадъ и сценъ изъ своихъ собственныхъ сочиненій. Писала она безъ малѣйшихъ поправокъ и письма и романы. Обыкновенно это считается признакомъ глупости, но у нея это было признакомъ необыкновенной легкости, съ которой она работала.

Она писала днемъ отъ трехъ до шести и затѣмъ ночью. Послѣ обѣда садилась играть въ безикъ, затѣмъ начинала раскидывать пасьянсы очень небрежно, очевидно, обдумывая впередъ свой романъ. Окончивъ пасьянсъ, брала ванну и садилась писать, писала до поздней ночи, такъ что къ утреннему кофе никогда не выходила изъ спальни.

Гаррисъ хорошо изучилъ всѣ ея сочиненія и зналъ близкихъ къ ней лицъ, и онъ убѣжденъ, что всѣ собственные романы Жоржъ Санда были чисто головные. Она легко увлекалась, чрезвычайно подчинялась вліянію извѣстнаго человѣка и также быстро охлаждалась. Любовниковъ она имѣла, какъ извѣстно, до старости; послѣднимъ былъ Мансо, граверь-работчій. Только одинъ изъ гувернеровъ ея дѣтей остался непоколебимъ, это извѣстный писатель и политическій

дѣятель Пельтанъ, отецъ нынѣшняго грязнаго морского министра Камиля Пельтана.

По совѣту Гарриса, я, который былъ восторженнымъ поклонникомъ таланта Жоржъ Санда и хорошо знакомъ съ ея безчисленными произведеніями, перечиталъ «Leone Leoni», романъ, который когда прочелъ Листъ, то взялъ и увезъ отъ мужа графиню Агу (извѣстную писательницу подъ псевдонимомъ Даніель Стерна). Жоржъ Сандъ написала этотъ романъ въ одну недѣлю, живя въ Венеціи, чтобы прокормить проигравшагося Альфреда де-Мюссе. Кстати, послѣдній вовсе былъ не таковъ, какимъ его себѣ рисуютъ: капризный, вѣчно пьяный, отчаянный игрокъ, въ придачу онъ былъ красно-рыжій и только на кипсекахъ изображается красивымъ.

W. Kagenine находитъ «Leone Leoni» очень устарѣвшимъ по фактурѣ. По формѣ пожалуй онъ отзывается XVIII столѣтіемъ, но что за стиль, что за сочность красокъ. Жоржъ Сандъ хотѣла написать *contre partie* «Manon Lescaut» аббата Прево—любовь женщины къ мерзавцу, любовь, которую не можетъ охладить никакая низость героя. Особенно живо схваченъ съ натуры неожиданный конецъ романа.

Въ «Leone Leoni» отчасти Жоржъ Сандъ нарисовала самое себя. Письмо Жюльеты къ Бустаменте очень напоминаетъ собственное письмо Жоржъ Сандъ къ итальянскому доктору Паджело, для котораго она и измѣнила Альфреду де-Мюссе. Измѣнила очень просто и безъ борьбы. Недаромъ въ романѣ она говоритъ:

«Всѣ женщины такъ торопятся любить, что вдругъ перестаютъ любить, сами не зная почему» и далѣе: «Не нужно ни выдумывать, ни ожидать рая, рай—это сліяніе двухъ душъ въ поцѣлуѣ любви».

Очень вѣрно Жоржъ Сандъ говоритъ еще: «Никогда женщина не можетъ съ удовольствіемъ видѣть красоту другой женщины» и очень тонко опредѣляетъ любовь: «Букетъ изъ рукъ Леони (героя романа) пахнулъ лучше, чѣмъ если бы его подалъ другой...»

*
* * *

Воспоминанія извѣстнаго комика театра Palais Royal Лассуша («Mémoires anecdotiques») за 50 лѣтъ его артистической жизни даютъ очень немного. Удивительно, какъ человѣкъ, всю жизнь вращавшійся среди выдающихся въ различныхъ отношеніяхъ людей, не сохранилъ въ памяти ничего, кромѣ самыхъ банальныхъ мелочей. Каботэны живутъ, правда, въ какомъ-то спеціальному мірѣ долбленія ролей, репетицій и мелкихъ закулисныхъ интригъ.

Лассушъ хорошо зналъ Поль де-Кока. Онъ рассказываетъ, что по средамъ на дачѣ послѣдняго всегда собиралось много народа, являлись люди даже вовсе незнакомые хозяину. Какъ-то шло въ саду представленіе, причемъ провалились скамейки, устроенныя для публики, и одинъ зритель упалъ въ бассейнъ съ водою. Поль де-Кокъ бросился помогать ему, но когда вытащили гостя изъ воды, то гостепріимный и добро-

душнѣйшій хозяинъ никакъ не могъ вспомнить имя упавшаго. Тотъ сознался, что вовсе не знакомъ, но Поль де-Кокъ свелъ его къ себѣ, одѣлъ въ свое платье и бѣлье и просилъ оставаться.

Лассушъ описываетъ дебюты въ Пале-Роялѣ Бланшъ д'Антины, знаменитой «grande grue» временъ Второй имперіи, хорошо извѣстной и въ Петербургѣ, гдѣ она блистала въ концѣ пятидесятихъ и началѣ 60-хъ годовъ. Есть не мало еще у насъ людей, не забывшихъ ея рубенсовской красоты и замѣчательнаго искусства одѣваться. Помню, что и я чуть не съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на нее, когда она по субботамъ являлась въ ложѣ бель-этажа въ Михайловскомъ театрѣ, собиравшемъ тогда блестящую публику. Зола, какъ извѣстно, вывелъ Бланшъ въ качествѣ героини въ своемъ романѣ «Напа». Лассушъ увѣряетъ, что она имѣла и драматическій талантъ и при небольшихъ усиліяхъ могла бы съ успѣхомъ замѣнить Шнейдеръ. На бѣду, Пале-Рояльскій театръ былъ въ это время въ упадкѣ. Бланшъ не могла создать ни одной новой роли, а въ возобновленіяхъ никогда себѣ репутаціи не создашь. Бланшъ получала на театрѣ по 12,000 франковъ въ годъ, что при ея образѣ жизни хватало ей развѣ на двѣ недѣли.

Не мало анекдотовъ рассказываетъ Лассушъ, настоящее имя котораго баронъ Букенъ де-ла-Сушъ, объ извѣстномъ пале-рояльскомъ же комикѣ Жиль Пересѣ, кончившемъ весьма грустно—сумасшествіемъ. Жюль Пересъ и въ жизни былъ большимъ шутникомъ и лю-

билъ всѣхъ мистифицировать. Вотъ образчикъ его дурачествъ.

Входитъ онъ въ магазинъ и проситъ дать ему шесть паръ носковъ, стоимостью въ шестнадцать франковъ. Когда носки завернуты, онъ видитъ фуфайки по 8 франковъ штука и спрашиваетъ, нельзя ли обмѣнять носки на фуфайки?

Такъ какъ цѣна та же, то хозяинъ лавки конечно соглашается. Жюль Пересъ отдаетъ носки, беретъ фуфайки и спокойно уходитъ, ничего не заплативъ. Лавочникъ за нимъ въ догонку.

— Позвольте, вы забыли заплатить за фуфайки!

— Какъ это? Да я обмѣнялъ ихъ на носки.

— Но вѣдь вы не заплатили за носки!

— Вѣрно, зато я ихъ и возвратилъ вамъ въ цѣлости!

Хозяинъ окончательно ничего не понимаетъ...

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

К. СКАЛЬКОВСКІЙ.

5

ИТОГИ XIX СТОЛѢТІЯ.

Девятнадцатый вѣкъ окончился тринадцать дней назадъ по новому стилю, а сегодня кончается и по старому. Въ міровой жизни это конечно мгновеніе, но въ жизни человѣка крупная величина—жизнь трехъ слишкомъ поколѣній. Что же сдѣлали эти три съ третью поколѣнія въ періодъ съ 12-ти часовъ утра 1-го января 1801 г. по 12 часовъ ночи 31-го декабря 1900 года?

Истекшія сто лѣтъ были преимущественно вѣкомъ просвѣщенія и демократіи. Если въ политическомъ отношеніи замѣчались еще колебанія, движеніе и поступательное и ретроградное, то въ научномъ и культурномъ отношеніяхъ движеніе впередъ шло неуклонно и даже съ увеличивающеюся постоянно быстротою.

Политически; послѣ широкаго разлива по Европѣ въ началѣ столѣтія революціонныхъ идей, выразившагося въ завоеваніяхъ Наполеона, «этого Робеспьера

Б*

на конѣ», отголосокъ которыхъ виденъ и въ отдѣльныхъ движеніяхъ 20-хъ и 30-хъ годовъ,—наступилъ періодъ реакціи. Это такъ называемая эпоха Меттерниха и его подражателей. Съ сороковыхъ годовъ начинаются соціальное и отчасти національное движенія, потрясшія въ 1848 и 1849 годахъ почти всю Европу. Новый періодъ реакціи нарушился сильнымъ проявленіемъ національнаго движенія въ Италіи, Германіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Вызванныя этимъ войны и новыя политическія комбинаціи, казалось, давали пищу милитаризму и новой реакціи, но опасенія не оправдались и эпоха Бисмарка, которая грозила разрѣшиться общеевропейскою войною, закончилась въ Европѣ благополучно.

Въ общественномъ отношеніи повсюду мы видимъ торжество массы, упроченіе и исправленіе конституцій, расширеніе избирательнаго права и перенесеніе власти изъ рукъ средняго сословія въ руки низшихъ классовъ. Сообразно этому видоизмѣняются и законоположенія, вводится всеобщее обученіе, всесословная военная повинность, ремесленные синдикаты, разные виды страхованія труда, демократическая система налоговъ съ привилегіями въ пользу бѣдныхъ слоевъ населенія и т. д. И Англія, страна по преимуществу аристократическая, увлечена общимъ движеніемъ. Соціальныя идеи находятъ сторонниковъ даже въ папахъ.

Девятнадцатый вѣкъ, не считая эфемерныхъ комбинацій временъ имперіи, видѣлъ объединеніе Германіи и Италіи, раздробленіе Испаніи, Франціи, Турціи,

исчезновеніе Царства Польскаго и Краковской республики, созданіе Бельгіи, Греціи, Сербіи, Румыніи, Болгаріи, Крита, Бразиліи, Мексики и цѣлаго ряда испано-американскихъ республикъ.

Россія продала свои американскія колоніи. Испанія потеряла почти всѣ заморскія свои владѣнія. Португалія также лишилась части колоній. Зато Соединенные Штаты и Германія стали колоніальными державами, а Франція возстановила свое прежнее колоніальное величіе.

Наиболѣе выиграли въ своемъ политическомъ значеніи въ теченіе столѣтія Англія, захватившая почти четвертую часть вселенной, а затѣмъ Россія и Соединенные Штаты, усилившіеся благодаря завоеваніямъ, приросту населенія и уничтоженію рабскаго труда.

Девятнадцатое столѣтіе измѣнило карту не только Европы, но и цѣлаго міра. Оно втянуло въ кругъ политической и экономической жизни Европы весь земной шаръ. Остъ-Индіа и Индо-Китай были окончательно завоеваны. Дальній Востокъ: Китай, Японія, Корея, жившіе совершенно замкнутою жизнью, частью силою, частью хитростью открылись для европейцевъ. Прорытіе Суэзскаго канала приблизило ихъ втрое и вчетверо и произвело революцію въ торговомъ флотѣ. Австралія, представлявшая почти необитаемый материкъ и ничтожную колонію преступниковъ, обратилась въ федерацію богатыхъ и цвѣтущихъ колоніальныхъ владѣній. Упрочила свою автономію и Канада.

Наконецъ Африка, почти неизвѣстная внутри, не только была изучена, но и подѣлена между разными европейскими народами; въ ней также образовались уже очень богатая колонія.

Научный прогрессъ истекшаго столѣтія поистинѣ громаденъ. Только въ астрономіи и математикѣ этому столѣтію оставалось мало пищи послѣ великихъ открытій XVI—XVIII столѣтій. Зато химія, механика, физика получили необычайное развитіе. Создались новыя науки: біологія, геологія, палеонтологія и др. Старыя разбились на безчисленное множество отраслей, и по каждой отрасли не хватитъ человѣческой жизни на ознакомленіе со всѣми подробностями. Обсерваторіи, бібліотеки, лабораторіи и другія научныя учрежденія стали считаться тысячами. Такое же развитіе получила и спеціальная литература. Даже ничтожныя отрасли техники и ремеслъ имѣютъ теперь свои органы печати. Прогрессировали и другія науки. Статистика, исторія, политическая экономія, археологія, правовѣдѣніе и пр. впервые были освѣщены критикою и установили строгіе методы. Стала наукою и соціологія.

Хотя рядомъ съ чистою наукою всегда существовала и утилитарная наука, но никогда послѣдняя не имѣла такого выдающагося значенія. Ея успѣхи въ полномъ смыслѣ слова перевернули всю жизнь на земномъ шарѣ.

Прогрессъ техники особенно направился на средства сообщенія. Въ началѣ столѣтія почта ходила со ско-

ростью 5 — 6 версть въ часъ, а теперь пассажиры жалуются, что ихъ не везутъ скорѣе 80 версть въ часъ. Еще быстрѣе скорости удешевилась стоимость переѣзда и перевозки товаровъ. Желѣзныя дороги, едва ли не важнѣйшее приобрѣтеніе XIX вѣка, охватили уже своею сѣтью почти весь міръ. Необходимымъ дополненіемъ ея явилась сѣть пароходныхъ сообщеній. Дешевизна пароходнаго фрахта совершила переворотъ во всемірной торговлѣ, снабжая Европу хлѣбомъ и сырыми продуктами по низкой цѣнѣ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, одно имя которыхъ едва было извѣстно сто лѣтъ назадъ. Пароходы же были причиною громадной эмиграціи, доставившей возможность милліонамъ пролетаріевъ найти себѣ обезпеченное положеніе вдали отъ родины. Сообщенія по обыкновеннымъ дорогамъ совершенно преобразились съ изобрѣтеніемъ автомобилей.

Телеграфы и телефоны позволили имѣть сношенія въ нѣсколько часовъ и минутъ, на что требовались прежде дни, мѣсяцы и годы. Они буквально уничтожили разстояніе и явились чѣмъ-то сказочнымъ.

Облегченіе сношеній, рядомъ съ научными успѣхами, отразилось на развитіи промышленности. Промышленность даже XVIII вѣка представляется чѣмъ-то дѣтскимъ по сравненію съ промышленностью конца XIX столѣтія. Открытіе золота въ Сибири, Америкѣ, Австраліи и Южной Африкѣ доставило огромныя оборотныя средства и понизило всѣ цѣны. Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ дало громадный тол-

чокъ металлургіи, которая въ свою очередь вызвала огромное развитіе каменноугольнаго производства. Открытія химіи создали безчисленное множество новыхъ отраслей химической промышленности, удешевили писчую и печатную бумагу, краски и пр. Хлопчатобумажная промышленность заняла такое важное мѣсто, что стала даже регуляторомъ иностранной политики нѣкоторыхъ державъ. Появилось совершенно новое нефтяное производство, дающее и топливо, и дешевое освѣщеніе. По части освѣщенія газъ и затѣмъ электричество совершили также цѣлый переворотъ. Улицы стали безопаснѣе, и продолжительность рабочаго времени увеличилась. Машины паровыя, водяныя, электрическія, газовыя и др. создали дополнительную рабочую силу. Благодаря имъ количество рукъ и лошадей какъ бы удвоилось и утроилось.

Научныя открытія и ускореніе сообщеній повліяли на культуру человѣка въ другихъ отношеніяхъ. «Стандартъ жизни» видоизмѣнился. Многие изъ того, что было роскошью немногихъ богачей, стало предметомъ общаго потребленія: чай, сахаръ, кожаная обувь, обои, зеркала. Города украсились не зданіями, а цѣлыми кварталами, водопроводы, водостоки, парки и скверы и проч. стали всеобщою потребностью.

Гигіенѣ и оздоровленію было удѣлено большое вниманіе. Медицина въ свою очередь сдѣлала огромные успѣхи не только движеніемъ науки и увеличеніемъ числа лечебныхъ заведеній, но и открытіемъ антисептическихъ и болеутоляющихъ средствъ, уменьшившихъ

страданія челоуѣчества. Открыли вліяніе цѣлаго міра микроскопическихъ организмовъ, ранѣе совершенно неизвѣстныхъ.

Къ числу врожденныхъ потребностей челоуѣка относится и склонность къ новостямъ и слухамъ. Периодическая печать въ этомъ отношеніи въ XIX столѣтіи не только удовлетворила означенной потребности, но стала крупною силою. Газету «Times» еще въ 50-хъ годахъ называли шестою великою державою, а теперь имѣются изданія, расходящіяся слишкомъ по два милліона экземпляровъ! Кромѣ печатнаго станка къ услугамъ распространенія свѣдѣній явились еще фотографія, литографія, цинкографія.

Промышленный прогрессъ имѣлъ однако и свои отрицательныя стороны. Фабрики и заводы оторвали массы населенія отъ здоровой сельской жизни и привлекли въ города. Быстро увеличилось неравенство въ распредѣленіи богатствъ—богатые стали еще богаче, а бѣдные (относительно) еще бѣднѣе. Быстротѣ скопленія богатствъ въ немногихъ рукахъ содѣйствовали государственные и общественные займы, банки и сложныя системы кредита. Личная инициатива замѣнилась коллективною, и особое значеніе получили акціонерныя общества съ ограниченою отвѣтственностью. При помощи ихъ сборъ капиталовъ въ сотни милліоновъ рублей сдѣлался легкимъ и удобнымъ.

Съ развитіемъ кредита увеличилось значеніе евреевъ. Ихъ эмансипація составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ XIX столѣтія. Евреи приобрѣли да-

леко несоотвѣтствующее своей численности значеніе въ политикѣ, печати, искусствахъ; въ ихъ руки перешла огромная часть недвижимой собственности и большая часть движимой. Какъ противовѣсъ, явился анти-семитизмъ, но вліяніе его пока слабо.

Гораздо важнѣе вліяніе другого продукта неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ — социализма. Хотя это явленіе очень давнее, но только съ половины ХІХ столѣтія оно получило крупное значеніе. Мѣстами социализмъ выродился въ анархизмъ, мѣстами открыто преслѣдуется государствомъ, въ большинствѣ же государствъ социалисты успѣли организовать въ могущественныя политическія партіи, которыя по численности избирателей (какъ въ Германіи) и вліянію (какъ во Франціи) превосходятъ другія партіи. Социализмъ несомнѣнно перевернетъ все вверхъ дномъ въ наступающемъ ХХ столѣтіи.

Распространеніе образованія содѣйствовало распространенію и другихъ идей. Если человѣчество не можетъ еще обойтись безъ войны и промышленная техника много послужила послѣдней, то многое сдѣлано и для смягченія ужасовъ войны. Затѣмъ на нашей памяти исчезло рабство, весьма уменьшилось примѣненіе тѣлесныхъ наказаній, тюрьмы значительно улучшились. Только судебная процедура, хотя и стала вездѣ гласною, сохранила свое обветшалое устройство и не даетъ народу суда дешеваго.

Въ искусствахъ прогрессъ за столѣтіе также менѣе замѣтенъ. Они главнымъ образомъ популяризовались.

Было конечно не мало великихъ поэтовъ и геніевъ въ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи, но только въ музыкѣ и частью въ танцахъ истекшее столѣтіе опередило предыдущія. Музыку по преимуществу можно считать искусствомъ XIX вѣка. Театръ и всяческія сценическія зрѣлища стали съ одной стороны роскошнѣе, а съ другой — доступнѣе и начали пріобрѣтать для массы значеніе, потерянное съ паденіемъ Римской имперіи.

При оцѣнкѣ всѣхъ этихъ переменъ и несомнѣнныхъ улучшеній является однако вопросъ: счастливѣе ли прежняго стало человѣчество? Вопросъ этотъ представляется весьма спорнымъ. Оптимисты говорятъ рѣшительно: да. Они берутъ внѣшнюю обстановку и среднее потребленіе каждаго человѣка, также его политическія и гражданскія права сравниваютъ съ тѣмъ, что было сто лѣтъ назадъ, и дѣлаютъ благопріятный выводъ. Пессимисты справедливо возражаютъ на это, что распространеніе образованія и комфорта увеличило прогрессивно потребности и аппетиты, которые далеко еще не удовлетворяются. Облегченіе движенія, увеличеніе числа газетъ и книгъ увеличило безпокойство ума и число самоубійствъ. Фабрики убили природу, а города и фабричныя отбросы отравили воду и воздухъ. Порнографическія и анархистскія изданія отравляютъ «душу». Безтолковое расширеніе образованія увеличиваетъ число недоучекъ, недовольныхъ и революціонеровъ. Забыты мудрыя слова философа Платона: «Незнаніе не есть величайшее зло, гораздо вред-

нѣе многознаніе и многоученіе при дурномъ руководствѣ». Явились сотни новыхъ болѣзней, и хотя средняя продолжительность жизни несомнѣнно увеличилась, но и скука и необеспеченность средняго человѣка возросли.

Замѣтно также почти повсемѣстное ослабленіе религіознаго чувства, хотя папство искусно отстаивало свой авторитетъ. Многія правительства разными мѣропріятіями содѣйствовали еще ослабленію религіи, какъ бы не признавая, что «для низшихъ классовъ населенія нѣтъ морали безъ религіи и если вѣра, на которой основаны десять заповѣдей, будетъ подорвана въ народѣ, основанія нравственности упадутъ и безнравственность водворится».

Разрѣшеніе этихъ гамлетовскихъ вопросовъ дастъ можетъ быть XX вѣкъ, открывающійся въ довольно мрачной обстановкѣ; но можно утѣшать себя мыслью, что каждыя роды сопровождаются неизбѣжными страданіями.

СІЯТЕЛЬНЫЙ ЯКОБИНЕЦЪ.

Къ числу наиболѣе важныхъ книгъ по русской исторіи, вышедшихъ въ этомъ году, надобно отнести новое интересное изданіе его высочества великаго князя Николая Михайловича «Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774 — 1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I». Первый томъ этого изслѣдованія содержитъ подробное жизнеописаніе графа, родословную Строгановыхъ, начиная съ именитаго челоуѣка Григорія Дмитріевича, умершаго въ 1715 г., копии нѣкоторыхъ официальныхъ бумагъ и выдержки изъ переписки графовъ: Александра Сергѣевича, Павла Александровича, графини Екатерины Петровны, барона Александра Николаевича, Григорія Александровича Строгановыхъ и Ромма, воспитателя графа Павла Александровича. Извлеченія сдѣланы изъ архивовъ государственныхъ, строгановскаго въ С.-Петербургѣ и князя П. П. Голицына въ селѣ Марьинѣ. Къ изданію, кромѣ указателей библіографи-

ческаго и именъ, приложены 27 превосходно выгравированныхъ портрета Александра I, Ромма, княгини Н. П. Голицыной (princesse Moustache) и различныхъ Строгановыхъ.

Вторая часть книги посвящена преимущественно преобразованіямъ высшихъ государственныхъ учрежденій въ первые три года XIX столѣтія, тутъ помѣщены между прочимъ цѣликомъ протоколы «негласнаго комитета», всецѣло созданнаго графомъ Павломъ Александровичемъ Строгановымъ, а равно напечатано продолженіе касающихся дѣятельности «негласнаго комитета» извлеченій изъ переписки семейства Строгановыхъ, весьма обширной. Семейство это изъ всѣхъ дворянскихъ нашихъ родовъ выдѣляется своими государственными заслугами, которыя, по словамъ автора разбираемой книги, не должны быть забыты исторіей.

Въ 1446 г. Строгановы внесли 200,000 рублей на выкупъ взятаго татарами подъ Суздалемъ въ плѣнъ великаго князя Василя Васильевича Темнаго. Въ 1572 г. Строгановы на свой счетъ снарядили войско и «привели подъ высокую государскую руку» черемисъ, остяковъ, вотяковъ и ногайцевъ. Въ 1579 г. Строгановы призвали Ермака и онъ съ особою дружиною привелъ сѣверо-восточную границу Россіи въ совершенную безопасность. Вслѣдъ за симъ отрядъ Ермака, усиленный Строгановыми до 5,000 разныхъ людей, «Сибирское государство взялъ и татаръ, остяковъ и вогуличей подъ высокую царскую руку привелъ».

Въ 1616 г. Строгановы усмирили казанскихъ татаръ и черемисъ и освободили отъ осады Осу и Сарапуль. Въ смутное время Строгановы поморскіе и казанскіе города «отъ шатости укрѣпляли», а въ московское разореніе пожертвовали въ царскую казну 423,706 рублей, да кромѣ того для смоленскаго похода 418,056 рублей. Суммы по тому времени громадныя. Въ 1663 году Строгановы ополченіемъ изъ своихъ вотчинъ усмирили уфимскихъ башкиръ.

Въ новѣйшія времена графъ А. С. Строгановъ отказался въ пользу казны въ 1790 году отъ пожалованныхъ его предкамъ, по указамъ Ивана Грознаго, 10 мил. десятинъ земли, а послѣ освобожденія крестьянъ графъ С. Г. Строгановъ пожертвовалъ въ пользу своихъ крѣпостныхъ болѣе 2.300,000 руб.

Авторъ не упоминаетъ еще о громадной заслугѣ Строгановыхъ по учрежденію и усиленію въ XVI столѣтіи солеваренія въ Вологодскомъ и Пермскомъ краѣ и по учрежденію въ XVIII столѣтіи въ Пермскомъ краѣ горнаго дѣла. Выварочною солью Россія снабжалась почти исключительно до царствованія Екатерины II.

Въ числѣ многихъ Строгановыхъ, оставившихъ свой слѣдъ въ русской исторіи, графъ Павелъ Александровичъ принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся, и онъ конечно давно заслуживалъ обстоятельной біографіи.

Жизнь и дѣятельность графа представляетъ много поучительнаго и оригинальнаго. Сынъ одного изъ пер-

выхъ вельможъ вѣка Екатерины II, единственный наследникъ богатѣйшаго состоянія, воспитанникъ анархиста Ромма, другъ императора Александра I, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и начальникъ медицинскаго департамента, участникъ всѣхъ войнъ съ 1807 по 1814 года, графъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, 43-хъ лѣтъ отъ роду. Онъ оставилъ по себѣ наилучшую память человѣка хорошаго, доступнаго и благороднаго. Желаніе его воспитателя-француза вполнѣ осуществилось: графъ былъ дѣйствительно «человѣкъ» въ самомъ лучшемъ смыслѣ этого слова.

Злоязычный Вигель пишетъ правда, что графъ былъ «человѣкъ ума самаго посредственнаго, только именемъ и фортуной (подъ послѣдней Вигель разумѣлъ расположеніе Александра I къ женѣ графа Павла Александровича) онъ могъ усилить свои партіи», но по всѣмъ другимъ отзывамъ графъ является однимъ изъ честнѣйшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ людей начала XIX вѣка. «Мнѣнія и чувства его, говоритъ князь Чарторыжскій въ своихъ запискахъ, писанныхъ уже въ старости и въ ожесточеніи, носили отпечатокъ справедливости, искренности, небывалыхъ въ то время въ Россіи». Выводъ о графѣ конечно нужно дѣлать изъ многихъ отзывовъ, ибо отдѣльныя оцѣнки всегда противорѣчивы. Такъ, храбрый и умный графъ Ланжеронъ, видѣвшій графа Строганова на войнѣ, пишетъ, что графъ былъ не на мѣстѣ въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, но отличился, ставъ военнымъ, а Ермоловъ, также знавшій Стро-

ганова на полѣ битвы, пишетъ наоборотъ: «Изъ всѣхъ наилучшихъ качествъ, украшающихъ Строганова, военныя не суть превосходнѣйшія. Никому не уступая въ отважности, готовый всегда встрѣчать опасность, но не среди звука оружія можетъ возгремѣть имя его...»

Отецъ графа Павла Александровича сначала баронъ, затѣмъ графъ Александръ Сергѣевичъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, девятнадцати лѣтъ посланъ былъ за границу учиться въ Женеву, Италію и Парижъ, гдѣ провелъ четыре года. Въ теченіе дальнѣйшей жизни онъ былъ однимъ изъ приближенныхъ людей къ императрицѣ Екатеринѣ II, держалъ себя совершенно независимо, но въ политику мало вмѣшивался; онъ посвятилъ себя благотворительности, поощренію наукъ и искусствъ, прекрасно и гуманно управлялъ своими крестьянами и былъ вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ защитникомъ раскольниковъ. Знаменитый архитекторъ Воронихинъ, строитель Казанскаго собора, при сооруженіи котораго не было допущено графомъ ни одного иностранца, былъ его дворovýmъ челоуѣкомъ. То же независимое положеніе графъ сохранилъ и при Павлѣ I и при Александрѣ I.

Замѣчательно, что этотъ любезный и пріятный въ обращеніи челоуѣкъ былъ весьма несчастливъ въ своей семейной жизни. Съ первою женою, Анной Михайловной Воронцовой, онъ скоро развѣхался и, несмотря на сопротивленіе императрицы Екатерины II, искалъ пять

лѣтъ развода; дѣло окончилось преждевременной смертью Анны Михайловны. Не болѣе счастливъ онъ былъ и съ другою женою, урожденною Екатериною Петровою Трубецкою.

Супруги прожили семь лѣтъ за границею, преимущественно въ Парижѣ, гдѣ сблизились съ графомъ А. А. Головкинымъ, жившимъ тамъ еще со времени процесса царевича Алексѣя. Когда французы спрашивали Головкина, отчего онъ не возвращается на родину, то этотъ старый чудакъ отвѣчалъ, что онъ только тогда вернется, когда отмѣнятъ слѣдующія двѣ поговорки на Руси: «безъ вины виноватъ» и «все Божіе и государево».

По возвращеніи въ Россію, графиня Екатерина Петровна влюбилась въ фаворита Екатерины II, И. П. Корсакова, и когда разгнѣванная императрица приказала Корсакову ѣхать въ Москву, то Строганова бросила мужа и поѣхала за Корсаковымъ въ Москву, гдѣ и осталась до кончины. Когда Павелъ I велѣлъ Корсакову выѣхать въ Саратовъ, графиня временно послѣдовала за нимъ и туда.

Графъ Павелъ Александровичъ былъ единственнымъ сыномъ графа Александра Сергѣевича отъ брака съ Екатериною Петровною. Онъ родился въ Парижѣ въ 1774 году, и остался при отцѣ, выписавшемъ въ 1779 году для воспитанія сына знаменитаго въ исторіи революціи Ромма, сумѣвшаго сдѣлаться и остаться вплоть до своей трагической кончины другомъ графа А. С-ча и пріобрѣсти громадное вліяніе на своего воспи-

танника. Эта дружба тѣмъ удивительнѣе, что, по словамъ Ромма, въ Россіи къ гувернерамъ даже иностранцамъ въ обществѣ относились «съ недоувѣріемъ и полупрезрѣніемъ». «Особы стыдились дышать однимъ воздухомъ съ учителемъ!»

Жильберъ Роммъ былъ уроженецъ Ріома въ Оверни, учился въ Парижѣ и былъ первоначально гувернеромъ у вышеупомянутаго гр. Головкина. По наружности Роммъ былъ весьма некрасивъ, угрюмъ, говорилъ и писалъ плохо; изъ многихъ писемъ его, напечатанныхъ въ книгѣ, видна только пустая фразеологія во вкусѣ Жанъ-Жака Руссо, большого же ума вовсе не видно, но, вѣроятно, у Ромма были качества, возвышавшія его въ глазахъ близко знавшихъ его. Онъ велъ весьма добросовѣстно дѣло обученія. Въ систему его входили постоянные обмѣны длинными письмами и долгія путешествія по разнымъ концамъ Россіи, даже по вновь присоединенной Тавридѣ.

Роммъ былъ представленъ Екатеринѣ II и поднесъ ей чернильницу своего изобрѣтенія. Онъ оставилъ характеристику императрицы, которую авторъ книги находитъ смѣлою и безпристрастною, хотя скорѣе ее можно назвать пангерической. Безпристрастное описаніе Екатерины можно найти скорѣе въ дневникѣ другого француза въ Петербургѣ, дипломата де-Корберона, недавно напечатанномъ въ Парижѣ.

Послѣ пятилѣтнихъ путешествій по Россіи, Роммъ убѣдилъ послать своего воспитанника «Попо», начавшаго лѣниться «подъ вліяніемъ Россіи», доучиваться

въ 1787 г. въ Швейцарію, а въ 1789 г. въ Парижъ. Здѣсь и учитель, и ученикъ попали въ самый разгаръ революціоннаго движенія и Роммъ не только быстро обратился въ завзятаго и нетерпимаго революціонера, но и увлекъ своего юнаго воспитанника. Павелъ Александровичъ перемѣнилъ свое имя на имя Otcher (отъ Очерскаго завода), ежедневно ѣздилъ въ засѣданія національнаго собранія и записался въ основанный Роммомъ клубъ *Ami de la loi*, гдѣ вовсе не оставался равнодушнымъ зрителемъ. Клубъ собирался въ квартирѣ извѣстной *vigago* Теруанъ де-Мерикуръ, водившей парижскихъ бабъ въ Версаль. За этою женщиною, отличавшеюся дикою красотою и громкимъ голосомъ и которая сошла съ ума, когда ее высѣкли, молодой Строгановъ ухаживалъ вовсе повидимому не съ революціонными цѣлями, несмотря на извѣстную холодность де-Мерикуръ къ мужчинамъ¹⁾).

¹⁾ Извѣстный нѣмецкій ученый Георгъ Форстеръ, знавшій близко Теруанъ де-Мерикуръ, оставилъ въ своихъ запискахъ слѣдующій портретъ этой оригинальной героини:

«Это молодая дѣвушка отъ двадцати-пяти до двадцати восьми лѣтъ, брюнетка съ открытымъ лицомъ. Черты ея были прежде очень красивы и теперь еще она не дурна. Лицо ея показываетъ характеръ простой, твердый; въ ней много ума и энтузіазма. Въ глазахъ и въ улыбкѣ видна доброта. Она помѣшана на свободѣ, говоритъ все время о революціи, и ея сужденія были всѣ поразительны и касались именно сущности дѣла. Она оцѣнила дѣйствія Вѣнскаго кабинета съ компетентностью, которую могла дать только особая способность наблюденія... Говорятъ, что она жаждетъ познаній и думаетъ даже удалиться въ деревню,

Павелъ Александровичъ былъ библіотекаремъ клуба «Другъ Закона», а въ августѣ 1790 года онъ вступилъ въ клубъ якобинцевъ и получилъ дипломъ, подписанный Барнавомъ, съ девизомъ: «Vivre libre ou mourir!» И въ якобинскомъ клубѣ графъ Строгановъ не оставался бездѣйствующимъ лицомъ; онъ два раза избирался въ депутаціи въ національное собраніе и говорилъ даже рѣчь о правахъ земного шара (univers), участвовалъ въ знаменитомъ праздникѣ федераціи 14-го іюля 1790 года. Въ письмахъ своихъ онъ писалъ, что въ Россію онъ возвращаться не хочетъ, ибо въ военной службѣ онъ не желаетъ подвергать свою жизнь опасности «для капризовъ честолюбивой женщины», а дипломатомъ быть нельзя безъ лукавства и склонности къ шпіонству. Прочитавъ о мирѣ съ Швеціей, Павелъ Александровичъ писалъ отцу, что съ удовольствіемъ слышалъ, что въ Петербургѣ радуются о мирѣ. «Я это больше люблю, нежели радованія, которыя иногда дѣлаютъ для одной побѣды, въ которой по

чтобы пополнить свое образованіе. Она ищетъ человека просвѣщеннаго, который хорошо говорилъ и писалъ бы, который взялъ бы ее на полное содержаніе и далъ бы ей двѣ тысячи ливровъ въ годъ. Я простая крестьянка, говоритъ она, но я желаю образоваться. У ней однако должны быть средства къ жизни, хотя она увѣряетъ, что потеряла свое состояніе; она очень прилично одѣта и имѣетъ экипажъ»

Нѣсколько однако дней спустя Форстеръ узналъ, что Теруанъ, живя въ Туринѣ, вела себя болѣе чѣмъ скверно. Его энтузіазмъ къ революціонной героинѣ быстро падаетъ и онъ выражаетъ къ ней только презрѣніе и даже отвращеніе.

большой части побѣждающій теряетъ столько - жъ, сколько побѣжденный».

Такія рѣчи и такое поведеніе сына, уже числившагося капитаномъ и адъютантомъ свѣтлѣйшаго князя Потемкина, нисколько не смущали графа А. С. Строганова, но послѣ донесенія нашего представителя въ Парижѣ Симоллина, Екатерина II, которая и ранѣе неохотно дала разрѣшеніе Строганову воспитывать сына за границею, приказала графу Александру Сергѣевичу своего сына «изъ таковыхъ зловредныхъ рукъ высвободить», предупреждая, что Ромма въ Петербургъ обратно не впустятъ.

Графъ А. С. Строгановъ въ высшей степени деликатномъ письмѣ, увѣряя, что его довѣренность не ослабѣла, просилъ Ромма ѣхать съ сыномъ въ Вѣну. Роммъ хотя и отвѣчалъ съ гордостью, но выѣхалъ изъ Парижа, только не въ Вѣну, а въ Овернь.

Гражданскія похороны слуги молодого графа переполнили чашу. За графомъ былъ посланъ его двоюродный братъ, извѣстный впослѣдствіи Н. Н. Новосильцевъ, а Ромму прислали 10,000 ливровъ, которые Роммъ возвратилъ, но когда ему отправили 30,000, то онъ ихъ оставилъ у себя. Привезеннаго молодого якобинца Екатерина II сослала въ деревню матери Братцево, гдѣ онъ и просидѣлъ до 1796 года.

Позднѣйшая судьба Ромма извѣстна. Онъ сдѣлался вліятельнымъ членомъ конвента, былъ очереднымъ его предсѣдателемъ, подалъ голосъ за казнь Людовика XVI и сочинилъ извѣстный революціонный календарь, дѣй-

ствовавшей не до Бонапарта, какъ сказано въ книгѣ, а до 1805 года. Съ паденіемъ тираніи монтаньяровъ Роммъ былъ арестованъ и по прочтеніи ему смертнаго приговора военно-судной комиссіей 17-го іюня 1795 года закололъ себя ножомъ, на 45 году жизни, чѣмъ избавился отъ гильотины. Въ фанатическомъ ослѣпленіи своемъ онъ въ особой прокламаціи къ жителямъ Ріома писалъ передъ смертью, что его арестъ долженъ служить свободѣ, поддержать единство республики и вызвать довѣріе! Въ томъ же духѣ писалъ онъ и оставшейся беременной молодой женѣ.

«Роммъ былъ безусловно человѣкъ съ твердымъ характеромъ, желѣзной волей, имѣвшій вполне опредѣленные понятія о чувствѣ долга и глубоко преданный наукѣ, но едва ли, говоритъ авторъ книги, онъ годился въ воспитатели, а еще менѣе въ политическіе дѣятели».

Живя въ Братцевѣ, графъ Павелъ Александровичъ познакомился съ княжною Софьею Владиміровною Голицыной, на которой вскорѣ и женился. Графиня была женщина красивая и образованная; она перевела по-русски «Адъ» Данте. Несмотря на любовь къ ней императора Александра, она сумѣла сохранить дружбу императрицы Елизаветы Алексѣевны и одна вмѣстѣ съ кн. А. Н. Голицынымъ не унижалась въ высшемъ петербургскомъ обществѣ передъ всемогущимъ Аракчеевымъ.

Уже въ царствованіе Павла I графъ Павелъ Александровичъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ на-

слѣднику престола; съ нимъ они мечтали о реформахъ, а въ моментъ воцаренія Александра I изъ всѣхъ его друзей только графъ и находился въ Петербургѣ, почему первый получилъ изліянія молодого государя о задуманныхъ преобразованіяхъ государственнаго строя. Эти изліянія пришлись по душѣ молодому якобинцу, онъ подробно записалъ ихъ, какъ добросовѣстно записывалъ и другія мало-мальски интересовавшія его вещи.

Находя желанія императора весьма туманными, графъ представилъ особую «Записку по поводу основныхъ началъ для государственныхъ преобразованій», гдѣ предложилъ учредить особый негласный комитетъ. Записка графа впервые теперь напечатана цѣликомъ. Она написана по-французки, какъ почти все, что писалъ графъ. Государь одобрилъ мысль графа и принялъ предсѣдательство въ комитетѣ, гдѣ графъ Строгановъ, имѣвшій тогда 29 лѣтъ, кромѣ обязанности члена, исполнялъ и обязанность секретаря. Всѣ протоколы комитета, нынѣ впервые напечатанные, велись имъ.

Работы негласнаго комитета, какъ извѣстно, остались почти безрезультатными. Молодые сотрудники Александра I всѣ учились за границею, Россію знали очень мало, а между тѣмъ пользоваться совѣтами болѣе опытныхъ государственныхъ людей пренебрегали. Однихъ благихъ намѣреній и добрыхъ пожеланій идеалистическаго либерализма было конечно недостаточно для преобразованія Россіи. Не помогъ и выписанный

на подмогу Лагарпъ, который, умудрившись опытомъ швейцарской администраціи, оказался скорѣе противникомъ, чѣмъ защитникомъ примѣненія либеральныхъ идей къ Россіи и полагалъ, что для послѣдней достаточно мира, усиленія просвѣщенія и улучшенія судопроизводства.

Идеи Лагарпа сходились отчасти съ мнѣніемъ, выраженнымъ въ запискѣ графа Безбородко, переданной Александру, когда онъ еще былъ наследникомъ престола. Записка начиналась слѣдующими словами: «Россія должна быть государствомъ самодержавнымъ. Малѣйшее ослабленіе самодержавія повлекло бы за собою отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія».

«Но государь самодержавный, продолжаетъ онъ, если онъ одаренъ качествами, сана его достойными, чувствовать долженъ, что власть дана ему безпредѣльная не для того, чтобы управлять дѣлами по прихотямъ, но чтобы держать въ почтеніи и исполненіи законы предковъ своихъ и самимъ имъ установленные; словомъ, изрекши законъ свой, онъ, такъ сказать, самъ первый его чтить и ему повинуется, дабы другіе и помыслить не смѣли, что отъ того уклониться или избѣжать могутъ».

Графъ Строгановъ разыскалъ записку и восхищался ею, но государь отнесся къ ней столь же равнодушно, какъ и въ прежнее время, когда онъ предпочелъ конституціонныя наброски Новосильцева. Отпаденіе частей государства не могло страшить человека, задумавшаго

мавшаго возстановленіе Польши и затѣмъ спокойно отдѣлившаго отъ Россіи завоеванія въ Финляндіи Петра и Елизаветы.

Изъ старыхъ государственныхъ людей государь не хотѣлъ слушать ни А. Р. Воронцова, ни Трощинскаго, ни Державина, ни Беклешова, ни Ростопчина, ни Мордвинова и допускалъ только лѣниваго и нетрезваго графа Завадовскаго, о которомъ, какъ о министрѣ народнаго просвѣщенія, удачно замѣтилъ Новосильцевъ: «Господь Богъ, создавъ вселенную, отдыхалъ въ седьмой; но нашъ министръ поступаетъ лучше: онъ ровно ничего не дѣлаетъ шесть дней и тѣмъ не менѣе отдыхаетъ и седьмой».

Изъ молодыхъ сотрудниковъ императора Строгановъ несомнѣнно любилъ все русское, вѣрно умѣлъ оцѣнить нужды русскаго крестьянина, но и его участіе въ реформенной горячкѣ первыхъ лѣтъ царствованія Александра I осталось бесполезнымъ, потому что, какъ вѣрно замѣчаетъ авторъ разбираемой нами книги, «недоставало твердой руки при определенной волѣ, которая спокойно и умѣло руководила бы при сложной работѣ».

Александръ I менѣе всего годился для подобнаго руководства по своему характеру, въ которомъ была «наружная обворожительная любезность, за которой никто не могъ уловить настоящихъ чувствъ его, и какая-то кокетливая скрытность чуть ли не передъ самимъ собою». Графъ Строгановъ замѣчалъ не разъ, что, вступивъ въ споръ съ императоромъ, слѣдовало

опасаться, чтобы не заупрямился, и благоразумнѣе было отложить возраженія до другого случая».

Изъ членовъ комитета графъ Павелъ Александровичъ былъ самымъ либеральнымъ и рѣшительнымъ; онъ высказался за улучшение быта крестьянъ, доказывая, что «если въ этомъ вопросѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостного состоянія». О тогдашнемъ дворянствѣ онъ въ одномъ изъ засѣданій комитета, прозваннаго въ шутку государемъ *Comité du salut public*, выразился, что «это сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное, и въ отношеніи къ своему духу—наиболѣе тупое».

Въ лонѣ комитета Строганова поддерживалъ только государь, но и то на словахъ. Хотя самому принципу преобразованій Александръ безусловно вѣрилъ, но практическое осуществленіе пугало его, онъ впадалъ въ нерѣшительность и въ результатѣ получалось нѣчто «трусливое, плохое», какъ выразился Строгановъ въ письмѣ къ Новосильцеву въ 1804 году. Да и члены комитета, графъ Кочубей, Новосильцевъ и князь Чарторыжскій, скоро охладѣли къ реформамъ, которымъ въ душѣ, кажется, мало сочувствовали. Одинъ графъ Павелъ Александровичъ съ начала до конца этого преобразовательнаго инцидента оставался вѣренъ себѣ, увлекаясь болѣе всѣхъ, говоря безусловно откровеннѣе другихъ и вовсе не стѣсняясь обстановкою, среди которой ему приходилось произносить пламенные рѣчи. Онъ не страшился говорить правду,

что не могло понравиться. По крайней мѣрѣ графиня В. П. Головкина говоритъ, что «благосклонность великаго князя Александра къ тѣмъ или другимъ лицамъ ничего не значила въ глазахъ императора, это особенно видно на примѣрѣ молодого графа Строганова, къ которому Александръ благоволилъ болѣе чѣмъ къ другимъ придворнымъ, а будучи императоромъ вскорѣ осыпалъ неприятностями и оскорбленіями».

Лихорадочное увлеченіе въ эту эпоху молодыхъ сотрудниковъ монарха очевидно, но увлекался ли самъ государь одинаково со своими сверстниками и дѣйствительно ли думалъ «обезпечить государственныя учрежденія конституціей, основанной на истинномъ духѣ русскаго народа»? По мнѣнію автора разбираемой книги: едва ли. Въ этомъ случаѣ авторъ расходится во взглядахъ съ Шильдеромъ, Пыпинымъ и другими панегиристами первыхъ лѣтъ царствованія Александра I.

«Говорятъ и повторяютъ, пишетъ великій князь, что всѣ преобразованія, надъ которыми такъ много трудились въ первые годы XIX столѣтія, исходили отъ императора Александра I. Согласно съ этимъ укоряютъ и клянутъ перемѣну, будто бы происшедшую позже во взглядахъ и намѣреніяхъ старшаго внука Екатерины II. Это не столько недоумѣніе, какъ большая ошибка».

«Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что императоръ Александръ I, вслѣдъ за воцареніемъ, многимъ былъ недоволенъ, многое желалъ измѣнить, даже исправить,

какъ равнымъ образомъ несомнѣнно, что ни одна изъ произведенныхъ въ это время реформъ не исходила отъ него лично, что всѣ онѣ были безъ труда внушаемы ему, при чемъ его согласіе добывалось нерѣдко съ большими усиліями. Императоръ Александръ I никогда не былъ реформаторомъ, и въ первые годы своего царствованія онъ былъ консерваторъ болѣе всѣхъ окружающихъ его совѣтниковъ».

Эту черту Александра I понималъ лучше всѣхъ и наиболѣе успѣшно боролся съ нею гр. Строгановъ.

Внимательно прослѣдя, говоритъ авторъ, «различныя фазы той многосложной работы, которая была такъ быстро затѣяна, постоянно замѣчаешь въ дѣйствіяхъ государя сперва смѣлый шагъ впередъ и тотчасъ же нѣсколько шаговъ назадъ, именно тогда, когда, казалось, уже все приходило къ желанному рѣшенію. Онъ замѣчательно умѣлъ вдохновить своихъ избранниковъ, смѣло намѣтить, хотя всегда въ общихъ чертахъ, извѣстную программу и цѣль, и какъ только машина приходила въ полную силу своего напряженія, давался непредвидѣнно задній ходъ. Затѣянное останавливалось и такъ же быстро все обращалось къ чему либо новому, конецъ котораго ожидала та же участь. Вотъ отчего такъ поражаетъ незаконченность всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя государь хотѣлъ положить въ основу своего царствованія и которыя получили образъ какого-то пестраго, неопредѣленнаго конгломерата, освѣтившаго на короткое время Россію въ формѣ спустившагося съ небесъ метеора».

Это отчасти картина реформаторской дѣятельности и первой эпохи императора Александра II, хотя сила обстоятельствъ дала гораздо болѣе рѣшительности реформамъ крестьянской, судебной и земской.

Съ аустерлицкимъ пораженіемъ дѣятельность негласнаго комитета окончательно прекращается. Мѣсто его заступаетъ временно (до полнаго возобладанія аракчеевскаго вліянія) Комитетъ Министровъ.

Созданію этого учрежденія графъ Строгановъ вовсе не сочувствовалъ. «Учрежденіе Комитета Министровъ, писалъ онъ, послужитъ только къ созданію во всѣхъ отношеніяхъ зловредной власти. Министры должны, конечно, обладать большою властью, но также необходимо, чтобы они были дѣйствительно отвѣтственны за свои дѣянія, между тѣмъ комитетъ этотъ избавитъ министровъ отъ всякой отвѣтственности, а большинство его членовъ образуютъ такую сильную волю, которая ослабитъ волю государя, которая одна должна имѣть значеніе». Таково же было мнѣніе гр. Н. С. Мордвинова.

Члены негласнаго комитета разѣхались, замѣтивъ перемѣну въ настроеніи государя, увлекшагося иностранною политикою.

Вредъ отъ этого увлеченія еще съ момента мемельскаго свиданія (въ іюнѣ 1802 г.) подмѣтилъ престарѣлый графъ С. Р. Воронцовъ.

«Мемельское свиданіе, говоритъ онъ, самый легкомысленный шагъ, который только можно себѣ представить. Этимъ свиданіемъ нарушается равновѣсіе

между Пруссіею и Австріею, которая теперь должна будетъ еще болѣе унижаться передъ Бонапартомъ, оберегая свое спокойствіе. Послѣдній изъ русскихъ подданныхъ зналъ, что всѣ государи міра пріѣзжали къ покойной императрицѣ Екатеринѣ II; теперь русскій императоръ самъ ѣдетъ къ другимъ государямъ. Если бы, вмѣсто путешествій по большимъ дорогамъ, онъ посвятилъ бы это время на изученіе полезныхъ для Россіи реформъ, положеніе дѣлъ было бы иное».

И графу Строганову было дано дипломатическое порученіе въ Лондонъ, гдѣ номинально оставался еще короткое время посломъ англоманъ графъ С. Р. Воронцовъ. Цѣль поѣздки была устроить окончательное соглашеніе съ Англіею. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ уже въ это время бездарный баронъ Будбергъ, относившійся къ Строганову враждебно и завистливо.

Въ Лондонѣ легко увлекавшійся Павелъ Александровичъ сталъ ярымъ англоманомъ не менѣе, чѣмъ Воронцовъ; онъ рѣзко возсталъ противъ извѣстнаго соглашенія Убри съ Наполеономъ, называлъ Англію «нашею вѣрнѣйшею союзницею», однако усилія его къ тѣснѣйшему сближенію двухъ государствъ вовсе не оправдались послѣдствіями, поэтому не совсѣмъ понятно, почему авторъ разбираемой книги говоритъ, что «исторія оправдала политическіе взгляды и патриотическія чувствованія русскаго посланника въ Лондонѣ».

Замѣна Будберга хотя тоже мало способнымъ сто-

ронникомъ сближенія съ Франціей графомъ Румянцевымъ заставила Строганова оставить свой дипломатическій постъ въ Лондонѣ.

«Несомнѣнно, что рѣшеніе это произошло послѣ усиленной внутренней борьбы съ самимъ собою, что разочарованіе въ царственномъ другѣ было велико и что огорченіе отъ переменъ мыслей императора больно отразилось въ отзывчивой натурѣ графа», говоритъ его біографъ.

Укрѣпивъ въ Англіи свою ненависть къ Наполеону и не желая продолжать дипломатическую карьеру, графъ Строгановъ, имѣвшій чинъ тайнаго совѣтника и званіе сенатора, поступилъ въ 1807 году волонтеромъ въ отрядъ Платова и сдѣлалъ лихой набѣгъ у рѣчки Алле на обозы маршала Даву. Жезлъ маршала, сохраняющійся до сихъ поръ въ Казанскомъ соборѣ, остается памятникомъ этого подвига. Въ эту кампанію графъ былъ переименованъ въ генераль-майоры и получилъ Георгія III ст. Въ шведскую войну Строгановъ занялъ Аландскіе острова; въ турецкую онъ занялъ Кюстенджи и съ успѣхомъ дрался подъ Силистріей, Татарицей и Шумлой. Поссорившись съ гр. Каменскимъ, онъ уѣхалъ изъ арміи и сталъ въ Петербургѣ во главѣ салона, яро враждовавшаго французамъ.

Въ достопамятный 1812 годъ графъ Павелъ Александровичъ командовалъ дивизіей, участвовалъ въ Лубинскомъ боѣ за Смоленскомъ, подъ Бородинымъ, Малоярославцемъ и Краснымъ. Оставивъ армію по бо-

лѣзни, графъ со своимъ сыномъ Александромъ присоединился къ арміи подъ Лейпцигомъ и затѣмъ принялъ участіе въ блокадѣ Гамбурга. Въ 1814 г. онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Шампоберомъ, Монмирайлемъ и Вошаномъ. Въ битвѣ подъ Краономъ, гдѣ русская пѣхота выказала такую замѣчательную стойкость, ядро оторвало голову единственному сыну графа.

Это событіе потрясло навсегда здоровье Павла Александровича. Несмотря на всеобщее сочувствіе его горю, онъ хотя и принялъ еще участіе въ сраженіи подъ Лаономъ, но сталъ сильно хворать, покинулъ армію и болѣе уже не поправлялся.

Такъ ему и не удалось увидѣть Парижа. Въ маѣ 1817 г. онъ поѣхалъ за границу на кораблѣ изъ Кронштадта. Его сопровождали жена и племянникъ, извѣстный дипломатъ баронъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ. Въ Копенгагенѣ графу стало хуже; онъ пожелалъ, чтобъ жена его оставила, и только племянникъ былъ свидѣтелемъ его смерти. Причастившись и соборовавшись, онъ умеръ въ полной памяти, какъ истинный аристократъ Александровскихъ временъ, «разговаривая съ докторомъ по-англійски, съ племянникомъ по-французски и со своимъ лакеемъ по-русски».

Погребенъ графъ былъ весьма торжественно въ присутствіи государя на Александро-Невскомъ кладбищѣ, гдѣ для него и сына его положена могильная плита, съ характерною ошибкою, до сихъ поръ не исправлен-

ною, а именно сказано, что сынъ Павла Александровича положилъ жизнь за свое отечество подъ Руаномъ, а между тѣмъ слѣдовало написать: подъ Краономъ. Знаменитый Филаретъ говорилъ длинную надгробную рѣчь.

Имѣніе свое, заключавшее въ одной Пермской губерніи 45,870 душъ крестьянъ, графъ еще въ 1814 г. обратилъ въ майоратное. Оно осталось пожизненно во владѣніи вдовы покойнаго, а затѣмъ перешло къ старшей дочери графа, Наталіи, вышедшей замужъ за троюродного брата отца своего, барона (а затѣмъ графа) Сергѣя Григорьевича Строганова, извѣстнаго по своей дѣятельности въ качествѣ попечителя московскаго учебнаго округа. Сергѣй Григорьевичъ и наслѣдовалъ майоратъ въ 1872 г., послѣ смерти жены, а въ 1882 г. майоратъ перешелъ къ внуку графа, графу Сергѣю Александровичу. Графъ Сергѣй Григорьевичъ присоединилъ къ майорату собственныхъ 14,000 душъ и въ моментъ освобожденія крестьянъ въ Строгановскомъ имѣніи было майоратныхъ болѣе 80,000 душъ и собственныхъ 14,000 душъ, земли за надѣломъ крестьянъ осталось около 1.300,000 десятинъ и выкупной суммы получилось 7.570,000 рублей, треть которой, какъ сказано выше, была подарена крестьянамъ.

Оставаясь якобинцемъ, никогда бы конечно графъ Павелъ Александровичъ означеннаго богатства не сохранилъ. Нельзя сказать однако, что идеи 1789—90 гг. были имъ позабыты. Графъ Сергѣй Григорьевичъ рассказывалъ про своего тестя, что «иногда подъ влія-

ніемъ воспоминаній о своихъ молодыхъ годахъ графъ Павелъ Александровичъ становился страннымъ, чудилъ и вдругъ ни съ того, ни съ сего уходилъ въ комнаты своихъ слугъ, садился съ ними запросто обѣдать и наслаждался равенствомъ!»

Но противорѣчіе вообще было и осталось въ характерѣ сіятельнаго якобинца Гречъ удивляется въ своихъ запискахъ, какъ душа графа, пропитанная революціонными правилами, перерабатывалась въ ревностнаго русскаго патріота, а умная графиня В. Н. Головина въ своихъ мемуарахъ дѣлаетъ проническое замѣчаніе, что графъ былъ «однимъ изъ тѣхъ обьевропеевшихся русскихъ аристократовъ, которые умѣютъ въ умѣ своемъ связать принципы равенства и свободы со стремленіемъ къ политическому преобладанію высшаго дворянства».

ГРАФЪ Д. А. ТОЛСТОЙ КАКЪ ИСТОРИКЪ.

Въ статьѣ, моей по поводу столѣтія министерства юстиціи ¹⁾ я написалъ, что гр. Панинъ, бывшій министръ юстиціи, былъ противникомъ классическаго образованія, хотя превосходно зналъ древніе языки, не то, что графъ Д. А. Толстой, защищавшій пользу древнихъ языковъ, не зная ни одного изъ нихъ. По поводу этой фразы г. Стремоуховъ написалъ въ «Новомъ Времени» письмо, очевидно, не совсѣмъ вѣрно понявъ мой отзывъ о гр. Толстомъ, что послѣдній не зналъ древнихъ языковъ. Толстой могъ учиться, какъ и другіе, въ школѣ латыни, но это не значитъ еще знать языкъ. И я былъ въ гимназій, учился латинскому языку, но все-таки его не знаю. Мало ли чему учатъ у насъ въ школахъ. Г. Стремоуховъ основывалъ свое возраженіе на «настойчивости» и упорномъ характерѣ покойнаго министра», я же основыва-

¹⁾ К. Скальковскій. «Очерки и фантазіи».

вался на словахъ гр. Панина, который въ Государственномъ Совѣтѣ сказалъ, возражая Толстому во время преній о классическомъ образованіи, что онъ одинъ (т.-е. Панинъ), кажется, знаетъ въ этомъ собраніи древніе языки, знаетъ ихъ трудность и то, что они вовсе не развиваютъ умственныхъ способностей. На это Толстой, послѣ ироническаго перерыва, замѣтилъ, что онъ выучился греческому языку въ самое короткое время, едва ли не въ три мѣсяца. Графъ Панинъ весьма тонко отвѣтилъ, что это свидѣтельствуется только о необыкновенно блестящихъ способностяхъ графа Дмитрія Андреевича.

Правъ былъ, очевидно, гр. Панинъ. Основательно знающихъ древніе языки у насъ такъ мало въ Россіи, а особенно было въ 60-хъ годахъ, что для преподаванія этихъ языковъ пришлось выписывать изъ-за границы чеховъ. Людей, въ родѣ гр. Олсуфьева, который, будучи гусаромъ, выказалъ себя блестящимъ латинистомъ, можно въ Россіи пересчитать по пальцамъ.

Не удовольствовавшись этимъ отвѣтомъ, г. П. Стремуховъ въ новомъ письмѣ въ «Новое Время», въ числѣ доводовъ о прекрасномъ будто бы знаніи древнихъ языковъ гр. Д. А. Толстымъ, указалъ на то, что покойный министръ написалъ книгу о католицизмѣ въ Россіи. Доводъ этотъ имѣлъ бы существенное значеніе, если бы означенный трудъ былъ дѣйствительно научнымъ изслѣдованіемъ, а не официальной компиляціею, которую Толстому не трудно было составить, имѣя въ рукахъ по службѣ извѣстные матеріалы.

Давно было указано, что для своего сочиненія Толстой вовсе не пользовался заграничными архивами, русскими очень мало, не потрудился даже познакомиться съ существовавшимъ печатнымъ матеріаломъ; поэтому въ его книгѣ есть существенные пропуски и большія неправильности и недочеты. О богословскихъ же познаніяхъ Толстого можно судить уже по его извѣстной рѣчи въ Θεодосіи, гдѣ онъ слова Христа: «Нѣсть пророка въ своемъ отечествѣ» называлъ извѣстной французской пословицей! Разбирать книгу Толстого по косточкамъ мало было кому однако охоты, тѣмъ болѣе, что такой трудъ не могъ бы и появиться въ Россіи, гдѣ Толстой болѣе двадцати лѣтъ подрядъ занималъ высокіе административные посты, именно вслѣдъ за выходомъ книги въ Парижѣ (въ 1863 и 1864 гг.), и очень былъ ревнивъ къ отзывамъ печати.

Получивъ «Новое Время» съ письмомъ г. Стремехова, я просилъ одного живущаго въ Парижѣ великаго спеціалиста въ богословскихъ вопросахъ и знающаго латинскій языкъ точно своей родной, высказать свое мнѣніе о научномъ значеніи книги Толстого. Спеціалистъ имѣлъ въ рукахъ только русскій переводъ «Исторіи католицизма въ Россіи», сдѣланный въ 1876 г. бывшимъ профессоромъ Казанской духовной академіи Н. П. Соколовымъ и слѣдовательно процѣженный уже такъ-сказать спеціалистомъ и послѣ того, что за десять лѣтъ Толстой и лично могъ исправить нѣкоторыя ошибки. Перелиставъ вновь только

80 страницъ I тома (вся книга имѣетъ около 700 страницъ), специалистъ указаль мнѣ на нижеслѣдующіе недосмотры. «А всѣхъ,—говориль онъ,—не перечесть, да на это нужно время».

По словамъ Толстого (стр. 17-я), папа Павелъ II устроиль въ 1472 году бракъ Софіи Палеологъ, между тѣмъ папа Павелъ II умеръ 28-го іюля 1471 г., а бракомъ занимался Сикстъ IV. На стр. 18-й Захарій названъ епископомъ гордіенскимъ, а онъ былъ сперва епископомъ Себасты, а затѣмъ Гвардальфіера. На стр. 19-й итальянецъ Чентуріоне названъ латинскимъ званіемъ центуріонъ.

Объ исторіи Ганса Шлитте Толстой ничего не зналъ. Въ ней былъ замѣшанъ графъ Филиппъ Everstein, котораго Толстой умудрился назвать Герберштейномъ (sic), а Іоганна Штемберга—Штейнбергомъ. На стр. 21-й преемникомъ папы Юлія III показанъ Пій IV, между тѣмъ между ними были Маркель II и Павелъ IV. Извѣстный въ Германіи іезуитъ Petrus Canisius, бывшій на соборѣ въ Тридентѣ и написавшій принятый вездѣ католическій катехизисъ, называется въ книгѣ Толстого Петръ Канцій (стр. 68-я).

Еще курьезнѣе слѣдующая грубая ошибка: Alexandro Comuleo (онъ же Комуловичъ), священникъ при церкви св. Іеронима въ Римѣ, названъ священникомъ святого Пиролама Комулей. Очевидно Толстой прочелъ san Piroloamo вмѣсто san Girolamo (стр. 74-я)! Это въ Римѣ, а вотъ и въ Москвѣ: іезуита Николая Чижевскаго, сопровождавшаго Дмитрія Самозванца

въ Москву, Толстой называетъ (стр. 80) Чернецкій. Онъ пишетъ также о какой-то войнѣ съ турками во Франціи, очевидно дурно прочитавъ Franciа вмѣсто Fracia (Фракія).

Сообщаю эти замѣтки не для полемики съ г. Стремоуховымъ, но какъ матеріаль. Гр. Д. А. Толстой—одна изъ крупнѣйшихъ фигуръ нашей государственной жизни XIX столѣтія и давно пора освѣтить его дѣятельность со всѣхъ сторонъ. Курьезно, что біографія его ни разу не попала въ «Dictionnaire des contemporaines» Varregaau и даже въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ Ефрона-Брокгауза, гдѣ второстепеннымъ литераторамъ отведены цѣлыя страницы, Толстому посвящено всего нѣсколько десятковъ строкъ. Необходима обстоятельная біографія покойнаго.

Графъ Д. А. Толстой былъ несомнѣнно человѣкъ умный и съ большою настойчивостью. Последнюю онъ проявилъ, бравируя непопулярностью болѣе какъ министръ народнаго просвѣщенія и въ началѣ своего оберъ-прокурорства въ Синодѣ; министерствомъ внутреннихъ дѣлъ онъ занимался гораздо менѣе, чѣмъ думали, отчасти по болѣзненному состоянію. Какъ министра народнаго просвѣщенія едва ли не лучше всѣхъ охарактеризовалъ Толстого кн. Мещерскій, вообще поклонникъ графа, сказавъ, что педагогической дѣятельности его недоставало сердца. Какъ реформаторы XVIII ст., Толстой смотрѣлъ на людей, какъ на какое-то тѣсто, изъ котораго можно лѣпить что угодно по усмотрѣнію правительства. Ученые за-

слуги Толстого ничтожны, хотя онъ и былъ президентомъ Академіи Наукъ. Его юношеское изслѣдованіе исторіи русскихъ финансовъ давно потеряло цѣну. О достоинствахъ его «Исторіи католичества въ Россіи» указано выше; онъ всю жизнь занимался, по слухамъ, исторіей Екатерины II, но неизвѣстно, что случилось съ этимъ трудомъ, котораго въ печати появился только маленькій отрывокъ (объ учебномъ дѣлѣ). Можетъ быть эту исторію постигла та же участь, что исторію Павла I, которою столько занимался другой покойный министръ кн. Лобановъ-Ростовскій и которая никогда написана, говорятъ, не была.

Убѣжденный консерваторъ и отчасти крѣпостникъ, хотя выдвинутый въ государственные люди великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, Толстой несомнѣнно превосходно зналъ Петербургъ, его людей и наши административные нравы. Между практическими совѣтами его по службѣ моему брату мнѣ болѣе всего понравился одинъ: это писать представленія въ высшія государственныя учрежденія какъ можно короче.

«—Повѣрьте, что тамъ, говорилъ онъ, не знаютъ вопроса; если же вы напишете массу выводовъ и справокъ, то непременно воспользуются вашими же словами и, переиначивъ ихъ, будутъ спорить съ вами».

Замѣчаніе весьма тонкое и вѣрное.

Печати Толстой не любилъ, хотя ею, благодаря Каткову, Любимову, Леонтьеву, Болеславу Маркевичу и г. Георгіевскому, широко пользовался для своихъ

цѣлей. Недовольный полемикой противъ классицизма, онъ отнялъ отъ Академіи Наукъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» и разорилъ редакцію Корша, въ которой я принималъ близкое участіе съ 1869 по 1874 гг., чѣмъ, кстати сказать, косвенно содѣйствовалъ созиданію «Новаго Времени». Современной исторіи Толстой также не любилъ. Когда мой братъ напечаталъ въ «Русской Старинѣ» первую главу своихъ воспоминаній о графѣ Лорисъ-Меликовѣ, у котораго онъ былъ правителемъ канцеляріи въ Астрахани, Харьковѣ и въ С.-Петербургѣ, то гр. Толстой, въ весьма впрочемъ любезныхъ выраженіяхъ, посоветовалъ ему не продолжать печатанія остальныхъ приготовленныхъ уже воспоминаній. Злопамятный по природѣ, Толстой не могъ забыть Лорисъ-Меликову и послѣ смерти пораженія изъ-за харьковскаго попечителя Жерве и собственнаго увольненія въ 1880 году. Послѣ смерти брата въ 1893 г. воспоминанія (я былъ тогда на Уралѣ) куда-то исчезли. Толстой впрочемъ былъ уже тогда въ гробу. О потерѣ воспоминаній можно пожалѣть потому, что изъ кружка гр. Лорисъ-Меликова свидѣтелей достопамятной эпохи «новыхъ вѣяній» въ живыхъ теперь уже почти никого не осталось.

ИСТОРИЧЕСКІЯ РАЗОБЛАЧЕНІЯ.

Политическія тайны разоблачаются теперь гораздо скорѣе прежняго. Знаменитое политическое духовное завѣщаніе Фридриха II, написанное въ 1752 г., такъ называемый Testament Politique, до сихъ поръ сохраняется въ тайнѣ. Его видѣли немногіе историки: Дройзенъ, Ранке, Козеръ и Максъ Леманъ, и получили право сдѣлать только небольшія выписки, тогда какъ о современныхъ событіяхъ самые таинственные документы и словесныя соглашенія дѣлаются очень быстро достояніемъ печати. Даже такіе серьезные государственные дѣятели, какъ Бисмаркъ, Ламармара, позволяли себѣ не мало нескромныхъ разоблаченій и нарушеній канцелярской тайны.

Недавно разоблачены весьма важные вопросы, касающіеся Франціи въ ея отношеніяхъ къ другимъ европейскимъ державамъ. Одно касается послѣдняго года второй имперіи, другое—дѣятельности Гамбетты, творца третьей республики — достойнаго дѣтища достойнаго отца.

Оказывается, что если Франція была быстро разбита въ 1870 г. Германіей, то наиболѣе способствовала тому Австро-Венгрія, которая не только оставила Францію въ затруднительную минуту (какъ сдѣлала и Италія), но навязала французамъ нелѣпый планъ кампаніи. Объ этомъ планѣ были уже намеки въ книгѣ покойнаго генерала Лебрена «Souvenirs militaires», но вопросъ впервые выясненъ неизвѣстнымъ авторомъ, написавшимъ объ этомъ статью въ журналѣ «Revue» (бывшемъ «Revue des Revues»), несомнѣнно на основаніи французскихъ секретныхъ документовъ, ему кѣмъ-то открытыхъ.

Обыкновенно упрекаютъ Наполеона III и его министра иностранныхъ дѣлъ герцога де-Грамона въ легкомысліи, съ которымъ они начали войну, не заручившись вовсе содѣйствіемъ Австро-Венгріи. Оказывается, что дѣло не ограничилось частными письмами Франца-Иосифа и Виктора-Эммануила съ обѣщаніями содѣйствія, о чемъ еще въ ноябрѣ 1869 г. Наполеонъ III заявилъ Лебрену. Въ мартѣ 1870 г. эрцгерцогъ Альбрехтъ, считавшійся послѣ своей побѣды подъ Кустоццою первокласснымъ военнымъ геніемъ, пріѣхалъ въ Парижъ подъ предлогомъ какихъ-то изслѣдованій, въ дѣйствительности для переговоровъ дипломатическихъ и военныхъ. Въ апрѣлѣ Наполеонъ III сообщилъ Лебрену, что имъ составленъ въ общихъ чертахъ съ эрцгерцогомъ планъ кампаніи и что немедленно по возвращеніи эрцгерцога въ Вѣну и по полученіи согласія его государя будетъ посланъ туда

генераль, облеченный полнымъ довѣріемъ, для выработки подробнаго плана войны.

Для этого былъ избранъ тотъ же Лебренъ, и передъ отъѣздомъ въ Вѣну онъ имѣлъ совѣщаніе 19-го апрѣля у императора въ Тюльери съ военнымъ министромъ Лебефомъ и генералами Фроссаромъ и Жарасомъ о совмѣстной кампаніи Франціи, Австро-Венгріи и Италіи противъ Пруссіи. Лебрену было поручено потребовать единовременнаго объявленія войны и одновременной мобилизаціи со стороны всѣхъ союзныхъ державъ.

Пріѣхавъ въ Вѣну 6-го іюня, Лебренъ имѣлъ четыре свиданія съ эрцгерцогомъ Альбрехтомъ, причемъ заявилъ о готовности Франціи въ теченіе двухъ недѣль со дня объявленія войны сосредоточить на границѣ 400,000 человекъ и начать кампанію. Эрцгерцогъ заявилъ, что Австро-Венгрія и Италія не могутъ мобилизоваться скорѣе 6-ти недѣль, но необходимо все-таки, чтобы Франція заняла для этого южную Германію. Австро-Венгрія обѣщала впрочемъ выставить немедленно по корпусу въ Пильзенѣ и Ольмюцѣ. Лебренъ понялъ, что австрійцы желаютъ оставаться въ положеніи вооруженнаго нейтралитета, пока не выяснятся результаты первыхъ столкновеній, чтобы при случаѣ уклониться отъ содѣйствія. Послѣ новыхъ споровъ 13-го іюня эрцгерцогъ Альбрехтъ составилъ однако окончательно планъ кампаніи, и 14-го іюня Лебренъ былъ принятъ Францомъ-Іосифомъ.

Планъ эрцгерцога былъ негнѣпъ и напоминалъ зна-

менитые планы австрійскаго гофкригсрата. Онъ былъ рассчитанъ по днямъ и часамъ, чтобы дать французской арміи въ теченіе сорока дней вторгнуться въ южную Германію и, дѣлая видъ, что она идетъ на Майнцъ, въ дѣйствительности пойти на Саарбрюкенъ, Штутгартъ, Нордлингенъ, чтобы на границахъ Богеміи соединиться съ австрійской арміей, окончательно къ тому времени мобилизованной. Главная нелѣпость плана была въ томъ, что онъ, для скрятія объекта наступленія, разбрасывалъ французскую армію въ началѣ кампаніи отъ Тіонвилля до Бельфора и предполагалъ, что пруссаки употребятъ семь недѣль на мобилизацію своей арміи, когда имъ потребовалось для того только семь дней. Нелѣпость французскаго плана кампаніи, не зная кому онъ принадлежалъ, призналъ уже ранѣе въ своихъ «Запискахъ» извѣстный прусскій генераль Верди дю-Вернуа.

Французы однако, рассчитывая на союзъ и содѣйствіе Австро-Венгріи, приступили къ буквальному исполненію австрійскихъ умоначертаній, разбросали свои восемь корпусовъ по границѣ Германіи и сдѣлали извѣстное движеніе къ Саарбрюкену, которое входило въ планъ эрцгерцога Альбрехта, а въ свое время было приписано только тщеславному желанію «окрестить огнемъ» наслѣднаго принца Луи-Наполеона.

Движеніе на Саарбрюкенъ, давшее ничтожные результаты, указало совершенную неподготовленность французской арміи къ кампаніи и невозможность наступательныхъ дѣйствій; пришлось принять новый

планъ войны — оборонительный, а его въ запасъ не было. Этимъ воспользовались пруссаки, чтобы быстро обойти правое крыло французской арміи и разнести его при Вертѣ.

Видя пораженіе французовъ, Австро-Венгрія, со свойственной ей издавна предательской политикой, отказалась отъ всякаго содѣйствія; то же успѣшилъ сдѣлать и Викторъ-Эммануиль, который впрочемъ имѣлъ болѣе правъ на нейтралитетъ: французы занимали еще Римъ, тогда какъ Пруссія подарила Италиі, всего четыре года до того, Венеціанскую область.

«Чтобы обмануть хорошо непріятеля,—писалъ въ своемъ плащѣ эрцгерцогъ Альбрехтъ,— нужно прежде всего обмануть своихъ: армію, страну и особенно управление желѣзныхъ дорогъ, отъ которыхъ непріятель заполучаетъ наиболѣе свѣдѣній». На дѣлѣ эрцгерцогъ обманулъ только союзника Австро-Венгріи. Планъ его совершенно роняетъ его военную репутацію, хотя, безъ сомнѣнія, не оправдываетъ французскаго генеральнаго штаба, такъ легкомысленно довѣрившагося сомнительному австрійскому генію и вообще чужеземцу.

Остановили Австро-Венгрію не столько первоначальные неуспѣхи Франціи на полѣ сраженія, сколько угрожающее положеніе, занятое Россіей. Услуга, оказанная въ 1870 г. нами Пруссіи, настолько впрочемъ извѣстна, что не стоитъ о ней распространяться.

* * *

Другое разоблаченіе въ области современной исторіи касается сближенія Бисмарка съ Гамбеттою, происшедшее въ концѣ 1877 года и содѣйствовавшее укрѣпленію во Франціи республики, что было очень на руку Германіи. Изъ записокъ покойнаго графа Генкеля фонъ-Доннерсмарка, котораго я когда-то лично знавалъ, какъ владѣльца одного изъ горныхъ заводовъ въ Царствѣ Польскомъ, видно, что сближеніе это произошло при посредствѣ графа, такъ какъ Гамбетта былъ однимъ изъ поклонниковъ извѣстной кокетки графини Паива (русской еврейки Лахманъ), на которой Доннерсмаркъ, столь же слабый къ женскому полу, какъ и Гамбетта, въ концѣ концовъ женился ¹⁾).

Доннерсмаркъ близко зналъ французовъ и ихъ политическіе нравы. Это онъ и посоветовалъ взять съ Франціи пять милліардовъ контрибуціи вмѣсто одного, какъ хотѣлъ было первоначально Бисмаркъ, незнакомый съ богатствомъ французовъ. Когда Доннерсмаркъ заявилъ, что подружился съ Гамбеттою, который продолжаетъ быть диктаторомъ во Франціи и только что свергнулъ Макъ-Магона, Бисмаркъ выразилъ опасеніе, что подобное сближеніе можетъ компрометгировать Гамбетту въ глазахъ его республиканскихъ дру-

¹⁾ Связи Гамбетты съ другою кокеткою графинею Вальтесъ де Лабинъ Франція, какъ извѣстно, обязана присоединеніемъ Тонкина.

зей, Доннерсмаркъ успокоилъ Бисмарка. Онъ прибавилъ даже въ письмѣ, что, если нужно, беретъ привезти Гамбетту въ Варцинь! «Rège Joseph (извѣстный фактотумъ Ришелье), современникъ французскаго правительства, человекъ, располагающій большинствомъ въ обѣихъ палатахъ, — писалъ графъ, — предлагаетъ вамъ съ величайшею готовностью и на самыхъ широкихъ основаніяхъ содѣйствіе Франціи»... Для этого требовалось только общее дѣйствіе противъ папскаго престола и взаимный контроль бюджета военнаго министерства.

Но это письмо Гербертъ Бисмаркъ подъ диктовку отца отвѣчалъ, что канцлеръ новой войны съ Франціей вовсе не желаетъ; онъ боится только *coup d'état* во Франціи, пбо клерикальное правительство будетъ навѣрное слугою папы. Вѣроятности войны очень проблематичны; это Бисмаркъ усматриваетъ въ неудачныхъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Болгаріи (въ началѣ войны 1877 г.). Намъ достаточно, — прибавлялъ онъ, — чтобы «Франціи варила въ собственномъ соку», конечно республиканскомъ.

Въ доказательство искренности дружбы Гамбетты Бисмаркъ потребовалъ, чтобы убрали французскаго посла въ Берлинѣ графа Гонто-Бирона, сочувствовавшаго клерикаламъ. Въ отвѣтъ на это Доннерсмаркъ писалъ, что Гамбетта въ угоду Бисмарку добился, что министромъ иностранныхъ дѣлъ сдѣланъ протестантъ Ваддингтонъ, а посломъ въ Берлинъ, по указанію (sic) князя Гогенлоэ, назначенъ графъ Сень-Валье.

Бисмаркъ въ письмѣ выразилъ полное удовольствіе и готовность выразить какъ нибудь Гамбеттѣ это удовольствіе и другимъ путемъ. Онъ готовъ бы былъ лично повидаться съ нимъ, но боится императора Вильгельма, очень враждебно настроеннаго противъ республиканцевъ. Переговоры о поѣздкѣ Гамбетты однако продолжались и 11-го (23-го) апрѣля 1878 года Доннерсмаркъ телеграфировалъ Бисмарку, что Гамбетта ѣдетъ въ Берлинъ.

Поѣздка однако не состоялась. Въ самыхъ низкопоклонныхъ выраженіяхъ по отношенію къ Бисмарку Гамбетта написалъ, что ожидаемая въ палатѣ пренія по бюджету военнаго министерства требуютъ его присутствія и препятствуютъ ему выѣхать, но что онъ непременно исполнитъ свое намѣреніе при первой возможности.

Такимъ образомъ свиданіе, о которомъ были слухи въ газетахъ, не состоялось; оно было и излишне, такъ какъ соглашеніе Бисмарка и Гамбетты и безъ того состоялось.

Результатомъ сближенія было укрѣпленіе во Франціи республики, начало преслѣдованія католиковъ и отказъ отъ какого либо реванша по отношенію къ Эльзасъ-Лотарингіи. Выигралъ очевидно Бисмаркъ, ибо это позволило ему быть спокойнымъ за свою западную границу и довести до благополучнаго конца неосторожно начатый Kulturkampf.

Потеряла отъ заискиванія Гамбетты, того самаго Гамбетты, который металъ такіе громы противъ Бис-

марка и захвата Эльзасъ-Лотарингіи, Россія, которую никогда не любилъ еврейскій диктаторъ. Результаты гамбетто-бисмарковскаго сближенія Россія почувствовала на себѣ на берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ Франція и ея уполномоченные Ваддингтонъ и Сенъ-Валье играли роль покорныхъ слугъ Бисмарка и казалось заботились только о поддержаніи курьезныхъ притязаній лорда Биконсфильда по отношенію къ эмансипаціи евреевъ на Востокѣ.

За свой отказъ отъ реванша Франція получила впрочемъ подачку—Тунисъ, что втянуло ее въ рядъ колониальныхъ предиріятій и привело къ столкновенію съ Англіей, причемъ естественно пришлось и въ будущемъ опираться на Германію, не смотря на тройственный союзъ.

ВЪ ЗАЩИТУ СЕРБОВЪ.

Вернувшись съ шотландскихъ озеръ, я нашелъ номеръ «Новаго Времени» съ «Маленькимъ Письмомъ» А. С. Суворина о послѣднихъ сербскихъ событіяхъ. Писать о нихъ я не хотѣлъ, но не могъ, какъ человекъ, въ жилахъ котораго течетъ ровно половина сербской крови ¹⁾, не остановиться на тѣхъ строкахъ глубокоуважаемаго публициста, гдѣ онъ, отчасти по личнымъ впечатлѣніямъ, отчасти со словъ Черняева и болгарина Каравелова, говорилъ о трусости сербовъ. Подобныя обвиненія мнѣ случалось читать и ранѣе.

Несмотря на отдѣльные факты, о которыхъ я скажу ниже, вся исторія говоритъ противное: сербы несомнѣнно одинъ изъ храбрѣйшихъ народовъ въ мірѣ. Можно

¹⁾ Дѣдъ мой по матери Степанъ Живковичъ, родомъ изъ Военной Границы, былъ одинъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ Георгія Чернаго; послѣ смерти послѣдняго онъ поселился въ Россіи, гдѣ получалъ пенсію отъ русскаго правительства, а дѣти его были воспитаны на казенный счетъ. Жена его, моя бабка, была родомъ изъ города Крагуевца.

бы наполнить томы однимъ перечисленіемъ ихъ военныхъ подвиговъ.

Кто остановилъ страшное нашествіе на Европу монголовъ, покорившихъ уже Россію? Сербы своею побѣдою подъ Грабникомъ въ 1241 году. Хотя турки разсѣяли сербскую силу подъ Косовымъ и уничтожили сербское государство, zenithъ величія котораго былъ при Душанѣ, но автономными сербы все-таки оставались до половины XV столѣтія и имѣли своихъ деспотовъ. Только завоеваніе турками Венгрии уничтожило эту слабую независимость, ибо не на кого уже было опереться. Но до конца XVIII столѣтія отдѣльные личности боролись противъ турецкаго владычества и подъ именемъ «гайдуковъ» стали легендарными героями сербскаго народнаго эпоса. Независимость сохранили сербы только до 1521 года въ Бѣлградѣ, до 1808 года въ Рагузанской республикѣ и до нашихъ дней въ геройской Черногоріи, населеніе которой тѣ же сербы по языку и происхожденію.

Но и въ подчиненіи другимъ государствамъ сербы славились постоянно своею храбростью. Извѣстно, что янычары, это отборное турецкое войско, лучшая пѣхота въ XVI и XVII столѣтіяхъ, были сербы-босняки, обращаемые силою въ магометанство и съ юныхъ лѣтъ поступавшіе въ солдаты. Знаменитые «ускоки», храбрые корсары Адриатическаго моря, громившіе турецкія суда въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, были сербы-далматинцы. Въ Далмаціи Венеціанская республика набирала свою армію. Эти сербы, или, какъ ихъ

называли, *schiaconi*, и дали возможность республикѣ держаться вѣка и отстоять на Балканскомъ полуостровѣ и въ Архипелагѣ противъ турокъ большія владѣнія. Въ честь этихъ сербовъ до сихъ поръ называется знаменитая набережная въ Венеціи.

Въ Австріи сербы составляли всегда лучшую часть войскъ. А что австрійскія войска, иногда плохо командуемая и къ которымъ у насъ нерѣдко относятся несправедливо, дерутся храбро, засвидѣтельствовалъ такой знатокъ какъ Наполеонъ I. «Кто не видалъ австрійцевъ подъ Асперномъ, написалъ онъ въ своихъ мемуарахъ на островѣ св. Елены, тотъ ничего не видѣлъ». Сербы прославились какъ легкая кавалерія уже въ тридцатилѣтнюю войну. Знаменитые «пандуры» Менцеля и Тренка спасли тронъ Маріи-Терезіи въ 40-хъ годахъ XVIII столѣтія и заставили французовъ очистить Богемію, почему съ Людовика XV слово «*croate*» служить пугаломъ для дѣтей. Сербы Јелашича и Стратимировича спасли въ 1849 году тронъ Франца-Іосифа ранѣе чѣмъ пришли на помощь войска Паскевича. Кошутъ, предсѣдатель венгерскаго правительства, сказалъ угрожая Јелашичу: «Мы увидимся на берегахъ Дравы».—Нѣтъ, мы увидимся ранѣе на берегахъ Дуная, отвѣчалъ банъ, стоявшій во главѣ арміи въ пять разъ слабѣе венгерской.

Когда несправедливость австрійцевъ, послѣ усмиренія возстанія въ 1734 году Пера Шегединача, и религіозныя преслѣдованія заставили огромную часть сербовъ переселиться въ Россію, при императрицѣ

Елизаветѣ, изъ нихъ образовали по ново-сербской и славяно-сербской линіи гусарскіе и пикинерные полки, игравшіе своею храбростью огромную роль въ войнахъ Екатерины II, а подъ другими названіями и въ послѣдующихъ. Имена Милорадовича, Эммануэля, Депре-радовича, Шевича и многихъ другихъ нашихъ героевъ изъ сербовъ всѣмъ извѣстны.

И въ Сербскомъ королевствѣ, которое не заключаетъ въ своихъ границахъ и четвертой и даже пятой части сербскаго народа, сербы безъ всякой посторонней помощи отстаивали свою независимость. Россія покинула ихъ на произволъ турокъ по Бухарестскому миру 1812 года, вынужденная сама защищаться отъ Наполеона. Конечно, безъ дальнѣйшихъ войнъ Россіи съ Турціей и безъ дипломатическаго и всякаго другаго содѣйствія сербы королевства были слишкомъ слабы, чтобы добиться полной независимости, но борьбу начали они самостоятельно и при Георгіи Черномъ до 1804 года и Милошѣ Обреновичѣ до 1816 года держались сколько могли противъ турецкихъ полчищъ.

Все вышеисчисленное не говоритъ вовсе о сербской трусости. Правда, армія Черняева дралась плохо, не отличились сербы и подъ Сливницей. Но это только лишній разъ доказало, что нельзя импровизировать армію и что система ополченія никуда не годится, за рѣдкими развѣ случаями, когда населеніе, какъ у запорожцевъ, кавказскихъ горцевъ, черногорцевъ или буровъ, по мѣстнымъ бытовымъ условіямъ представляетъ поголовно вполне подготовленныхъ солдатъ, ко-

торымъ нужны только искусные руководители, чтобы образовать отличное войско. Затѣмъ въ исторіи каждаго самого храбраго народа могутъ встрѣтиться случаи, гдѣ войска оказались не на высотѣ положенія. У насъ было Нарвское пораженіе, у французовъ Россбахъ и пораженія 1870 г., у нѣмцевъ трусливая сдача крѣпостей въ 1806—7 гг., у англичанъ отступление изъ Кабула въ 1839 г. и т. д. и т. д. А у насъ, конечно, никто не сомнѣвается въ храбрости русской, французской, англійской или прусской армій, испытанной вѣками. Война явленіе очень сложное и различные факторы могутъ вліять на войско, помимо врожденной храбрости народа.

СНОШЕНІЯ КАРАДЖИЧА СЪ РУССКИМИ УЧЕНЫМИ.

Извѣстный сербскій ученый-юристъ г. Богишичъ, бывшій профессоръ Новороссійскаго университета, проживающій теперь въ Парижѣ, гдѣ онъ продолжаетъ трудиться на пользу славянской науки, прислалъ мнѣ изданную имъ недавно въ Дубровникѣ (Рагузѣ) переписку Вука Стефановича Караджича: «Једне руковет изъ Вукове преписко».

Караджичъ, приходившійся родственникомъ моей покойной матери, какъ извѣстно, знаменитый преобразователь сербскаго литературнаго языка, отецъ новѣйшей хорватской и сербской литературы. Собранный имъ сербскій эпосъ восхитилъ Меримэ, а черезъ послѣдняго и Пушкина. Караджичъ игралъ очень видную роль и въ Австріи, и во вновь образованномъ Сербскомъ княжествѣ, для котораго сочинялъ законы и гдѣ напрасно сдерживалъ деспотическія замашки Милоша Обреновича, за что и пострадалъ не мало. Всю свою продолжительную жизнь онъ служилъ также

связью между русскими и сербскими учеными и литераторами.

Письма Караджича достались г. Богишичу от покойной дочери Караджича Мины Вукомановны. Это только часть переписки знаменитаго славянскаго дѣятеля; большая часть ея находится въ рукахъ сербскаго правительства и заслуживаетъ изданія и обработки. Изъ имѣвшихся въ его рукахъ, г. Богишичъ не напечаталъ только два письма чисто интимнаго характера, въ томъ числѣ одно отъ русскаго посла въ Вѣнѣ Балабина.

Я позволяю себѣ извлечь изъ писемъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Богишича, нѣсколько свѣдѣній, рисующихъ сношенія Караджича съ русскимъ офиціальнымъ и ученымъ міромъ.

Отецъ русскаго славянофильства, вице-адмиралъ Шишковъ, бывшій потомъ министромъ народнаго просвѣщенія, еще въ 1820 г., т.-е. два года спустя послѣ путешествія Караджича по Россіи, два раза писалъ ему. Въ первомъ письмѣ онъ благодаритъ отъ имени Россійской Академіи за присланный словарь сербскаго языка и проситъ присылать болѣе любопытныя новости по части славянскихъ литературъ. Шишковъ сообщаетъ, что о напечатаніи Краледворской рукописи онъ случайно, на примѣръ, узналъ отъ гр. Румянцева. «Академія,—прибавляетъ онъ,—конечно, не оставитъ изъяснить вамъ свою признательность».

Въ другомъ письмѣ Шишковъ, сообщая, что Россійская Академія назначила Караджичу серебряную

медаль и триста рублей, спрашиваетъ: «прошу васъ чистосердечно увѣдомить меня, какого мнѣнія господа ученые славяне, Копитары и пр. о статьяхъ Россійской Академіи и довольно ли они знаютъ русскій языкъ, чтобы разумѣть безъ перевода? Соглашаются ли, или противорѣчатъ? Я бы желалъ знать судъ ихъ объ этомъ. Напередъ скажу, что есть ли они къ какому нибудь языку болѣе пристрастны нежели къ другому, то и судъ ихъ будетъ несправедливъ».

Караджичъ получилъ послѣ того, отъ Петра Соколова, «члена и непремѣннаго секретаря Россійской Академіи, статскаго совѣтника и кавалера» медаль (вѣсомъ въ 1 фунтъ) и деньги «съ исключеніемъ изъ одной суммы издержекъ при промѣнѣ на вексель или на звѣнящую монету». Въ своемъ письмѣ ученый секретарь называетъ руководителя Караджича, извѣстнаго лингвиста Копитара Капитаромъ, а графа Оссолинскаго, извѣстнаго префекта императорской вѣнской библіотеки, Оссоловскимъ!

Въ томъ же 1820 г. Караджичу писалъ нашъ извѣстный статистикъ П. И. Кеппенъ, прилагая дипломъ на избраніе Караджича въ члены «Вольнаго общества Россійской словесности». Онъ сообщаетъ о своихъ трудахъ по исторіи юга Россіи и передаетъ порученіе извѣстнаго академика Аделунга, который по Высочайшему повелѣнію занимался планомъ русскаго словаря. Изъ особаго листка, писаннаго рукою Караджича, видно, что въ это время получилъ онъ письмо и отъ Карамзина.

Въ августѣ 1822 г. Кеппенъ вновь писалъ Караджичу и передавалъ выписки полученныхъ о послѣднемъ писемъ Аделунга, Востокова и Калайдовича. Изъ письма Востокова видно, что сочиненіями Караджича онъ пользовался изъ бібліотеки А. И. Тургенева. Калайдовичъ передавалъ, что въ Обществѣ любителей російской словесности онъ читалъ возраженіе противъ Добровскаго, будто древній церковно-славянскій языкъ есть старинное сербское нарѣчіе. Кеппенъ прибавлялъ, что онъ увѣдомилъ уже Калайдовича, что Добровскій самъ перемѣнилъ прежнее свое мнѣніе.

Знаменитый покровитель наукъ, государственный канцлеръ гр. Н. Румянцевъ, получивъ отъ Караджича литургію на славянскомъ языкѣ, напечатанную въ Венеціи въ 1519 г., написалъ Караджичу любезное письмо 26-го марта 1823 г., гдѣ, между прочимъ, деликатно писалъ: «Желая самъ, чтобы Вы, М. Г. мой, имѣли бы какую либо вещь помысленною (?) по хозяйству и полезную для васъ, я вручилъ г. Аделунгу пятьсотъ рублей асигнаціями, съ тѣмъ, чтобы онъ Васъ попросилъ распорядиться ими какъ Вамъ будетъ благоугодно».

Присылая деньги, Аделунгъ спрашивалъ, во что обойдется печатаніе сборника сербскихъ народныхъ пѣсней, которое гр. Румянцевъ хотѣлъ принять на свой счетъ. Письмо Аделунга по-нѣмецки, по-нѣмецки же письмо изъ Петербурга отъ П. фонъ-Гейнце о высылкѣ гонорара за сербскій переводъ Новаго Завѣта,

сдѣланный Караджичемъ въ 1819 г. для нашего Библейскаго общества и забракованный харьковскимъ профессоромъ Стойковичемъ какъ слишкомъ «просто-народный»! Гейнце издавалъ въ это время у Брокгауза сборникъ русскихъ пѣсенъ.

Въ мартѣ 1824 г. гр. Румянцевъ вновь писалъ Караджичу, что за посвященіе ему второй части Сборника сербскихъ пѣсенъ (всего Сборникъ имѣлъ шесть частей) онъ, «въ намѣреніи подать нѣкоторое пособіе по домашнимъ издержкамъ», просилъ Аделунга вновь послать пятьсотъ рублей. При этомъ на какую-то просьбу Караджича похлопотать у гр. Нессельроде гр. Румянцевъ весьма сухо отвѣчаетъ: «Не имѣвъ никакого случая увидѣть графа Нессельрода (который, кстати замѣтимъ, выжилъ Румянцева изъ министерства иностранныхъ дѣлъ) я не могъ оказать Вамъ ту услугу, которую вы отъ меня получить желали. Я вообще чуждаюсь дѣлъ и сношеній, которыя не собственно до меня касаются». Письмо оканчивается даже наставленіемъ: «Я и всѣ тѣ, кто Васъ, М. Г. мой, имѣютъ честь знать, кажется въ правѣ ожидать, чтобы Вы посвятили Ваши способности на какое либо важное твореніе, по части славянской литературы, а занимаясь по частямъ и дробно изнуряются часто и самыя большія человѣческія силы».

Изъ русскаго письма отъ А. Серно-Соловьева изъ Кракова, 25-го ноябрю стараго стиля 1825 г., видно, что, по мысли Н. Н. Новосильцева, кафедры славяно-русскаго языка были учреждены не только въ Вильнѣ и Вар-

шавѣ, но при денежномъ содѣйствіи русскаго правительства еще ранѣе, а именно въ 1822 г., и въ древнемъ Краковскомъ университетѣ.

Въ 1840 года Караджичъ обращался въ Варшаву къ П. П. Дубровскому, редактору перваго русскаго общеславянскаго журнала «Денница», прося найти нѣсколько подписчиковъ на его изданіе сербскихъ пѣсенъ. Дубровскій отвѣчалъ, что число подписчиковъ будетъ очень ограничено, и предлагалъ сдѣлать лучше изданіе избранныхъ пѣсенъ съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ, какъ сдѣлалъ Челяковскій для чеховъ. Дубровскій передавалъ при этомъ поклонъ отъ извѣстныхъ польскихъ ученыхъ Линде, Мацѣевскаго и Кухарскаго, съ которыми очевидно Караджичъ былъ въ ученыхъ сношеніяхъ.

Въ августѣ 1842 г. нашъ славистъ И. И. Срезневскій поздравилъ Караджича съ пожалованіемъ императоромъ Николаемъ I медали¹⁾ и съ ассигнованіемъ княземъ Милошемъ Сербскимъ денегъ на изданіе новыхъ выпусковъ пѣсенъ. Въ письмѣ много говорится о полемикѣ съ Прейсомъ. Любопытно, что нашъ выдающійся филологъ-академикъ писалъ по-русски слѣдующимъ, на примѣръ, образомъ: «Я буду, конечно, странень, что выскажу ему такъ простодушно что мыслю; и еще страннѣе будетъ если оставлю, тѣмъ болѣе что онъ, какъ мнѣ кажется, винить не одного

¹⁾ Пенсію по 300 рублей въ годъ Караджичъ получалъ уже съ 20-хъ годовъ, послѣ поѣздки своей въ Россію.

меня». За такую стилистику и гимназиста бы не похвалили теперь.

Если Россійская Академія давала когда-то Караджичу деньги на продолженіе его занятій, то отдѣленіе русскаго языка тогдашней нѣмецкой Академіи Наукъ, въ 1848 г., ограничилось, за подписью предсѣдателя отдѣленія князя Ширинскаго-Шихматова, «искренною признательностью» за переводъ Новаго Завѣта, доставленный черезъ посредство сына бывшего сербскаго господара Михаила Обреновича. Это тотъ самый новый переводъ, который доставилъ Караджичу столько непріятностей, ибо благодаря шрифту переводчикъ заподозрѣнъ былъ въ сочувствіи католицизму.

Болѣе интересно письмо Н. И. Надеждина изъ С.-Петербурга отъ 2-го іюня 1849 году. Повидимому, нашъ ученый, состоявшій тогда предсѣдателемъ отдѣла этнографіи въ Русскомъ Географическомъ обществѣ, имѣлъ постоянную переписку и ученые сношенія съ Караджичемъ. Въ напечатанномъ письмѣ Надеждинъ благодаритъ Караджича за присылку «Пословиць» и «Ковчежца по исторіи, языку и обычаямъ Сербіи», обѣщаетъ познакомить съ его сочиненіями великаго князя Константина Николаевича и проситъ писать почаще, но, въ виду тогдашняго политическаго настроенія въ С.-Петербургѣ, прибавляетъ: «Благоразумію вашему представляется говорить въ нихъ такъ, чтобы письма эти, при случаѣ, можно было показывать и дальше, съ пользою для васъ. Пожалуйста не платите мнѣ зломъ за зло, и какъ бы я ни былъ мол-

чаливъ, пишите безъ устали, безъ перерыва — пишите все и обо всемъ, только разумѣтся—умѣючи: съ мудростію змінною, какъ говорится въ Евангеліи». Прогулка въ Усть-Сысольскъ сдѣлала Надеждина осторожнымъ...

Покойный министръ финансовъ А. М. Княжевичъ, сербъ по происхожденію, былъ также въ сношеніяхъ съ Караджичемъ. Братъ Княжевича путешествовалъ даже въ 1841 г. съ Караджичемъ и Надеждинымъ по сербскимъ землямъ. Въ письмѣ отъ 16-го мая 1852 года Княжевичъ благодаритъ за присылку нѣсколькихъ трудовъ, сообщаетъ, что сербскія письма его разобралъ съ помощью словаря самого Караджича и благодаритъ за уроки сербскаго языка, данные его племянницамъ.

Курьезны письма къ Караджичу Бодянского и Погодина. Профессоръ О. Бодянскій изъ Москвы, въ іюнѣ 1852 г., жалуется, что уже пятый годъ какъ въ Россію книги изъ-за границы чрезвычайно туго пропускаютъ, какого бы онѣ содержанія ни были, «иногда приходится по 8, 10 и 12 мѣсяцевъ ждать разрѣшенія на вырчку ихъ изъ таможеннаго заключенія». Бодянскій только что получилъ ящикъ книгъ изъ Вѣны, уплатилъ таможенныхъ и гербовыхъ расходовъ 13 руб. 32 коп. сереб. При всемъ томъ книгъ ему не выдали, «потому что таможня должна была отослать ихъ въ комитетъ иностранной цензуры, который находится въ Петербургѣ, для просмотра. Боясь, чтобы отправленіе ихъ туда и обратно не повело къ новымъ

расходамъ, я (говорить Бодянский) на силу уговорилъ препроводить въ иностранную цензуру одинъ экземпляръ, такъ какъ всѣ прочіе экземпляры то же самое содержатъ въ себѣ».

Погодинъ писалъ изъ Москвы въ октябрѣ 1855 г. подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ взятія Севастополя. «Душевно страдаю,—говоритъ онъ,—какъ и всѣ мы, недоумѣвая, чѣмъ кончится эта несчастная война. Народъ возлагаетъ однакожь твердую надежду на Бога, а испытаніе великое». Письмо, какъ большинство погодинскихъ писемъ, касается денежныхъ расчетовъ. Погодинъ проситъ Караджича прислать ему старыя славянскія книги; онъ получилъ ихъ черезъ Варшаву съ большими затрудненіями и весьма попорченными. По его мнѣнію, онѣ не стоили пересылки, которая обошлась очень дорого. Поэтому Погодинъ проситъ книгъ не собирать, развѣ попадутся очень рѣдкостныя. Въ свою очередь черезъ Караджича высылались изданія Св. Синода: часть ихъ Синодъ подарилъ въ пользу бѣдныхъ сербскихъ церквей, расчетъ за остальные послужилъ для покрытія долга Караджичу Погодина, который вносилъ деньги въ Синодъ. Кроме того Погодинъ попросилъ нѣкоего благотворителя г. Б. пожертвовать для ускоренія расчета 150 рублей. Изъ письма видно, что Погодинъ хлопоталъ о продажѣ въ Москвѣ книгъ вдовы знаменитаго Колара, чтобы доставить ей хоть немного денегъ.

Караджичъ скончался въ 1864 г. семидесяти семи лѣтъ отъ роду. Въ это время ужъ конечно мало кто

интересовался у насъ его трудами, кромѣ записныхъ спеціалистовъ, да и изъ нихъ, на примѣръ, Гильфердингъ былъ противникомъ Караджича. Гильфердингъ былъ панславистомъ, а Караджичъ стоялъ за автономію и обособленіе славянскихъ племенъ въ политическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Только съ 1868 г. начали у насъ вновь интересоваться въ политическихъ видахъ западными славянами, а литературою ихъ и до сихъ поръ мало кто занимается.

ВЪ АНГЛІИ И ШОТЛАНДІИ.

(Путевыя замѣтки).

I.

Уважающіе себя люди ѣздятъ, говорятъ, въ Лондонъ, чтобы стирать свое бѣлье. Я хотя въ Лондонѣ рубашекъ не мою, но все-таки отъ времени до времени считаю долгомъ посѣщать Лондонъ, во-первыхъ для того, чтобы видѣть, все ли тамъ стоитъ на своемъ мѣстѣ и не уменьшились ли кулаки у полисмена близъ Лондонскаго моста, во-вторыхъ, чтобы убѣдиться, какъ неправъ былъ Гейне, предсказавшій, что англичане когда нибудь совьютъ гигантскую веревку, на которой одновременно всѣ повѣсятся отъ скуки и сплина.

Напротивъ, нѣтъ народа, который бы такъ веселился, конечно по-своему, и не старался, не смотря на торжество индустріализма и пуританства, вернуться ко временамъ merry England—веселой Англій. Известно, что старая Англія носила эту кличку, какъ,

наоборотъ, до XVII столѣтія французы, благодаря строго-религіозному воспитанію, имѣли репутацію людей очень серьезныхъ. Впрочемъ, и теперь во Франціи дурачатся только въ Парижѣ и въ тѣхъ пунктахъ; гдѣ собираются парижане; провинція же умираетъ отъ скуки и въ какомъ нибудь Ліонѣ съ его сотнями тысячъ населенія нельзя провести, не очумѣвъ, болѣе сутокъ.

Для поѣздки въ Лондонъ я выбралъ, конечно, разгаръ сезона, или «сѣзона», время скачекъ въ Аскотѣ. Записные любители лошадей и скачекъ цѣнятъ выше эпсомскія скачки, «Большой Дерби», но въ общественномъ отношеніи Аскотъ стоитъ выше, и не быть, если не всѣ четыре дня въ Аскотѣ, то хотя въ день «королевскаго приза» для англійскаго джентльмена невозможно.

Переѣздъ по морю былъ благополученъ. Въ Дуврѣ я видѣлъ работы по расширенію порта и напился, въ дополненіе къ завтраку въ ресторанѣ французской Chemin de fer du Nord, чаю, подаваемого прямо въ вагоны, съ булками, молокомъ и масломъ, въ особыхъ мудреныхъ сосудахъ. Дорога по Кенту извѣстна: роскошныя пастбища, великолѣпныя овецъ; на станціяхъ же мало народу, еще меньше его на поляхъ. Вообще, путешествуя по сельской Англій, можно подумать, что она населена не людьми, а баранами.

Видъ на Лондонъ, подъѣзжая къ станціямъ Викторіи, потомъ къ Чарингкроссу, мало измѣнился. На этотъ разъ пейзажъ былъ, точно его рисовалъ Тур-

неръ, спеціально англійскій: небо и облака рыжія, воды Темзы рыжія, соборъ св. Павла рыжій, весь городъ рыжій и все это подернуто рыжеватымъ туманомъ пополамъ съ дымомъ, весьма впрочемъ поэтичнымъ. Теперь извѣстно, что причиною густоты лондонскихъ тумановъ, которые осенью можно кажется рѣзать на куски и заворачивать въ бумагу, служить каменноугольный дымъ, частицы котораго даютъ въ воздухѣ опору для скопленія водянымъ парамъ.

Толпа на станціи Чарингкроссъ страшная, но одинъ городской очень вѣжливо со всѣмъ справляется; онъ нашель намъ извозчиковъ, не отказавшись получить за свою услугу по шиллингу на чай, на что парижскій городской никогда бы не согласился. Остановился я въ знаменитомъ Carlton Hotel, великолѣпномъ зданіи на углу Пэльмея и Гай-Маркета, близъ Трафальгаръ-сквера, этого, какъ извѣстно, «пуца» Лондона.

Люди, моющіе бѣлье въ Лондонѣ, останавливаются всегда въ Carlton Hotel. Carlton построенъ на мѣстѣ бывшаго Carlton House, игравшаго значительную роль въ англійской исторіи. Здѣсь, между прочимъ, жилъ въ 40-хъ годахъ Наполеонъ III, находясь въ изгнаніи. Отель созданъ Ритцомъ, а строилъ его архитекторъ Филиппсъ.

Отели Cecil, Savoy, Clareges не менѣе роскошны: но Carlton считается самымъ шикарнымъ, потому что въ сезонъ въ немъ обѣдаетъ и ужинаетъ самое лучшее общество. Это какъ въ Armenouville въ Парижѣ.

Отель, безъ сомнѣнія, дорогой: утромъ напитокъ чаю, правда съ превосходными сливками и замѣчательно сваренными яйцами въ смятку, стоитъ на наши деньги рубля полтора, но такъ какъ къ счетамъ не приписываютъ ни за прислугу, ни за освѣщеніе, ни за ванны, то жизнь, пожалуй, не дороже другихъ большихъ гостиницъ, особенно петербургскихъ. Ёда по картѣ и вина не дешевы, да за право получить столъ надобно давать особую мзду метръ д'отелямъ, иначе васъ, и то по большой протекціи, посадятъ гдѣ нибудь на сквозномъ вѣтрѣ, или на проходѣ въ кухню. Народу такъ много, что въ залѣ Palm Court въ стилѣ Louis XVI, гдѣ пьютъ кофе и который громаденъ, все-таки всѣмъ мѣста не хватаетъ и леди въ роскошныхъ туалетахъ, декольте и въ жемчугахъ садятся безъ церемоніи на ступеньки лѣстницъ. Всѣ дамы за обѣдомъ и ужиномъ непременно въ декольте, а мужчины во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Въ Лондонѣ, впрочемъ, въ сезонъ въ самомъ маленькомъ театрикѣ всѣ дамы въ декольте; зато на головѣ, не такъ, какъ въ Парижѣ, онѣ шляпокъ въ ресторанахъ и театрахъ не носятъ, а затѣйливо убираютъ головы, особенно цвѣтами, и кажутся Офеліями, возставшими изъ гроба. Послѣднее замѣчаніе касается цвѣтовъ на головѣ, потому что въ остальномъ ничего замогильнаго нѣтъ: большинство леди и миссъ красивы, свѣжи, здоровы, хорошо сложены и не похожи на тѣхъ англичанокъ, которыхъ выводятъ во французскихъ фарсахъ 'въ зеленыхъ шаляхъ, клѣтчатыхъ платьяхъ, съ

ногами молодых бегемотовъ и съ длинными зубами въ родѣ клавишъ.

Кромѣ обѣдовъ въ Carlton Hotel, славятся еще обѣды по воскресеньямъ въ Savoy Hotel, гдѣ оркестромъ руководить нашъ соотечественникъ, бывшій студентъ Московскаго университета. Но тамъ залъ гораздо меньше и темнѣе, тогда какъ въ Carlton все отдѣлано въ веселыхъ стиляхъ Adams и Empire. Только Grill room и курительная комната въ стилѣ Елисаветы. Столовая цвѣта crême, отчего туалеты дамъ очень выигрываютъ. Обѣдать въ Лондонѣ можно на всѣ цѣны, и въ томъ же отелѣ вы можете найти порядочный табль д'отъ за скромную цѣну fixe. Большіе рестораны даже на этотъ счетъ оригинально устроены. Внизу помѣщается обыкновенно баръ, куда женщинъ не пускаютъ, а затѣмъ въ каждомъ этажѣ цѣны разныя, и чѣмъ вы выше подымаетесь, тѣмъ цѣны дороже. Испытавъ разные этажи, я не видѣлъ разницы въ достоинствѣ кушаньевъ; очевидно, дороговизна позволяетъ только желающимъ находиться въ болѣе избранномъ обществѣ, что для щепетильныхъ англичанъ имѣетъ свою важность.

Лучшіе рестораны въ Лондонѣ: «Verrey», «Princes», «Berkeley», «Clareges». Кухня въ нихъ французская, не превосходящая кухни второстепенныхъ парижскихъ ресторановъ. Вина въ Англии очень дороги, такъ какъ таможенные пошлины на нихъ высоки. Пшель обѣдать я и въ чисто англійскій ресторанъ. Эль, сыры, портвейнъ тамъ превосходны, но зеленый го-

рошекъ съ померанцевымъ сокомъ и другія подобныя чудеса британской кухни отбили охоту повторять экспериментъ. Я могъ воскликнуть, какъ Буало:

... et dans le monde entier
Jamais empoisonneur ne sut mieux son metier.

Пьютъ джентльмены за завтракомъ почти одни «кобы», смѣсь рейнвейна, краснаго вина, сидра съ разными ликерами и со льдомъ, а за обѣдомъ и ужиномъ—исключительно сухое шампанское. Дамы пьютъ не меньше джентльменовъ. Правда, послѣдніе пьютъ дополнительно послѣ обѣда и ужина въ барахъ, которые въ большемъ ходу.

Завтракаютъ въ Лондонѣ не ранѣе половины второго, потому что съ утреннимъ чаемъ англичане, кромѣ яицъ, съѣдаютъ непременно нѣсколько кусковъ ветчины, ростбифа, немного рыбы, котлетъ и проч. И послѣ такой подготовки, они все-таки прекрасно въ половинѣ 8-го или въ 8 часовъ обѣдаютъ, а въ 11 часовъ съ такою же спокойною совѣстью ужинаютъ.

Несмотря на ужинъ, съ 12 часовъ ночи въ залахъ, даже въ Carlton, начинаютъ безъ церемоніи тушить огни. И въ Continental Hotel, играющемъ въ Лондонѣ роль парижскихъ Café Americaine или Maxim'a, огни тушатъ въ 12^{1/2} часовъ и всѣ расходятся. Continental—это совершенно рынокъ бѣлыхъ невольницъ, но «рабыни веселья»—плохія нѣмецкія кокотки, ничего общаго съ шикарными парижскими demi-mondaines не имѣющія. Поэтому англичане изъ общества, которые

въ парижскихъ кабакахъ сидятъ до 4 и 6 часовъ утра, въ Continental не могутъ показать носу, не рискуя быть осужденными. Въ воскресенье ни въ какихъ отеляхъ ужинать нельзя. Мужская прислуга въ большихъ ресторанахъ и отеляхъ нѣмцы, французы и отчасти итальянцы. Это удобно для туристовъ.

Въ первый разъ я былъ въ Лондонѣ въ 1867 г. Съ этого времени и даже за самое послѣднее время въ англійской столицѣ произошли огромныя перемѣны. Я уже писалъ какъ-то о перемѣнѣ въ обращеніи ¹⁾, которое стало гораздо любезнѣе и привѣтливѣе, даже со стороны прислуги, извозчиковъ и простонародья. Затѣмъ, наружный видъ Лондона измѣнился къ лучшему. Прежде, кромѣ нѣсколькихъ дворцовъ, только дома большихъ клубовъ и нѣкоторыхъ аристократовъ поражали монументальностью. Теперь множество новыхъ роскошныхъ построекъ. Особенно великолѣпны новыя гостиницы и музеи. Затѣмъ возведены и возводятся огромныя зданія разныхъ министерствъ въ стилѣ итальянскаго ренесанса. Видно, и здѣсь страсть плодить чиновниковъ и устраивать для нихъ казенныя квартиры сдѣлала большіе успѣхи. Вновь между прочимъ строится морское министерство, не знаю замѣнъ ли или въ дополненіе къ огромнымъ и почернѣвшимъ отъ времени зданіямъ стараго Адмиралтейства.

Прежде въ Лондонѣ поражали громадныя парки,

¹⁾ К. Скальковскій. «Новыя путевыя впечатлѣнія».

занимающіе десятки десятинъ въ самомъ центрѣ города и чисто содѣржавшіеся; улицы и памятники были грязны. Теперь проведено много новыхъ улицъ, широкихъ, чистыхъ и великолѣпно вымощенныхъ; извозчики-кукушки ѣздятъ быстро и стоятъ дешевле парижскихъ. Экипажи по прежнему держатся лѣвой, а не правой стороны. Система омнибусовъ удивительно хорошо устроена; зная планъ Лондона, можно всюду проѣхать скоро и дешево. Прежде не было въ Лондонѣ набережныхъ, теперь и ихъ устроили во многихъ мѣстахъ и обстроили великолѣпнѣйшими домами. Нищихъ въ центральныхъ частяхъ города не видать,—для этого нужно ѣхать въ кварталъ Уайтчепель и т. п.

Одно не измѣнилось въ Лондонѣ—это необычайное развитіе ночной проституціи. Въ лучшемъ кварталѣ West End, по сосѣдству Carlton Hotel, ночью до трехъ часовъ болѣе 15000 проститутокъ бродятъ, хватая прохожихъ за руки, даже если они иногда идутъ съ женами. Полиція безсильна, а правительство возлагаетъ улучшеніе нравовъ въ Лондонѣ на частную инициативу. Издавъ, впрочемъ, законъ противъ сутенеровъ, но его послѣдствіемъ было только то, что сутенеры, или по петербургской терминологіи «коты», назвались агентами по помѣщенію винъ, велосипедовъ, книгъ и пр.

Прежде всѣ почти монументы были Веллингтону, какъ въ Италіи Гарибальди; теперь новыхъ монументовъ въ Лондонѣ множество. Все ставятъ новые,

благо знаменитыхъ людей въ Англии на разныхъ поприщахъ сколько угодно. Памятники содержатся въ порядкѣ и тщательно очищаются отъ сажи. На самомъ видномъ мѣстѣ Трафальгарь-сквера поставленъ монументъ Гордону пашѣ, убитому въ Хартумѣ. Хотя политическія заслуги этого дѣятеля сомнительны, но англичане не могли не почтить такого яраго противника навольничества, своей филантропіей уморившаго столько негровъ—такъ какъ онъ оставлялъ послѣднихъ послѣ освобожденія на произволъ судьбы въ пустынѣ.

Недалеко отъ Carlton Hotel на площади Ватерло находится недурной монументъ, воздвигнутый въ честь гвардейцевъ, погибшихъ въ Восточной войнѣ въ 1854—56 гг. На гранитномъ пьедесталѣ имѣются надписи «Crimea» и «Honour of the brave», а у подножья стоятъ отлитыя изъ бронзы гренадеръ, фузилеръ и goldstream gard въ формахъ, какую они носили подъ Инкерманомъ. Изъ надписи видно, что гвардейцы потеряли въ Крымскую войну 2162 офицера и солдата. У насъ объ англійскихъ войскахъ отзывались довольно презрительно во время этой войны, но маршалъ Канроберъ, свидѣтель ихъ храбраго поведенія, отзывается о нихъ съ восторгомъ, критикуя только устарѣлую организацію, особенно интендантской части.

Новый памятникъ Кромвелю, о которомъ столько было споровъ, недуренъ какъ статуя, но производитъ мало впечатлѣнія, потому что поставленъ какъ

бы во рву, спиною къ залу Стараго Парламента (Westminster hall) и противъ монумента нашего врага Пальмерстона, стоящаго спиною къ Вестминстерскому аббатству. Дѣйствительно надобно было много усилій, чтобы поставить монументъ противъ аббатства—этой твердыни англиканизма, у парламента, который Кромвель разогналъ силою и въ старомъ залѣ котораго до сихъ поръ мѣдною доскою означено мѣсто, гдѣ королю Карлу I былъ объявленъ смертный приговоръ. Вѣдь Англія все-таки страна аристократическая и царствуетъ въ ней, хотя и по женской линіи, потомокъ Стюартовъ. Но англичане цѣнятъ заслуги Кромвеля не какъ пуританина, а какъ человѣка, уничтожившаго торговое соперничество Голландіи и своимъ навигаціоннымъ актомъ создавшаго морское владычество англичанъ и ихъ промышленность. Теперь доказано впрочемъ, что личное участіе Кромвеля въ этихъ актахъ его правленія было ничтожно.

Заодно съ монументомъ Кромвелю пришлось осмотрѣть лишній разъ и парламентъ и Вестминстерское аббатство. Въ послѣднемъ прибавилось нѣсколько новыхъ хорошихъ мраморныхъ памятниковъ. Но мѣста скоро въ аббатствѣ не будетъ и монументы знаменитостямъ придется ставить въ соборѣ св. Павла, который все еще остается недодѣланнымъ. Была суббота и зданіе парламента было свободно для осмотра публики.

Залы и палата лордовъ и палата общинъ послѣ другихъ парламентовъ, которыхъ я много видѣлъ на

своёмъ вѣку, производять мизерное впечатлѣніе, несмотря на изящную отдѣлку въ готическомъ стилѣ. Ожидаешь другого для знаменитаго учрежденія, которое, по пословицѣ, «всесильно сдѣлать все, кромѣ только того, чтобы превратить женщину въ мужчину». Тронный залъ ничтоженъ, залы лордовъ и общинъ, поставленныя такъ, что, раскрывъ двери, председатели обоихъ собраній могутъ видѣть другъ друга, очень малы; все отличіе ихъ въ томъ, что скамьи лордовъ обиты краснымъ сафьяномъ, а скамьи комонеровъ зеленою кожею, довольно-таки потертою; нѣтъ ни столиковъ, ни пюпитровъ, негдѣ положить шляпу. Лучше всего сидить Gentleman of Black Rod, вся обязанность котораго заключается въ томъ, что онъ дѣлаетъ, отступая задомъ, три поклона передъ тѣмъ, когда король читаетъ тронную рѣчь. За эту синекуру означенный джентльменъ получаетъ ежегодно по 20,000 руб., тогда какъ придворный поэтъ, напримеръ, получаетъ то же жалованье, что помощники придворныхъ дантистовъ! Мѣсть въ палатѣ общинъ меньше даже на полтораэта, чѣмъ считается членовъ. Члены сидятъ болѣе по клубамъ и сбѣгаются только для «раздѣленій», т.-е. голосованій, иногда безъ шляпъ. Для публики и печати помѣщенія на хорахъ самая неудобныя. И въ этихъ-то помѣщеніяхъ засѣданія бывають по двадцати и болѣе часовъ!

Галереи между залами украшены картинами изъ исторіи борьбы парламента съ Карломъ I и статуями Дизраэли, Гладстона, Норскота, Пиля и др. знаме-

нитыхъ ораторовъ. Но справедливо говоритъ Брайсъ: «парламентская слава преходяща, перипетіи парламентской борьбы блекнутъ въ глазахъ слѣдующихъ поколѣній; которыя удѣляютъ человѣку мѣсто въ исторіи, не справляясь съ тѣмъ, какъ много занимались имъ при жизни, а соображаясь съ тѣмъ, какъ велика была его роль въ глубокихъ измѣненіяхъ жизненныхъ условій». Съ точки зрѣнія такого критерія репутаціи многихъ тутъ знаменитостей уже сильно упала.

Въ палатѣ лордовъ имѣются золоченые троны короля и королевы, а лордъ-канцлеръ, предсѣдательствующій въ этой палатѣ, сидитъ на огромномъ, страшно низкомъ квадратномъ диванѣ, посерединѣ котораго дыбомъ поставлена маленькая красная твердая подушечка, тотъ яко бы «шерстяной мѣшокъ», въ которомъ долженъ возсѣдать глава англійской юстиціи изъ уваженія къ овцеводству, бывшему до половины XVI столѣтія важнѣйшимъ промысломъ въ Англии. Въ палатѣ общинъ мѣсто для спикера болѣе торжественное. Предсѣдательствовать по 20 часовъ дѣло, конечно, не легкое и такъ какъ вице-предсѣдателя нѣтъ, то спикера или предсѣдателя палаты общинъ назначаютъ не по таланту, а главнымъ образомъ по способности сидѣть «не оправляясь», какъ говорятъ солдаты, чуть не сутки. Зато и жалованье за это рѣдкое качество мочевого пузыря назначается огромнѣйшее.

Трибунъ въ англійскихъ палатахъ не полагается; всѣ говорятъ со своихъ мѣсть, а потому министры

и важнѣйшіе ораторы сидятъ вокругъ стола, гдѣ поставлены близъ спикера разные знаки королевскаго достоинства и законы. Направо отъ спикера сидятъ министры и ихъ партія, налѣво—оппозиція.

Если когда нибудь Чемберлену удастся устроить «Великую Великобританію» и объединить въ общемъ парламентѣ и представителей колоній, то конечно придется построить и новые залы, и новое зданіе. Англія выросла изъ прежняго, какъ дитя вырастаетъ изъ своего дѣтскаго кафтана. Надобно особое нерасположеніе англичанъ ко всякимъ новшествамъ (кромѣ техническихъ), чтобы заставлятъ работать своихъ представителей и правителей въ такой тѣсной и неудобной обстановкѣ, хотя число работниковъ въ парламентѣ не играетъ роли. Партіи плотно организованы и въ сущности всѣмъ руководитъ общественное мнѣніе, о которомъ англійская пословица, вопреки русской, гласитъ однако: *common herot—common liar*, т.-е. «гласъ народа—величайшая ложь».

«Знать палату общинъ и, съ другой стороны, понимать Англію и улавливать смѣну теченій въ общественномъ мнѣніи, говоритъ тотъ же Брайсъ, одинъ изъ лучшихъ современныхъ англійскихъ государственныхъ дѣятелей и политическихъ писателей,—вещи совершенно различныя и до нѣкоторой степени трудно совмѣстимыя. Люди, вступаая въ парламентъ, скоро начинаютъ забывать, что въ концѣ-концовъ управляетъ не парламентъ, а народъ. Поглощенные повседневною работою въ палатѣ, они склонны преувеличивать

значеніе этой работы. Они привыкають думать, что парламентъ и въ самомъ дѣлѣ представляетъ собою то, чѣмъ онъ является въ теоріи, — микрокосмомъ націи, — и что теченія, въ немъ выступающія, вѣрно отражаютъ теченія въ дѣйствительной жизни страны. Оказываясь въ меньшинствѣ, они испытываютъ подавленность; располагая большинствомъ, они воображаютъ, что все прекрасно, и забываютъ о настоящихъ хозяевахъ положенія».

По поводу партій надобно замѣтить, что обычное въ курсахъ государственнаго права увѣреніе, будто парламентаризмъ проченъ въ Англіи потому, что тамъ только двѣ партіи, тори и виги, совершенно утратило свой смыслъ. Партій въ парламентѣ очень много: консерваторы разныхъ оттѣнковъ, юніонисты, имперіалисты, либералы, радикалы, народники и социалисты, уэльскіе автономисты, даже ирландцы дробятся на фракціи. Поэтому правительству приходится чаще опираться на коалиціи, чѣмъ на сомкнутую министерскую партію. Ирландцы, на примѣръ, теперь временно покорные слуги консервативнаго министерства Бальфура.

Скачки въ Аскотѣ прошли блестяще, хотя въ послѣдній день лилъ проливной дождь, но въ Англіи на это не обращаютъ вниманія. Болѣе тужили англичане, что былъ побитъ ихъ фаворитъ «Risinglass» и что два главные приза Royal Hunt Cup и Gold Cup достались французскимъ конюшнямъ Сентъ-Алари и Бремона; французскимъ, конечно, по именамъ владѣльцевъ,

такъ какъ лошади: «Künstler» и «Maximum», жокеи Watts и Mac Inture, тренера и пр. все и у нихъ англійскаго происхожденія. Американскіе жокеи, держащіе ноги не на брюхѣ, а на шеѣ лошади, выходятъ изъ моды даже въ Америкѣ.

Въ день королевскаго приза Royal Hunt Cup, разыграннаго въ четвергъ, 5-го (18-го) іюня, скачки посѣтилъ король, пріѣхавшій довольно торжественно. Несмотря на прошлогоднюю операцію въ слѣпой кишкѣ, Эдуардъ VII имѣетъ видъ довольно бодрый. Онъ держитъ себя просто и непринужденно. Въ высшемъ обществѣ онъ очень популяренъ, такъ какъ съ его вступленіемъ на престолъ прекратилась при дворѣ нестерпимая скука, царившая при покойной Викторіи. Въ народѣ онъ менѣе популяренъ: пуританское лицемеріе буржуазіи, знаменитый сант, не позволяютъ ей забыть шалостей наслѣднаго принца.

Къ русскимъ король относится любезно; также любезно принимаются они, если представлены, и въ лондонскомъ обществѣ, даже высшемъ, и только нѣкоторые богатые евреи пытались по поводу кишиневскихъ событій создать противъ насъ теченіе, но это имъ не удалось.

У англичанъ свои обычаи, хотя въ общемъ они гостепріимны; на завтракъ, на примѣръ, приглашаютъ они очень легко, тогда какъ быть приглашеннымъ на обѣдъ очень трудно. Приглашеніе погостить за городъ, въ замокъ, очень цѣнится, и тамъ, говорятъ, время идетъ весело, потому что англійскія барышни пре-

лестны и держатъ себя непринужденно. Красавицъ въ лондонскомъ обществѣ не мало. Пять или шесть изъ нихъ пользуются особою славою. Миледи на которую указываютъ какъ на фаворитку короля, не особенно красива и не молода.

Въ день королевскаго приза вечеромъ былъ въ Виндзорѣ балъ, на который пригласили 600 человекъ. На этотъ балъ король является во фракъ съ краснымъ воротникомъ и всѣ приглашенные должны имѣть такіе же воротники. Обыкновенный же придворный вечерній костюмъ отличается только тѣмъ, что къ фраку вмѣсто панталонъ надѣваются бархатные короткіе штаны, шелковые чулки съ пряжками и башмаки. Короткіе штаны удержались до сихъ поръ въ Англіи потому, что это даетъ возможность королю и другимъ кавалерамъ надѣвать орденъ Подвязки.

Хотя всѣ усиленно добиваются быть представленными ко двору, но въ своей обыденной жизни король окруженъ небольшимъ кружкомъ; высшая же аристократія держится совершенно независимо и многіе лорды, при ихъ громадныхъ доходахъ, живутъ роскошнѣе короля. У кого доходы уменьшаются, тѣ ищутъ богатыхъ невѣстъ въ Соединенныхъ Штатахъ, и такъ какъ американки имѣютъ жидовское свойство тащить своихъ, то помѣщеніе американскимъ миссъ съ хорошимъ приданымъ въ англійскихъ аристократическихъ семействахъ открыто свободное. То же наблюдается и въ Парижѣ, гдѣ каждый прогорѣвшій аристократъ въ успокоеніе алчныхъ кредиторовъ печатаетъ, что женится

на американкѣ съ милліардомъ приданаго. Американокъ въ лондонскомъ обществѣ очень любятъ за ихъ веселый нравъ. Онѣ пикантны—качество, совершенно отсутствующее у англичанокъ, почему послѣднія даже при бѣльшей красотѣ всегда менѣе нравятся, чѣмъ американки, не говоря уже о французженкахъ или испанкахъ.

Но если американки прелестны, то нельзя того же сказать объ американскихъ джентльменахъ. Ихъ представители, особенно официальнаго міра, повсюду *laisent à désirer*.

Мнѣ рассказывали отличный анекдотъ объ одномъ американскомъ дипломатѣ. Когда онъ ѣхалъ представлять свои вѣрительныя грамоты въ раззолоченной каретѣ, окруженной кавалеріей, съ *chef du protocole* и церемоніймейстерами въ шитыхъ мундирахъ, вдругъ изъ задняго кармана своего фрака вытащилъ бутылку виски и сталъ тянуть прямо изъ горлышка. Церемоніймейстеры въ ужасѣ схватили его за руки, опасаясь, какъ бы онъ, представляя свои вѣрительныя грамоты, не протанцовалъ кэкъ-уокъ.

Жена этого дипломата также отличилась. Когда ее представляли ко двору, то она, разговаривая съ какою-то принцессою, видя на ней брилліантовые подвѣски, солитеры-брилліанты огромной величины, стала тянуть ихъ изо всей силы, чтобы разсмотрѣть поближе, настоящіе ли они.

— *Laisse la*, — сказала принцесса мужу, — *elle m'amuse*.

Зато американскіе дипломаты, хотя и дуютъ виски, не зѣваютъ въ дѣлахъ и не объ ихъ дипломатической прозѣ могла быть сказана знаменитая фраза: *C'est prudemment rédigé et suffisamment près de la vérité!*

II.

Сезонъ продолжается въ Лондонѣ девяносто дней, какъ срокъ векселя, не болѣе и не менѣе, отъ мая до августа, и въ это время развлеченія длятся безъ конца: театры, концерты, скачки, *cricket matches*, *garden-parties*, всякіе приемы *at homes*. Флиртъ царитъ во всѣхъ углахъ и за недостаткомъ мѣстъ влюбленные парочки, садясь на ступенькахъ лѣсницъ, забираются даже на чердаки. Главное развлеченіе—музыка. Каждый, у кого есть фортепіано, собираетъ гостей; расходовъ на угощеніе особыхъ не требуется, но горе коврамъ, потому что на дворѣ дождь и англійскія миссъ натаскиваютъ много грязи своими вовсе не маленькими ботинками. Говорю это не въ упрекъ англичанкамъ. Козьи ножки французенокъ есть искусственный продуктъ цивилизаціи. Съ точки зрѣнія искусства все должно быть пропорціонально и разъ англичанки имѣютъ здоровыя ноги—и ступни ихъ не могутъ быть маленькими. То же видно и на древнихъ статуяхъ.

Удивительно только, что при такой любви къ музыкѣ и при существованіи музыкальныхъ способностей въ англійскомъ народѣ, что доказывается народными *songs*

и ballads, весьма мелодичными, англичане такъ мало преуспѣли по части лирическаго искусства. Они имѣютъ богатѣйшую литературу, превосходную живопись, замѣчательныхъ карикатуристовъ, недурную архитектуру, особенно въ готическомъ «остроконечномъ» стилѣ, но музыка ихъ всегда была лишь слабымъ подражаніемъ музыкѣ итальянской и французской. Критики приписываютъ это сосредоточенному характеру англичанъ и отсутствію страсти; холодный расчетъ замѣняетъ у нихъ увлеченіе. Лучшіе англійскіе композиторы Бальфъ и Сюлливанъ, въ твореніяхъ которыхъ «музыка не мѣшаетъ слушать оперу» и которымъ даже поставлены монументы въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, совершенно ничтожны. Первый къ тому же почти всю свою артистическую карьеру сдѣлалъ за границею.

За неимѣніемъ національныхъ, англичане не стѣсняются въ число своихъ композиторовъ включать итальянцевъ, какъ Гости или извѣстнаго Москвѣ Денца. Исполнители по части лирическаго искусства тоже въ Лондонѣ большею частью иностранцы. Англичанамъ важны особенно громкія имена, почему одинъ баритонъ по фамиліи Труамиль пѣлъ здѣсь подъ именемъ Аделино Патти. Какая-то дѣвица дебютировала въ Лондонѣ подъ именемъ г-жи Россини, а одна пѣвица въ кафе-шантанѣ назвалась даже m-lle Гамбеттою!

Флиртъ во время сезона приводитъ къ безчисленнымъ процессамъ о нарушеніи седьмой заповѣди и обѣщанія жениться. Послѣднее всегда наказывалось

строго въ Англии. Даже Вольтеръ имѣлъ процессъ о соблазнѣ какой-то г-жи Harley, которой писалъ стихи. Есть особыя изданія въ десяткахъ томахъ о бракоразводныхъ процессахъ съ весьма скабрёзными рисунками, и каждый годъ число этихъ томовъ увеличивается. Англичане, обыкновенно скромные, не стѣсняются на подобныхъ процессахъ раскрывать всю грязь своей семейной жизни. Къ счастью, судьи серьезны. Они слушаютъ все спокойно и нерѣдко не убѣждаются никакими свидѣтельскими показаніями въ фактѣ *criminal conversation*.

Послѣ процессовъ адюльтерныхъ и о *breach of promise*, специальность англичанокъ—роскошныя куафюры даже при жидкихъ волосахъ. Въ одной армянской народной пѣснѣ влюбленный говоритъ, что «волоса его возлюбленной такъ густы, что перепелки вьютъ тамъ свои гнѣзда»¹⁾. Это не говоритъ конечно въ пользу того, что армянки часто прибѣгаютъ къ услугамъ гребня, но какъ сравненіе—недурно; въ современныхъ прическахъ англичанокъ сзади напередъ «*en casque*» многія птицы свободно могли бы нести яйца. Прежде англичанки имѣли, яко бы изъ скромности, особую манеру держаться нѣсколько склонивъ голову внизъ, что называлось даже «греческой граціей». Держаться прямо англичанки считали свойствомъ солдатъ и полисменовъ. Потому ли, что еще лордъ Честерфильдъ въ своихъ знаменитыхъ наставленіяхъ сказалъ сыну,

¹⁾ Archag Tchobanian. «Chants populaires armeniens».

что если бы граціи бѣжали изъ Греціи, то конечно не въ Англію избрали бы онѣ себѣ убѣжище», только «греческой граціи» болѣе не замѣчается; французскіе корсетницы и танцмейстеры выпрямили англичанокъ, и теперь развѣ какъ-уоки вывернутъ ихъ корпусъ, но уже въ обратную сторону.

Краткость сезона не заставляетъ англичанъ измѣнить своего талмудическаго воскреснаго отдыха: въ воскресенье не ходятъ даже поѣзда, кромѣ экспрессовъ. Воскресенье самый тяжелый день и въ Лондонѣ. закрыты всѣ бары и рестораны кромѣ желѣзнодорожныхъ, закрыты магазины, закрытъ и зоологическій садъ, который, занимая огромную часть Реждентъ-парка, отличается своею величиною и просторомъ и гдѣ гипопотамы и слоны живутъ въ болѣе роскошной обстановкѣ, чѣмъ у насъ директора департаментовъ. Особые доктора щупаютъ имъ пульсъ и смотрятъ языки,—слонамъ, а не директорамъ. Многие магазины закрываются еще съ 2 часовъ въ субботу. Приходится отъ скуки брать экипажъ и ѣхать въ Ричмондъ, въ отель Star and Harter, черезъ чудный паркъ, состоящій изъ полянъ съ зеленою сочною травою и вѣковыхъ деревьевъ невѣроятной толщины. Въ отелѣ прекрасный видъ на Темзу, но никто его не смотритъ кромѣ рѣдкихъ иностранныхъ туристовъ; всѣ же комнаты и террасы отеля набиты лондонскою публикою, пьющею чай и эль и пожирающею кэки, тосты и сандвичи.

Заѣхалъ я въ воскресенье и въ русскую церковь,

помѣщающуюся въ скромномъ залѣ домика, имѣющаго видъ коттеджа. Судя по малочисленности молящихся, и это помѣщеніе для Лондона велико.

Къ счастью, теперь, хотя и на короткое время, разрѣшено по воскресеньямъ открывать музеи. Музеи въ Лондонѣ удивительные и изъ-за нихъ однимъ стоитъ поѣхать въ этотъ городъ и пожить въ немъ. Музеевъ множество. Британскій, содержащій вторую по величинѣ послѣ Парижской библіотеку и лучшее въ мірѣ собраніе древностей, можетъ служить образцомъ для всѣхъ подобныхъ учрежденій по удобству и комфорту безъ ненужной роскоши. О богатствѣ содержанія и изобиліи предметовъ и говорить нечего. Въ музеѣ въ отдѣлѣ рукописей хранится и Charta Magna 1215 г., этотъ палладіумъ англійской свободы. Я и Британскій музей вновь бѣгло осмотрѣлъ, причемъ между прочимъ обратила мое вниманіе этррусская живопись, свѣжая, точно ее вчера сдѣлали, и складные стулья древнихъ египтянъ, найденные въ пирамидахъ. Они буквально той же формы, какіе теперь ставили намъ на палубѣ парохода при переходѣ черезъ Па-де-Калэ.

Болѣе интересовали меня картинныя галереи: Национальная, значительно въ послѣднее время расширенная, и вновь устроенныя, которыхъ я еще не видѣлъ: Портретная, галерея Ричарда Уолесса и галерея Тета.

Англичане имѣютъ удивительную школу живописи, только недавно вполнѣ оцѣненную по достоинству. Какъ свысока относились къ ней академическіе пе-

данты, видно напримѣръ изъ того, что въ нашемъ Эрмитажѣ, весьма богатомъ и разнообразномъ собраніи картинъ, едва ли наберется десятокъ англійскихъ картинъ.

Національная картинная галерея въ послѣднее время, какъ я сказалъ, значительно увеличена пристройками. Одна половина ея отдана англійской школѣ, другая—иностраннымъ школамъ. Благодаря покупкамъ и щедрымъ пожертвованіямъ, галерея стала одною изъ лучшихъ въ Европѣ. За Мадонну Рафаэля (*degli Ansidei*), напримѣръ, галерея не поцеремонилась заплатить въ 1884 году 690,000 рублей, дороже чего не было заплачено ни за одну картину въ свѣтѣ. Здѣсь же находится лучшая изъ извѣстныхъ картинъ Боттичели: «Рождество». Расположеніе картинъ очень удобное для осмотра: не нужно задирать голову, вездѣ написано содержаніе, имя живописца, годъ его рожденія и смерти. Всѣ картины подъ стекломъ. Бѣда только попадать въ дни, отведенные для копированія: тогда каждая знаменитая картина окружена барикадою мольбертовъ разныхъ мазилокъ.

Славу англійскаго отдѣла особенно поддерживаютъ огромная коллекція картинъ Турнера, который, хотя скромно называлъ себя ученикомъ, точнѣе подражателемъ Клода Лорена, но, безъ сомнѣнія, превосходилъ послѣдняго. Отъ Турнера пошла вся новая школа пейзажистовъ, и французъ Коро, и армянинъ Зіемъ, и множество другихъ.

Кромѣ Турнера въ галереѣ собраны лучшія про-

изведенія изъ старыхъ англичанъ: Гогарта, Констебля, Генсборо, Рейнольдса, Ромнея, Добсона, Несмита, Лауренса, Кроне; изъ новыхъ: Кутмана, Ландсира, Этти и многихъ другихъ. Всѣхъ *chef d'oeuvre* не перечесть: ихъ сотни; особенно сильны англичане по части портретовъ. Только Рембрандтъ и Веласкесъ превосходятъ ихъ по этой части. Въ английскую школу попала почему-то Роза Боверь.

Къ Национальной галереѣ въ 1896 году сзади пристроили огромное зданіе для помѣщенія національной Портретной галереи, гдѣ собраны автографы, бюсты и портреты английскихъ знаменитостей, по большей части въ оригиналахъ, рисованныхъ первоклассными художниками, особенно портреты старыхъ дѣятелей. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются знаменитости конца XIX столѣтія и современныя, въ среднемъ — начала XIX столѣтія и XVIII столѣтія, въ верхнемъ XVI и XVII столѣтій, между прочимъ такія рѣдкости, какъ подлинныя портреты Генриха VIII, Елисаветы, Маріи Стюартъ и Анны Боленъ. Двѣ послѣднія, судя по портретамъ, вопреки легендѣ, вовсе не были красивы. Число портретовъ очень велико, болѣе тысячи, но всѣ удобно развѣшаны. Тысяча знаменитостей за три вѣка—это по три знаменитости въ годъ и какихъ? Не Златовратскихъ или Засодимскихъ, а Диккенсовъ, Дарвиновъ или Гербертъ Спенсеровъ. Вотъ галерея, подобную которой необходимо устроить въ Петербургѣ или въ Москвѣ, лучше въ Петербургѣ. Матеріаловъ у насъ для нея много; на моей памяти я видѣлъ въ

Петербургѣ три выставки историческихъ русскихъ портретовъ, причеиъ каждая была бѣднѣе предыдущей. Въ учрежденіяхъ, гдѣ имѣются подлинники, могли бы быть оставлены хорошія копіи, что дало бы работу бѣднымъ художникамъ.

На углу Національной галереи, на одной изъ самыхъ бойкихъ центральныхъ улицъ Charing Cross Road можно видѣть зрѣлище, которое въ другихъ странахъ встрѣтить можно развѣ въ операхъ и балетахъ. Здѣсь происходитъ вербовка солдатъ. Три красавца рослые унтеръ-офицера съ палочкою подъ мышкою прогуливаются цѣлый день и вербуютъ желающихъ поступить въ королевскую армію. На стѣнахъ развѣшаны рисунки формъ англійской арміи и условія службы и вербовки. Принимаются люди отъ 18 до 25 лѣтъ при извѣстномъ ростѣ; обѣщается имъ красивая одежда, хорошее содержаніе, пенсія за увѣчье и проч. Между прочимъ длинный списокъ развлеченій въ казармахъ: крокетъ, футбольъ и др. любимыхъ англичанами игръ. Хотя въ Лондонѣ можно заработать 3—5 и болѣе шилинговъ въ день, но трансваальская война доказала, что въ охотникахъ подвергать свою жизнь опасности за шилингъ въ сутки при красивой формѣ недостатка нѣтъ.

Послѣ Національной галереи, лучшимъ художественнымъ перломъ Лондона считается новая галерея въ Hertford House, гдѣ помѣщено собраніе, завѣщанное вдовою извѣстнаго филантропа и одного изъ первыхъ богачей Англій Ричарда Уолесса. Кол-

лекція, чуть-чуть не досталась Парижу, гдѣ Уолессъ прожилъ почти всю свою долгую жизнь, пользуясь между прочимъ дружбою Наполеона III. Эта дружба, громаднѣйшее соостояніе, полученное отъ маркиза Гертфорда, котораго Уолессъ былъ незаконнымъ сыномъ и котораго жена «пользовалась милостями» Георга IV, позволили собрать единственную въ своемъ родѣ коллекцію. Конечно, никогда и ни у кого изъ частныхъ лицъ не было подобныхъ рѣдкостей. Тутъ не только сотни превосходныхъ и подлинныхъ картинъ первоклассныхъ художниковъ, между прочимъ дама съ вуалемъ Веласкеса, лучшія въ мірѣ Ватто, замѣчательнѣйшіе Грѣзы, Рембрандты, Рейнольдсы, Делароши, Мессонье, Деканы и проч., но и рѣдкіе образчики XVII и XVIII столѣтій севрскаго фарфора, майоликъ, бронзы, цѣлая лѣстница изъ парижской *Bibliothèque Nationale*; многое, говорятъ, въ свое время по-просту было украдено изъ Лувра и *Garde Meubles*. Собраніе древняго оружія очень обширно и едва ли не богаче даже мадридской Армеріи.

Музей, открытый въ 1899 г., занимаетъ построенное на казенный счетъ особое зданіе въ два этажа. Онъ роскошно и удобно устроенъ. Его оцѣниваютъ нѣкоторые въ 40, а другіе даже въ 150 милліоновъ рублей, хотя есть вещи, которымъ по рѣдкости и цѣны нѣтъ. Часть коллекціи Уолесса еще сгорѣла.

Изъ остальныхъ лондонскихъ музеевъ особаго вниманія заслуживаетъ, устроенная въ 1897 году, Галерея британскаго искусства или музей Тета, большое

зданіе, цѣликомъ посвященное новымъ англійскимъ школамъ живописи: прерафаэлитамъ (въ томъ числѣ огромная коллекція картинъ Уаттса) и реалистамъ. Многія изъ картинъ, тутъ выставленныхъ, между прочимъ превосходнѣйшіе жанры Орджонсона, я уже видѣлъ ранѣе, такъ какъ лучшіе новые англійскіе художники выставляются обыкновенно въ салонахъ въ Парижѣ, а многіе изъ нихъ тамъ и учились, какъ дѣлали и великіе мастера старой англійской школы. У насъ новая англійская живопись: Burns - Jones, Wates, Rosetti и др. почти не извѣстна. Небольшая выставка этой живописи, устроенная въ С.-Петербургѣ нѣсколько лѣтъ назадъ, не могла дать о ней достаточнаго понятія. Я встрѣтилъ въ Carlton Hotel г-жу Третьякову, которая хлопотала объ устройствѣ англійской выставки въ Москвѣ, но дѣло не ладилося, потому что торговцы картинами, почти все представители народа избраннаго, не желаютъ ничего дѣлать все изъ-за тѣхъ же кишиневскихъ событій.

Кромѣ музеевъ есть въ Лондонѣ безчисленное множество и другихъ образовательныхъ средствъ. Здѣсь обучаютъ не только людей, но и попугаевъ. Есть особы «профессора», которые берутся за 10 шилинговъ въ недѣлю въ два-три мѣсяца выучить попугая говорить по-французски, по-нѣмецки или по-итальянски, а въ теченіе года выучить не менѣе какъ четыремъ языкамъ.

Вотъ бы такихъ профессоровъ да въ наши гимназіи, гдѣ ученики остаются по восьми лѣтъ и не знаютъ ни древнихъ, ни новыхъ языковъ!

III.

Если въ Лондонѣ болѣе жидовъ, чѣмъ въ Палестинѣ, итальянцевъ болѣе, чѣмъ въ Римѣ, шотландцевъ — чѣмъ въ Эдинбургѣ, то и по части театровъ можно сказать, что нѣтъ города въ мѣрѣ, гдѣ было бы столько театровъ, не говоря уже о концертахъ, кафе-пантанахъ и т. п. Однихъ большихъ театровъ слишкомъ пятьдесятъ. Есть пункты, особенно на Страндѣ, откуда видно по пяти театровъ сразу, и публика, занимающая дешевыя мѣста, образуетъ длинные «хвосты» за нѣсколько часовъ до открытія спектакля. Иностраннымъ знаменитостямъ тутъ рай. Одновременно играли во время моего здѣсь пребыванія, на театрахъ Adelphi, Garrick и Disc of York, Сара Бернаръ, Режанъ и Гранье, каждая съ особой труппой. Французская труппа прїѣзжала въ Лондонъ уже въ первой половинѣ XVII столѣтія, при Карлѣ I.

При такой страсти къ зрѣлищамъ, казалось бы, театръ долженъ процвѣтать, тѣмъ болѣе, что англичане, какъ вѣрно замѣтила знаменитая княгиня Ливенъ, долго жившая въ Лондонѣ въ качествѣ жены нашего посла, «гораздо болѣе тонки, чѣмъ о нихъ думаютъ, и чрезвычайно наблюдательны и любопытны, не показывая только виду, что чѣмъ либо интересуются». Эта наблюдательность должна бы давать имъ обширный матеріалъ для сцены. Между тѣмъ, странно, въ Англіи театръ давно въ упадкѣ. Послѣ временнаго

закрытія театровъ при республикѣ, съ 1642 по 1662 г. они воскресли, вмѣсто Шекспира и его школы, въ видѣ только подражанія испанцамъ и французамъ. Такъ называемая «высокая комедія» процвѣтала съ 1670 по 1714 г. и дала Конгрива, Уэчерли, Венбруга и Фаркуара. Съ 1780 по 1820 г. произошло новое сильное паденіе.

Въ XIX столѣтіи было нѣсколько попытокъ воскресить англійскій театръ, но до сихъ поръ онѣ были безрезультатны. Въ 1820 г. Шериданъ Ноулесъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ послѣднимъ представителемъ «высокой комедіи», авторомъ «Школы злословія» Бринслеемъ Шериданомъ, создалъ буржуазную трагедію. Въ 1838 г. извѣстный романистъ Бульверъ Литтонъ дебютировалъ съ успѣхомъ въ исторической драмѣ. Его «Ришелье» памятенъ у насъ въ игрѣ Самойлова. Въ это время талантливый актеръ Макреди воскресилъ любовь къ Шекспиру, но она замерла къ 1850 г., и только въ 1874 г. Генри Ирвингъ вновь оживилъ ее. Въ этотъ длинный промежутокъ англійскій театръ исключительно пробавлялся передѣлками съ французскаго, а изъ болѣе оригинальныхъ авторовъ можно назвать развѣ Робертсона, Джильберта и пожалуй Теннисона, трагедіи котораго имѣли гораздо менѣе успѣха, чѣмъ поэмы.

Съ 1872 г. усилились попытки создать національный театръ, поприще для котораго, прибавляя публику Соединенныхъ Штатовъ и колоній, громадно. Но изъ новыхъ прославившихся авторовъ Сидней

Грэнди только подражатель Скриба; Артюрь Джонесъ болѣе оригиналенъ въ своихъ обличеніяхъ буржуазнаго лицемѣрія; еще талантливѣе Пайнеро, авторъ многихъ психологическихъ драмъ, заимствованныхъ отчасти у Дюма-сына и Ожье. Не остались безъ вліянія на англичанъ и Ибсенъ, и Зудерманъ, и Théâtre Libre Антуана. Во всякомъ случаѣ театръ, гдѣ извѣстная въ Петербургѣ «Трильби» считалась вещью изъ ряда вонъ, не Богъ вѣсть какого качества.

Въ послѣднее время, повидимому, англійская драма для большой публики не можетъ уже обойтись и безъ «русскаго элемента». Шли переводы Толстого и Горькаго, но театральные закройщики находятъ, что русскіе авторы недостаточно отчетливо отражаютъ русскую жизнь, и принялись стряпать драмы по собственному рецепту. Послѣдній, по отзыву одного критика, обыкновенно таковъ: двѣ княгини, дюжина нигилистовъ, два—три мужика, и для *souvenir locale* снѣжная мятель, волки и чай съ лимономъ въ стаканахъ.

Но если авторы были не важны, хотя имъ платили уже не такъ, какъ авторамъ XVII столѣтія, получавшимъ обыкновенно по 10 шилинговъ за пьесу, то отличныхъ исполнителей всегда было въ Англии не мало. Въ послѣднее время прославились Джорджъ Александръ, Форбсъ-Робертсонъ, Уиндгамъ, Джонъ Гаръ, Мартинъ Гарвей и г-жи Кендалъ, Элленъ Терри и Патрикъ Кембелль. Выше же ихъ всѣхъ былъ трагикъ Генри Ирвингъ, которому покойная королева Викторія пожаловала дворянское достоинство.

Онъ играетъ еще, и я вновь видѣлъ его въ «Dante», драмѣ Викторіена Сарду и Эмиля Моро, написанной спеціально для Лондона и поставленной въ королевскомъ театрѣ Drury Lane, въ переводѣ Лауренса Ирвинга, сына знаменитаго актера.

Содержаніе драмы Сарду и Моро довольно запутано. Дантъ имѣетъ дочь Джемму, замужемъ за Нелло делла Петри. Нелло запираетъ свою жену въ монастырь среди болотъ маремнскихъ, чтобы уморить ее. Возлюбленный Джеммы Бернандино освобождаетъ ее при помощи Данта. Но Дантъ не знаетъ, спасена ли она? Онъ страдаетъ у гроба Беатриче, которая указываетъ ему входъ въ адъ, куда Дантъ и отправляется въ сообществѣ Virgilія. Въ аду Данту сообщаютъ, что Джемма и Бернандино заперты въ папскихъ темницахъ Авиньона, во власти кардинала Колонны. Дантъ предсказываетъ смерть послѣднему и заставляетъ *in extremis* простить виновныхъ.

Къ этому припутана въ прологѣ исторія Уголино. Прологъ—лучшій актъ по постановкѣ и игрѣ. Декораціи Башни голода въ Пизѣ, праздника во Флоренціи, монастыря Санъ-Пьетро и папскаго дворца въ Авиньонѣ очень хороши. Поражаетъ только анахронизмъ: во дворцѣ папы часы съ огромнымъ циферблатомъ, и это въ эпоху 1303—1314 гг! Но циферблатъ необходимъ по содержанію драмы, ибо Дантъ предсказалъ Колоннѣ, что тотъ умретъ ровно въ шесть часовъ, и публика должна видѣть, какъ приближается роковой моментъ. Въ пьесѣ кромѣ хора

участвуютъ сорокъ девять лицъ. Драма, какъ я сказалъ, имѣетъ характеръ отрывочный, а сцены изъ ада совсѣмъ какъ будто бы взяты изъ фееріи.

Я распространился объ обстановкѣ потому, что Ирвингъ очень занимается ею и даже напечаталъ объ этомъ предметѣ цѣлое изслѣдованіе. Хорошая постановка, по мнѣнію Ирвинга, не должна давать зрителю никакого особаго впечатлѣнія, а только содѣйствовать впечатлѣнію, производимому пьесою. Она какъ бы облакаетъ актеровъ атмосферою, въ которой они могутъ дышать, ставитъ ихъ въ среду имъ наиболее подходящую и освѣщаетъ ихъ надлежащимъ образомъ. Ея роль отрицательная. Она не должна вызывать диссонансовъ. Если требовать отъ нея болѣе, то это значитъ вредить успѣху пьесы.

Важнѣйшую роль Данта играетъ Ирвингъ. Хотя ему только шестьдесятъ пять лѣтъ, но на сценѣ онъ кажется гораздо старше, почти руиною, и игра его отзывается старою школою. Дикція превосходна, но голосъ сталъ глухимъ. Кромѣ Ирвинга большія роли у Моллисона (Колонна), Макъ-Киннеля (Нелло) и Луренса (Бернандино). Джемму играла г-жа Лена Ашвелъ. Съ большою энергіей ведетъ роль аббатиссы г-жа Уалессъ. Всѣ остальные исполнители вполне приличны и ансамбль не оставлялъ желать лучшаго.

Дрюриленскій театръ всегда считался образцовымъ. Это англійская «Comédie Française». Здѣсь подвизались Гаррикъ, Кинъ и другія знаменитости англійской сцены. Драмъ и комедій отведены и много другихъ лондон-

скихъ театровъ. Лучшія труппы теперь въ Hay-Market, St.-James, старинномъ His Majesty, Criterion и Wyndham. Театръ Дрюриленъ роскошно отдѣланъ и ложи и кресла весьма удобны, только холодновато. Цѣны почти во всѣхъ лондонскихъ порядочныхъ театрахъ одинаковы; кресла, взятыя заранѣе, стоятъ на наши деньги 5 съ полтиною.

Публика въ Дрюриленѣ хорошая, но самая избранная публика въ Королевскомъ итальянскомъ оперномъ театрѣ или Covent Garden, особенно по понедѣльникамъ, считающимся наиболѣе шикарнымъ днемъ. Здѣсь можно видѣть весь цвѣтъ англійской аристократіи, лондонской haute finance и «профессиональныхъ красавицъ». Кто сидитъ въ ложахъ, узнать легко, потому что имена абонентовъ напечатаны на дверяхъ ложъ въ коридорахъ. Конечно, всѣ дамы декольте, разряжены въ пухъ и прахъ и покрыты брилліантами и жемчугами; даже въ креслахъ туалеты очень роскошны. Театръ открытъ въ 1847 году съ Гризи, Маріо, Тамбурини и Персіани; здѣсь прославились Дженни Линдъ и Нильсонъ; зала огромная въ итальянскомъ вкусѣ, изъ всѣхъ креселъ видно превосходно, потому что, какъ и вездѣ въ Лондонѣ, партеръ очень покать къ сценѣ. Театръ помѣщается въ узкой улицѣ и разѣздъ нелегокъ, но армія ливрейныхъ лакеевъ облегчаетъ быстрое пріисканіе экипажей.

Король занимаетъ довольно скромную ложу направо въ бель-этажѣ. Это соединеніе двухъ обыкновенныхъ ложъ, надъ которыми поставленъ маленькій королев-

скій гербъ. Въ спектакляхъ gala дворъ занимаетъ еще двѣ сосѣднія ложи, остальные мѣста продаются. Чтобы видѣть г. Лубе въ день торжественнаго спектакля, достаточно было заплатить въ кассѣ театра за кресло 10 гиней, а за ложу 100 гиней.

Вообще на пріемъ французскаго президента англичане не очень раскошелились. Я видѣлъ приготовленія въ большомъ залѣ Hildhall'a къ парадному обѣду. Они мнѣ показались весьма скромными для лондонскаго Сити, гдѣ деньги загребаютъ лопатами и на который трудится въ потѣ лица половина земного шара. Это не то, что въ 1768 г., когда лордъ-мэръ принималъ датскаго короля Христіана VI и обѣдъ состоялъ изъ 121 блюда! Лордъ-мэръ теперь г. Самюэль; онъ держитъ въ рукахъ весь вывозъ керосина на Дальній Востокъ, т.-е. снимаетъ сливки съ бакинской нефтяной промышленности.

Опера играетъ только три мѣсяца въ году, именно въ сезонъ, что для Лондона немного, но правительство оперы, да и другихъ театровъ не субсидируетъ, а дворъ и того менѣе. Королева Викторія за исполненіе при дворѣ давала въ началѣ царствованія подарки, хотя и скромные, затѣмъ это было замѣнено фотографіями съ ея подписью или экземпляромъ ея «Записокъ». Подъ конецъ жизни артисты не получали ничего, въ предположеніи, что честь пѣть или играть передъ королевою должна цѣниться выше всего. При такихъ условіяхъ составъ оперы, считавшейся первою въ Европѣ, нѣсколько ухудшился. Поютъ уже не только

по-итальянски, но на всѣхъ языкахъ. При мнѣ по-итальянски исполнялась, на примѣръ «La Bohème» Пуччини г-жей Мельба и гг. Бончи, Скотти, а по-нѣмецки «Tannhäuser» Вагнера. Елизабету пѣла извѣстная теперь мюнхенская пѣвица Тернина, голосъ большой, но утомленный; теноръ, тоже нѣмецкій, Кноте, очень плохой; недурень извѣстный баритонъ ванъ-Роэ, исполнявшій роль Вольфрама. Обстановка и оркестръ посредственны. Кромѣ того въ Covent Garden пѣли въ этотъ сезонъ: г-жа Кальве, Альваресъ, Рено и Ванъ-Дейкъ. Артисты на афишахъ титулуются, смотря по національностямъ: Fräulein, Madame, Signor, Herr, Monsieur, Mister, что довольно курьезно.

Въ прежнее время англичане были большими любителями итальянскихъ балетовъ. Для послѣднихъ давно существуютъ на Лейчестеръ-скверѣ два спеціальныхъ театра: Empire и Alhambra, гдѣ кромѣ балетовъ показываются отличные гимнасты, клоуны, фокусники. Публика довольно смѣшанная, многіе мѣсть не берутъ, а гуляютъ по коридорамъ, откуда видна сцена, не столько ради спектакля, сколько въ ожиданіи пріятныхъ знакомствъ съ кокетками довольно почтеннаго съ виду возраста. Молодые, вѣроятно, подвизаются въ Парижѣ или на водахъ. Прежде въ этихъ театрахъ передъ креслами тянулись узкіе столики и джентльмены могли пить, куря сигары, любимую свою Soda-water съ brandy или whisky, но теперь столики уничтожены и для питья остаются антракты.

Публики попрежнему много, но спектакли съ упад-

комъ классическаго балета въ Италіи и за недостаткомъ хорошихъ балеринъ стали менѣе интересны. Въ Ем-руге я видѣлъ только половину представленія. Шли балеты: «The Milliner Dukes» и «Duel in the Snow»; гвоздь послѣдняго—смерть Пьеро на дуэли послѣ бала къ Парижской Оперѣ. Это, какъ извѣстно, сюжетъ картины Жерома «Duel après le bal de l'Opéra», принадлежавшей графу Кушелеву-Безбородко и находящейся теперь въ нашей Академіи Художествъ. Картина цѣликомъ воспроизведена въ одномъ изъ актовъ балета, гдѣ комическія сцены перемежаны съ трагическими. Главный эффектъ разсчитанъ на сцену смерти, недурно изображаемой мимомъ, тогда какъ въ глубинѣ сцены, затянутой прозрачною кисеей, видна зала Парижской Оперы, гдѣ публика танцуетъ бѣшеную кадрили. Прима-балерина Аделина Жене и кордебалетъ не важны.

Въ «Alhambra», сцена котораго давно уже уступаетъ Емруге, все похуже, только кресла превосходныя. Шли два балета: «The Devil's Forge» и «Carmen» съ Геррерою. Танцы поставлены не безъизвѣстной Петербургу танцовщицею Кормани; они плоховаты. Балетъ «Carmen» изъ рукъ вонъ. Это та же опера Бизе, откуда выкинуто все пѣніе, но вставлено нѣсколько испанскихъ танцевъ. Геррера красива собою, но танцуетъ тяжело, неграціозно; она, впрочемъ, хорошо извѣстна петербургской публикѣ. На афишѣ Alhambra я замѣтилъ удачное нововведеніе: напечатано, что слѣдуетъ платить извозчику, *cab fares*, отъ

театра до всѣхъ извѣстныхъ пунктовъ Лондона. Лондонскія афиши содержатъ вообще много полезныхъ свѣдѣній и особенно объявленій.

Если балеты выходятъ въ Лондонѣ изъ моды, то танцы, наоборотъ, все болѣе и болѣе приходятся по вкусу англійской публикѣ. Ихъ примѣшиваютъ къ водевилямъ, опереткамъ, фарсамъ и созданъ особый видъ драматическихъ представлений, которыя можно назвать водевиль-балетъ, подобно тому какъ въ XVIII столѣтій была опера-балетъ.

Эти новыя представленія отличаются тѣмъ, что хоръ, какъ въ древней Греціи, не только поетъ, но и танцуетъ, съ тою разницею, что греческій хоръ танцовалъ въ мѣстахъ патетическихъ, а хоры въ англійскихъ пьесахъ танцуютъ постоянно и для возбужденія веселья. Эти общія пляски хора носятъ особое названіе: *chorus-girls*; онѣ пришли въ Англію изъ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ ихъ усовершенствовалъ талантливый артистъ Джуліанъ Митчель.

Онъ нашель, что классическіе балеты прискучили публикѣ, а французскій канканъ, состоящій изъ *salut militaire* — подыманія перпендикулярно ногъ, и *le grand ecart* — растопыриванія ихъ горизонтально, слишкомъ грубъ и пошлъ, почему сочинилъ особыя танцы съ пѣніемъ, соединивъ па изъ того же канкана съ па джига, вальса и *sake-walk'a*. Послѣдній изъ танца негровъ, благодаря прекрасной музыкѣ, сдѣлался теперь однимъ изъ наиболѣе живыхъ и экспрессив-

ныхъ танцевъ. «Кэкъ-уокъ» множество, есть и салонные¹⁾.

Нѣкоторые предсказываютъ, что американцы должны произвести революцію и въ хореографическомъ искусствѣ и тѣни Новерра и Вестриса встрепенутся во гробахъ. Поживемъ, посмотримъ.

Петербургъ видѣлъ два года назадъ въ «Акваріумѣ» chorus girls; они особаго успѣха у насъ не имѣли, но это зависѣло и отъ условія сцены и отчасти отъ состава приглашенной труппы. Въ Лондонѣ всѣ хористки—талантливыя, молодыя, красивыя женщины отъ семнадцати до двадцати лѣтъ; онѣ получаютъ значительное жалованье отъ 150 до 350 рублей въ мѣсяцъ, играютъ и танцуютъ какъ будто для собственнаго удовольствія, весело и съ шикомъ, всѣ движенія не только правильны и отчетливы, но съ душою.

Наиболѣе удачная пьеса въ этомъ родѣ теперь дается въ театрѣ Prince of Wales и называется «School girls». Хотя она шла болѣе пятидесяти разъ, но и думать было нечего, даже съ переплатою, попасть въ театръ; всѣ мѣста, кромѣ райка, откуда ничего не видно, заранее расписаны и за проданы.

Но «School girls» привлекаетъ своею новизною. Лучшимъ же театромъ вышеозначеннаго жанра считается

¹⁾ Кэкъ-уокъ вовсе не новость. Извѣстный пѣвецъ Фрагсонъ заявилъ недавно въ «Figaro», что онъ ознакомилъ съ этимъ танцемъ Парижъ еще десять лѣтъ назадъ въ revue «Vive l'Empereur» поставленномъ въ редакціи этой газеты.

Gaiety Theatre, доживающій въ своемъ нынѣшнемъ помѣщеніи на Страндѣ послѣдніе дни. По требованію муниципальнаго совѣта, онъ будетъ сломанъ и воскреснетъ уже въ новомъ залѣ. Директоръ театра Джордъ Эдвардсъ должно быть великій знатокъ своего дѣла и женщинъ, потому что трудно подобрать въ одной труппѣ столько красивыхъ и хорошо сложенныхъ актрисъ и хористокъ, сколько у него собрано въ Gaiety. Он реут се гінсер Г'оеил, какъ говорятъ французы. Послѣ того другіе лондонскіе театры невольно кажутся прѣсными.

Спектакль состоялъ изъ фарса-водевиля «The Toreador» Джемса Теннера и Генри Никольса и изъ обзорѣнія «The Linkman or gaiety memories», отрывковъ или пародій на пьесы, имѣвшія наибольшей успѣхъ на томъ же театрѣ. Все это перемѣшано дурачествами комиковъ, пѣніемъ и особенно chorus girls. Комикъ Ліонель Макайндеръ превосходенъ; главная примадонна Адриена Огарди немного полна, но зато вся остальная труппа на подборъ. Красивѣйшая же изъ исполнительницъ блондинка мисъ Флорансъ Уордъ. Она танцевала съ г. Гросмитомъ, авторомъ вышеозначеннаго обзорѣнія, кэкъ-уокъ съ замѣчательною maestria; движенія ногъ ея были навѣрное краснорѣчивѣе рѣчей самого Чемберлена. Кэкъ-уокъ, какъ я уже писалъ, свирѣпствуетъ въ Лондонѣ такъ же, какъ и въ Парижѣ. На-дняхъ былъ въ столицѣ Англій конкурсъ sake-walk'a. Состязавшіеся должны были танцевать изобрѣтая новыя па на протяженіи полутора миль!! Эта

мода вызвала уже протесты. Конгрессъ нѣмецкихъ танцмейстеровъ въ Мюнхенѣ лѣтомъ нынѣшняго (1903) г. рѣшительно забраковалъ кэкъ-уокъ и возвелъ на пьедесталъ вальсъ, тоже однако лѣтъ сто назадъ считавшійся слишкомъ сладострастнымъ и вѣтренымъ танцемъ.

«Англичане и банкиры не вѣтрены», — замѣтилъ Карамзинъ. Но если англичане не вѣтрены, то это не значитъ, что они сидятъ какъ идолы и смотрятъ на кончикъ носа. Это они дѣлаютъ только въ Парижской Оперѣ, куда являются въ купальныхъ костюмахъ вмѣсто фраковъ; у себя въ Лондонѣ англичане даже въ маленькихъ театрахъ разодѣты и рѣзвятся и хохочутъ отъ всей души, подхватывая малѣйшіе намеки комиковъ. Увѣреніе одного стариннаго писателя, что для того, чтобы англичанинъ понялъ каламбуръ, необходимо ему сдѣлать хирургическую операцію во лбу, потеряло очевидно всякій смыслъ.

Эдуардсъ имѣетъ и другой театръ: Apollo, также роскошно отдѣланный, съ репертуаромъ, подобнымъ репертуаромъ Gaiety. Apollo удобно устроенъ: кресла идутъ амфитеатромъ, ложи просторны, публика блестяща, но составъ главныхъ исполнителей и исполненіе показались мнѣ послабѣе, чѣмъ въ Gaiety, что можетъ быть зависѣло и отъ пьесы. Шель фарсъ «Girl from Kay's» Оуэна Голя, съ музыкою и танцами. Женскій персоналъ труппы и здѣсь видимо подобранъ специалистомъ. Лучшія актрисы — г-жа Летта Линдъ и Елла Снайдеръ. Послѣдняя — американская красавица: прелестные глаза и зубы, энергическій подбо-

родокъ и великолѣпные волосы, мило распускавшіеся при танцахъ.

Теодоръ де-Банвиль увѣряетъ въ одной изъ своихъ буфонадъ, что женщины руководятъ мужчинами потому, что имѣютъ болѣе волосъ на головѣ. А турецкая пословица говоритъ, что въ волосѣ женщины больше силы чѣмъ въ шести лошадяхъ. Если это вѣрно (а въ честь Банвиля въ Парижѣ названа въ моемъ со-сѣдствѣ улица), то миссъ Снайдеръ должна руково-дить весьма многими мужчинами.

Въ хорѣ самая красивая хористка съ замѣчательною улыбкою приходится близкою родственницею мини-стру Бересфорду! И въ Англіи свѣтскія дамы только и мечтаютъ, какъ бы попасть на сцену. Мужья по-добныхъ особъ не отказываютъ въ разводахъ потому, что, какъ гласитъ лондонская скандалѣзная хроника, многія жены только въ фортепіано кажется не пря-чуть своихъ возлюбленныхъ! Schoking!

Къ 11 часамъ всѣ спектакли въ Лондонѣ кончаются, чтобы дать время и публикѣ и артистамъ поужинать, пока рестораны и бары еще не закрыты, почему ан-тракты между дѣйствіями всегда очень коротки.

Лондонъ завялъ теперь войною директоровъ теат-ровъ съ театральными критиками. Директоръ театра Garrick отказался пускать къ себѣ одного критика за его пристрастіе. Театръ Royalty сдѣлалъ то же. Тогда «Times» для поддержанія чести печати циркулярно просилъ всѣ театры не посылать ему болѣе даровыхъ билетовъ на первыя представленія.

Въ концѣ концовъ восторжествуетъ одинъ изъ принциповъ Ирвинга, что критикъ не долженъ быть знакомъ съ актерами.

IV.

Уже два года назадъ, по случаю всемірной выставки въ Глазго, собирался я посѣтить знаменитыя въ исторіи англійской литературы шотландскія озера, но по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ не попалъ туда, а съѣздить на родину Вальтеръ-Скотта мнѣ слѣдовало. Съ дѣтства я былъ воспитанъ на Вальтеръ-Скоттѣ и на операхъ, писанныхъ на его сюжеты. Отецъ мой девяноста лѣтъ отъ роду съ наслажденіемъ перечитывалъ Вальтеръ-Скотта, а пеленки мнѣ мѣняли подъ звуки «*Donna di Lago*», «*Puritani e Cavalieri*» «*Lucia de Lamermor*».

Наконецъ я нашелъ веселыхъ спутниковъ и со станціи Kings Cross (есть и другіе пути) двинулся къ сѣверу по желѣзной дорогѣ Great Northern. Двинулся не безъ приключеній, потому что въ гостиницѣ забыли положить мой багажъ на омнибусъ и пришлось возвращаться за нимъ. Какъ на всѣхъ англійскихъ, поѣздахъ, вашъ багажъ взвѣшиваютъ болѣе для вида, такъ какъ дополнительная плата рѣдко взимается, и затѣмъ наклеивается билетъ съ обозначеніемъ станціи назначенія. Никакой квитанціи не выдается и по прибытіи нужно самому отыскать свой багажъ. Въ случаѣ спора багажъ отдается тому, у кого къ нему

оказываются ключи. Конечно, нужно не звать, ибо багажъ ранѣе васъ можетъ получить другой. Система эта удобна для англичанъ, путешествующихъ обыкновенно только съ ручнымъ багажемъ.

Часть Лондона за Kings Cross имѣетъ мало фабрикъ и послѣ длиннаго переѣзда по сѣрымъ кварталамъ, напоминающимъ соты, изъ котораго вытекъ медъ—общій характеръ англійскихъ городовъ—поѣздъ сразу входитъ въ земледѣльческую мѣстность. Равнина почти все время плоская. Пейзажъ веселый и пріятный, но мало оживленный; сочные луга, толстыя деревья, людей же не видать даже на станціяхъ.

Эта пустота есть слѣдствіе фритредерской политики Англій. Когда земледѣльцы въ концѣ 40-хъ годовъ увидѣли, что таможенный тарифъ имъ не покровительствуютъ, то, по совѣту одного изъ своихъ, Арча, стали эмигрировать въ промышленные округа, гдѣ было много работы, пока всѣ государства не принялись за развитіе собственной промышленности.

Видя, что идеи Кобдена болѣе не дѣйствуетъ на остальные народы, англичане снова берутся за покровительство, но на этотъ разъ земледѣліе предполагается поощрять не у себя дома, а въ колоніяхъ. Австралія и Новая Зеландія доставятъ все мясо, необходимое для продовольствія Англій, Канада—хлѣбъ. Иностраннымъ государствамъ останутся крохи. Поворотъ экономической мысли въ Англій совершенно ошарашилъ старыхъ экономистовъ, повторяющихъ еще пустословіе Бастіа. Они не могутъ понять, что при повсемѣстной

системѣ синдикатовъ и англійская промышленность нуждается въ охранѣ, потому что нельзя вывозить дешево, не имѣя обезпеченнымъ хотя домашняго рынка. Континентальные экономисты и въ томъ числѣ русскіе, понесли въ журналахъ и ученыхъ обществахъ «обычну гиль», доказывая, что англичане не понимаютъ собственныхъ интересовъ.

Поворотъ въ общественномъ мнѣніи Великобританіи совершился весьма быстро. Еще въ срединѣ девяностыхъ годовъ почти единственнымъ виднымъ англійскимъ экономистомъ, защищавшимъ открыто протекціонизмъ, былъ Эрнестъ Вильямсъ. Члены кабинета рѣшительно высказывались противъ какого бы то ни было возвращенія къ протекціонизму. Министръ финансовъ поднималъ на смѣхъ противниковъ фритредерства. Въ послѣднее время мы замѣчаемъ нѣчто другое.

Въ кабинетѣ протекціонисты имѣютъ такого крупнаго защитника, какъ Чемберлэнъ, будущій премьеръ. Объ интенсивности агитаціи въ пользу возвращенія къ протекціонизму можетъ дать представленіе тотъ фактъ, что почти всѣ выдающіеся англійскіе журналы отстаиваютъ необходимость протекціонной системы. Въ «Fortnightly Review» талантливый Гобсонъ признаетъ оставленіе фритредерства явленіемъ неминуемымъ; въ «Monthly Review» напечатана въ этомъ смыслѣ статья либерала Гринвуда. Въ «Contemporary» доказывается, что нужно отказаться отъ «суетвѣрія фритредерства»; въ «Fortnightly» то же самое доказываетъ Битти Крозіеръ.

Остановокъ нашъ поѣздъ, шедшій до Эдинбурга (685 верстъ) менѣе девяти часовъ, имѣлъ немного. Первая остановка въ Петерборо, ничѣмъ кромѣ стариннаго собора не примѣчательномъ. Затѣмъ пошли Донкастеръ, городъ фабричный, Сельби съ развалинами бенедиктинскаго аббатства XII столѣтія и Іоркъ съ знаменитымъ соборомъ, однимъ изъ стариннѣйшихъ и любопытнѣйшихъ въ Англіи. Іоркъ до сихъ поръ офиціально считается вторымъ городомъ Англіи, имѣетъ лорда-мэра и архіепископъ его — примасъ англійскаго духовенства. Замѣчательно, что въ Англіи, гдѣ 180 разныхъ религій, только католическая оставила серьезные слѣды въ искусствѣ. Въ публикѣ Іоркъ извѣстенъ однако гораздо болѣе, какъ рынокъ лучшихъ въ мірѣ окороковъ.

За Іоркомъ въ вагонѣ-ресторанѣ подается обѣдъ. Кресла ресторана удобны, насчетъ же кушанья мнѣнія можно имѣть различныя, но *à la guerre comme à la guerre!* Цѣна за обѣдъ безъ вина небольшая — 3 шиллинга 6 пенсовъ. За это подали супъ изъ баранины, который мои русскіе спутники, закричавъ *hochzeit*, ѣсть не захотѣли, а я ѣлъ, привыкнувъ въ молодости къ такимъ *potages*. Въ деревняхъ Новороссійскаго края другого мяса какъ отъ меринсовъ прежде не бывало. Затѣмъ шла разварная лососина съ огурцами, твердые циплята, хорошій ростбифъ, который я обильно полилъ одною изъ безчисленныхъ сой, шпинать, напоминавшій вкусомъ свѣжескошенное сѣно (соли и масла ни въ одно англійское блюдо не по-

лагаются), вкусный слоеный пирогъ съ вишнями и густыми сливками. При помощи вина, эля и кларета прожить съ такимъ меню было возможно.

Послѣ обѣда проѣхали мы Дарлингтонъ и Дюргамъ въ очень красивой мѣстности, также со старинными замками и соборами. Я цитирую замки и соборы, какъ прописанные въ гидѣ, лучшія же постройки въ городахъ современной Англіи — это дома для сумасшедшихъ или тюрьмы.

Ньюкастль имѣетъ очень величественный видъ съ массой черныхъ домовъ, фабрикъ и заводовъ на рѣкѣ Тайнѣ, окутанной дымомъ. Отсюда вышелъ первый локомотивъ Стифенсона, совершившій величайшую экономическую революцію, какую знаетъ человѣчество. Безъ Стифенсона и я бы не могъ зиму сидѣть на Финскомъ заливѣ, весну на Средиземномъ морѣ, осень на Атлантическомъ океанѣ, а лѣтомъ ѣхать по берегу Нѣмецкаго моря въ поискахъ за мѣстомъ, гдѣ будто бы не скучно! Подъѣзжая къ Ньюкастлю, видишь вездѣ каменноугольныя разработки и горные заводы. Это важнѣйшій пунктъ для торговли каменнымъ углемъ въ мірѣ, между прочимъ и для Россіи, а равно для кораблестроенія. Имѣется здѣсь и русское консульство.

За Ньюкастлемъ дорога приближается къ морю, проходитъ недалеко отъ замка, описаннаго въ «Ламермурской Невѣстѣ», останавливается въ Бервикѣ, пересѣкаетъ р. Твиди, границу Англіи и Шотландіи, столько разъ обогренную кровью въ братоубійственныхъ войнахъ, и оканчивается на центральной стан-

ціи Единбурга—Ваверлей, около которой стоитъ лучшій въ городѣ — гдѣ столько великолѣпныхъ гостиниць—North British Hotel.

Это одинъ изъ лучшихъ отелей въ Европѣ. Онъ имѣетъ видъ дворца и открытъ только съ октября прошлаго года. Поднявшись по цѣлой серіи лифтовъ, мы долго бродили по разнымъ этажамъ подъ руководствомъ какихъ-то миссъ въ затѣйливыхъ куафюрахъ. Шотландки долго не могли понять, что мы желаемъ имѣть хорошія комнаты, и старались насъ помѣстить въ самыя дешевыя, гдѣ-то подъ крышею. Въ Европѣ, наоборотъ, старались бы прежде всего навязать вамъ самыя дорогіе номера, увѣряя, что дешевыя всѣ заняты.

За 8 шилинговъ я получилъ въ бель-этажѣ съ видомъ на лучшую улицу города большую комнату, отдѣланную въ modern style; за ту же комнату втрое грязнѣе взяли бы у насъ 12 или 15 рублей. При этомъ въ плату полагались всѣ удобства, ванна и пр. Противъ моей комнаты была также большая парикмахерская, гдѣ меня заинтересовала надпись: Scalp massage. Я попросилъ его сдѣлать себѣ; оказалось, что мнѣ растирали и массируютъ голову тремя разными туалетными водами, обвѣвая вѣеромъ съ такою силою, что я едва не получилъ насморка. Въ концѣ концовъ мнѣ объяснили, что массажъ этотъ назначается для людей, выпившихъ съ вечера слишкомъ много виски!

Если мужчинъ парикмахеры спасаютъ въ Англии отъ виски,—то женщинъ отъ морщинъ. Теперь въ боль-

шой модѣ какой-то Plastic Treatmens for the face, состоящей въ растираніи морщинъ искусственными гуттаперчевыми пальцами. На каждый сеансъ требуется полчаса и стоитъ онъ 3 рубля. Нужно однако не менѣе 12 сеансовъ!

Тишина и комфортъ, какъ вездѣ въ англійскихъ гостиницахъ. Женская прислуга мѣстная, но въ ресторанѣ гарсоны оказались все итальянцы. Прислуживавшій намъ лакей былъ повидимому изъ анархистовъ. При малѣйшемъ замѣчаніи или противорѣчій онъ весь вспыхивалъ и мы серьезно опасались, что онъ вынетъ стилетъ и начнетъ пырять въ насъ на манеръ того, какъ дѣлаютъ сербскіе офицеры въ Бѣлградѣ.

Эдинбургъ несомнѣнно одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ Европѣ; онъ можетъ быть былъ бы самымъ красивѣйшимъ послѣ Константинополя и Неаполя, если бы было солнце. Къ сожалѣнію, полнымъ освѣщеніемъ онъ пользуется въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году, въ іюлѣ, въ остальное время пейзажъ подернутъ туманомъ. Когда этотъ туманъ легкій, Эдинбургъ имѣетъ хотя мрачный, но очень поэтический видъ; красивъ онъ и въ длинные здѣсь лѣтніе вечера.

Общій видъ города—гигантское ущелье, сплошь застроенное съ двухъ сторонъ дворцами и огромными домами. На лѣвомъ берегу, болѣе крутомъ, находится старый историческій Эдинбургъ, на правомъ берегу—новый городъ, возникшій только въ концѣ XVIII столѣтія; нѣсколько мостовъ соединяютъ оба берега, а по дну ущелья проведена желѣзная дорога и разбитъ

паркъ, гдѣ по воскресеньямъ играетъ музыка. Крыша громадной станціи желѣзной дороги Waverley образуетъ также прогулку—семирамидины сады въ современномъ металлургическомъ стилѣ, и сливается съ обширнымъ бульваромъ Pines Street, лучшей улицей Эдинбурга. Здѣсь находятся картинная галерея, почтамтъ, городская дума и всѣ главнѣйшія гостиницы.

На этой же улицѣ стоитъ громадный въ готическомъ стилѣ памятникъ Вальтеръ-Скотту, лучшій, который когда либо былъ воздвигнутъ литератору, хотя напоминаетъ слегка большое кондитерское печеніе. Шотландія достойно почтила своего новѣйшаго «барда», который сдѣлалъ имя ея популярнымъ во всей Европѣ, а для соотечественниковъ оживилъ навсегда и запечатлѣлъ въ памяти важнѣйшіе моменты ихъ исторіи. Еще ранѣе постановки монумента шотландцы выкупили по національной подпискѣ у кредиторовъ его замокъ Абботсфордъ на рѣкѣ Твиди. Сэръ Вальтеръ-Скоттъ, какъ называютъ его здѣсь, до сихъ поръ, по словамъ даже на-дняхъ вышедшей исторіи шотландской литературы (I. H. Millar. «A Literary History of Scotland»), остается вмѣстѣ съ историкомъ Давидомъ Юмомъ и поэтомъ Робертомъ Бернсомъ геніальнѣйшимъ представителемъ этой литературы, вообще богатой и разнообразной и составляющей весьма замѣтную часть богатѣйшей англійской литературы.

Да и не много было такихъ трудолюбцевъ, какъ Вальтеръ-Скоттъ. Въ пять лѣтъ, разбитый параличемъ,

имѣя отъ 55 до 60 лѣтъ отъ роду, слабый и съ дѣтства хромой, онъ, чтобы уплатить хотя часть долговъ, послѣ случайной потери своего милліоннаго состоянія, написалъ 5 романовъ, 9 томовъ исторіи Наполеона I, «Разказы дѣдушки», обширную «Исторію Шотландіи» и книгу «Демонологія и Колдовства». Каждый свой трудъ Вальтеръ-Скоттъ обрабатывалъ при томъ добросовѣстнымъ образомъ.

Эдинбургъ—родина Скотта и Юма. Городъ этотъ, называющійся у англичанъ сѣверными Аѳинами, имѣетъ одинъ изъ важнѣйшихъ въ Великобританіи и богато обставленныхъ университетовъ, славящійся особенно своимъ медицинскимъ факультетомъ. Эдинбургъ родина также Эдинбургскаго «Review»--первообраза всѣхъ ежемѣсячныхъ журналовъ, между прочимъ и нашихъ. Редакція «ревью» занимаетъ особый домъ, а еще лучшій домъ редакціи «Scotchman», важнѣйшей теперь газеты въ Эдинбургѣ, величиною не менѣе «Times'a». Англійскія газеты поражаютъ своимъ объемомъ; видно, англичане, сидя дома или въ конторахъ, имѣютъ время, чтобы прочесть внимательно эти десятки тысячъ строкъ мельчайшаго шрифта. Столько же нужно труда и на составленіе подобныхъ газетъ; корректуру «Times'a» прочитываютъ ночью восемь редакторовъ. Одинъ не прочелъ бы нумера и въ недѣлю.

Я и мои спутники конечно добросовѣстно осмотрѣли все, что заслуживало въ Эдинбургѣ вниманія. Въ новомъ городѣ интереснѣе всего картинная галерея, небольшая, но превосходно составленная изъ

пожертвованій. Есть замѣчательные Тиетроло, Рембрандты, Генсборо, Филиппы, акварели Уильямса, лучшій портретъ маркизы Помпадуръ Ватто и т. д. Не видно только ни одного Боттичели, на которомъ теперь помѣшались англичане, считая его величайшимъ художникомъ всѣхъ временъ. Этотъ «музыкантъ живописи», который не отличается ни правильностью рисунка, ни колоритомъ, ни композиціей, который въ качествѣ модели всюду соваль свою чахоточную любовницу и котораго вовсе не признавали современники, вошелъ съ 1870 г., благодаря англійской художественной критикѣ, въ такую моду, что затмилъ всю остальную итальянскую живопись, и есть не мало людей, которые готовы преклоняться передъ каждой его картиной, какъ сто лѣтъ назадъ падали ницъ и плакали передъ Сикстинской Мадонной, считая ее недостижимымъ идеаломъ живописи.

На другомъ концѣ улицы Princes, на такъ называемомъ Carlton Hill, стоитъ обсерваторія, должности наблюдателей которой, какъ у насъ на Пулковѣ, вѣроятно чистѣйшія синекуры, ибо когда же можно дѣлать наблюденія, когда триста шестьдесятъ дней въ году густой туманъ? Рядомъ съ обсерваторіей памятники Стюарту, основателю шотландской школы философіи, такъ называемой «школы здраваго слысла», Нельсону и въ честь Ватерло. Около послѣдняго находятся взятые англичанами пушки, испанскія и русскія. Русскія изъ Севастополя; на нихъ можно прочесть надписи, что онѣ отлиты на Александровскомъ

заводѣ (въ Петрозаводскѣ) въ 1849 г., при горномъ начальникѣ Бутеневѣ, моемъ суслуживцѣ по горному ученому комитету.

Съ вершины холма видно Нѣмецкое море. Эдинбургъ имѣетъ портомъ городокъ Лизъ (Leith), куда катаются въ экипажахъ по цѣлому ряду дачъ и заѣзжаютъ въ ресторанъ, славящійся рыбнымъ столомъ. И въ Лизѣ, и на дачахъ поражаютъ тишина и безлюдіе. Днемъ кромѣ дѣтей никого не видать.

Улицы новаго Эдинбурга широки и чисты, застроены великолѣпными домами, трамваи и извозчики удобны и недороги. Въ городѣ, благодаря отсутствію фабрикъ и дыма, живутъ многіе богатые люди изъ Глазго, отстоящаго всего въ часѣ пути по желѣзной дорогѣ. Старый Эдинбургъ представлялъ прежде одну длинную и очень грязную улицу, теперь и онъ чрезвычайно разросся и такъ же чистъ, какъ и новый городъ. Чѣмъ же онъ былъ въ старину, видно изъ сохранившагося отъ XVI столѣтія дома знаменитаго противника Маріи Стюартъ, Нокса,—совершенной избушки на курьихъ ножкахъ.

Наиболѣе высокую часть стараго города занимаетъ Замокъ, резиденція старинныхъ шотландскихъ королей. Теперь это казармы для шотландскихъ солдатъ. Послѣдніе являются въ своемъ классическомъ костюмѣ съ голыми ногами только на парадахъ, въ обыкновенной формѣ они носятъ панталоны изъ клѣтчатой фланели.

Англійскіе солдаты вообще рослые, но и здѣсь инспекторы вербовки жалуются на вырожденіе бри-

тавскій расы. Санитарное управленіе Шотландіи констатировало ухудшеніе въ шотландскомъ народѣ, особенно среди городскихъ жителей, отъ неудовлетворительнаго питанія и нездоровыхъ жилищъ. Что же должно происходить въ другихъ странахъ? По свѣдѣніямъ англійскаго вѣдомства народнаго просвѣщенія въ одномъ Лондонѣ учится болѣе 60,000 дѣтей, которыя по болѣзненному состоянію никогда не будутъ въ силахъ воспользоваться своими школьными познаніями. Такъ не проще ли было бы вмѣсто грамматики давать этимъ дѣтямъ бифштексы или хининъ.

Въ башнѣ Аргайля помѣщается описанная въ извѣстномъ романѣ Вальтеръ-Скотта государственная тюрьма, гдѣ конечно никого нѣтъ. Прошли времена, еще не очень отдаленныя, когда государственнымъ преступникамъ въ Англии, предварительно казни, вырѣзывали кишки и тутъ же на глазахъ казнимаго поджаривали на сковородѣ. Зданія замка по возможности реставрированы. По комнатѣ, въ которой родился король Яковъ I въ 1566 г., можно судить о прежнемъ комфортѣ; теперь въ подобной комнатѣ не согласилась бы жить ни одна англійская кухарка. Что же было еще нѣсколько столѣтій ранѣе? Видъ съ батарей замка, съ которыхъ стрѣляютъ въ высокостепенные дни, очень красивъ... когда бываетъ солнце.

Осмотрѣвъ церковь св. Эгидія (St. Giles church), старѣйшую въ Эдинбургѣ, мы направились въ зданіе бывшаго шотландскаго парламента, нынѣ занимаемое высшею судебною палатою. Большой залъ, украшен-

ный портретами шотландскихъ юридическихъ знаменитостей, оказался наполненнымъ адвокатами въ маленькихъ парикахъ и легкихъ мантияхъ. Одинъ изъ адвокатовъ, замѣтивъ, что мы иностранцы, любезно предложилъ свои услуги на чистомъ французскомъ языкѣ. Мы спросили, не слушается ли какое либо бракоразводное дѣло? Оказалось, что таковыя разбираются только по субботамъ. Адвокатъ ввелъ насъ въ одинъ изъ залъ, гдѣ судилась какая-то дама за нарушение промысловаго или питейнаго налога. Залъ тѣсновать, публика и адвокаты стоятъ въ узкомъ коридорѣ, окружающемъ залъ. Подсудимая, довольно молодая дама, ловко защищалась, судя по тому, что слова ея вызывали громкій смѣхъ въ публикѣ и среди адвокатовъ. Только судья въ большомъ парикѣ и красной мантии сидѣлъ спокойно и величаво. Онъ задавалъ вопросы очень вѣжливо, какъ бы помогая подсудимой отвѣчать толково.

Большая часть зданія занята библіотекою, одною изъ лучшихъ въ Великобританіи, ибо она имѣетъ право получать даромъ всѣ книги, выходящія въ предѣлахъ королевства. Важнѣйшая часть библіотеки помѣщается въ залѣ, гдѣ прежде производилась пытка, ординарная и экстраординарная. вмѣсто орудій «встряски простой и жестокой или съ пристрастіемъ» поставлены пюпитры, на которыхъ можно видѣть подлинную рукопись «Waverley», перваго романа Вальтеръ-Скотта, письма Маріи Стюартъ и разныхъ шотландскихъ королей, первую печатную Библію и т. п.

По длинной улицѣ Canongate, гдѣ, точно въ Ита-
ліи, въ окнахъ бѣлье просушивалось на солнцѣ, ко-
торое отсутствовало, добрались мы до Голируда, стоя-
щаго въ полѣ уединенно, у большой горы. Это была
послѣдняя резиденція шотландскихъ королей; пор-
теты ихъ всѣхъ, прескверно намазанные и безъ со-
мнѣнія выдуманые, украшаютъ особый залъ. Зданіе
дворца реставрировано, кромѣ весьма интересной ста-
ринной часовни—остатка монастыря, на мѣстѣ кото-
раго и былъ построенъ Голирудъ.

Комнаты шотландскихъ королей не лучше тѣхъ,
въ которыхъ жили наши помѣщики шестьдесятъ лѣтъ
назадъ; впрочемъ, судя по осмотрѣнному мною въ
прошломъ году замку Шомонъ, на берегахъ Луары,
гдѣ сохранилась обстановка жизни Екатерины Медичи,
въ XVI столѣтіи, и французскіе короли жили не рос-
кошнѣе шотландскихъ.

Голирудъ полонъ воспоминаніями о Маріи Стюартъ;
на лѣстницѣ показываютъ даже пятно крови, будто
бы сохранившееся отъ убійства здѣсь бѣднаго пѣвца
Давида Риччіо изъ ревности мужемъ Маріи, Дарн-
леемъ! Спальня Дарнлея до сихъ поръ въ цѣлости,
а равно и потайная лѣстница, которая вела въ спальню
королевы. Торжество Дарнлея было непродолжитель-
нымъ: его скоро убилъ любовникъ вѣтренной Маріи,
графъ Ботвель.

Несмотря на эти убійства и подозрительное пове-
деніе Маріи, полуфранцуженки, полушотландки, ка-
кой-то поэтической ореоль окружаетъ ея память цѣ-

лые вѣка. Она вдохновляла не только поэтовъ, но и обыкновенныхъ смертныхъ. Нашъ соотечественникъ князь Лобановъ-Ростовскій всю свою жизнь посвятилъ собиранію всего, что имѣло какое либо отношеніе къ жизни Маріи Стюартъ.

V.

Поѣздка на шотландскія озера изъ Эдинбурга не только пріятна сама по себѣ, но позволяетъ видѣть на пути интересныя вещи, напримѣръ, знаменитый мостъ черезъ морской заливъ Фортъ и городъ Глазго—второй по численности населенія въ Великобританіи. Мостъ—величайшее чудо инженернаго искусства въ Европѣ—обошелся въ 25 мил. руб., длина его 1,275 сажень, высота надъ водой 23 сажени, глубина кессонъ $13\frac{1}{2}$ сажень, длина пролетовъ 260 сажень, общій вѣсъ 3 мил. пудовъ. Къ сожалѣнію, не нашелся поэтъ, чтобы воспѣть это реальное чудо, какъ воспѣты нимфы и эльфы шотландскихъ озеръ.

Съ моста открывается прекрасный видъ на заливъ, гдѣ стояло нѣсколько военныхъ судовъ, расцвѣченныхъ флагами по случаю дня рожденія короля. Правительство предполагаетъ здѣсь устроить теперь большой военный портъ, чтобы лучше держать въ рукахъ Сѣверное море, а съ нимъ и военные флоты Германіи и Россіи.

Мысль недурная, потому что изъ Форта можно командовать не только Александровскомъ на Мурманѣ,

если когда либо Россія вздумаетъ устроить тамъ военную станцію, но и норвежскимъ портомъ Нарвикомъ, который теперь, послѣ соединенія его желѣзною дорогою съ Ботническимъ заливомъ и съ финляндскою сѣтью дорогъ, можетъ сдѣлаться головною станціей великаго трансъ-сибирскаго пути. Нарвикъ находится отъ Лиза-Эдинбурга въ 1,416 верстахъ по морю, а отъ Петербурга въ 1,620 верстахъ, въ томъ числѣ болѣе 1,170 верствъ по русско-финляндскимъ желѣзнымъ дорогамъ. На пути лежатъ богатѣйшія копи желѣзной руды—Геливары.

До Стирлинга, гдѣ происходитъ пересадка въ вагоны, идущіе въ Календеръ, дорога проходитъ холмистою, унылою мѣстностью, на манеръ той, что встрѣчается, если ѣдешь изъ Петербурга въ Выборгъ; нѣсколько тоннелей, въ которыхъ, по англійскому обычаю, никогда не освѣщаютъ вагоновъ; это удобно для влюбленныхъ и пикъ-пocketовъ, но не для публики. Какъ *conteur locale* отмѣчу, что на занавѣскахъ оконъ вагоновъ напечатана карта южной Шотландіи, а тамъ, гдѣ слѣдуетъ, отчеканены стыдливыя надписи: *Please adjoint your drees!*

Джентльмены уже проголодались и въ маленькой чисто сельской гостиницѣ *Bailie Nicol Jarvie* въ Абер-фойлѣ подается завтракъ. Особенно мы налегали на холодную солонину, очень вкусную, и на знаменитый *porridge*—національное шотландское блюдо. Это овсяный кисель, воспѣтый въ особомъ стихотвореніи по-этомъ, переведеннымъ Жуковскимъ, стихотвореніи, из-

вѣстномъ всѣмъ гимназистамъ. Говорю это, впрочемъ, по личнымъ воспоминаніямъ. Современные педагоги можетъ быть и не знаютъ Жуковскаго, а угощаютъ учениковъ Надсономъ и Бальмонтомъ. Кисель нужно посолить, прибавить масла, полить молокомъ и затѣмъ посыпать сахаромъ. Тогда получается нѣчто съдобное. Апетитъ увеличивается сырою погодою, вызывающею и нѣкоторую жажду, утолить которую не трудно, такъ какъ хотя гостиница мала, но карта винъ ея весьма велика.

Послѣ завтрака публика размѣщается въ омнибусы совершенно открытые, но въ виду проливного дождя по гуттаперчевому одѣялу на каждую скамейку, вмѣщающую пять пассажировъ. Четверка хорошихъ лошадей везетъ скоро, ловко управляемая кучеромъ въ сѣромъ цилиндрѣ и красномъ жилетѣ и съ еще болѣе красною фізіономіею. Непромокаемыя пальто и шляпы моихъ спутниковъ быстро промокаютъ. Это наводитъ легкое уныніе, тѣмъ болѣе, что мѣстность до озера Катрейнъ, на протяженіи слишкомъ двадцати верстъ, замѣчательно пустынная и дикая. Камни, верескъ и папортникъ. Ни людей, ни животныхъ не видно; повороты довольно крутые.

Поблизости Loch Katrine, виднѣются озера Loch Veanaschar и затѣмъ красная гостиница Invernes, лучшая въ этой мѣстности. Омнибусы останавливаются у Тросакса, гдѣ приходится садиться на пароходъ. Конечно, онъ называется «Walter Scott». Послѣднимъ тутъ все, такъ сказать, дышетъ. Красивѣйшее мѣсто

на озерѣ—это островъ Ellen's, играющій такую роль въ поэмѣ «Lady of the Lake».

Вода озера отличается своею чистотою, почему ее, съ затратой въ 25 мил. руб., провели за 65 верстъ въ Глазго, гдѣ замѣчено было сейчасъ же сильное уменьшеніе смертности. Мѣсто, гдѣ начинается водопроводъ, обозначено огромнымъ шестомъ съ флагомъ, на которомъ красуется гербъ Глазго. Когда увидимъ мы такой флагъ на Ладожскомъ озерѣ съ гербомъ Петербурга?

Переѣздъ въ тридцать съ половиною верстъ кончается скоро, снова подають омнибусы, въ родѣ уже описанныхъ, и везуть быстро на озеро Loch Lomond, самое большое въ Шотландіи. Озеръ вообще здѣсь очень много, есть такіе, что не лучше нашего Шуваловскаго, но зато они вдохновили столько поэтовъ, что даже образовалась особая знаменитая школа «озерныхъ поэтовъ»: Кольриджъ, Вордсвортъ, Соути и К°. Дорога болѣе оживлена чѣмъ до Катрейна. Странствующие музыканты играютъ на волынкахъ, попадаются деревья, а также овцы на тонкихъ черныхъ ножкахъ.

Въ Инверснайдѣ, одномъ изъ живописнѣйшихъ пунктовъ озера, близъ высокой горы, мы пообѣдали, причемъ были свидѣтелями англійской сцены: большого обѣда, даннаго глазговскимъ купеческимъ обществомъ не знаю уже въ честь чего и кого. Джентльмены, а ихъ было болѣе сорока, говорили по очереди рѣчи, говорили довольно складно и были привѣтствуемы громкими «ура» и рукоплесканіями. Хотя, казалось,

выпито было столько, сколько воды въ Loch Lomond'ѣ, но всѣ держали себя чинно, никто никого не прерывалъ и дерзостей другъ другу не говорили. Въ заключеніе хоромъ довольно фальшиво пѣлись шотландскія народныя пѣсни. Къ приходу парохода обѣдъ кончился и ораторы перешли пить въ пароходный буфетъ. На пристани въ Баллогѣ ихъ ожидалъ спеціальныи поѣздъ.

Лочъ Ломондъ также полонъ вальтеръ-скоттовскими воспоминаніями. Недалеко отъ Инвернсайда находится пещера Робъ-Роя; пароходъ идетъ озеромъ болѣе 30-ти верстъ, пейзажъ похожъ на систему Саймицскихъ озеръ въ Финляндіи.

Изъ Баллога поѣздъ приходитъ къ вечеру въ Глазго, столицу чугуна. Съ этимъ товаромъ тутъ, при помощи варрантовъ, совершаютъ милліонныя обороты и ежедневно устанавливается цѣна на чугунъ всего міра.

Въ Глазго я пробылъ слишкомъ короткое время, чтобы могъ сказать о немъ что либо; городъ, однако, такъ интересенъ, что при первой возможности думаю вновь посѣтить его. Это царство кораблестроенія и промышленности. Корабли на верфяхъ здѣсь строятъ десятками сажень и придѣлываютъ къ нимъ носы и кормы, сообразно заказу. Кромѣ безчисленныхъ доменныхъ печей и угольныхъ копей, окружающихъ Глазго, въ самомъ городѣ находится множество первоклассныхъ заводовъ и фабрикъ, между прочимъ знаменитая фабрика швейныхъ машинъ Зингера, громаднѣйшіе химическіе заводы.

Городъ нечуждъ и наукамъ и искусствамъ. Старинный университетъ его занимаетъ огромное пространство и считается изъ лучшихъ въ Великобританіи. Одни зданія его обошлись болѣе 5 милліоновъ рублей, затѣмъ анатомическій музей также изъ лучшихъ въ свѣтѣ. Теперь не только провинціальныя, но и колониальныя университеты въ Англіи, благодаря щедрымъ частнымъ пожертвованіямъ, успѣшно соперничаютъ и затмеваютъ старинныя коллегіи Оксфорда и Кембриджа, важныя болѣе въ политическомъ и богословскомъ, нежели въ научномъ отношеніи.

Короткое пребываніе въ Шотландіи оставило во мнѣ и въ моихъ спутникахъ самое пріятное впечатлѣніе. И я рекомендую всѣмъ соотечественникамъ, которымъ пріѣлисъ Швейцарія и Италія, сдѣлать туда прогулку. Мы не испытали только того, что называется *hospitalité ecossaise*; можетъ быть оно и существуетъ еще гдѣ нибудь въ тущобахъ горной Шотландіи. Впрочемъ; образчики его въ современной болѣе цивилизованной формѣ можно каждый вечеръ наблюдать на улицахъ North и South Bridge въ Эдинбургѣ. Сюда, несмотря на проливной дождь, высыпаютъ сотни молодыхъ женщинъ-работницъ, приказницъ и проститутокъ и сюда же являются толпы студентовъ, которыхъ легко отличить по ихъ сѣрымъ фуражкамъ; образуются симпатическія группы: однѣ наполняютъ сосѣдніе дешевенькіе рестораны, другіе скрываются въ туманную даль... Чего другого, а тумана Шотландіи не занимать стать.

Для возвращенія въ Лондонъ я выбралъ ночное время, чтобы получить понятіе объ англійскихъ спальныхъ вагонахъ, имѣющихъ свои отличія отъ континентальныхъ. Англійскіе вагоны гораздо меньше и потому гораздо болѣе тряски, зато стоятъ за ночь 5 шиллинговъ. За эту скромную приплату даютъ вамъ отдѣльное купэ, скорѣе каюту, съ узкою и довольно твердою кроватью; вы одни и никого другого надъ головою нѣтъ. Всѣ удобства подъ рукою, умывальникъ, различныя приспособленія, чтобы класть и вѣшать вещи и пр. Кондукторъ по пути продаетъ чай, содовую воду и крѣпкіе напитки.

Спаль я неважно, потому что поѣздъ прибываетъ на King Cross въ семь часовъ утра и для возвращенія въ Парижъ надобно переѣзжать на другую станцію, Charing Cross. Времени на переѣздъ и завтракъ имѣется два часа, что вполнѣ достаточно даже для англійскаго аппетита. Было воскресенье и въ буфеты пускали не иначе какъ по предъявленіи желѣзнодорожнаго билета. Подъѣзжая къ Лондону, мы увидѣли наконецъ солнце. Припекало даже слишкомъ, но зато переходъ по морю былъ чистѣйшимъ наслажденіемъ. Море тихое какъ прудъ и въ воздухѣ «разлить поцѣлуй», какъ писалъ одинъ нашъ плодовитый романистъ, восторженно воспѣвая молдаванскія желѣзнодорожныя станціи.

ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ.

К. СКАЛЬКОВСКІЙ.

13

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ФАНТАЗІЯ.

Въ послѣднее время подъ вліяніемъ толковъ объ экономическомъ истощеніи Россіи, особенно ея центральнаго района, всѣ принялись за обсужденіе вопроса о средствахъ поднять нашу сельскохозяйственную производительность.

Договорились уже до такихъ глупыхъ вещей, что главнымъ источникомъ разоренія Россіи служитъ развитіе въ ней промышленности, о которой заботились еще Иванъ III и Иванъ Грозный, и почти всѣ сходятся на мысли, что почва де у насъ «золотое дно», богатства неисчерпаемы, нѣтъ только энергіи и умѣнья. Для возбужденія энергіи рекомендуется увеличеніе числа чиновниковъ, особенно разныхъ инспекторовъ, а для распространенія познаній—открытіе поболѣ техническихъ заведеній и учрежденіе поболѣ стипендій. А еще лучше допустить поскорѣ «вольныхъ» слушателей, которые, не обременяя себя наукою, а заведенія своимъ присутствіемъ, могли бы получать почти всѣ тѣ права, которыя связаны у насъ съ па-

тентами на высшее образованіе, не устраняющими однако, какъ засвидѣтельствовано министерствомъ юстиціи и какъ я лично убѣдился по служебному опыту, полную безграмотность лицъ, эти права получившихъ.

Но рѣчь я веду не о познаніяхъ, а объ отсутствіи энергіи и необыкновенномъ будто бы богатствѣ нашей земли, къ сожалѣнію, населенной какими-то Ильями Муромцами, сиднемъ сидящими по тридцати лѣтъ и не дающими себѣ труда нагнуться, чтобы подбирать эти богатства.

Я утверждаю, что и отсутствіе энергіи и необыкновенныя богатства относятся къ области газетной фантазіи.

Можно ли говорить объ отсутствіи энергіи у людей, которые поперли чуть не съ голыми руками за Уралъ, перешли океанъ и безъ всякой поддержки дошли до нынѣшней Калифорніи? Еще при Петрѣ мы съ трудомъ въ нынѣшней Пермской губерніи оборонялись отъ башкировъ, еще при Екатеринѣ II татары пожгли и разорили весь сѣверъ нынѣшней Херсонской губерніи и прилегающія части Кіевской и Подольской губерній, картинное описаніе чего можно прочесть у барона Тота, а теперь мы не только спокойно сидимъ на Кушкѣ и на Памирѣ, но успѣли за сто лѣтъ колонизовать Новороссію, Сѣверный Кавказъ, Заволжье и прочно организовать Киргизскія степи, Туркестанъ, Закаспійскую область и Закавказье.

Давно ли открылась для насъ Манчжурія, а уже тамъ есть города, какъ Харбинъ, съ десятками тысячъ русскихъ жителей. Въ «Русск. Вѣд.» были помещены въ 1902 году очень интересныя письма-фельетоны о поѣздкѣ въ Манчжурію г. Тана. Письма, изданныя теперь и въ отдѣльной книгѣ, имѣли юмористическій оттѣнокъ, но и среди сатиры меня поразила картина той волны—буквально волны—русской колонизаціи, отъ русскихъ плотниковъ и золотоскателей до цыганскихъ пѣвицъ и содержательницъ «пансіоновъ безъ древнихъ языковъ», хлынувшей на Манчжурію. Тысячи людей пѣшкомъ, въ повозкахъ, по едва устроенной и не открытой официально желѣзной дорогѣ, точно кимвры и тевтоны или гунны и аланы, двинулись толпами изъ Россіи искать счастья и новой дѣятельности за десять тысячъ верстъ. Можно ли послѣ такихъ опытовъ говорить о недостаткѣ у насъ энергіи? Ея хоть отбавляй.

Но если отъ хорошей жизни не полетишь,—какъ говорилъ Горбуновскій портной,—такъ отъ хорошей жизни и не побѣжишь. И такое легкое передвиженіе народовъ не доказываетъ ли, что природа наградила насъ слишкомъ скудною почвою для приложенія народной энергіи, почему мы и вынуждаемся забираться и въ Монголію и въ Камчатку, гдѣ, кстати сказать, въ два-три послѣдніе года быстро развились русскія рыболовныя предпріятія для снабженія Японіи.

Насколько дѣйствительность не сходится съ проектами, весьма поучительна полемика, возникшая въ

трудахъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, печатаемыхъ въ «Вѣстникѣ финансовъ, торговли и промышленности».

Нѣкто А. С. Н-ъ прислалъ изъ Архангельска въ Совѣщаніе записку объ «Истинныхъ богатствахъ нашего Сѣвера и возможности его заселенія». Полагая, что морскіе промыслы никогда не могутъ занять большаго числа рукъ и что вслѣдствіе короткаго лѣта зерновая культура въ Архангельской губерніи почти немыслима, г. Н-ъ доказываетъ, что экономическое будущее губерніи заключается въ развитіи въ ней обширнаго скотоводства и молочнаго хозяйства для добыванія преимущественно сыра и масла.

Площадь губерніи составляетъ $78\frac{1}{2}$ мил. десятинъ, но пригодныхъ къ культурѣ считается 33 мил., занятыхъ почти исключительно лѣсомъ. Подъ пашнями, лугами и жильемъ считается не болѣе 570,000 десятинъ или $1\frac{1}{2}$ проц. культурныхъ земель (площадь этихъ возможныхъ для культуры земель опредѣлила впрочемъ земская полиція, сама нуждающаяся въ культурѣ).

Имѣя въ виду наличность холмогорской породы скота, то обстоятельство, что трава въ Архангельской губерніи не отличается въ ботаническомъ отношеніи отъ Средней Россіи, и считая климатическія условія губерніи близкими къ Финляндіи и Скандинавскому полуострову, г. Н-ъ предложилъ сдѣлать нашъ Сѣверъ громаднымъ центромъ молочнаго хозяйства и снабженія молочными продуктами не только Россіи,

но и Западной Европы. Надобны однако рабочія руки, а для послѣднихъ—населеніе, котораго въ Архангельской губерніи только 350,000 человѣкъ. Если бы губернія эта была населена такъ же плотно, какъ Вологодская, то населеніе ея было бы болѣе 2¹/₂ милліоновъ, а если бы такъ плотно, какъ Тамбовская, то и всѣ 35 милліоновъ. Авторъ довольствуется на первый разъ 2 милліонами, для прокормленія которыхъ сосѣднія губерніи доставляли бы съ выгодою для себя 16 милліоновъ пудовъ ржи и 12 мил. пуд. овса. Но и для двухъ милліоновъ расселенія нужно устроить цѣлую систему колонизаціи и отвода казенныхъ земель подъ расчистку; теперь же, наоборотъ, нѣкоторыя общества Архангельской губерніи выразили желаніе, по причинѣ, малоземелья переселиться въ Сибирь. «Это въ ¹/₆ части Европейской Россіи! Съ какимъ бы гомерическимъ хохотомъ отнеслись американцы къ этому факту, если бы онъ былъ имъ въ свое время извѣстенъ»,—воскликаетъ г. Н-ъ.

На проектъ г. Н-а отозвался бывшій архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ, познакомившійся близко съ краемъ. Онъ призналъ проектъ г. Н-а смѣлымъ и вовсе несоотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію Архангельской губерніи.

Не отрицая, что казна могла бы дозволить безъ спекулятивныхъ цѣлей пріобрѣтать у ней кусочки земли и устраивать молочное или другое хозяйство, г. Энгельгардтъ совершенно отрицаетъ возможность сдѣлать изъ Архангельской губерніи какое-то молоч-

ное Эльдорадо и тѣмъ болѣе населить губернію милліонами жителей.

Онъ находитъ, что пожалуй и нынѣшняго населенія слишкомъ много для Архангельской губерніи. Для этого стоитъ лишь всмотрѣться поближе въ ея условія.

Климатъ здѣсь гораздо суровѣе, чѣмъ даже на сѣверѣ Швеціи и Финляндіи, такъ же почти пустынныхъ. Кромѣ заливныхъ луговъ, по берегамъ большихъ рѣкъ (мелкія рѣки текутъ въ скалистыхъ берегахъ), гдѣ пріютилось рѣдкое населеніе, почва представляетъ моховыя болота и тундры, непригодныя для луговой культуры. Площадь лѣсовъ велика только на картѣ. Въ дѣйствительности хорошаго лѣса по сухимъ возвышеннымъ мѣстамъ не наберется и 3—4 милліоновъ десятинъ, а остальной тощій, хилый лѣсъ по болоту не годится для эксплуатаціи. Хотя часто повторяютъ, что казенные лѣса Архангельской губерніи недостаточно эксплуатируются, но на дѣлѣ они эксплуатируются черезъ мѣру, быстро истощаясь, такъ какъ приростъ лѣса на сѣверѣ крайне медленъ.

При такихъ условіяхъ нечего и думать о заселеніи края; вдали отъ береговъ сплавныхъ и судоходныхъ рѣкъ жить могутъ только одиночные охотники; всѣ болѣе или менѣе подходящія мѣста для поселенія уже заняты. Эти мѣста и составляютъ тѣ 570,000 десятинъ культурной площади, о которыхъ говоритъ г. Н-ъ. Онѣ созданы вѣками колонизаціи и усиліями многихъ поколѣній.

Что изъ двухъ оппонентовъ правъ несомнѣнно г. Энгельгардтъ, я могу отчасти подтвердить и личнымъ наблюденіемъ. Когда-то съ покойнымъ Барботъ де-Марни мы дѣлали геологическія изслѣдованія въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ. Это было, правда, въ 1864 г., но, я думаю, экономическія обстоятельства мало тамъ измѣнились, развѣ лѣсовъ стало поменьше по берегамъ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ, хотя и тогда уже было ихъ немного. Я пѣшкомъ, на лодкѣ и въ телѣгѣ проѣхалъ въ разныхъ направленіяхъ губернію и могъ убѣдиться въ малыхъ ея ресурсахъ, хотя общая панорама по Двинѣ съ ея величественнымъ теченіемъ и большими двухъ-этажными избами крестьянъ даетъ обманчивое впечатлѣніе туристу. Выше было сказано о лѣсахъ и лугахъ губерніи. Минеральныя богатства ея незначительны и трудно доступны.

Лучшимъ практическимъ доказательствомъ бѣдности Архангельскаго края служитъ отношеніе къ нему жи-довъ. Извѣстно, что они считаютъ ссылку или высылку туда худшимъ для себя бѣдствіемъ и въ видѣ милости хлопчуть о замѣнѣ имъ этого края Сибирью, прелести которой тоже однако очень условны, несмотря на панегирики услужливыхъ чиновниковъ.

Нисколько не лучше положенія Архангельской губерніи экономическое положеніе двухъ третей Оло-нецкой губерніи, мнѣ также знакомой, такъ какъ почти два уѣзда ея входятъ въ составъ Олонецкаго горнаго округа. По картѣ это обширный край, бо-

гато орошенный, съ лѣсами и рудными мѣсторожденіями. На дѣлѣ все это представляется весьма мизернымъ, и если небольшое населеніе сравнительно зажиточно, то потому, что имѣетъ посторонніе заработки въ столицѣ и на системѣ каналовъ; уходя въ отхожіе промыслы, населеніе заимствуетъ даже часть рабочихъ изъ сосѣдней Финляндіи.

Между тѣмъ, руководствуясь очевидно только картою, а не изученіемъ дѣйствительности, с.-петербургская городская дума для достойнаго отпразднованія двухсотлѣтія столицы внесла первымъ номеромъ ходатайство о скорѣйшемъ сооруженіи канала изъ Онежскаго озера въ Бѣлое море, канализируя порожистую р. Выгъ. Дума знать не хочетъ, что проектъ этотъ, назначаемый ею для соединенія С.-Петербурга съ «богатствами Сѣвера», хорошо очерченными г. Энгельгардтомъ, и оживленія мнимыхъ «богатствъ Олоонецкаго края», нѣсколько разъ изученный и отвергнутый, относится къ числу фантастическихъ канцелярскихъ измышленій въ родѣ канала между притоками Сысолы и Камы, притоками Оби и Енисея, соединенія Дона съ Волгою, канализаціи Маныча, поднятія уровня Каспійскаго моря, прорытія Перекопскаго перешейка, поворота Аму-Дарьи въ Каспій и т. п.

ОБЩИННОЕ ВЛАДѢНІЕ.

«О, какъ трудно узнать истину!» справедливо говорить вице-король въ «Периколѣ». Это восклицаніе пришло мнѣ на мысль, читая мнѣніе двухъ нашихъ князей, людей трудолюбивыхъ, образованныхъ и даже ученыхъ.

Князь А. Г. Щербатовъ въ запискѣ объ упорядоченіи общиннаго крестьянскаго землевладѣнія, поданной въ Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности (Приложеніе къ № 43 «Вѣстника Финансовъ» за 1902 г.), написалъ новый панегирикъ общинному у насъ землевладѣнію. Онъ вновь повторяетъ, что общинное землевладѣніе есть якобы исторически разившійся самобытный «чисто русскій институтъ», что общинное землевладѣніе служитъ-де обезпеченіемъ сельскаго населенія Россіи въ будущемъ и что въ Англіи, гдѣ сельско-хозяйственная техника стоитъ выше, чѣмъ въ какой-либо странѣ,—«мелкаго землевладѣнія совсѣмъ нѣтъ».

Это категорическое заявленіе объ Англіи одного князя рѣшительно опровергается данными, собран-

ными другимъ княземъ С. С. Абамелекъ-Лазаревымъ, въ вышедшемъ недавно весьма интересномъ трудѣ его «Вопросъ о нѣдрахъ».

Вопреки общепринятому убѣжденію, что Великобританія страна исключительно крупнаго землевладѣнія, оказывается, на основаніи сдѣланной въ 1875 г. переписи и составленнаго подробнаго списка: «The New Domesday Book. Returns of owners of the Land», что въ Великобританіи при площади въ 17 разъ меньшей Европейской Россіи частныхъ землевладѣльцевъ въ $2\frac{1}{2}$ раза больше, именно въ Англии и Валлисѣ всего землевладѣльцевъ 972,836, изъ нихъ имѣютъ земли менѣе акра 703,289, болѣе акра 269,547; въ Шотландіи всего землевладѣльцевъ 132,230, изъ нихъ менѣе акра 113,005, болѣе акра 19,225; въ Ирландіи всего землевладѣльцевъ 68,755, изъ нихъ владѣютъ землею менѣе акра 36,143, болѣе акра 32,612. Во всей же странѣ 1.173,821 землевладѣлецъ, изъ коихъ имѣютъ 852,438 менѣе акра и 321,384 болѣе акра земли.

Хотя правда одинъ герцогъ Сутерландскій владѣетъ въ Шотландіи 500,000 десятинъ и $\frac{1}{6}$ всей Великобританіи принадлежитъ 91 лорду, но нельзя увѣрять, что тамъ «мелкаго землевладѣнія вовсе нѣтъ». Конечно многіе, землевладѣльцы имѣютъ по нѣсколько имѣній въ различныхъ мѣстностяхъ и въ среднемъ на каждаго землевладѣльца приходится по семи отдѣльныхъ владѣній, но общее количество отдѣльныхъ владѣній въ Великобританіи въ 1884 году доходило до огромной цифры 7.702,354.

Къ сравненію князя Абамелекъ-Лазарева Великобританіи съ Россіей надобно сдѣлать однако поправку. Онъ считаетъ въ Россіи только 404,881 мелкихъ собственниковъ, 60,651 среднихъ и 15,826 крупныхъ, итого 481,358 владѣющихъ на правѣ собственности 91.605,840 десятинами или 23,4 проц. поверхности Европейской Россіи; но онъ не взялъ въ расчетъ 22.396,069 ревизскихъ душъ, надѣленныхъ 131.372,457 десятинами или 33,6 проц. площади Европейской Россіи, такъ какъ собственникомъ этой земли являются въ большинствѣ случаевъ (не менѣе четырехъ пятыхъ) не отдѣльные крестьяне, а то общество, которому земля принадлежитъ. Такихъ обществъ въ Европейской Россіи только 139,625.

Въ среднемъ наши общины владѣютъ по 851 десятинѣ одной удобной земли, между тѣмъ князь Щербатовъ признаетъ 400 десятинъ, или не болѣе 40 дворовъ, «крайнимъ предѣломъ» выгоднаго использованія земельного участка и толковаго обсужденія условій общаго землепользованія. А извѣстно, что у насъ многочисленны примѣры громаднхъ селеній въ нѣсколько тысячъ душъ. Есть общины, владѣющія землями даже въ разныхъ уѣздахъ.

Обратимся къ другимъ положеніямъ князя Щербатова.

Утверждая, что поземельная община составляетъ какое-то присущее спеціально русскому народу учрежденіе, князь Щербатовъ очевидно вновь повторяетъ сказку, пущенную назадъ тому шестьдесятъ лѣтъ ба-

рономъ фонъ Гакстхаузеномъ, подхваченную Тенгоборскимъ и съ тѣхъ поръ многократно опровергнутую русскими и иностранными учеными.

Общинное землевладѣніе существовало и существуетъ и въ Индіи, и у арабовъ и у другихъ народовъ. Оно было и въ Мексикѣ, и въ Византійской имперіи, а въ Европѣ въ средніе вѣка было преобладающей формой поземельнаго держанія; сохранилось оно и позже, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Западной Европы, напримѣръ въ Италиі и Швейцаріи, благополучно сохраняется и до сихъ поръ. Недавно въ «Вѣстникѣ Финансовъ» были приведены свѣдѣнія о поземельно-общинномъ владѣніи въ Даніи; оно было тамъ всеобщее въ половинѣ XVIII столѣтія и уничтожено только законодательными мѣрами; еще въ 1802 г. половина земли въ Даніи находилась въ общемъ владѣніи и разверстывалась узкими полосками, совершенно какъ это дѣлается у насъ въ Россіи, вызывая пеструю и вредную для успѣховъ агрономіи черезъ полосицу.

При общинѣ никакое толковое хозяйство невозможно. Отдаленнѣйшіе участки полей, благодаря общинѣ, отстоятъ отъ усадьбы иногда на 10—15 верстъ. Такіе случаи, когда поле тянется въ одну сторону холстомъ въ 300—100 сажень и 4—6 верстъ длины, не рѣдки въ Курской и Рязанской губерніяхъ. Неудобное расположеніе надѣловъ, затрудняющее вывозъ навоза даже на ближайшіе участки полей, составляетъ не только не исключительное, но даже очень обыкновенное явленіе. Высчитано, что въ лѣто по отда-

ленности нарѣзокъ крестьянская лошадка дѣлаетъ въ иныхъ уѣздахъ въ среднемъ 1650 верстъ.

Конечно общинное землевладѣніе въ Россіи по историческимъ и бытовымъ условіямъ имѣетъ свои отличія отъ поземельной общины въ другихъ странахъ, но и въ самой Россіи оно далеко не однообразно, не говоря уже о различіяхъ въ Малороссіи, Западномъ краѣ, Сѣверной Россіи и Сибири; въ самомъ сердцѣ великорусскаго племени—въ Московской губерніи—покойный Орловъ насчиталъ три разныя формы общиннаго земледержанія. Замѣчательно, что наши гражданскіе законы (X томъ Свода Законовъ), хотя составленные компилятивнымъ путемъ изъ историческаго матеріала, не подозрѣваютъ существованія общиннаго землевладѣнія.

У насъ и кустарную промышленность многіе писатели наивно считали и считаютъ исторически сложившимся «чисто-русскимъ» институтомъ, который нужно еще развивать, между тѣмъ какъ точныя статистическія данныя указываютъ, что и во Франціи изъ промышленнаго населенія кустарей болѣе 60 проц., а фабричныхъ менѣе 40 проц. и что даже въ Англіи число кустарей равняется числу фабричныхъ рабочихъ. Вотъ тебѣ и чисто русскій институтъ!

Столь же голословно и утвержденіе кн. Щербатова, будто чудный якобы національный институтъ поземельной общины долженъ быть сохраняемъ, такъ какъ онъ наилучше всего обезпечиваетъ въ будущемъ громадную массу русскаго населенія отъ пролетаріата.

На дѣлѣ общинное землевладѣніе уже и теперь нисколько не обезпечиваетъ массу нашихъ крестьянъ отъ обращенія въ пролетаріи. Наоборотъ оно-то и создаетъ усиленно земельный пролетаріатъ. По даннымъ «Свода статистическихъ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи сельскаго населенія въ Россіи» изданнаго Комитетомъ Министровъ, въ одной Европейской Россіи незанятыхъ крестьянъ рабочихъ, т. е. не находящихъ приложенія своему труду къ земледѣлю, имѣется 7.200,000. Г. Короленко въ своихъ изслѣдованіяхъ русскаго рабочаго рынка даетъ цифру незанятыхъ рабочихъ даже въ 10 милліоновъ человѣкъ! Это часть населенія, выброшенная процессомъ обезземеленія крестьянъ и потери ихъ хозяйственной самостоятельности.

Понятно, такая масса свободныхъ рукъ превышаетъ спросъ на нихъ со стороны городовъ, фабрикъ, заводовъ и помѣщичьихъ экономій и понижаетъ заработную плату, доводя часто сельское населеніе до нищеты. Очевидно также, что этотъ избытокъ есть слѣдствіе отсталой техники землепользованія. не дающей при общинномъ землевладѣніи возможности примѣненія въ хозяйствѣ рабочихъ рукъ ежегодно возрастающаго въ числѣ населенія. Какого же тутъ значить можно ожидать обезпеченія въ будущемъ, когда на тѣ же общинныя земли станеть прибавляться ежегодно около двухъ милліоновъ новыхъ крестьянскихъ душъ съ капиталомъ, состоящимъ изъ пары голыхъ рукъ!

ЭМИГРАЦІЯ ИЗЪ РОССІИ.

Населеніе Россіи ежегодно увеличивается отъ 1.800,000 до 1.900,000 человекъ, между тѣмъ площадь годныхъ для культуры земель остается та же или возрастаетъ медленно. Конечно, судя по картѣ, остается еще много земли, но каждому мало-мальски знакомому съ географіей извѣстно, что это тундры, безводныя степи и болота, лѣсныя пространства, негодныя для земледѣльческой культуры. Даже въ Сибири для переселенія какихъ либо двухсотъ тысячъ человекъ въ годъ, по заявленію правительства, приходится отводить колонистамъ таежныя пространства, т. е. дѣвственные, хотя и дрянныя по качеству лѣса.

Указываютъ еще на возможность экстенсивной культуры; за границею каждая десятина даетъ-де кормовъ вдвое болѣе нашего, а въ Китаѣ даже и въ восемь разъ, но при этомъ забываются условія русскаго климата и необходимость для культуры экстенсивной дренажа, осушенія, искусственнаго удобренія, машинъ; все это, кромѣ знанія, требуетъ и огромныхъ капиталовъ.

Несомнѣнно поэтому, что быстрый приростъ населенія, которымъ мы недавно наивно гордились какъ нѣкѣмъ великимъ преимуществомъ, въ сущности бремя, и никакіе геніальные экономисты не смогутъ прискаты культурную работу для 20—25 милліоновъ людей, которые будутъ прибавляться каждое десятилѣтіе къ населенію Россіи. Двадцать милліоновъ, да это населеніе цѣлаго испанскаго королевства, съ тою разницею, что по условіямъ климата намъ надобно будетъ выкраивать для него не одну, а двѣ Испаніи. За цѣлое тысячелѣтіе всѣ городскія поселенія Россіи, изъ которыхъ добрая треть называются «городскими» только по волѣ начальства, не могли привлечь къ себѣ болѣе 20 милліоновъ душъ; трудно ждаты, чтобы и въ будущемъ эти поселенія стали расти на милліоны новыхъ жителей. Новые фабрики и заводы привлекаютъ много рукъ, но успѣхи техники, примѣненіе силы пара и электричества, каменнаго угля, нефти и водяной силы скорѣе уменьшаютъ въ будущемъ, чѣмъ увеличатъ потребность въ рабочей силѣ. То, что дѣлается теперь милліонами кустарей, можетъ быть изготовлено на фабрикахъ съ третью или четвертью рабочихъ рукъ. Монополизациа казною разныхъ важныхъ отраслей промышленности и торговли, на примѣръ питейной, также ведетъ къ сокращенію потребности въ рабочемъ населеніи.

При подобныхъ условіяхъ и въ виду того, что Россія по разнымъ причинамъ не можетъ затворить наглухо дверь и для притока иностранцевъ, число ко-

торыхъ, какъ на примѣръ китайцевъ, корейцевъ и японцевъ, можетъ даже быстро возрасти, казалось бы нѣтъ ни малѣйшихъ причинъ сдерживать эмиграцію изъ Россіи русскихъ подданныхъ.

Наоборотъ, не только въ экономическомъ, ни и въ политическомъ отношеніи подобная эмиграція только полезна. При помощи ея мы избавляемся и отъ излишняго пролетаріата и отъ элементовъ литовскаго, финскаго, тюркскаго и еврейскаго, чуждыхъ нашему народу по языку и религіи, т. е. упрочиваемъ племенное и религіозное единство Россіи. Даже эмиграція чисто русскихъ элементовъ, какъ показываетъ опытъ итальянской и нѣмецкой эмиграцій, не только не повредила бы намъ, а скорѣе стала бы способствовать развитію русской торговли, открывая даже въ отдаленныхъ краяхъ сбытъ русскимъ продуктамъ, къ которымъ переселенцы привыкли у себя на родинѣ и отъ потребленія которыхъ они съ трудомъ отвыкаютъ.

Еврейскій вопросъ, съ какой точки зрѣнія къ нему ни относиться, иначе какъ путемъ эмиграціи разрѣшенъ быть не можетъ. Одна Россія не въ состояніи прокормить 7 или 8 милліоновъ евреевъ. Въ остальной части земного шара половина этого числа найдеть легко примѣненіе своимъ торговымъ способностямъ. Надобно только сожалѣть, что въ то время, когда двери для еврейской эмиграціи во всѣхъ государствахъ были широко открыты, мы ничего не сдѣлали серьезнаго для организаціи эмиграціоннаго движенія, а напротивъ

того пріютили у себя десятки тысячъ евреевъ румынскихъ и галиційскихъ.

Я говорю «серьезнаго», потому что ограничительныхъ мѣръ совершенно недостаточно; слѣдовало асигновать огромныя суммы въ эмиграціонный фондъ и всячески облегчать перевозку и водвореніе еврейскаго пролетаріата въ другія страны, облегчать настолько, чтобы не было охоты вновь возвращаться въ черту осѣдлости. Затратъ мы для еврейскаго переселенія хотя половину того, что мы затратили на образованіе Болгарскаго княжества или на снабженіе Манчжуріи рельсовыми путями, еврейскій вопросъ былъ бы на двѣ трети разрѣшенъ¹⁾.

То же относится и до остальныхъ эмигрантовъ, на коихъ до сихъ поръ нашъ законъ смотритъ чуть ли не какъ на уголовныхъ преступниковъ, хотя фельд-маршалъ графъ Румянцевъ еще въ XVIII столѣтіи весьма правильно замѣтилъ, что единственное сред-

¹⁾ Если считать, что въ 1900 году, максимальномъ по числу эмигрирующихъ, отъ насъ выселилось 50,000 евреевъ, то эта цифра не соотвѣтствуетъ даже ежегодному нормальному приросту еврейскаго населенія. Въ Россіи послѣдняго, судя по переписи, 1897 г. должно быть теперь не менѣе 8 милліоновъ; полагая скромно, что цифра эта увеличивается ежегодно на $1\frac{1}{2}\%$, оказывается, что число евреевъ увеличивается въ Россіи на 120,000, а уменьшается эмиграціей только на 50,000, или, короче говоря, число евреевъ прибавляется ни къ нашей, ни къ ихъ радости, на 70,000.

Очевидно, что для еврейской эмиграціи должны быть приняты новыя болѣе серьезныя мѣры поощренія: одной льготы освобожденія отъ военной повинности недостаточно.

ство противъ эмиграціи—это чтобы въ Россіи людямъ жилось лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ. «Тогда не русскіе въ Польшу, но поляки въ Россію переселяться будутъ», писалъ онъ. Французы, напримѣръ, почти вовсе не эмигрируютъ и вовсе не потому, что чужды духа предприимчивости, а потому, что знаютъ заранее, что нигдѣ не найдутъ лучшаго климата и лучшихъ условій для жизни, чѣмъ у себя дома. Отъ добра добра не ищутъ—вѣрно говоритъ русская пословица.

Несмотря на суровое отношеніе закона и административныя стѣсненія, эмиграціонное движеніе изъ Россіи все-таки существуетъ.

Кромѣ отдѣльныхъ эмиграцій крымскихъ татаръ, кавказскихъ горцевъ, духоборовъ, нѣмцевъ, евреевъ и финляндцевъ, у насъ установилось довольно прочное эмиграціонное движеніе по границамъ Сѣверо-Западнаго края, движеніе, которое изъ году въ годъ расширяется и могло бы еще увеличиться, если бы, вмѣсто всяческихъ «препонъ», ему были сдѣланы надлежащія облегченія.

Черезъ одинъ Эйткунень отправляется ежегодно эмигрантовъ болѣе двадцати тысячъ, причемъ отъ 40 до 50% евреевъ, общее же число русскихъ эмигрантовъ въ одни Соединенные Штаты превосходитъ уже сто тысячъ человекъ въ годъ, а многіе русскіе подданные эмигрируютъ въ Трансвааль, Аргентину, Бразилію или остаются въ Англіи.

Причины, вызывающія эмиграцію изъ Россіи, главнымъ образомъ экономическія: бѣдность еврейскаго

пролетаріата и недостатокъ земли у крестьянъ. Изъ послѣднихъ далеко не всѣ остаются за границею; заработавъ деньги, они часто возвращаются обратно. Но и тѣ, что остаются, скорѣе приносятъ пользу, потому что высылаютъ деньги на родину. Количество этихъ денегъ легко провѣрить на почтѣ, такъ какъ суммы идутъ преимущественно изъ Соединенныхъ Штатовъ. Количество послѣднихъ не малое. Я слышалъ, что маленькая Кибартовская почтовая контора получаетъ, напримѣръ, болѣе 4^{1/2} мил. рублей въ годъ изъ Америки. Чего же, казалось бы, лучше? Мы избавляемся отъ лишнихъ ртовъ и рукъ и получаемъ деньги, въ которыхъ у насъ, особенно среди низшихъ классовъ населенія, постоянный недостатокъ и которыя во всякомъ случаѣ пополняютъ тѣ небольшія суммы, которыя эмигранты увозятъ съ собою на расходы въ пути.

Я нѣсколько разъ въ теченіе года проѣзжаю черезъ Вержболово и Эйткуненъ и слышалъ отъ мѣстныхъ знающихъ дѣло лицъ свѣдѣнія о нашей эмиграціи, которыми считаю долгомъ подѣлиться: Можетъ быть это дѣло обратитъ наконецъ на себя должное вниманіе.

По сѣверо-западной границѣ для эмиграціи устроены въ разныхъ мѣстахъ агентуры, существующія однако благодаря снисходительному надзору полиціи. Агентуры эти работаютъ въ интересахъ гамбургскаго и бременскаго пароходныхъ обществъ и продаютъ эмигрантамъ проѣздные билеты, «шифскарты», съ надбавкою 40 или 50 процентовъ. За эту надбавку эмигранты

снабжаются наставленіями, какъ перейти границу помимо пограничнаго надзора, и встрѣчаютъ за границею людей, которые имъ даютъ дальнѣйшія указанія.

За границею все уже совершается открыто. Въ Эйткуненѣ германскія пароходныя общества устроили станцію съ докторскимъ персоналомъ, прачешной и дезинфекціонной камерой для осмотра эмигрантовъ, такъ какъ больные переселенцы не допускаются въ Америкѣ.

Случается, что эмигрантовъ тамъ все-таки не принимаютъ; конторами это предвидѣно и эмигрантовъ доставляютъ въ Россію обратно. Любопытно, что за обратный тайный переходъ границы берутъ вдвое и втрое дороже, чѣмъ за выѣздъ за границу.

Спрашивается, къ чему вся эта тайная процедура? Для чего эти безчисленные преступленія тайнаго перехода границы, которыя не могутъ совершаться безъ содѣйствія и послабленія разныхъ мелкихъ агентовъ? Я не говорю уже о томъ, что наши бѣдные переселенцы, благодаря тайнѣ, служатъ иногда предметомъ безцеремонной эксплуатаціи людей, выдающихъ себя за представителей эмиграціонныхъ бюро. Нельзя не обратить вниманія и на то, что сотни лицъ только по одному подозрѣнію въ желаніи тайно перейти границу ежегодно арестуются и возвращаются на родину этапнымъ порядкомъ съ уплатою штрафа по 4 р. 50 к.

Оказывается, что вышеописанная процедура совершается исключительно вслѣдствіе дурной организаціи нашей паспортной системы. Въ сущности у насъ

никому не возбраняется взять паспортъ и уѣхать за границу. Но это только на бумагѣ. Уже для привилегированныхъ сословій полученіе заграничныхъ паспортовъ, какъ многимъ извѣстно по личному опыту, несносно и дорого, для крестьянъ оно еще болѣе затруднительно.

Крестьянинъ при подачѣ прошенія о заграничномъ паспортѣ сверхъ гербовыхъ марокъ долженъ дать еще что нибудь писарю станового пристава, то же и въ волостныхъ полицейскихъ управленіяхъ; цѣнность паспорта увеличивается съ 15 до 25 и 30 руб.; если же получатель паспорта предполагаетъ вернуться обратно, то нужно прибавить еще 30 руб. платы за два полугодія. Но и эта переплата не такъ стѣснительна, какъ волокита. Если проситель послѣ потеряннаго времени не получитъ отказа, часто безъ всякаго объясненія, то во всякомъ случаѣ требуется еще разрѣшеніе губернатора, т.-е. новыя мытарства въ канцеляріи послѣдняго. Понятно, что крестьяне и евреи предпочитаютъ искать болѣе дешеваго и главное скорѣе, хотя и нелегальнаго, способа перейти черезъ границу, разъ имъ гарантируется въ придачу обратный возвратъ. Тайный переходъ стоитъ въ одинъ конецъ 40 р., а туда и обратно отъ 50 до 60 рублей.

Сборъ съ заграничныхъ паспортовъ, кромѣ 50 к. собственно плакатнаго сбора, идетъ у насъ въ пользу инвалидовъ и Краснаго Креста. Въ пользу послѣдняго сборъ былъ назначенъ на время китайской войны; она давно кончилась, но сборъ не отмѣненъ. Сборъ

для известной категории лицъ, какъ всѣ «суммарные налоги», можетъ быть и справедливъ, но мало-земельные крестьяне и еврейскіе пролетаріи отправляются за границу не ради «роскоши». Поэтому ихъ передвиженіе никоимъ образомъ не слѣдовало бы облагать какими либо сборами.

У насъ уже имѣется въ Либавѣ эмиграціонная контора, устроенная съ вѣдома правительства; надобно, чтобы, подобно другимъ странамъ, всѣ такія конторы и бюро дѣйствовали совершенно открыто, подъ надзоромъ администраціи, которая бы не стѣсняла, а имъ помогала. Конторамъ, выдающимъ проѣздные билеты, могло бы быть дано право получать для эмигрантовъ паспорта бесплатные или съ уплатою одного плакатнаго сбора. Нашъ законъ дѣлаетъ уже облегченіе въ паспортномъ сборѣ для нѣкоторыхъ лицъ. Еще со времени, когда все населеніе считалось какъ бы закрѣпощеннымъ государству и на каждаго выѣзжающаго за границу смотрѣли почти какъ на политическаго преступника, въ интересахъ внѣшней торговли было сдѣлано уменьшеніе паспортнаго сбора для купцовъ, полная отмена выборки заграничныхъ паспортовъ для извозчиковъ съ подводами съ товарами и для приказчиковъ и рабочихъ на плотяхъ. Крестьяне приграничной полосы, отправляющіеся за границу для сельско-хозяйственныхъ работъ, также пользуются паспортными облегченіями.

Если бы изъ Россіи выѣзжало ежегодно не сто, а пятьсотъ тысячъ эмигрантовъ, то и это никакого

ущерба, какъ я разъяснилъ выше, не принесло бы. Напротивъ, помимо облегченія поземельнаго вопроса и уменьшенія еврейскаго пролетаріата, такое движеніе повело бы къ организаціи прочныхъ русскихъ почтово-пароходныхъ линій въ Сѣверную и Южную Америки и содѣйствовало бы развитію торговаго флота. Новому нашему министерству торговаго флота ближе всего было бы заняться разработкою эмиграціоннаго вопроса.

Найдутся, конечно, люди, которые скажутъ, что поощрять эмиграцію нельзя, потому что это можетъ повліять на нашъ балансъ и вексельный курсъ, а какъ *contre coup*—и на прочность валюты. Тѣ же соображенія заставляютъ у насъ стѣснять привозъ апельсинъ и другихъ предметовъ, обложенныхъ фискальными пошлинами. Но если изъ-за боязни колебаній валюты мы должны жить въ китайской замкнутости, ѣсть вмѣсто фруктовъ рѣпу и мазать голову не помадою, а квасомъ съ медомъ, словомъ, вернуться къ XVII столѣтію, то пусть ужъ лучше колеблется курсъ нашего кредитнаго рубля.

ПОКРОВИТЕЛЬСТВО ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Наполеонъ I сказалъ какъ-то, что экономисты государства, твердое, какъ гранитная скала, въ состояніи обратить въ порошокъ, а у насъ страшно расплодилось въ послѣднее время количество экономистовъ. Что же еще будетъ, когда начнетъ дѣлать выпуски особый экономическій факультетъ въ политехникумѣ. Теперь всѣ разсуждаютъ и пишутъ объ экономическихъ вопросахъ, какъ прежде всѣ писали стихи. Предлагаются простѣйшія рѣшенія мудренѣйшихъ вопросовъ.

«Хозяинъ», обсуждая, напримѣръ, программу, выработанную особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, пришелъ къ заключенію, что вопросъ о поднятіи производительности труда русскаго обывателя можетъ рѣшиться лишь въ одномъ направленіи, такъ какъ объектомъ этого вопроса служить человекъ. Въ какихъ бы мѣстныхъ или государственныхъ условіяхъ человекъ ни находился, ему нуженъ просторъ и чистый воздухъ для

работы. Когда эти условія будутъ налицо, то и Государственное Казначейство перестанетъ затрудняться отпускать средства на осуществленіе всѣхъ пунктовъ опубликованной программы удовлетворенія нуждъ русскаго сельскаго хозяйства.

Какъ просто. Въ Архангельской губерніи и Якутской области имѣется сколько угодно «простора» и «чистаго воздуха». Стоитъ переселить туда половину русскаго сельскаго населенія—и всѣ нужды русскаго сельскаго хозяйства будутъ удовлетворены, при помощи впрочемъ «средствъ государственнаго казначейства».

Столь же серьезнымъ я считаю и предложеніе курской губернской земской управы, въ числѣ важнѣйшихъ мѣръ для «серьезнаго подъема земледѣлія», прекратить покровительственную политику по отношенію къ обрабатывающейся промышленности и переложить часть податнаго бремени на эту самую обрабатывающую промышленность.

Въ разъясненіе желаній управы могутъ служить пренія, происходившія по поводу ея доклада въ курскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Гласные винили «нынѣшнюю финансовую политику», покровительствующую-де промышленности, причемъ ссылались, какъ на авторитетъ, на одну московскую газету, гдѣ будто бы доказано, что промышленность, особенно нефтяная, разоряя казну, доставляетъ «громадные барыши» только предпринимателямъ.

Есть прелестный рассказъ Щедрина, какъ помѣ-

щикъ, читая консервативную газету «Вѣсть» Скарятина, совсѣмъ одичалъ; теперь повидимому такому одичанію способствуютъ московскія консервативныя газеты. Къ счастью, что онѣ еще такъ мало распространены. Во всякомъ случаѣ то, что извлекли, почитывая ихъ, курскіе земцы, едва ли соотвѣтствуетъ истинѣ.

Во-первыхъ, почему это покровительство промышленности составляетъ задачу «нынѣшней» финансовой политики? За немногими исключеніями, въ 1730, 1819, 1851, 1857 и 1868 годахъ, всѣ наши таможенные тарифы представляли значительное повышение пошлинъ въ покровительственномъ и запретительномъ смыслѣ. Покровительство промышленности практиковалось и ранѣе. Внутреннее состояніе Россіи до конца XV вѣка не давало возможности развивать промышленность, но какъ только установился прочный порядокъ, т.-е. съ XVI вѣка, начались заботы о насажденіи промышленности, обратившіяся въ XVII вѣкѣ въ цѣлую систему, а при Петрѣ выдвинувшіяся даже на первый планъ государственной политики. Что же внесено новаго по этой части въ послѣднее время? Правда, въ 1891 г., т.-е. при Вышнеградскомъ, таможенныя пошлины были вновь увеличены, но уже въ 1894 г., согласно торговымъ договорамъ, онѣ снова вернулись къ уровню до 1891 г.

Промышленность сдѣлала въ послѣднее время значительные успѣхи, но главнымъ образомъ отъ быстрого сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ, отъ ко-

торыхъ выиграло и земледѣліе, отъ привлеченія иностранныхъ капиталовъ и освобожденія части собственныхъ капиталовъ отъ конверсій и выкупа желѣзныхъ дорогъ; въ особенности преуспѣла промышленность горная и горнозаводская, которая еще въ 60-хъ годахъ сдѣлала бы огромные успѣхи, если бы ее тогда искусственно не задержали экономисты-фритредеры, настоявшіе на постройкѣ рельсовой сѣти изъ иностранныхъ матеріаловъ. Что желѣзная и вообще горная промышленность должны были сдѣлать огромные успѣхи подѣ вліяніемъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, это было ясно для всѣхъ спеціалистовъ еще сорокъ лѣтъ назадъ, но и тогда, какъ и теперь, къ сожалѣнію, было немало въ литературѣ и въ администраціи людей, проповѣдывавшихъ о вредѣ покровительства промышленности. Еще въ 1866 г. я напечаталъ имѣвшую извѣстный успѣхъ брошюру: «Стоитъ ли поощрять русскую промышленность», гдѣ разбирались буквально тѣ же возраженія, которыя теперь формулированы вновь курскими земцами и другими лицами.

Если даже принять за истину, что вполнѣ покровительственный таможенный тарифъ появился у насъ только при «новой финансовой политикѣ», то спрашивается, какія тягости онъ возложилъ на сельское хозяйство или земледѣльческіе классы населенія?

Таможенные пошлины у насъ, какъ и вездѣ, двухъ сортовъ: фискальныя и покровительственныя. Нельзя спорить, что фискальныя пошлины въ Россіи очень велики и тягостны, но никакого отношенія онѣ къ

покровительству обрабатывающей промышленности не имѣютъ. Если у насъ обложены высоко чай, пряности, кофе, какао, апельсины и многое другое, то это въ предположеніи, что такимъ путемъ косвенно облагаются болѣе зажиточные классы населенія, и очевидно, что представители промышленности платятъ тутъ пропорціонально болѣе, чѣмъ земледѣльческіе классы, а тѣмъ болѣе крестьяне, какао, ванили и апельсиновъ у насъ не потребляющіе. Всякое обложение вина, табака, спиртныхъ напитковъ, сыра, фруктовъ и проч., кромѣ сомпуарнаго характера, покровительствуетъ также земледѣлію, а не промышленности.

Затѣмъ, изъ покровительственныхъ пошлинъ большую часть уплачиваетъ тоже промышленность, а не земледѣліе. На промышленность падаютъ пошлины на хлопокъ, шерсть, каменный уголь, сало, кожи, дерево, деревянное масло, чугуны, большую часть металловъ и машинъ, химическія вещества и краски. Собственно для земледѣлія остается ничтожная часть пошлинъ, да и тѣ или сложены или понижены, какъ на примѣръ пошлины на сельско-хозяйственныя машины, косы, серпы, удобрения.

Скажутъ, что сельское населеніе уплачиваетъ косвенный налогъ оттого, что предметы, обложенные покровительственными пошлинами, стали въ послѣднее время отъ увеличенія обложенія дороже. Но и это невѣрно, потому что огромное большинство предметовъ промышленнаго производства: желѣзо, машины,

ситцы, цементъ, стекло, керосинъ, сахаръ, соль и прочее стали гораздо дешевле прежняго. настолько дешевле, что большинство фабрикъ и заводовъ работаетъ, какъ извѣстно, не съ «громаднымъ барышомъ», а въ убытокъ. Если нѣкоторые товары, какъ сахаръ, керосинъ или водка, предлагаются для потребителя съ большею разницею въ цѣнѣ противъ того, во что они обходятся производителю, то это лишь вслѣдствіе казеннаго налога или провозной платы на отдаленное разстояніе.

Нефтяная промышленность, о которой упоминали курскіе земцы, можетъ служить лучшимъ подкрѣпленіемъ не ихъ теоріи, а совсѣмъ противоположнаго. Таможенное покровительство для нея излишне, и она не только не получаетъ никакихъ пособій отъ казны, а напротивъ постоянно служитъ объектомъ новыхъ обложеній и сборовъ.

Я не говорю объ акцизѣ. Акцизъ съ нефти уплачивается не промышленностью, а русскимъ потребителемъ. Правительство взимаетъ его потому, что нуждается въ косвенныхъ налогахъ. Идея воспользоваться нефтью для обложенія возникла еще въ 60-хъ годахъ, а въ 80-хъ явилась безотложная необходимость отыскать новый крупный предметъ для обложенія вслѣдствіе уничтоженія соляного и подушнаго налоговъ.

Я не предвижу момента, когда этотъ налогъ можетъ быть отмѣненъ, а тѣмъ болѣе не вижу никакой возможности замѣнить этотъ и другіе косвенные на-

логи, а равно выкупные платежи (которые, кстати, не налогъ, а уплата за право собственности на землю). Большая часть доходовъ у насъ уже обложена, даже доходъ съ государственныхъ бумагъ, почему надежда замѣнить значительную часть косвенныхъ налоговъ и выкупныхъ платежей подоходнымъ налогомъ относится къ области высокой фантазіи. Если бы у насъ примѣнить англійскую income tax, то отыскалось бы очень мало новыхъ предметовъ для подоходнаго обложенія.

Главнымъ источникомъ новаго подоходнаго обложенія былъ бы доходъ отъ земель тѣхъ помѣщиковъ-земцевъ, которые взымають теперь, какъ «лягушки, просящія царя», о подоходномъ налогѣ, и не понятно, почему это обложеніе земли послужило бы облегченіемъ для сельскаго хозяйства?

Затѣмъ, собственно о нефтяной промышленности можно прибавить еще слѣдующее:

Таможенная пошлина на привозный керосинъ, превосходящая кажется 60 к. за пудъ, не имѣетъ никакого покровительственнаго значенія. По теоріи фритредеровъ, керосинъ долженъ бы продаваться выше этого покровительственнаго обложенія, на дѣлѣ въ 1901—1903 году онъ продавался отъ 4³/₄ до 8 к. за пудъ. Выходитъ, что пошлина играетъ роль китайскаго дракона: на видъ страшна, но ничего существеннаго не представляетъ.

Между тѣмъ если сравнить положеніе нефтяного дѣла теперь съ тѣмъ, что оно было еще недавно, то увидимъ такую картину. Прежде нефтяныя земли покупались нипочемъ или получались почти даромъ

по заявкамъ; теперь ихъ нужно брать съ торговъ, уплачивая одной аренды болѣе, чѣмъ стоитъ нефть на рынкѣ. Казна разобрала наконецъ юридически права на земли, въ результатѣ чего она, при помощи судовъ, заставила платить, и довольно дорого, за то, что нефтепромышленники разъ уже купили, отчасти съ согласія администраціи, по купчимъ крѣпостямъ у третьихъ лицъ. Закавказская желѣзная дорога, одна изъ самыхъ доходныхъ для казны, не въ состояніи перевезти всего количества нефти (двѣ трети которой не находятъ сбыта въ Россіи и обязательно вывозятся за границу), вслѣдствіе чего происходитъ разверстка очередей и переплата премій за вагоны. Провозный тарифъ повышался, когда цѣна нефти подымалась, т. е. изъ провознаго тарифа желали сдѣлать quasi подоходный налогъ, между тѣмъ доходъ промышленниковъ обложенъ уже подоходно въ видѣ промысловаго налога и съ производства и съ дивиденда; промышленники уплачиваютъ также спеціальныя попутныя сборы на дороги, школы, больницы, статистику, налогъ съ паровыхъ котловъ, весьма повышенныя гербовыя сборы; введеніе разныхъ инспекцій отъ разныхъ вѣдомствъ и правилъ о наймѣ рабочихъ сопровождалось, конечно, соответственными новыми расходами, страхованіемъ рабочихъ и проч. Портовые сборы въ Батумѣ доходятъ до 20-ти проц. цѣнности товара въ Баку, при томъ сборы эти взимаются и съ товаровъ, портовыми устройствами не пользующихся. Я знаю общество, которое уплатило такимъ образомъ болѣе двухъ милліоновъ рублей, хотя весь

результатъ устройства порта выразился для общества въ подмывѣ его берега, понятно, весьма цѣннаго. Разбойники даже въ вагонахъ желѣзной дороги грабятъ и убиваютъ артельщиковъ съ деньгами того же общества. Когда случился пожаръ отъ поджога въ Черномъ городѣ, общество понесло убытка миллионъ рублей, и въ результатѣ его же служащихъ привлекли къ отвѣтственности (хотя потомъ и оправдали). Въ виду уменьшенія вывоза въ жестянкахъ, то же общество пожелало весною, воспользовавшись началомъ сельскихъ работъ, отпустить часть рабочихъ своего батумскаго завода. Остальные устроили стачку. Въ виду буйства пришлось закрыть заводъ, когда же пожелали возобновить работы, оказалось, что рабочіе высланы въ полицейскихъ видахъ изъ города на нѣсколько мѣсяцевъ, и заводъ, стоящій миллионъ, вынужденъ былъ до этого срока закрыться, между тѣмъ жесть беспошлино дается заводу только на короткій срокъ...

Эти факты, которыхъ можно собрать сколько угодно, показываютъ, что и обрабатывающая промышленность, даже пресловутая нефтяная, далеко не на розахъ, какъ полагаютъ курскіе земцы! А между тѣмъ заботиться и о нефтяномъ дѣлѣ не лишне. Немногимъ кажется извѣстно, что всѣхъ порядочныхъ нефтяныхъ земель у насъ на всю Россію не болѣе 250 десятинъ! На остальныхъ доходы едва покрываютъ расходы по добычѣ и не съ ихъ нефтью можно бороться на всемірномъ рынкѣ, къ которому приобщаются постоянно новые нефтяные районы.

ПОМЪЩИКИ ПРОТИВЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

С. С. Бехтѣевъ сдѣлалъ Орловскому губернскому дворянскому собранію докладъ объ экономическомъ положеніи дворянства. Докладъ касается преимущественно положенія, создаваемого русскому земледѣлію усиленіемъ протекціонизма въ Германіи, и обратилъ на себя вниманіе печати.

Я останавлиюсь только на одномъ положеніи докладчика, а именно о необходимости въ помощь дворянству «направить правительственную и общественную дѣятельность на возрожденіе (?) различныхъ отраслей—зимняго домашняго народнаго производства, угнетаемаго капиталистическимъ производствомъ, развитіе котораго должно быть ограничено во всѣхъ отрасляхъ промышленности, доступныхъ народному труду». Эти мѣропріятія авторъ доклада рекомендуетъ даже принять съ возможной поспѣшностью.

Идея г. Бехтѣева, при всей ея странности въ глазахъ техника, не нова. Г. Головинъ, также дворянскій публицистъ, съ своей стороны рекомендовалъ открытіе

народу заработковъ распространеніемъ обрабатывающей промышленности не въ видѣ поощренія крупныхъ фабрикъ, а, напротивъ, посредствомъ распространенія мелкихъ предиріятій. Всякая мѣра, клонящаяся къ этой цѣли, будетъ-де ступенью къ нашему обогащенію.

Все это въ сущности повтореніе фразъ франко-польско-австрійскаго публициста-фритредера Тенгоборскаго, которыя хотя и доставили ему мѣсто члена Государственнаго Совѣта, но сто разъ были опровергнуты еще въ 50-хъ годахъ. И тогда уже немало писалось о вредѣ фабрикъ и о благахъ кустарной промышленности. Съ тѣхъ поръ ее полюбили наши нигилисты и увидѣли въ ней гибель ненавистной имъ капиталистической формы производства,—временную необходимость которой признавалъ самъ Марксъ,—даже зачатокъ производительныхъ ассоціацій, чуть не фаланстеровъ.

Я лично вовсе не врагъ кустарной промышленности: напротивъ, я одинъ изъ первыхъ обратилъ на нее вниманіе и въ литературѣ 60-хъ годовъ, изучая на мѣстѣ кустарное производство въ Уломѣ и въ Великомъ Устюгѣ, и какъ членъ первой официальной комиссии о кустарныхъ промыслахъ (подъ предсѣдательствомъ покойнаго Е. Н. Андреева).

Но если кустарное производство есть фактъ и довольно замѣтный въ нашемъ экономическомъ обиходѣ, то смѣшно видѣть въ ней зачатки фаланстеровъ и мечтать о ея «возрожденіи» въ ущербъ фабрично-заводской промышленности.

Въ формѣ ли первобытнаго промысла до перехода ея въ фабрики, въ формѣ ли побочныхъ послѣдующихъ при фабрикахъ производствъ, кустарная промышленность есть явленіе переходное во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ ручная ловкость не стоитъ исключительно на первомъ планѣ, какъ напримѣръ въ выдѣлкѣ кружевъ, и гдѣ сбереженіе топлива и примѣненіе машинъ имѣютъ какое либо значеніе.

Даже тѣ производства, какъ ткачество, ручная набивка ситцевъ или выдѣлка металлическихъ издѣлій изъ концовъ и обрѣзковъ, которыя создались около фабрикъ и заводовъ, постепенно переходятъ при первомъ соприкосновеніи науки и техники въ капиталистическое производство.

Нѣтъ впрочемъ отраслей промышленности, находящихся въ большей и тягостнѣйшей зависимости отъ капиталистовъ, какъ наше кустарное производство. Большинство кустарей просто рабы скупщиковъ-кулаковъ, дающихъ имъ сырые матеріалы и кредитъ.

Въ былое время, когда можно было работать на ворованномъ казенномъ и помѣщичьемъ лѣсѣ, когда время, особенно у бабъ, зимою ничего не стоило и когда собственные сырые матеріалы—ленъ, шерсть, овчина и проч.—имѣли, по отсутствію возможности сбыта, ничтожную рыночную цѣнность, эта зависимость была менѣе, но теперь она все усиливается.

Да и вообще можетъ ли промышленность быть безъ капитала? Та палка, которою мужикъ погоняетъ свою скотину, есть уже капиталъ. Конечно, юриди-

ческая форма владѣнія капиталомъ можетъ измѣняться по тѣмъ или другимъ политическимъ условіямъ, но желаніе имѣть непременно мелкую, а не крупную, зимнюю, а не круглогоднюю промышленность есть техническій абсурдъ, ибо противорѣчитъ законамъ механики и физики, а слѣдовательно кореннымъ основамъ мірозданія.

У насъ однако есть такіе борцы за кустаря, и невѣжество ихъ доходитъ до того, что они воображаютъ, будто бы кустарное производство есть какая-то присущая одной Россіи форма промышленности, тогда какъ кустари существовали повсемѣстно и до сихъ поръ еще весьма многочисленны. Ужъ на что Франція, страна крупной промышленности и древней цивилизаціи, но и тамъ кустарное и домашнее производства чрезвычайно развиты. Кустари и во Франціи занимаютъ цѣлыми поселеніями выдѣлкою металлическихъ издѣлій, печатаютъ лубочныя картинки, дѣлаютъ пряники и т. п.

Огромная часть населенія Парижа у себя на дому занимается буквально тѣмъ же, чѣмъ занимаются наши подмосковные кустари. Что кустарное производство не есть что либо специфическое для Россіи, доказывается и тѣмъ, что самое слово кустаръ нѣмецкаго происхожденія (Künstler). Особенность Россіи видятъ въ томъ, что кустари во многихъ мѣстахъ не разорвали у насъ связи съ земледѣліемъ. Но эта связь болѣе кажущаяся или временная, настоящій кустарь все болѣе и болѣе забрасываетъ занятіе земледѣ-

ліемъ,—да оно иначе и быть не можетъ,—а затѣмъ если огромное большинство кустарей живетъ въ деревняхъ, то это потому, что Россія находится еще въ полукультурномъ періодѣ и городское населеніе ея относительно слабо.

Подобно тому, какъ въ знаменитой книгѣ «Аллемагне», по словамъ Гейне, г-жа Сталь желала представить французамъ нѣмца умытаго и припомаженнаго, такъ и мы думали воспользоваться послѣдней Парижской выставкой, чтобы представить иностранцамъ своего кустаря въ возможно привлекательномъ видѣ. Попытка, на мой взглядъ, вышла неудачна. Если исключить разныя вышивки монастырей и поддѣлку подъ декадентскій стиль (названный *l'Art nouveau russe!*), то въ *Village russe*, какъ нарочно, собрали такія издѣлія, которыя только могли привести въ изумленіе посѣтителей и укрѣпить во французяхъ убѣжденіе, что русскіе продолжаютъ *se nourir du caviar exepté les cosaques qui mangent la chandelle*.

Village russe служила лучшимъ доказательствомъ, что мужикъ нашъ бѣдно одѣтъ, плохо обутъ, снабженъ первобытными инструментами и орудіями, имѣетъ слишкомъ мало для удовлетворенія потребностей комфорта и ничего для удовлетворенія психической стороны человѣческой природы. Но грустная истина эта хорошо всѣмъ была извѣстна и безъ Парижской всемірной выставки и безъ *Art nouveau russe*.

По части вкуса какая разница была, на примѣръ, между грубыми издѣліями нашего кустарнаго отдѣла,

даже тамъ, гдѣ дѣло шло о церковныхъ предметахъ, и изящными работами полудикарей въ рядомъ стоявшемъ отдѣлѣ Нидерландской Индіи.

Печатный каталогъ поражалъ самодовольствіемъ. Тамъ между прочимъ было сказано, что отдѣлка одной деревянной этажерки скопирована съ пряника (!). «чтобы доказать врожденный эстетическій смыслъ русскаго сельскаго рабочаго». Жаль, что по ошибкѣ кто либо изъ посѣтителей не откусилъ кусокъ этой этажерки, принявъ ее за пряникъ.

Во всякомъ случаѣ не кустарями, какъ показала намъ Парижская выставка, и особенно Нижегородская, живетъ наша промышленность. Последняя успѣхи дѣлаетъ, и «возрождать» рядомъ съ нею выдѣлку гвоздей ручнымъ способомъ или ручную набивку китайки пользы не принесло бы. Избави Богъ отъ такого «ренессанса»!

У насъ все еще повторяется, что Россія страна земледѣльческая, что ⁹/₁₀ ея населенія живетъ земледѣліемъ. Но пора наконецъ оставить эти излюбленныя фразы, опровергаемыя фактами. Конечно, до сихъ поръ земледѣліе составляетъ занятіе большинства жителей, но если взять городское населеніе и жителей фабричныхъ и рудничныхъ поселеній, желѣзныя дороги, фабрики, заводы, торговый флотъ, армію и т. д., то цифра неземледѣльческаго населенія составитъ не 10, а 30—35 проц. Это скоро выяснится результатами переписи. И въ настоящее время количество горнозаводскихъ грузовъ, перевозимыхъ по желѣзнымъ

дорогамъ, превосходить уже количество сельско-хозяйственныхъ (чего не достигли еще въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ), а мы все повторяемъ зады объ исключительномъ значеніи для Россіи земледѣлія.

У насъ чуть не обрадовались промышленному кризису и сейчасъ же заговорили, что промышленность не выдержала испытанія, что она излишня, чужеядна и т. д. Но не рано ли закричали? Да и все ли у насъ для поощренія промышленности сдѣлано? Главный толчокъ дали ей тѣ же желѣзныя дороги, но зато по части кредита мы еще находимся въ младенческомъ періодѣ. Если бы однако и все было сдѣлано, то для полныхъ успѣховъ надобно терпѣніе, а не ограниченіе.

Полагать, что нѣсколькими мѣропріятіями правительства Россія должна была давно сдѣлаться промышленною въ родѣ Бельгіи или Прирейнской Пруссіи,—фантазія.

Докторъ Панглось думалъ, что носъ такъ отлично устроенъ оттого, что выдуманы были очки. У насъ совершенно такъ же думаютъ, что постройкою нѣсколькихъ фабрикъ въ Россіи создадутся потребители для продуктовъ этихъ фабрикъ. Трудно развить однако фабрикацію носовыхъ платковъ тамъ, гдѣ сморкаются пальцами, или мыловаренное производство тамъ, гдѣ никто не умывается, а только угромъ какъ-то плещутъ себѣ на лицо, позѣвывая.

Въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ губер-

ніяхъ, еще и не ѣдятъ какъ слѣдуетъ, а такъ что-то «мнутъ маненько». Я поражаюсь этимъ отсутствіемъ регулярной пищи, посѣщая въ молодости деревни во время геологическихъ изслѣдованій.

Прошло тридцать лѣтъ, совершились великія реформы,—я посѣтилъ случайно считающуюся богатою черноземную часть Рязанской губерніи и ужаснулся, увидя, что у мужиковъ тамъ, что называется, ни кола ни двора, одни тараканы «ссыпные» (т. е. сыпящіеся съ потолка); нѣтъ у домовъ заборовъ, нѣтъ соломы даже на крышахъ, нѣтъ не то что рабочаго скота, но и топоровъ. И этакъ цѣлыя селенія!

У насъ явились впрочемъ панегиристы неурожаевъ; спросъ въ голодныхъ мѣстностяхъ, по ихъ словамъ, «являясь серьезнымъ факторомъ укрѣпленія внутреннихъ рынковъ, ослабляетъ-де зависимость нашей хлѣбной торговли отъ международнаго рынка»!

И вотъ на такой-то идилической почвѣ, для такихъ-то «потребителей», которые не богаче негровъ внутренней Африки и навѣрное бѣднѣе туземцевъ средней Азии, у насъ строятъ планы возрожденія русской промышленности не общечеловѣческимъ путемъ примѣненія знанія, техники и капитала, а обратнымъ — возвращенія къ періоду мускульнаго труда и отсутствія раздѣленія послѣдняго.

Закрѣпляя наше сельское населеніе въ малопроизводительномъ кустарномъ производствѣ, мы конечно не создадимъ никогда серьезныхъ покупателей для нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ. Никакое раціо-

нальное земледѣліе невозможно безъ сложнаго сѣвооборота и скотоводства, т. е. безъ потребленія на мѣстѣ, ибо большая часть предметовъ огородничества, садоводства и молочнаго хозяйства не выдерживаютъ перевозки. Перевозку безъ большихъ затратъ на спеціальныя приспособленія переносятъ только болѣе цѣнные продукты.

Потребленіе же на мѣстѣ дадутъ только города и фабричныя поселенія, но никакъ не кустари. У насъ есть еще города, особенно на югѣ Россіи, созданныя канцелярскимъ путемъ, часть жителей которыхъ продолжаетъ заниматься земледѣліемъ, но немало уже поселеній создано около пристаней, станцій желѣзныхъ дорогъ и заводовъ; жители ихъ имѣютъ городской характеръ.

Бъ сожалѣнію только, поселенія эти служатъ центрами ростовщичества и разгула и мало вносятъ культурнаго, тогда какъ въ другихъ странахъ городскія поселенія и служатъ центрами наукъ, искусствъ, промышленности, политической дѣятельности, словомъ—цивилизациі, которой и названіе происходитъ отъ латинскаго названія «городского» жителя.

Городскія поселенія образовались бы и культивировались еще скорѣе, если бы община не закрѣпощала сельскаго населенія; удерживаютъ его и надѣлы. Мнѣніе, будто бы поземельная собственность лучше всего обезпечиваетъ массу, не выдержало провѣрки. На примѣрѣ Царства Польскаго можно видѣть, что мелкіе поземельные собственники гораздо менѣе обез-

печены въ средствахъ существованія, чѣмъ даже безземельные рабочіе у помѣщиковъ.

Если бы у насъ было болѣе городскихъ поселеній и вообще потребленія не собственныхъ и самодѣльныхъ, а покупныхъ продуктовъ, то намъ не страшны были бы измѣненія таможенной охраны земледѣлія въ Германіи, Франціи или Италіи и мы мало бы беспокоились о конкуренціи Индіи или Аргентины. Самые неурожаи не отражались бы сколько либо чувствительно, потому что въ населеніи имѣлся бы извѣстный капиталъ, накопленный внѣ занятія земледѣліемъ. И до сихъ поръ населеніе сѣверныхъ, даже такихъ обездоленныхъ природою мѣстностей, какъ Олонецкая губернія, сравнительно зажиточнѣе и обеспеченнѣе, чѣмъ населеніе многихъ черноземныхъ уѣздовъ, менѣе даетъ заботъ правительству, а все это отъ того, что на Сѣверѣ имѣются и посторонніе заработки.

Для оцѣнки сравнительнаго вліянія фабричной и кустарной промышленности надо бы поменѣе читать обзорѣній и статистикъ, а поѣхать и сравнить на мѣстѣ быть кустарей и таковое же положеніе заводскихъ рабочихъ, конечно въ мѣстахъ, гдѣ промыслы укрѣпились и гдѣ кризисы не сметають наскоро возникшія спекулятивныя предпріятія. Да и тѣ, въ силу своего созданія, навѣрное внесли въ извѣстный околотокъ въ одинъ годъ болѣе денегъ, чѣмъ земледѣльческая и кустарная промышленность за десятилѣтія своего прозябанія.

Какой же смысл имѣеть послѣ того приглашать правительство «на пользу дворянства» (?!?) принимать мѣры противъ фабрикъ, да еще «съ возможной поспѣшностью», какъ это рекомендовалъ въ своей рѣчи г. Бехтѣевъ?

О МИФИЧЕСКОМЪ РОТШИЛЬДЪ.

По поводу того, что на торгахъ 2-го іюля 1903 года на нефтеносные участки на Биби-Эйбатъ, около Баку, высшія цѣны за 4 участка (изъ 18) были предложены «Каспійско-Черноморскимъ обществомъ» и по закону должны быть утверждены за послѣднимъ, возникла цѣлая литература. Нѣкоторыя газеты дописались до того, что заговорили о монополіи «г. Ротшильда», о тиранизаціи имъ нефтяного промысла, о порабощеніи русской промышленности, о разореніи Кавказа и т. п. ужасахъ. Говорилось совершенно серьезно о цѣлости русскаго государства и о возможности его разоренія, и все это изъ-за четырехъ клочковъ земли!

Между тѣмъ если бы господа, проливавшіе потоки чернилъ, потрудились хотя на десять минутъ развернуть ежегодные статистическіе отчеты горнаго вѣдомства и съѣзда бакинскихъ нефтепромышленниковъ или даже газету «Нефтяное дѣло», то увидали бы, что какого-то «мифическаго» господина Ротшильда, о которомъ столько исписано бумажки, не существуетъ.

Извѣстно, что семейство Ротшильдовъ состоитъ теперь слишкомъ изъ 50 лицъ, живущихъ въ разныхъ городахъ и государствахъ и имѣющихъ различные интересы. Въ «Каспійско-Черноморскомъ обществѣ» весьма крупнымъ акціонеромъ числится парижскій домъ братьевъ Ротшильдовъ, состоящій изъ нѣсколькихъ участниковъ. Домъ этотъ владѣетъ такою массою разныхъ предпріятій въ Европѣ и Америкѣ, что забавно предполагать, будто «Каспійско-Черноморское общество» почему либо пользуется его особымъ вниманіемъ и служитъ полемъ для особыхъ коварствъ. Никакими нефтяными землями общество это даромъ, какъ увѣряли нѣкоторыя газеты, въ Баку не пользуется. Свои земли оно пріобрѣло сначала почти случайно у г. Палашковскаго, а затѣмъ расширило покупками и арендами на законномъ основаніи.

Кромѣ участія въ «Каспійско-Черноморскомъ обществѣ», гдѣ значительная часть акцій принадлежитъ братьямъ Дейчъ, домъ братьевъ Ротшильдовъ имѣетъ еще участіе въ «Московскомъ нефтепромышленномъ обществѣ», въ Грозномъ, и въ «Русскомъ Стандартѣ», на Кубани, но эти общества никакого значенія въ нашемъ нефтяномъ дѣлѣ не имѣютъ и подлежатъ ликвидаци, почему о нихъ при разговорѣ о монополіи и упоминать не слѣдуетъ.

Что изображаетъ собою воображаемая монополія «Каспійско-Черноморскаго общества»?

Оказывается, что изъ общаго количества нефтеносной земли, эксплуатируемой около Баку (около 960 деся-

тинъ), оно владѣеть 10 десятинами собственной нефтеносной земли или совершенно выработанной или съ ничтожной добычей. Затѣмъ общество имѣеть еще около 75 десятинъ земли, арендованной у казны или у частныхъ лицъ, причемъ часть этихъ земель не заключаетъ нефти, частью сроки арендъ скоро кончаются, частью земли оказались плохими. Лучшіе участки, доставляющіе болѣе трети добычи общества, находятся въ спорѣ съ казною и участь ихъ зависитъ отъ кассационнаго Сената.

Вся добыча нефти обществомъ не превосходитъ 8 проц. общей добычи нефти въ Баку (равной 636 мил. пуд.), и чтобы поддерживать эту далекую отъ «монополіи» добычу, «Каспійско-Черноморское общество» несомнѣнно должно пріобрѣтать постоянно новыя нефтеносныя земли, такъ какъ послѣднія, какъ извѣстно, быстро истощаются. Нефтяныя предприятия, не заботящіяся о пріобрѣтеніи новыхъ участковъ, заранѣе обречены на банкротство. Это положеніе одинаково справедливо и для золотого промысла, и для всякихъ рудныхъ и угольныхъ мѣсто-рожденій.

Керосиновый заводъ «Каспійско-Черноморскаго общества» можетъ вырабатывать до 24 мил. пуд., но такъ какъ по неустройству перевозки, всецѣло находящейся въ рукахъ казны, или на $\frac{9}{10}$ казенной Владикавказской дороги, вывезти это количество невозможно, то добыча керосина обществомъ не превосходитъ 12 мил. пуд., т.-е. составляетъ не болѣе 10 проц.

общей добычи керосина въ Баку, что также очень далеко отъ монополіи.

Если перевести на деньги цѣнность добываемаго «Каспійско-Черноморскимъ обществомъ» керосина и соотвѣтственнаго двойного количества остатковъ, то получается цифра производительности около пяти милліоновъ рублей. Между тѣмъ есть фабрики и заводы въ Россіи, которыхъ годовая производительность превосходитъ 25 и болѣе милліоновъ рублей, и никто не говоритъ объ ихъ монополіи. Такъ можно ли серьезно утверждать, что означенные 5 милліоновъ въ тѣхъ или другихъ рукахъ, при общемъ итогѣ трехъ милліардовъ годового оборота русской промышленности, могутъ повести къ обогащенію или къ разоренію Россіи?

Въ торговлѣ керосиномъ роль «Каспійско-Черноморскаго общества» болѣе замѣтна: оно вывозитъ изъ Баку въ Россію 4 милліона пудовъ керосина и туда же 24 милліона пудовъ своихъ остатковъ. Въ заграничный экспортъ общество даетъ своего и покупного керосина 24 милліона пудовъ, т. е. около трети вывоза.

Надобно замѣтить однако, что большая часть экспортной торговли, требующей большого капитала, производится «Каспійско-Черноморскимъ обществомъ» только въ видѣ участія въ различныхъ сложныхъ торговыхъ организаціяхъ, обществахъ Asiatic, Consolidated, Deutsche, Russische Gesellschaft, гдѣ крупное участіе предоставлено англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ капиталистамъ, а изъ русскихъ экспортеровъ: обществамъ бр. Нобель, Каспійскому и А. Манташева.

Само собою разумѣется, что будетъ ли у общества нѣсколько десятковъ нефтяной земли въ арендѣ болѣе или менѣе, это собственно на операціи заграничной торговли вліянія имѣть не можетъ, хотя нельзя отрицать, что владѣніе и собственнымъ товаромъ дѣлаетъ общество болѣе независимымъ отъ случайныхъ спекуляцій отдѣльныхъ промышленниковъ.

Одинъ публицистъ вычислилъ въ «Московск. Вѣдом.», что г. Ротшильдъ имѣетъ отъ русскаго нефтянаго дѣла 25 милл. руб. въ годъ барыша, между тѣмъ на дѣлѣ ни одно предпріятіе, въ которомъ участвуетъ домъ бр. Ротшильдъ, за 1902 г. не выдалъ ни копейки дивиденда.

Резюмируя все вышесказанное, мы видимъ, что ни о какой «монополіи» «Каспійско-Черноморскаго общества» или миѳическаго г. Ротшильда рѣчи нѣтъ, и чтобы она создавалась, надобно увеличить производство его ровно въ десять разъ въ Россіи и устранить всякое постороннее участіе въ заграничной нефтяной торговлѣ, чего конечно ожидать совершенно невозможно.

Фирмѣ бр. Нобель принадлежало одно время около половины всего бакинскаго нефтянаго дѣла и все-таки никакой монополіи и даже признаковъ ея не замѣчалось. Не могло же ея быть потому, что въ нефтяномъ дѣлѣ для внутренней торговли рѣшающее значеніе имѣетъ размѣръ акциза и расходы транспорта, во много разъ превосходящіе въ общей сложности цѣнность товара на мѣстѣ производства въ Баку, а

въ заграничной торговлѣ тѣ же расходы транспорта, находящагося въ значительной части въ рукахъ казны, и особенно всемогущая конкуренція американской нефтяной промышленности.

Нѣкоторыя газеты указываютъ, правда, что въ Россіи добыча нефти превосходитъ уже нѣсколько добычу въ Соединенныхъ Штатахъ, но означенные органы позабыли одно, что изъ каждаго пуда американской нефти получается въ три раза болѣе керосина, чѣмъ изъ русской. Слѣдовательно далеко еще то время, когда русскій керосинъ станетъ командовать всемірнымъ рынкомъ.

*
* * *

Вышеозначенная полемика прикрывалась защитой государственныхъ интересовъ, но конечно преслѣдовала совершенно другія цѣли. Обличители не знали очевидно, что бр. Ротшильдъ, умудренные опытомъ, никогда не стараются бороться съ шантажемъ, ибо если бы они показали видъ, что готовы идти въ сдѣлку, то въ одномъ Парижѣ основалось бы болѣе ста газетъ, чтобы получать подачки.

Курьезнѣе всего, что гг. шантажисты въ концѣ концовъ между собою перессорились и начали обличать другъ друга въ невѣжествѣ и недобросовѣстности. Зрѣлище этой братоубійственной войны было поучительно.

ИНОСТРАННОЕ УЧРЕДИТЕЛЬСТВО.

I.

Въ послѣднее время у насъ много было писано о необходимости скорѣйшаго пересмотра акціонернаго устава. Уставъ этотъ дѣйствительно очень устарѣлъ, почти не существуетъ и замѣняется отдѣльными уставами обществъ, все болѣе и болѣе совершенствовавшимися по указанію опыта. Надобно замѣтить однако, что стѣснительныя условія нынѣшняго разрѣшенія акціонерныхъ обществъ не помѣшали нисколько акціонернымъ горячкамъ, вспыхивавшимъ отъ времени до времени, какъ не помѣшали эти стѣсненія акціонернымъ кризисамъ въ 1859—1860, 1869, 1873—1876, 1886 и 1896—1901 годахъ.

За границею разные дѣйствуютъ законы, а акціонерныя увлеченія и крахи и тамъ постоянны. Поэтому видно, что суть дѣла не столько въ законахъ, сколько въ людяхъ и нравахъ. Да и законы заграницей далеко не всегда исполняются, все равно что и у насъ.

Я осматривалъ какъ-то «Ліонскій Кредитъ» въ Парижѣ, первое въ Европѣ по размѣрамъ частное кредитное учрежденіе, превосходно руководимое много лѣтъ подъ - рядъ г. Жерменемъ. Я разговорился въ правленіи объ исторіи общества. По уставу, оно считается ліонскимъ, а на дѣлѣ оно парижское, хотя въ Ліонѣ и собирается для декорации годовое общее собраніе.

— Если желаешь вести хорошо акціонерное дѣло, — сказалъ мнѣ по этому поводу одинъ изъ видныхъ членовъ правленія, — то прежде всего нужно позабыть уставъ. Жизнь говоритъ одно, а уставы другое...

Эти слова припомнились мнѣ въ виду розовыхъ надеждъ, возлагавшихся у насъ на ту или другую редакцію статей новаго закона¹⁾. Я прочелъ также въ одной газетѣ слѣдующія строки:

«Не подлежитъ сомнѣнію, что и теперь еще нашимъ капиталистамъ очень далеко до своихъ западно-европейскихъ коллегъ, которые имѣли возможность пріучиться и приглядѣться ближе къ акціонерному дѣлу, столь прибыльному и вмѣстѣ съ тѣмъ столь опасному. При отсутствіи всякаго правительственнаго попечительства, западная публика хорошо привыкла ворочать капиталами и сознательно хозяйничать ими, лично участвуя въ судьбахъ большихъ предпріятій, а не пре-

¹⁾ Со времени написанія этихъ строкъ у насъ появились временныя дополнительныя правила къ акціонерному уставу. Наскоро составленныя, правила эти не принесли никакой пользы и увеличили только формалистику.

доставляя это дѣло заправиламъ и жожакамъ, въ надеждѣ на опеку закона».

Такъ ли это? То есть дѣйствительно ли и за границей такъ уже сознательно хозяйничаютъ въ акціонерномъ дѣлѣ?

Случайно я просмотрѣлъ нѣсколько бельгійскихъ газетъ и почерпнулъ слѣдующія поучительныя свѣдѣнія о положеніи предпріятій, устроенныхъ въ Россіи иностранцами въ послѣднее время. Меня, конечно, болѣе всего интересовали горныя и горнозаводскія дѣла.

Считавшееся наиболѣе выгоднымъ горнымъ предпріятіемъ на югѣ Россіи, созданное обществомъ Societè «Днѣпровское металлургическое общество», такъ называемое «La Dnièroviènnè», на дивиденды котораго всегда ссылались публицисты, доказывавшіе выгоду помѣщенія въ Россіи иностранныхъ капиталовъ, несмотря на недавнее увеличеніе основного капитала, оказывается очень нуждающимся въ деньгахъ для дальнѣйшаго существованія; акціи его упали въ цѣнѣ на половину. Общество утѣшаетъ новѣйшихъ кредиторовъ тѣмъ, что оно перенесло уже благополучно острый кризисъ въ 80-хъ годахъ.

Французское «Донецкое общество» вотъ уже девятый годъ не даетъ никакого дивиденда, хотя постоянно имѣло казенные заказы и отлично управляется тѣми же лицами, которымъ принадлежитъ французское общество «Гута Банкова». Не даютъ дивиденда принадлежація той же группѣ «Ново-Радомское общество» и «Франко-Русское горное общество».

Это «сливки» иностранных горных и горнозаводских дѣлъ въ Россіи. Каковы же дѣла остальныхъ? Общество «Oural-Volga» находится въ администраціи; вмѣсто 4,000 рабочихъ у него работаетъ 1,200 и то съ грѣхомъ пополамъ; устроившій общество парижскій банкъ «Internationale» вынужденъ былъ ликвидироваться. Акціи устроеннаго обществами Крѣзо и Редель общества «Volga-Vichega» вмѣсто 730 франковъ за штуку стоятъ всего 30 франковъ, а обществу придется еще перенести свой Вижайскій заводъ на другое мѣсто.

Поратовскій заводъ того же богатѣйшаго общества Creusot остановленъ постройкою и болѣе 4 мил. руб. пропали. Погибли болѣе 18 мил. руб. французскихъ денегъ въ Керченскомъ заводѣ, потеряли также болѣе $\frac{3}{4}$ своего капитала французы, скупившіе акціи «Брянскаго общества».

Бельгійскій доменный заводъ «Верхне-Днѣпровскаго общества» закрылся; закрылись также два желѣзныхъ завода въ Одессѣ бельгійскихъ обществъ; остановленъ и бельгійскій заводъ «Алмазнаго акціонернаго общества». Французское общество «Кривої-Ког» остановило двѣ изъ своихъ доменныхъ печей; та же исторія и у бельгійскаго «Краматоровскаго общества». Французское общество «Hauts Fourneaux de Toula» закрыло свой заводъ и не платитъ процентовъ по облигаціямъ, а бельгійское общество «Липецкихъ горныхъ заводовъ» едва начало свои дѣйствія какъ остановило заводъ. Это то самое общество, которое арендо-

вало рудники г. Кожина. о чемъ было столько шума въ газетахъ. Извѣстно, что въ результатѣ заставили бельгійцевъ арендную плату крестьянамъ за ихъ руды увеличить вдвое противъ выговоренной Кожинымъ, но крестьяне не получаютъ ни прежней, ни новой платы.

Разорившееся и попавшее въ администрацію «Донецко-Юрьевское общество» также можетъ отчасти считаться иностраннымъ: оно было устроено при содѣйствіи бельгійскихъ и нѣмецкихъ капиталовъ и управлялось нѣмцами. Устроенныя бельгійцами общества «Charbonnages de Bielaïa» и Цементное дышуть на ладанъ; устроенное тѣмъ же капиталистами общество «Skalevatka» какъ-то испарилось, а принадлежащее равнымъ образомъ тѣмъ же лицамъ общество «Hauts Fourneaux de Bielaïa» не имѣетъ средствъ достроить заводъ и едва ли найдетъ ихъ при нынѣшнемъ положеніи вещей.

Фабрика общества «Ateliers Franco-Russe» закрылась, такъ какъ попытка слить ее съ обществомъ «Estampage du Donetz» не удалась. Собирается ликвидироваться и общество «Métallurgique du Nord». Оба эти общества бельгійскія, какъ равно и общества «Тквібовлі», остановившее свои работы, и «Mines de fer Rakhmanovka», слабо работающее. Общество «Constructions mécaniques du midi» не имѣетъ средствъ даже уплачивать жалованье своему правленію. Въ Николаевѣ же бѣдствуетъ огромный судостроительный заводъ бельгійскаго общества.

Бельгійское же общество «Produits réfractaires et ceramique de Vladimirovka» отказалось платить проценты по своимъ облигаціямъ и предлагаетъ владѣльцамъ послѣднихъ замѣнять ихъ привилегированными акціями. Бельгійское общество «Charbonnages Prokhorow», имѣя надобность въ оборотныхъ средствахъ, предложило своимъ облигаціонерамъ отказаться на четыре года отъ процентовъ, а затѣмъ обратитъ ихъ облигаціи въ привилегированныя акціи.

Бельгійское каменноугольное общество «Макеевка» желаетъ выйти изъ затруднительнаго финансоваго положенія арендою или продажею части своихъ копей. Очень плохо работаетъ и франко-бельгійское «Макеевское генеральное общество», приготавливающее чугуны, сталь и желѣзо. Французское общество «Nijni Krinka» окончательно обанкрутилось.

Бельгійское металлургическое общество «Providence Russe» въ Мариуполѣ прекратило платежи по облигаціямъ; общество это устроено извѣстнымъ обществомъ «Providence Belge», поддерживавшимъ его очень долго съ убыткомъ для акціонеровъ. Благодаря подобной же поддержкѣ крупныхъ бельгійскихъ обществъ «Ougrée» и «Charbonnages de Marihaue», общества «Таганрогское металлургическое» и «Успенское каменноугольное» не прекратили еще платежей по облигаціямъ, хотя работаютъ безъ выгоды. Въ затруднительномъ положеніи находятся и бельгійское горнопромышленное общество «Don-Donetz».

Къ этому длинному мартирологу иностранныхъ пред-

пріятій въ Россіи можно прибавить еще не мало другихъ дѣлъ: на Уралѣ—французскихъ платино и золотопромышленныхъ, англійскихъ нефтяныхъ на Кавказѣ и, кромѣ дѣлъ горныхъ въ другихъ мѣстахъ Россіи, еще дѣла стеклянныя, цементныя и пр. Между тѣмъ однихъ собранныхъ въ Бельгій капиталовъ помещено у насъ въ заводы, фабрики и рудники 852 мил. фр., или свыше 375 мил. рублей. Въ этомъ числѣ 729 мил. франк. было подписано самими бельгійцами.

То же касается и французскихъ капиталистовъ. Французы давно участвовали въ русскихъ промышленныхъ дѣлахъ, въ шелковомъ, бронзовомъ, химическомъ, парфюмерномъ и др. производствахъ, въ винодѣліи и проч. Въ русское горнозаводское дѣло французы вступили только въ 70-хъ годахъ по инициативѣ Збышевскаго и кн. Ухтомскаго, въ 80-хъ годахъ это участіе расширилось, а въ половинѣ 90-хъ годовъ приняло эпидемическій характеръ. Парижскіе и лійонскіе капиталисты и увлекли за собою бельгійскихъ и даже столь тяжелыхъ на подъемъ жевневскихъ.

Такъ какъ котировка иностранныхъ бумагъ на парижской биржѣ стоитъ очень дорого, то ея биржевой бюллетень не даетъ еще точнаго понятія о томъ, насколько заинтересованы французы въ русской промышленности. Участіе это гораздо крупнѣе однако, чѣмъ кажется, и лицъ, имѣющихъ у себя русскія промышленныя бумаги, множество, даже въ провинціи.

Денегъ найти во Франціи всегда не трудно. Около двухъ съ половиною милліардовъ франковъ лежатъ въ подвалахъ Французскаго банка безъ всякихъ процентовъ. Положимъ, значительная часть этихъ денегъ составляетъ какъ бы центральную кассу всѣхъ французскихъ банковъ и не можетъ быть никогда тронута, но остальная сума остается свободной, непродительной, потому что въ самой Франціи невозможно было бы приискать ей помѣщенія. Въ свои колоніи французы очень неохотно помѣщаютъ деньги, а внутри Франціи буквально нѣтъ почти мѣста новымъ дѣламъ. Постройки въ Парижѣ, нѣсколько электрическихъ обществъ, трамваи и автомобили—вотъ почти все, въ чемъ выразилось въ послѣднее время собственно французское предпринимательство. Заграница также мало привлекательна для французскаго капиталиста: война въ Трансваалѣ, кризисы въ Германіи и Америкѣ, застои дѣлъ въ Китаѣ, переходъ турецкихъ дѣлъ въ руки нѣмцевъ, а египетскихъ—въ руки англичанъ, все это удаляло отъ спекуляціи съ иностранными цѣнностями и отъ помѣщенія за моремъ французскихъ капиталовъ. Оставалась Россія и частью Испанія.

Бельгійцы и французы народъ очень дѣловой, бережливый, пожалуй даже скупой и осторожный, но очевидно, что вышеозначенныхъ франковъ французскіе и бельгійскіе карманы, за немногими исключеніями, никогда болѣе не увидятъ. Они прочно посѣяны на русской почвѣ и такимъ образомъ «сознательное хозяйничанье» если

и проявилось у иностранных акціонерныхъ заправиль, то въ отрицательномъ смыслѣ.

Они увлеклись именно въ учредительскомъ смыслѣ, потому что, за малыми изъятіями, въ техническомъ отношеніи всѣ иностранныя предпріятія были устроены весьма добросовѣстно, а нѣкоторыя даже образцово. Забыли самое главное—изучить русскій рынокъ, столь мало растяжимый и столь скудный. О Россіи все еще судятъ, глядя на карту и поражаясь площадью Якутской области, Туруханскаго края и другихъ мѣстностей, гдѣ никто не живетъ.

Во всякомъ случаѣ не трудно было сообразить, что если потребленіе металловъ въ Россіи за сорокъ лѣтъ, несмотря на сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, только удвоилось, то не могло оно въ десять лѣтъ ни съ того, ни съ сего уцѣтериться.

II.

Убытки иностранцевъ въ Россіи упорно однако отрицались нѣкоторою частью печати. Въ № 9246 «Новаго Времени» я прочелъ слѣдующее:

Между бельгійскими капиталистами и русской публикою пробѣжала черная кошка. Бельгійцы разочарованные во всемъ винятъ «русскій кризисъ», публика обманутая обвиняетъ бельгійцевъ, умудрившихся, по словамъ одной изъ газетъ, «обобратить наивную публику на грандіозную сумму въ два почти милліарда франковъ, т.-е. въ пятьсотъ почти милліоновъ рублей». Правда ли это и неужели дѣйствительно наивность нашей публики обошлась ей въ пятьсотъ милліоновъ рублей? Отрицать эту наивность однако нельзя...

Но если дѣйствительно бельгійцы похитили 500 милліоновъ рублей и отрицать-де этого нельзя, то почему же не обращаются къ прокурорамъ, на обязанности которыхъ по закону главнымъ образомъ лежитъ охраненіе государственныхъ и частныхъ интересовъ?

Объ этомъ воровствѣ «Вѣстникъ Финансовъ Промышленности и Торговли» сообщилъ однако совсѣмъ другія свѣдѣнія. По его исчисленію не видно, чтобы маленькая Бельгія такъ ужъ обидѣла большую Россію; курсовая стоимость франко-бельгійскихъ промышленныхъ бумагъ, помѣщенныхъ въ Россіи, составляла на 15-е октября новаго стиля въ:

	1899.	1901.	Пониженіе тысячъ франковъ. въ %
50 металлургическихъ и механическихъ обществъ	862,043	298,069	65
19 каменноугольныхъ обществъ	347,148	185,957	46
6 стеклопр. общ.	17,987	3,632	79
7 газовыхъ и электрическихъ общ.	36,820	13,140	64
8 строительныхъ обществъ	8,794	3,092	65
8 разныхъ обществъ	43,540	32,402	25
Итого	1.316,332	536,292	59

Надобно замѣтить, что доля бельгійскихъ капиталовъ, помѣщенныхъ въ русскія предпріятія, значительно превосходитъ долю французскихъ капиталовъ. Едва ли будетъ ошибкой сказать, что взаимное ихъ участіе соотвѣтствуетъ отношенію въ 75 : 25, а если присоединить къ этому многочисленныя общества трамваевъ, созданныя бельгійцами въ Россіи, то пропорціональное отношеніе еще болѣе увеличится въ пользу бельгійскихъ капиталистовъ.

Съ тѣхъ поръ основные капиталы франко-бельгійскихъ обществъ въ Россіи еще увеличились, а курсъ акцій еще значительно упалъ противъ исчисленнаго въ «Вѣстникѣ», согласно расчету «Moniteur des intérêts matériels». Не стоитъ конечно и говорить о 1895—1897 гг., когда акціи, стоящія теперь 15—16 франковъ за штуку, ходили съ преміей.

Во всякомъ случаѣ и безъ означенныхъ поправокъ выходитъ на повѣрку, что бельгійцы только за два года потеряли у насъ 685.040,000 франковъ или около 244 милліоновъ рублей. что не совсѣмъ сходится съ исчисленными «одною изъ газетъ» 500 милліонами, будто бы выуженными въ Россіи тѣми же бельгійцами.

Я не отрицаю, что иностранцы лѣзли къ намъ нерѣдко очертя голову, и указалъ выше, что въ значительной степени виноваты ихъ учредители и биржевые дѣльцы; но если рѣчь идетъ собственно о потеряхъ, то справедливость требуетъ сказать, что потери эти, что касается иностранныхъ обществъ, легли главнымъ образомъ на Бельгію и Францію и въ сравнительно малой степени на Россію.

По этому поводу не лишне обратить вниманіе, что, вопреки общераспространенному мнѣнію, будто Западъ цивилизованнѣе, а поэтому ловчѣе Востока, у насъ искусство «нагрѣванія» оказалось тѣмъ выше, чѣмъ болѣе удалялись у насъ отъ Запада и приближались къ берегамъ Тихаго океана.

Поляки поуступали свои земли нѣмцамъ сравнительно дешево. Знаменитое Сосновицкое имѣніе, стоя-

щее теперь десятки милліоновъ, пруссакъ фонъ-Крамста купилъ въ Вѣнѣ въ гостинницѣ у какого-то поляка за безцѣнокъ, не сдѣлавъ даже купчей крѣпости.

На Югѣ даже захолустныя помѣщицы, имѣвшія ранѣе нѣсколько сотенъ рублей годового дохода отъ своихъ имѣній, съ честью подвизаются теперь въ Монте-Карло. Я какъ-то спросилъ на Кривомъ Рогѣ: «Гдѣ хозяинъ маленькой усадьбы?» — «Онъ уѣхалъ на дачу на мысъ Доброй Надежды», — отвѣчали мнѣ!

На Кавказѣ за передачу контракта на аренду крошечнаго убыточнаго завода заплатили полтора милліона, а нефтяные промыслы, пріобрѣтенные за 800,000 руб., расцѣнены были для акціонернаго общества въ 27 милліоновъ.

На Уралѣ наука пошла еще выше. Въ одномъ дѣлѣ было уплачено нѣкіимъ мѣстнымъ капиталистамъ въ сообществѣ съ португальскимъ (вонъ оно куда пошло!) дворяниномъ, семь милліоновъ за то, что не стоило и милліона, причемъ не осталось въ кассѣ ни гроша на обороты. Но это еще ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлали относительно другого общества, купившаго за громадныя деньги вполнѣ истощенныя золотыя разсыпи въ надеждѣ, что въ жилахъ еще будто бы много золота! Французскіе инженеры замедлились въ Парижѣ на два мѣсяца, пріѣзжаютъ на мѣсто: голая, какъ ладонь, степь! Оказывается, что продавецъ, вѣроятно, соскучившись дожидаться, продалъ въ свою пользу на дрова и сvezъ всѣ рудничныя и жилыя постройки!

Но рекордъ побили сибиряки. «Дошлый» народъ, какъ говорятъ въ Сибири! Золотое дѣло, заявка на которое куплена была по слухамъ за 10 руб., продали за 3¹/₂ милліона рублей и на удочку попались не только французы и бельгійцы, но и евреи и греки и даже отечественные кулаки. Подвиги Алчевскаго всѣмъ памяты.

Въ одной газетѣ я какъ-то читалъ, что во время знаменитаго краха Панамскаго канала разговаривала у насъ компанія. — «Вотъ вѣдь во Франціи каковъ народъ, — сказалъ нѣкто, — хватили сразу милліардъ франковъ: гдѣ же бы это у насъ сдѣлали?» — Люди нашлись бы, канала нѣтъ! — замѣтилъ со вздохомъ одинъ купецъ.

Въ 1894—1898 годахъ повидимому и у насъ отыскался свой «каналъ».

нѣшнемъ году, какъ извѣстно, дѣло пошло еще хуже, чѣмъ въ 1900 г.: бумаги еще болѣе упали, потребление сократилось и затрудненіе промышленности еще яснѣе обозначилось.

Этотъ (1899) годъ отмѣченъ былъ кризисомъ капиталовъ, обнаружившимся съ особенной силой въ послѣдней трети года. Сразу, неожиданно для огромнаго большинства публики, даже дѣловой, обнаружилось острое недомоганіе, причиненное недостаткомъ оборотныхъ капиталовъ, осложнившимся у насъ сильнымъ сокращеніемъ кредита на рынкѣ. Государственному банку пришлось выдержать натискъ требованій на капиталъ...

Послѣ лихорадки 1899 года наступило паденіе пульса и пониженіе температуры, соединенное съ недомоганіемъ, происходящимъ отъ анеміи, въ данномъ случаѣ отъ недостатка капиталовъ. Въ послѣднемъ увѣрились и тѣ, которые въ предыдущемъ году думали, что вся бѣда произошла отъ случайныхъ причинъ и скоро пройдетъ. Наступилъ періодъ апатіи и разочарованія. Равнодушіе и недоувѣріе охватили всѣ отрасли дѣятельности. Но рядомъ съ недостаткомъ капиталовъ обнаружилось и перепроизводство въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, которые удивляли міръ быстрымъ бѣгомъ впередъ. Это обстоятельство оказало особенно сильное вліяніе на настроеніе рынка, такъ какъ оно не могло быть причислено къ скоро преходящимъ явленіямъ...

Кому же вѣрить—г. В. Р. С. или спеціальному органу? Я думаю, скорѣе послѣднему, потому что въ подтвержденіе своихъ смѣлыхъ, хотя быть можетъ и доброжелательныхъ выводовъ, иностранный публицистъ приводитъ весьма оригинальныя доказательства.

Вотъ его разсужденія. Казенныхъ и ипотечныхъ бумагъ у насъ около десяти милліардовъ; онѣ, поло-

жимъ, упали, но въ Англии—ведущей, замѣтимъ, войну—казенныя бумаги упали еще сильнѣе. Значитъ кризиса нѣтъ. Хорошо выводъ! Напоминаетъ очень разсужденія чловѣка, который на замѣчаніе, что Иванъ Петровичъ глупъ, отвѣчаетъ: нѣтъ, онъ уменъ, потому что Иванъ Ивановичъ его глупѣе.

Такова же убѣдительность доводовъ г. В. Р. S., что желѣзнодорожныя бумаги у насъ не понизились, такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ онѣ понижались еще сильнѣе... въ 1893 году!

За вычетомъ казенныхъ ипотечныхъ бумагъ, по мнѣнію публициста, остаются какіе-то пустяки, всего 2.610.000,000 руб. частныхъ бумагъ, акцій и облигацій, въ томъ числѣ 550 мил., принесенныхъ иностранцами. Да и принесены ли они были? Авторъ думаетъ, что много-много отъ иностранцевъ перепали какіе нибудь 325 мил. руб. Une misère!

Для частныхъ людей триста милліоновъ, а тѣмъ болѣе два съ половиною милліарда рублей, сумма не маленькая, а особенно въ Россіи, и стоитъ заняться ея судьбою даже и безъ «ловкихъ ученыхъ маневровъ» тридцати чловѣкъ, «сѣющихъ вѣтеръ».

Г-нъ В. Р. S. успокоиваетъ однако читателей нашей французской газеты, что объ означенныхъ милліардахъ беспокоиться нечего.

Онъ дѣлаетъ уступку только по части облигацій промышленныхъ обществъ. Десять или пятнадцать мил. изъ нихъ погибли, 20 или 30 рискуютъ потеряться. Это конечно много, зато остальные цѣлы,

хотя облигаціи трудно продать безъ потери, если бы кто пожелалъ это сдѣлать. Г-нъ В. Р. С. забываетъ еще болѣе важное обстоятельство, что благодаря потерѣ 30—45 мил., о которыхъ онъ такъ легко говоритъ, теперь нельзя думать помѣстить новыя промышленныя облигаціи, а между тѣмъ наши промышленныя предпріятія очень нуждаются въ такомъ помѣщеніи, имѣя безусловную необходимость консолидировать свои долги. Теперь общества съ 10 и болѣе мил. руб. вексельнаго и контокурентнаго долга вовсе не рѣдкость, что совершенно ненормально.

Страданіе собственно акціонеровъ нашъ публицистъ вовсе отрицаетъ и приводитъ для этого таблицы, потребовавшія для вычисленія цифрнаго труда, которыя однако ровно ничего не доказываютъ¹⁾. Г-нъ В. Р. С. беретъ все «среднія», ловко играя цифрами. Но въ болѣзненныхъ явленіяхъ среднія величины играютъ мало значенія. Отъ чумы умираетъ въ среднемъ въ тысячу разъ менѣе, чѣмъ отъ несваренія желудка или тифа, между тѣмъ всѣ, и основательно, боятся чумы.

Въ извѣстномъ романѣ Диккенса «*Heard Times*» учитель въ женскомъ пансіонѣ доказываетъ, что Англія великая страна, потому что въ среднемъ на тысячу

¹⁾ Тѣ же расчеты помѣщены въ статьѣ подъ нѣскольکو ироническимъ заглавіемъ «*Ce qu'on appelle en Russie des dividendes de crise*» въ «*Bulletin Russe de Statistique financière et de législation*» и принадлежатъ очевидно одному и тому же перу.

душъ умираетъ въ ней съ голоду только 5 человѣкъ, а тонутъ на корабляхъ 2 человѣка. На что дѣвочки весьма резонно замѣчаютъ: «Но отъ этого никому не легче. Тѣмъ, которые умираютъ съ голода, все-таки больно, а родителямъ жалко тѣхъ дѣтей, которыя тонутъ».

Средними цифрами злоупотреблять очень легко. Въ Россіи, напримѣръ, имѣется 4 резиновые мануфактуры, одна изъ нихъ даетъ 90 капит. проц. прибыли, остальные не даютъ ничего или мало; въ среднемъ выходитъ барышъ 22 проц. Резиновое производство значитъ очень выгодное; въ дѣйствительности оно вовсе не такъ выгодно, потому что три четверти фабрикъ существующихъ болѣе десяти лѣтъ, не даютъ барышей. Еще менѣе справедливы среднія для общихъ итоговъ. Оттого что, напримѣръ, сахарное дѣло даетъ хорошіе барыши, положеніе владѣльцевъ нефтяныхъ акцій не можетъ уллучшиться и не стануть они ликовать, когда нужно плакать.

Но со своими средними г. В. К. S. не убѣдилъ бы не только дѣвочекъ въ англійскомъ пансіонѣ, но не убѣждаетъ и насъ грѣшныхъ. Вычисленія его его же и побиваютъ. Складывая всѣ общества, давшія дивидендъ, выходитъ, что послѣдній былъ въ среднемъ: въ 1899 г.—11,53 проц., въ 1900 г.—10,372 проц., въ 1901 г.—6,746 проц. Ухудшеніе значитъ постоянное и весьма чувствительное, болѣе чѣмъ на 40 проц. въ два года.

Положеніе промышленности видно и изъ того, что не дало вовсе дивиденда:

	Обществъ	съ капиталами мил. руб.
1899	228	307
1900	229	401
1901	334	485

Прогрессія къ худшему и здѣсь очевидная, тѣмъ болѣе, что за 1901 г. свѣдѣнія имѣются только за 8 мѣсяцевъ и слѣдовательно болѣе 500 мил. руб. остаются непроизводительными, а съ судьбою заводовъ связана участь и служащихъ, и рабочихъ, и поставщиковъ, и кредиторовъ, и всего окрестнаго населенія. При этомъ въ 1901 г. дивиденды выданы за операціи не этого года, а 1900 г.; ясно, что за операціи собственно 1901 г. дивиденды будутъ еще слабѣе; нефтяное дѣло напр. въ 1900 г. было еще однимъ изъ лучшихъ, теперь же оно стало однимъ изъ наименѣе выгодныхъ.

Но и цифры за 1898—1900 операціонные годы сами по себѣ вовсе неутѣшительны. Не только 6, но и 8 проц. вовсе нельзя считать у насъ достаточнымъ барышомъ для промышленныхъ предпріятій. У насъ не Англія, гдѣ учитываютъ векселя изъ $1\frac{1}{2}\%$ годовыхъ. Промышленная дѣла должны приносить не менѣе 10 процентовъ, какъ потому, что иначе капиталисту выгоднѣе помѣщать капиталы въ облигаціяхъ и ипотечныхъ бумагахъ и спокойно стричь купоны, такъ и потому, что въ промышленности періодическіе кризисы неизбежны и съѣдаютъ значительную часть вложенныхъ капиталовъ, а потому предприниматели должны заранѣе застраховать себя отъ потерь.

Въ Бельгіи вычислено, что промышленные кризисы повторяются въ среднемъ каждыя десять лѣтъ. У насъ биржевые, т. е. въ сущности тѣ же промышленные, крахи повторяются еще чаще, биржа только термометръ. За сорокъ лѣтъ кризисъ повторился уже семь разъ въ крупныхъ размѣрахъ. Для горнозаводской (металлургической) промышленности, теперь одной изъ наиболѣе пострадавшихъ, кризисы тоже не новость. Они были уже въ XVIII столѣтіи при Елисаветѣ, при Екатеринѣ (дважды), въ 1858 г. и съ 1863 г. вплоть до 90 годовъ прошлаго столѣтія.

Слѣдовательно лѣзть изъ кожи и доказывать вопреки очевидности, что кризиса нѣтъ или быть не можетъ, а что есть какіе-то *baseurs de prospectus*, совершенно напрасный трудъ. Нужно думать, что офіціальныя разсужденія его назначены не для немногочисленныхъ читателей нашей французской газеты, а для мороченія заграничной публики. Но на Западѣ давно разучились считать на пальцахъ и въ ариѳметикѣ, охъ, какъ крѣпки!

ФИКСАЦІЯ ДИВИДЕНДОВЪ.

Однимъ публицистомъ по поводу пересмотра у насъ тарифовъ на перевозку хлѣбныхъ грузовъ высказывалась мысль, что такъ какъ желѣзныя дороги не предоставлены въ полную собственность желѣзнодорожныхъ обществъ, то правительство имѣетъ право опредѣлить извѣстный предѣлъ ихъ доходности. «Предѣлъ этотъ, т.-е. предѣлъ чистаго дохода, можетъ превышать размѣръ дохода, выплачиваемаго государствомъ по государственнымъ займамъ, но онъ не долженъ доходить до 10—15 и болѣе процентовъ чистаго дохода на первоначально затраченный капиталъ».

Мнѣ кажется, что подобная мысль очень опасна для частныхъ интересовъ, если бы ею вдохновились лица власть имѣющія. Фиксація желѣзнодорожныхъ дивидендовъ, нарушая права собственности, была бы не въ интересахъ государства, такъ какъ представляла бы проявленіе грубаго произвола и послужила бы весьма нежелательнымъ прецедентомъ.

Желѣзныя дороги—предпріятія монопольныя, но по срокъ ихъ выкупа или окончанія концессіи представляютъ предпріятія частной собственности, подобно множеству другихъ предпріятій, существующихъ съ разрѣшенія правительства, и тѣмъ не менѣе имѣющихъ всѣ признаки частной собственности.

Какъ предпріятія монопольныя, желѣзныя дороги должны, конечно, подчиняться извѣстнымъ ограниченіямъ, но эти ограниченія могутъ быть только въ интересахъ общества; никакое же благоустроенное общество не заинтересовано въ томъ, чтобъ промышленныя предпріятія приносили какъ можно менѣе дохода. Напротивъ, сумма частныхъ богатствъ и составляетъ общее богатство—богатство страны.

Въ виду монопольности дорогъ, правительство ограничило ихъ барыши установленіемъ при самой выдачѣ концессіи максимальныхъ тарифовъ; правительство имѣетъ также право выкупа доходныхъ дорогъ, мало того—по новому закону, сочиненному Вышнеградскимъ уже послѣ концессій, дороги должны дѣлиться доходами съ другими линіями, если отвлекаютъ отъ нихъ искусственно грузы. Идя еще далѣе, правительство ограничило и право дорогъ понижать тарифы, такъ какъ пониженія, хотя представляются выгодными для частныхъ лицъ, могутъ поощрять интересы извѣстныхъ мѣстностей въ ущербъ другихъ, иностраннаго привоза въ ущербъ внутренняго производства и т. п. Но руководство тарифами не предполагало никогда вмѣшательства правительства въ нормальныя приращенія цѣнности

дорогъ, приобрѣтаемыя отъ общаго повышенія цѣнъ недвижимой собственности въ государствѣ. Увеличилась же за послѣднія тридцать лѣтъ цѣнность не только построенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но и множества другихъ предпріятій, что зависѣло отъ общеизвѣстныхъ экономическихъ законовъ.

Политическая экономія учитъ насъ, что чистый доходъ складывается изъ различныхъ элементовъ: вознагражденія предпринимателя, процента собственно на затраченный капиталъ и ренты. Повышеніе послѣдней зависитъ отъ условій, которыя внѣ воли и желѣзныхъ дорогъ, и правительства, но рента, тѣмъ не менѣе, является законной и не можетъ быть конфискована у дорогъ, какъ и ни у какого другого частнаго предпріятія. Если за тридцать лѣтъ, что построены наши доходныя дороги, цѣнность ихъ акцій, т.-е. цѣнность части, а слѣдовательно и всего предпріятія, повысилась въ нѣсколько разъ, то соотвѣтственно повысилась и цѣнность земель, прорѣзываемыхъ дорогами. Правительство такъ же не имѣетъ права ограничивать доходность первыхъ, какъ и послѣднихъ. Есть не мало лицъ, которыя помнятъ, на примѣръ, что въ мѣстности, гдѣ теперь вокзалъ Николаевской дороги, были болотистые пустыри; бывшіе пустыри стоятъ рублей триста за квадратную сажень безъ всякой воли владѣльцевъ. Неужели правительство можетъ подѣлиться подобнымъ возвышеніемъ цѣнности земли? Въ Херсонской губерніи въ концѣ XVIII столѣтія, земля стоила гривенникъ десятина, а теперь

стоитъ 150 руб.; еще въ началѣ 50-хъ годовъ цѣнность земли не превосходила тамъ 25 руб. за десятину; я знаю семейства, которыя наследственно владѣютъ тамъ землею болѣе вѣка; такимъ образомъ, считая десять руб. арендной платы, они получаютъ на свой капиталъ (предполагая даже, что купили имѣніе не при Павлѣ I, а въ Крымскую войну) 40⁰/₀. Почему этотъ процентъ болѣе законенъ, нежели полученіе дорогами, построенными въ началѣ 60-хъ годовъ, 15⁰/₀?

Въ дѣйствительности у насъ такой высокій процентъ получается по желѣзнодорожнымъ акціямъ очень немногими лицами, случайно сохранившими свои акціи со времени постройки дорогъ, какъ и высокій доходъ отъ земли людьми, сохранившими ее наследственно. Для огромнаго же большинства лицъ, къ которымъ акціи перешли черезъ десятыя руки, процентъ по нимъ не превосходитъ 5⁰/₀, т.-е. представляетъ весьма нормальное вознагражденіе за вложенный капиталъ. Уничтоженіе въ доходѣ предпріятія элемента ренты равносильно было бы для этихъ лицъ отнятію значительной части ихъ имущества, между тѣмъ они рентою вовсе не пользуются. Ее капитализировали и учили предыдущіе владѣльцы акціи.

Тотъ фактъ, что желѣзнодорожныя бумаги повысились особенно въ послѣдніе годы, также ровно ничего не доказываетъ. Какъ извѣстно, такое повышение произошло отъ конверсій государственныхъ займовъ и повсемѣстнаго пониженія процентовъ. При этомъ

произошла переоцѣнка всѣхъ процентныхъ бумагъ. Выигрыша для капиталистовъ тутъ ровно никакого не было, такъ какъ доходы нисколько не увеличились, хотя нельзя отрицать, что биржевая игра на разницу цѣны воспользовалась подобнымъ явленіемъ. Но параллельно съ повышеніемъ курса частныхъ бумагъ отъ пониженія процентовъ по государственнымъ бумагамъ повысились и другія имущества: дома, фабрики и пр., такъ какъ естественно, что если бы цѣнность ихъ не повысилась, то каждый предпочелъ бы продать свои бумаги и сохранить свой прежній доходъ, пріобрѣтая недвижимое имущество. Слѣдовательно, и здѣсь представляется явленіе весьма нормальное.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, нельзя у желѣзныхъ дорогъ, при обсужденіи провозныхъ тарифовъ, отнять право заботиться о сохраненіи своихъ дивидендовъ. Пониженіе тарифовъ и разныя облегченія въ провозѣ хлѣба могутъ быть сдѣланы къ обоюдной пользѣ и производителей, и перевозчиковъ; въ этомъ и состоитъ задача тарифныхъ учрежденій, которыя ее иначе не понимаютъ. Но было бы очень незамысловато взять извѣстную сумму изъ кармана одной части населенія Россіи и отдать другой, подъ предлогомъ, что у первой денегъ, будто бы, слишкомъ много, а у послѣдней недостаточно. Дѣло еще усложняется и другими весьма важными соображеніями. Даже лишая владѣльцевъ акцій дорогъ части ихъ законнаго барыша, надобно имѣть полное убѣжденіе, что отъ сбавокъ въ такомъ смыслѣ выиграютъ про-

изводители, а не посредники на мѣстѣ и въ портахъ или иностранные потребители. Затѣмъ. понижая искусственно цѣнность желѣзнодорожныхъ акцій. повсюду почитаемыхъ солиднымъ помѣщеніемъ, мы заставимъ людей, ищущихъ подобнаго помѣщенія. обратиться къ покупкѣ вмѣсто нихъ акцій банковыхъ и страховыхъ, т.-е. совершенно искусственно повысимъ цѣнность послѣднихъ и обогатимъ ихъ нынѣшнихъ владельцевъ. Или, можетъ быть, слѣдую строго логическому пути, авторъ проекта пожелаетъ фиксировать и барыши послѣднихъ? Но тогда гдѣ предѣлъ вмѣшательства правительства въ частную жизнь?

БИРЖЕВАЯ СПЕКУЛЯЦІЯ И ОНЪ-КОЛЬ.

Я прочелъ внимательно полемику о такъ называемыхъ онъ-кольныхъ счетахъ и нахожу, что весь споръ шелъ болѣе изъ-за недоразумѣній и бѣднѣй онъ-коль, ставшій столь популярнымъ, что его знаютъ теперь даже «дамы, пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ», рѣшительно не причемъ.

Газеты обвиняютъ петербургскіе частныя банки въ поощреніи биржевой игры помощью расширенія ссудъ по онъ-кольнымъ счетамъ на счетъ учета торговыхъ и промышленныхъ цѣнностей. Откуда выводъ, хотя прямо не формулированный, стѣснить или уничтожить означенную операцію ¹⁾).

¹⁾ Означенныя стѣсненія и воспослѣдовали и въ административномъ и въ законодательномъ порядкѣ и, конечно, остались совершенно безрезультатными. Никакого «оздоровленія рынка» не послѣдовало, но крахъ еще усугубился. Тотъ же результатъ имѣли и попытки реформировать биржевые порядки и направлять публику офиціозными совѣтами, какъ лучше помѣщать капиталы.

На это можно возразить слѣдующее: биржевая игра и счетъ *on call* вовсе не есть нѣчто одно изъ другого вытекающее. Во Франціи, на примѣръ, биржевая игра во сто разъ крупнѣе нашей, а счетовъ *on call* почти не существуетъ, по крайней мѣрѣ для игры; для этого имѣется сложная система репоровъ и депоровъ, премій, обезпеченія разницы и т. д. Уничтожая счета *on call*, мы не уничтожимъ, слѣдовательно, игры: она будетъ производиться, только въ другой формѣ.

Между тѣмъ онъ-кольная операція, заимствованная у насъ изъ Германіи, хотя выдумали ее въ Англіи, представляетъ для всѣхъ капиталистовъ огромнѣйшія и незамѣнимыя удобства. Она позволяетъ имѣть въ лицѣ банка, такъ сказать, дарового кассира; банкъ хранитъ ваши бумаги, получаетъ по купонамъ, слѣдитъ за тиражами, страхуетъ билеты, когда нужно, ссужаетъ деньгами подъ ваши бумаги для оплаты чековъ (которые замѣняются простыми записками), переводовъ, покупки новыхъ бумагъ и т. п. Чего же лучше и проще? И для чего лишать публику такого удобства, оплачиваемаго кстати сказать налогами въ пользу казны.

Если онъ-коль хорошъ, то и биржевая игра имѣетъ если не свои достоинства, то свой *raison d'être* и свои выгоды, настолько существенныя, что если бы сразу биржевую игру на всѣхъ биржахъ убить, то всѣ правительства, можно сказать, если не обанкротились бы, то остались бы безъ кредита; всякія крупныя кредитныя операціи стали бы невозможными.

а слѣдовательно нельзя было бы ни дѣлать воору-
женій, ни строить желѣзныхъ дорогъ и пр. Биржевая
игра, какъ всѣ игры, основана на врожденномъ же-
ланіи человѣка нажить деньги, въ данномъ случаѣ—
отъ повышенія цѣны бумагъ. Но означенное стрем-
леніе, быть можетъ и не строго согласующееся съ
евангельскою моралью, рекомендующею не увеличи-
вать своего имѣнья, а раздавать его бѣднымъ (чего,
впрочемъ, не дѣлаютъ не одни биржевые игроки и
онѣ-колисты), и позволяетъ выпускать на биржѣ
новыя бумаги. Ихъ берутъ потому, что надѣются на-
жить на нихъ болѣе, чѣмъ отъ прежнихъ бумагъ.
Если же брать не будутъ, то ни одно новое акціо-
нерное предпріятіе, въ сколько нибудь значительныхъ
размѣрахъ, ни одинъ правительственный заемъ осу-
ществиться не могли бы.

Поэтому-то сколько ни говорятъ и ни пишутъ о
вредѣ биржевыхъ спекуляцій и о необходимости ихъ
обуздать и регулировать, но рѣшительныхъ мѣръ про-
тивъ этихъ спекуляцій не предпринимается нигдѣ.
Такія мѣры были бы равносильны убійству курицы,
несущей золотыя яйца.

Это не значитъ, однако, что правительство должно
оставаться равнодушнымъ. Хорошими акціонерными,
биржевыми и банковыми законами оно можетъ отча-
сти содѣйствовать тому, чтобы публика не обма-
нывалась безсовѣстными учредителями, чтобы коти-
ровка бумагъ была честная, чтобы биржевыя операціи
несли налоги, какъ и другіе виды торговли, и чтобы
банки обезпечивали вѣрное храненіе ввѣряемыхъ имъ

суммъ строгою оцѣнкою принимаемыхъ къ учету бумагъ. Не слѣдуетъ только и въ этомъ случаѣ chercher midi à quatorze heures. Скорѣе тутъ можетъ помочь періодическая печать. Ея критика учредительскихъ махинацій и всяческихъ биржевыхъ маневровъ, критика своевременная и гласная, гораздо болѣе существенна для предостереженія публики, чѣмъ ревизія банковъ, хотя бы и самая строгая, со стороны чиновниковъ. Извѣстно, что нерѣдко вопіющія дѣла ведутся при строжайшемъ соблюденіи формъ.

Если же биржа безусловно необходима для реализаціи государственныхъ и частныхъ бумагъ и для дальнѣйшаго ихъ размѣщенія (classement) по карманамъ публики, то естественно, что въ столицѣ и банки принаравливаютъ свою дѣятельность къ этого рода операціямъ. Люди несвѣдущіе думаютъ, что разъ заемъ или акціонерный капиталъ подписанъ, то уже и дѣло въ шляпѣ; между тѣмъ между этимъ покрытиемъ и дѣйствительнымъ помѣщеніемъ въ извѣстныя бумаги народныхъ сбереженій проходятъ годы, а иногда и многіе годы, и не только у насъ, но и за границею. Банки и играютъ тутъ роль посредниковъ.

Въ балансѣ Государственнаго банка показывается всегда болѣе сотни милліоновъ рублей бумагъ, принадлежащихъ банку. Что это означаетъ? Вѣдь и банкъ и правительство очень нуждаются и въ деньгахъ, и въ оборотныхъ средствахъ? А то, что нельзя въ каждую минуту реализовать находящіяся въ портфель цѣнности, а лучше продержатъ ихъ до благопріятнаго момента.

Въ Петербургѣ, кромѣ указанной причины: тѣсной связи банковъ съ эмиссіонной операціей правительства и акціонерныхъ обществъ, на относительное развитіе ссудъ подъ бумаги, сравнительно съ торговымъ учетомъ, вліяетъ и то, что наша столица недостаточно крупный торговый центръ и вовсе не центръ внутренней торговли Россіи.

Изъ петербургскихъ банковъ одинъ Волжско-Камскій находится въ тѣсной связи съ внутренней торговлей, другіе устраиваютъ отдѣленія, но это въ Россіи вовсе не такое легкое дѣло. Затѣмъ, внутренняя торговля и мануфактурная промышленность регулируются болѣе изъ Москвы. Царство Польское, Прибалтійскій край, югъ Россіи имѣютъ свои кредитныя учрежденія. Самъ Петербургъ, его торговля, фабрики и заводы не доставляютъ достаточно работы, хотя банки не пренебрегаютъ даже и векселями гостинодворскихъ лавочниковъ.

Это покажется, быть можетъ, мало вѣроятнымъ, такъ какъ нужда въ деньгахъ какъ будто бы всеобщая, но для банковъ мало еще найти охотниковъ занять деньги, надобно еще, чтобы кредитъ былъ обезпеченъ, а это не такъ просто, какъ кажется. Вотъ этотъ рискъ потерь и мѣшаетъ организаціи отдѣленій банковъ въ нашей бѣдной провинціи. Послѣдніе имѣютъ еще другое неудобство—это, что, при медленности сообщеній, у насъ удивительная медленность въ движеніи капиталовъ: деньги, розданныя, напримѣръ, въ Сибири или на Кавказѣ, и въ два года не вернутся

въ Петербургъ, а между тѣмъ по характеру нашей торговли (огромныя закупки хлѣба, нижегородская ярмарка и пр.) потребность въ деньгахъ въ Россіи обыкновенно бываетъ внезапная и неотложная. Эта внезапность и была причиною, по которой Государственный банкъ, являющійся источникомъ капиталовъ для частныхъ банковъ, не въ состояніи былъ долгіе годы прекратить временныя выпуски кредитныхъ билетовъ, да и теперь онъ безъ нихъ не обходится, хотя и въ другой формѣ.

Когда существовала спекуляція на рубль (уничтоженная рѣзкими мѣрами покойнаго Вышнеградскаго и г. Витте), берлинскіе капиталисты имѣли здѣсь въ банкахъ до 15 мил. руб. денегъ для этого рода игры. При прекращеніи спекуляціи означенныя деньги ушли за границу, такъ какъ выгоднаго помѣщенія имъ не оказалось, а для нѣмцевъ, конечно, было все равно, на чемъ бы ни наживать деньги.

Дѣятельность петербургскихъ банковъ ограничивается еще и по другимъ причинамъ. Курсовыя операціи (въ видахъ пресѣченія игры на рубль) перешли въ Государственный банкъ. Прежде банки имѣли также большія выгоды, потому что были кассирами желѣзныхъ дорогъ и производили за ихъ счетъ денежныя операціи. Теперь половина желѣзнодорожной сѣти стала казенною, а кассиромъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ сдѣланъ обязательно Государственный банкъ и только въ видѣ награды министръ финансовъ даетъ частнымъ банкамъ право подержать временно деньги послѣднихъ.

ХАРЬКОВСКАЯ БИРЖА.

Въ статьѣ моей «Металлургическія мечтанія»¹⁾ я высказалъ, что при благопріятныхъ конъюнктурахъ вывозъ изъ Россіи металловъ и угля быстро установится и безъ такихъ бюрократическихъ выдумокъ, какъ харьковская каменноугольная и желѣзоторговая биржа. «Торгово-Промышленная Газета» ее похваливаетъ, а ей, бѣдной, по ничтожности оборотовъ нечѣмъ, оказывается, заплатить даже своей канцеляріи и она проситъ субсидіи у южнаго горнопромышленнаго съѣзда. Это замѣчаніе вызвало возраженіе почтеннаго предсѣдателя комитета харьковской каменноугольной и желѣзоторговой биржи.

Г. Долгово - Сабуровъ объясняетъ недостатокъ средствъ харьковской биржи тѣмъ, что куртажи за торговыя сдѣлки получаютъ всецѣло маклера, а регистрація сдѣлокъ производится бесплатно; биржевой комитетъ просилъ у горнопромышленнаго съѣзда не

¹⁾ См. ниже отдѣлъ о металлургическомъ кризисѣ.

субсидіи, а аванса. Затѣмъ, по мнѣнію предсѣдателя, я немного ошибаюсь въ оцѣнкѣ значенія биржи: «харьковская каменноугольная и желѣзоторговая биржа не бюрократическая выдумка, а живое дѣло». Г. Долгово-Сабуровъ проще всего могъ бы меня опровергнуть, указавъ сумму оборотовъ биржи съ ея основанія. Тогда и видна была бы живость или живучесть этого дѣла.

Биржа существуетъ всегда не на куртажи, а на взносы членовъ биржевого общества. Если харьковскій комитетъ нуждается въ авансахъ, значитъ число участниковъ биржи немногочисленно, или эти участники, привлеченные случайно, за компанію, не заботятся о поддержаніи своего же дѣтища. Только то учрежденіе прочно, которое вытекаетъ изъ жизни, изъ общесознанной потребности, а я не слыхалъ, чтобы торговцы углемъ и металлами въ Харьковѣ просили объ устройствѣ биржи. Мысль о ней подсказалъ одинъ проѣзжіи краснорѣчивый чиновникъ. Но мало ли какія приходятъ въ вагонѣ мысли. На слѣдующей станціи можетъ быть тотъ же чиновникъ уже позабылъ о своемъ проектѣ.

Харьковъ не Кельнъ или Глазго, онъ не лежитъ въ центрѣ угольной и желѣзной промышленности. Въ Харьковѣ живетъ нѣсколько *gros bonnets* этой промышленности и самъ «отецъ южно-русскаго угольнаго дѣла» г. Авдаковъ, затѣмъ въ харьковскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ учитывается часть горно-промышленныхъ векселей и тамъ же находится комитетъ по распредѣленію горнозаводскихъ вагоновъ, но все

это не создаетъ рынка. Казна, казенныя и частныя желѣзныя дороги, заводы, фабрики и пароходства — главные покупщики угля и желѣза. Горные заводы и угольные копи продають свои издѣлія по казеннымъ заказамъ, съ подряда, при посредствѣ своихъ агентовъ и очень малое количество можетъ быть продано биржевымъ путемъ; для этого требуется совершенная переорганизациа сбыта металловъ и угля на югѣ Россіи. До такой же переорганизации биржа останется мѣстомъ справокъ и регистраціи сдѣлокъ, идущихъ мимо нея. Новое синдикатское общество по продажѣ листового желѣза въ Харьковѣ также работаетъ параллельно биржѣ, а не черезъ биржу.

Биржи, кромѣ извозчичьихъ, хотя официально существуютъ у насъ въ разныхъ мѣстахъ, очень мало привились къ русскимъ нравамъ. Блестящее исключеніе представляетъ биржа въ Ригѣ, гдѣ мѣстная буржуазія наслѣдовала традиціи Ганзы и вѣками пріучилась къ самоуправленію. Петръ Великій заимствовалъ для остальной Россіи биржи изъ Голландіи, но за двѣсти лѣтъ даже Петербургская биржа не приняла стройнаго вида и недавно подъ именемъ Калашниковской биржи сдѣлана попытка организовать хлѣбную торговлю, которая однако составляла всегда существенную часть петербургскаго экспорта. Множество другихъ заграничныхъ товарныхъ сдѣлокъ совершается въ Петербургѣ помимо биржи.

Въ Одессѣ биржа существуетъ почти цѣлое столѣтіе. Я хорошо ее знаю, я даже родился въ зданіи

одесской биржи, теперь впрочемъ перенесенной въ другое помѣщеніе. И старое было очень роскошно, но никакихъ сдѣлокъ въ немъ не совершалось, кромѣ официальныхъ отмѣтокъ курса. Всѣ сдѣлки производились маклерами въ конторахъ и кучею еврейскихъ посредниковъ, недалеко отъ биржи — на углу Ришельевской и Ланжероновской улицъ. Вѣроятно и теперь разница невелика, тѣмъ болѣе, что характеръ одесскаго вывоза измѣнился въ биржевомъ смыслѣ скорѣе къ худшему, т. е. вмѣсто крупныхъ фирмъ онъ перешелъ въ руки многочисленныхъ мелкихъ агентовъ заграничныхъ домовъ.

Въ Москвѣ биржа также долго была мертворожденнымъ учрежденіемъ. Не знаю, какъ она теперь, но покойный Кокоревъ, великій знатокъ московскихъ торговыхъ нравовъ, рассказывалъ мнѣ, что никакія усилія биржевого комитета не могли заставить московскихъ купцовъ ходить на биржу, всѣ сдѣлки совершались по трактирамъ или, какъ въ Одессѣ, въ Рыбномъ переулкѣ около биржи. Такъ какъ переулокъ очень тѣсенъ, то проѣзжіе экипажи давили торгующихся и число несчастныхъ случаевъ увеличивалось. Видя это, биржевой комитетъ собралъ биржевое общество и совѣтовалъ собираться внутри биржи. Общество выслушало заявленіе и рѣшило... нанять на общій счетъ костоправа, а на биржу все-таки не пошло.

Новая биржа въ Москвѣ, хлѣбная, также скорѣе канцелярское измышленіе, какъ и харьковская биржа. Она помѣстилась гдѣ-то въ мизерномъ помѣщеніи

около трактира въ Гавриковомъ переулкѣ и, не имѣя средствъ къ существованію, просила субсидіи у частныхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ.

Биржевая игра оживила было нѣсколько наши биржи, но болѣе въ Петербургѣ. Даже въ Москвѣ, судя по биржевому ярлыку, сдѣлки совершаются съ небольшимъ числомъ бумагъ. Это не то, что напримѣръ Парижъ, гдѣ котируются ежедневно нѣсколько тысячъ бумагъ и въ репорахъ каждую ликвидацію затрачиваются десятки милліоновъ франковъ. Въ Петербургѣ одно время въ гостиницѣ Демута создавалась даже частная кулисная биржа, но послѣ прекращенія игры на кредитный рубль и «явнаго оздоровленія рынка» (любимое выраженіе биржевыхъ хроникеровъ), какъ результатъ краха 1895—1901 гг., затмившаго крахи 1859, 1869, 1873, 1876 и 1886 гг., биржевыя операціи настолько сузились, что биржевые маклера, сначала завтракавшіе у Кюба, перешли къ Лейнеру, а теперь жалуются, что ужъ имъ и совсѣмъ не на что завтракать! Отъ куртажей у нихъ, какъ у капитана Коцейкина, за мѣсяць остается въ карманѣ «синюга да серебра мелочи»...

Я очень оцасаюсь такого же сухоядѣнія, по крайней мѣрѣ на первые годы, и для маклеровъ харьковской горнопромышленной биржи; она къ тому же явилась не въ эпоху жирныхъ годовъ промышленности, а въ эпоху кризиса и средствомъ помочь ему. А впрочемъ, повторяю, дай Богъ ей здоровья и скорѣйшаго погашенія авансовъ.

За эти расужденія сверхъ г. Долгово-Сабурова возсталъ противъ меня и г. Авдаковъ въ «Новомъ Времени»; я отвѣчалъ ему слѣдующее:

Г. Авдаковъ напрасно утруждалъ себя столь длиннымъ опроверженіемъ нѣсколькихъ строкъ моихъ о томъ, что Харьковская каменноугольная и желѣзоторговая биржа едва-ли можетъ имѣть какое либо серьезное значеніе, представляя скорѣе канцелярскую затѣю. Въ числѣ подобныхъ затѣй послѣдняго времени можно указать еще на «свободное обращеніе шлиховаго золота», введенное вопреки мнѣнія всѣхъ знающихъ золотое дѣло лицъ и которое привело только къ «свободному» развитію въ громаднѣхъ размѣрахъ воровства золота съ пріисковъ, къ хищнической торговлѣ шлиховымъ золотомъ и сырою платиною даже на ярмаркахъ и къ уменьшенію добычи золота.

Не представивъ, какъ и ранѣе г. Долгово-Сабуровъ, никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ оборотахъ Харьковской биржи, г. Авдаковъ пространно объясняетъ, чего слѣдуетъ желать отъ новой биржи; тутъ и статистика, и упорядоченіе торговыхъ обычаевъ, и установленіе торговыхъ марокъ, и заключенія по дѣламъ торговли, промышленности и фондовымъ, и регулированіе вопроса о торговыхъ администраціяхъ, и справки о кредитоспособности и еще многое другое, что пожалуй подѣ-силу развѣ какой-нибудь Гамбургской биржѣ.

Но если бы на Новой Землѣ устроить биржу и дать ей обширную программу съ «сочувствіемъ» не

двухъ, какъ свидѣтельствуеть г. Авдаковъ, а даже десяти министерствъ, то это не значило бы, что на Новой Землѣ стали бы совершаться крупныя обороты съ каменнымъ углемъ и металлами.

Я понимаю пользу биржи для сдѣлокъ съ хлѣбомъ въ Одессѣ, съ сахаромъ въ Кіевѣ, фрахтами въ Нижнемъ, нефтью въ Баку (хотя и въ Баку почти все идетъ мимо биржи), но сомнѣваюсь въ универсальности харьковскаго рынка для угля и желѣза. Казенныя дороги дѣйствительно покупаютъ въ Харьковѣ 160 мил. пудовъ угля, предлагаемаго копиями, о чемъ упоминаеть мой опонентъ, но покупаютъ съ торговъ, помимо всякаго участія биржи. Какое отношеніе это имѣеть къ биржевымъ оборотамъ?

Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» напечатанъ второй (за четыре-то мѣсяца) бюллетень Харьковской биржи. Перваго я не видѣлъ. Въ этомъ второмъ бюллетенѣ указаны двѣ сдѣлки на уголь со сдачею къ Маріупольскому порту, но не указано: въ Харьковѣ ли онѣ совершились. Затѣмъ сообщаются нѣкоторыя цѣны. Вотъ и все, т. е. очень мало, а изъ того же бюллетеня значится, что при биржѣ состоятъ шесть или семь маклеровъ.

Въ заключеніе, кажется уже въ третій разъ, вынужденъ повторить, что вовсе не требую разрушенія Харьковской биржи или желаю класть какія либо ей препоны. Если она учредилась, значить кому нибудь да нужна. Я хотѣлъ только указать на крайнюю оптимистичность воззрѣній, будто помощью подобныхъ мѣ-

ропріятій можно переорганизовать нашу годами и опытом сложившуюся торговлю и что микроскопическая на первое время дѣятельность новой биржи можетъ служить въ чемъ либо, какъ указывали услужливые люди, къ разрѣшенію нынѣшняго остраго горно-промышленнаго кризиса.

ПО РАЗНЫМЪ ВОПРОСАМЪ.

ЮБИЛЕИ ПЕЧАТИ.

Одной изъ петербургскихъ газетъ пришла фантазія отмѣтить въ числѣ юбилеевъ юбилей свободы русской печати, которая, яко бы, должна была праздновать 6-го апрѣля 1890 года тридцатилѣтіе своего освобожденія. Газета выказала плохое знаніе ариѳметики, такъ какъ $90 - 65 = 25$, а не 30, но охотниковъ писать панегирики творенію покойнаго графа Валюева не нашлось, если не считать сочувственнаго отзыва въ офиціозной французской газетѣ, признавшей даже ариѳметику упомянутой газеты правильною и не исправившей ея.

Если наши органы печати такъ сухо приняли мысль о торжествѣ, которое должно было ихъ прославлять, то, очевидно, ими не руководила мысль, что Россія созрѣла до полной американской свободной печати и что законъ 6-го апрѣля представляется уже какимъ-то обломкомъ отжившаго порядка.

Мы не отрицаемъ, что законъ этотъ, не смотря на многочисленныя поправки, весьма неудовлетворите-

лень; онъ не устанавливалъ, на примѣръ, давности для предостереженій, данныхъ за маловажные проступки печати, когда и тягчайшія преступленія, въ родѣ убійства, покрываются десятилѣтнею давностью. Но недостатки этого цензурнаго регламента, по нашему мнѣнію, не такъ еще существенны, потому что вліяніе печати и ея свобода не связаны непосредственно съ тѣми или другими законами о печати.

Фактъ несомнѣнный, къ которому пришли многіе заграничные писатели, хотя онъ и кажется весьма парадоксальнымъ, что печать имѣетъ большое вліяніе только тамъ, гдѣ она не совсѣмъ свободна, гдѣ число органовъ печати незначительно и гдѣ публика, не сбитая съ толку сотнями противорѣчащихъ одни другимъ газетъ, книгъ и журналовъ, видитъ въ извѣстныхъ органахъ печати какіе-то для себя оракулы.

Во Франціи, на примѣръ, никогда печать не была такъ вліятельна, какъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, когда еще жгли книги, а иногда и ихъ авторовъ. Значеніе печати во Франціи въ настоящее время не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что она была въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX ст., когда существовали еще сравнительно довольно сильныя стѣсненія. Роль печати была весьма замѣтна и при второй имперіи.

И у насъ наиболѣе замѣтное вліяніе журналистики можетъ быть прослѣжено въ «Современникѣ» и въ «Искрѣ» 1858—1861 г. и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1863 года, т. е. на такихъ органахъ, которые выхо-

дили подъ цензурою и къ которымъ весьма несочувственно относилась тогдашняя администрація.

Что система ограниченій печати, будетъ ли это старинная система цензора, краснымъ карандашомъ кастрирующаго статьи, или новая наполеоновская, косвенно, угрозою денежныхъ потерь, возлагающая эту обязанность кастраціи на редакторовъ и издателей, въ существѣ большой разницы не составляетъ; то же доказывается исторіей печати, и въ томъ числѣ русской.

Всѣ наши, съ административной точки зрѣнія, наиболѣе субверсивныя изданія выходили подъ цензурою, и до послѣдняго времени, судя по числу насильственно прекращенныхъ журналовъ, печать безцензурная была болѣе сдержанной и серьезной, чѣмъ печать цензурная, какова вся печать провинціальная.

Съ этой точки зрѣнія ясно, что законъ 6-го апрѣля 1865 г. не предоставилъ на практикѣ нашей печати большей свободы, какъ не предоставилъ ей и большаго вліянія, чѣмъ печать имѣла до этого закона.

Но если поэтому курьезно было бы праздновать юбилей перевода графомъ Валуевымъ съ французскаго творенія графа Персиньи (декретъ 5-го (17-го) февраля 1852 года), нашедшаго примѣненіе еще въ Турціи, то нельзя не признать, что за 25 лѣтъ со времени этого перевода въ нашей періодической печати произошли перемѣны, заслуживающія вниманія.

И въ 1865 году печать наша была уже въ известной степени эмансипирована. Тѣ времена, когда во

всей Россіи только двѣ газеты могли писать политическія статьи, но подѣ условіемъ, чтобы эти статьи заготовлялись въ III отдѣленіи и въ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ, уже прошли. Но по содержанію своему, если сравнить тогдашніе три вліятельнѣйшіе органа: въ С.-Петербургѣ—«Голосъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости» и въ Москвѣ «Московскія Вѣдомости» съ нынѣшними газетами, то замѣчается значительное различіе.

Газеты состояли тогда изъ одной передовой статьи, преимущественно политической, и набора провинціальныхъ извѣстій и провинціальныхъ корреспонденцій. Съ тѣхъ поръ газеты увеличились не только въ объемѣ, но и стали гораздо разнообразнѣе. Создались отдѣлы хроники въ разныхъ видахъ, газеты обзавелись также спеціальными корреспондентами, телеграфическія сообщенія также получили совсѣмъ другое значеніе. Эти измѣненія сдѣлались постепенно и незамѣтно для публики, но они рѣзко бросаются въ глаза, если сравнить нумеръ газеты 1865 года и нынѣшняго времени.

Розничная продажа газетъ очень увеличилась вслѣдствіе распространенія сѣти желѣзныхъ дорогъ; зато вечернія изданія у насъ не привились и привиться не могутъ, такъ какъ при существующей почтовой организаціи они всегда будутъ запаздывать.

При нашихъ дальнихъ разстояніяхъ и въ виду того, что почта во многія мѣста не ходитъ ежедневно, казалось бы, еженедѣльные изданія должны бы пред-

ставлять многія удобства; на дѣлѣ всѣ попытки такого рода имѣли мало успѣха и только «Недѣля» достаточно было упрочилась, отчасти благодаря своему опредѣленному направленію и ѳиміаму земской дѣятельности, воскуряемому нынѣ «Русскими Вѣдомостями».

Дешевая печать, существовавшая и 25 лѣтъ назадъ въ видѣ «Сына Отечества», съ тѣхъ поръ еще болѣе удешевилась и распространилась. Замѣчательно также огромное распространеніе дешевыхъ иллюстрированныхъ изданій. Ихъ успѣхъ свидѣтельствуетъ, что по части мышленія наша публика пошла скорѣе назадъ и, какъ во времена іероглифовъ, чтеніе замѣняетъ глазѣніемъ графическихъ изображеній.

Ежемѣсячная журналистика въ общемъ итогѣ, не смотря на конкуренцію газетъ, печатающихъ нынѣ и повѣсти и научныя статьи, не уменьшилась по числу читателей. Нѣкоторые журналы имѣютъ подписчиковъ болѣе, чѣмъ «Современникъ» въ минуту его блестящаго успѣха. Но вліяніе толстыхъ журналовъ на общественное мнѣніе чрезвычайно сузилось и даже г. Михайловскій и другіе главнѣйшіе журнальные дѣятели вынуждены обращаться подчасъ для проповѣди своихъ мыслей къ газетамъ.

По части направленія можно отмѣтить, что славянофильство не имѣетъ болѣе своего органа; мало того, вся вліятельная часть московской журналистики, существующая на средства фабрикантовъ и бывшихъ половыхъ, придерживается либерально-доктринерскаго

направленія, которое въ Петербургѣ господствовало въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ. Московскія газеты не чужды даже западничества. — У насъ теперь направленіе не русское, а *à la russe*, выразился одинъ москвичъ. Въ С.-Петербургѣ, наоборотъ, вліятельная часть печати далека отъ всякаго доктринерства, которое ютится преимущественно въ жидовскихъ органахъ.

Еврейство сильно проникло въ нашу печать и внесло въ нее свой специфическій запахъ, но все-таки до заплоненія печати жидами, какъ произошло въ Германіи, Австріи и даже Франціи, у насъ еще не дошло. Но и безъ жидовъ по части шантажа, клеветы и диффамациі русская печать, особенно провинціальная, опередила, кажется, всѣ прочія. Причиною тому плохіе наши судебные порядки и дикіе нравы публики.

Составъ дѣятелей періодической печати скорѣе ухудшился; пьянства, правда, между литераторами менѣе, но зато часть послѣднихъ слилась съ подонками общества, такъ называемыми «босьяками». Что же будетъ, если, по примѣру Америки, у насъ, гдѣ любятъ перенимать только вредное и тупое, учредится когда нибудь особый «газетный факультетъ» для приготовления на общественный счетъ дѣятелей періодической печати?

Отмѣтимъ еще фактъ, что за 25 лѣтъ не удалось создать для просвѣщенія публики прочнаго офиціознаго органа. Было, конечно, не мало охотниковъ доить казну и получать деньги для устройства особыхъ

органовъ или для проведенія извѣстныхъ благонамѣренныхъ мыслей, но ни одна изъ такихъ попытокъ не увѣнчалась успѣхомъ. И всѣ такіе органы пользовались презрѣніемъ и имѣли очень ограниченное распространеніе. Менѣе всего читали ихъ чиновники, которые составляютъ, какъ извѣстно, главное зерно русскаго радикализма.

*
* * *

Въ 1902 г. у насъ была попытка вновь праздновать «юбилей печати», по поводу яко бы основанія ея Петромъ Великимъ. Послѣдній, по принятому обычаю, а болѣе по невѣжеству, выставлялся опять великимъ либераломъ и защитникомъ печати. тогда какъ извѣстно, что онъ на самомъ дѣлѣ былъ очень неласковъ къ печатному слову, чуть не воевалъ съ Гамбургомъ и Данцигомъ изъ-за отзывовъ ненавистныхъ ему «газетыровъ», а офиціальныи органъ печати, юбилей котораго и предложили отпраздновать, завелъ исключительно для защиты и оправданія своихъ военныхъ операцій противъ Швеціи.

Новый юбилей, какъ и предъидущій, никакого успѣха не имѣлъ. Никто, даже не успѣлъ къ нему примазаться для полученія наградъ. А у насъ кажется для этого только и сочиняются юбилеи.

ШУТКИ СЪ ОГНЕМЪ.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» одно время можно было переименовать въ «Краковскія Вѣдомости», до такой степени газета эта, какъ всѣ прозелиты, увлеклась въ своей защитѣ польщизны. Ей ужъ мало автономіи для поляковъ, она захотѣла возстановить и литовское княжество, увѣряя, что литовцы не забыли «золотыхъ временъ Гедимина и Кейстута». Какая, подумаешь, длинная память! Необыкновенная память, впрочемъ, кажется, не у литовцевъ, а у сотрудниковъ «Вѣдомостей». По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ въ Варшавѣ, разговаривая, правда, при «отсвѣтѣ игры дрожащаго свѣта и тѣней», съ какимъ-то «знаменитымъ русскимъ княземъ», нашель удивительное сходство этого князя въ «глазахъ и мягкомъ складѣ губъ» съ Барклай-де-Толли! Такъ какъ Барклай умеръ болѣе 70 лѣтъ тому назадъ, то надобно имѣть очень крѣпкую память, чтобы не забыть его «вдумчивый взглядъ» и улыбку, въ которой зарпортовавшійся корреспондентъ припоминаетъ «природную доброту характера,

теплоту сердечную, умѣніе понимать людей и вникать въ ихъ мысли и обстоятельства».

Двойникъ Барклая, очевидно выдуманный досужей фантазіей корреспондента, сообщилъ послѣднему, что есть только двѣ системы для поляковъ: усмирять и управлять. Первую-де систему рекомендуютъ русскія газеты (?), но необходима вторая. Забыта, однако, третья система, самая, по нашему мнѣнію, важная: не зѣвать! А именно ее-то и усиленно устраняютъ тѣ, которые проповѣдуютъ о «сердечной теплотѣ» и «обстоятельствахъ времени».

А что зѣвать не нужно, видно изъ того, что, несмотря на тяжелый опытъ шестидесятихъ годовъ, несмотря на очевидную выгоду связи—въ экономическомъ отношеніи—для поляковъ съ Россіей, иллюзіи польскаго общества не уменьшились нисколько и при малѣйшей поблажкѣ съ нашей стороны всѣ «мечтанія», о которыхъ говорилъ когда-то Александръ II, вспыхнули съ прежнею силою и воспѣваются на всѣ лады.

Замѣчательно, что люди, толкующіе о примиреніи съ поляками, ставятъ его на такую почву, что именно никакое примиреніе становится невозможнымъ. Вся суть польско-русскаго вопроса заключается въ томъ, что, вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ (главнымъ образомъ нашествія монголовъ), поляки захватили въ кругъ своего политическаго и культурно-религіознаго вліянія огромное множество литовско-русскихъ и русскихъ земель. Эмансипація послѣднихъ и возвращеніе въ естественную орбиту русскаго влія-

нія составляли и составляют задачу всей русской политики по отношенію къ Польшѣ и полякамъ. Борьба шла вѣками, она и теперь не кончилась. Лишившись возможности дѣйствовать государственными средствами, поляки продолжали противодѣйствовать намъ культурными и, какъ показаль опытъ временъ попечительства Чарторыжскаго въ Вильнѣ, очень успѣшно. Естественно, что и съ нашей стороны должно быть тутъ постоянное противодѣйствіе. А въ такомъ положеніи вопросъ о томъ, какимъ шрифтомъ печатается какой нибудь народный календарь, цѣна которому двугривенный, является быть можетъ болѣе важнымъ, чѣмъ выигранное въ открытомъ полѣ сраженіе.

Вотъ и теперь какой-то «Литовець» (представитель несуществующей народности, такъ какъ мы знаемъ только отдѣльныя литовскія племена: жмудь, латышей и т. д.) сводить въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» весь, такъ называемый имъ, литовскій вопросъ къ позволенію молиться по книжкамъ, вновь изданнымъ съ латинскимъ шрифтомъ (старыя не изъяты изъ употребленія), и къ дозволенію получать литовскія газеты, издающіяся въ Пруссіи и Америкѣ. Какія, подумаешь, невинныя желанія и какъ кажется жестоко лишать бѣдныхъ людей полезныхъ, какъ выражается г. Литовець, дешевыхъ книгъ, изъ которыхъ они «легче бы, чѣмъ нынѣ, разумѣли благія распоряженія правительства!»

Спрашивается, кого тутъ обманываютъ? И какъ будто бы дѣйствительно рѣчь идетъ о распространеніи

полезныхъ книгъ и укрѣпленіи въ литовцахъ любви къ Россіи, когда извѣстно, что всѣ эти литовскія по-временныя изданія проповѣдуютъ ярую ненависть къ Россіи и ея правительству? Къ сожалѣнію, эти изданія и теперь слишкомъ легко распространяются помощью особой почты, устроенной ксендзами при посредствѣ такъ называемыхъ «девотокъ» (родъ свѣтскихъ монахинь, многочисленныхъ среди фанатическаго литовскаго населенія), и нищихъ, получающихъ за свое содѣйствіе право стоять на папертяхъ въ костелахъ¹⁾).

Но насъ интересуетъ не полицейскій вопросъ о прекращеніи того или другаго вида антирусской пропаганды, а болѣе важный вопросъ: какъ это послѣ тяжелыхъ опытовъ цѣлаго столѣтія могутъ еще возникать вопросы вродѣ литовскаго и поддерживаться русскою печатью?

Въ то время, когда вездѣ мы видимъ стремленіе къ объединенію силъ политическихъ и экономическихъ (въ политикѣ: объединеніе Германіи, Италіи, Австріи, Великобританской имперіи, въ экономической сферѣ: большія компаніи, синдикаты и союзы фабрикантовъ и рабочихъ), у насъ поддерживается дикая про-

¹⁾ Сначала все ограничивалось требованіемъ привоза изъ Пруссіи молитвенниковъ съ латинскимъ алфавитомъ, а теперь уже въ Петербургѣ даются и спектакли на литовскомъ языкѣ. Такихъ эмбрионовъ къ разрушенію Россіи сколько угодно. Впрочемъ, проповѣдуя яро національную политику за-границею, нельзя не допускать въ извѣстной степени ее и у себя дома безъ непомернаго лицемерія.

повѣдь о возвращеніи къ первобытнымъ временамъ, къ расчлененію Россіи (на первый разъ хотя культурному) на мелкія единицы.

Другія цивилизованныя націи держутся иной системы; французы, нѣмцы и голландцы пользуются и мѣстными языками, но государственнй языкъ и законодательство у нихъ національныя, а не туземныя. Англичане даютъ своимъ колоніямъ широкое самоуправленіе, имѣются особыя законы и для Ирландіи, Шотландіи и для Уэльса, но государственнй языкъ и государственныя учрежденія остаются англійскіе, идетъ ли рѣчь объ итальянцахъ Мальты, грекахъ Кипра или французахъ Канады и острова св. Маврикія или голландцахъ въ южной Африкѣ.

Соединенные Штаты—страна федерализма и широкой свободы. Однако они и не подумали въ Луизианѣ, Миссури сохранять учрежденія и языкъ французскіе, а въ Техасѣ, Калифорніи, Новой Мексикѣ, Флоридѣ, Аризонѣ, Колорадо—испанскіе. Повсюду они ввели въ администрацію и школу свой англійскій языкъ и конституцію выработали на пуританской почвѣ Пенсильваніи, мѣстныя же конституціи штатовъ они утверждали только, когда послѣднія представляли сколокъ съ того же Джефферсоновскаго дѣтища.

Такъ почему же это мы обязаны русскою кровью и на русскія деньги создавать какія-то національныя крошки. Положимъ, крошка наше народное блюдо, но это не резонъ, чтобы дѣлать ее политической программой.

Въ то время, когда философы, какъ Нитше, восхищаются римскою имперіей, установившей единство цивилизованнаго міра и единство языка, послѣдствіемъ чего явилось то, что пятнадцать вѣковъ послѣ паденія имперіи ея языкъ и законодательство продолжаютъ служить основою педагогійи и права почти всего образованнаго міра, для Россіи рекомендуется, въ видѣ идеала, обратиться въ окрошку или селянку изъ разныхъ мелкихъ національностей,—въ страну, гдѣ въ каждой губерніи будетъ своя культура и свой литературный языкъ.

Вѣдь если взглянуть на этнографическую карту Россіи, то, помимо такихъ крупныхъ народностей, какъ малороссы и поляки, по теоріи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и ихъ присныхъ, «не нарушая правъ другихъ народностей и во имя прошлаго». намъ слѣдовало бы озаботиться образованіемъ въ чертѣ Россіи государствъ армянскаго, румынскаго, татарскаго, грузинскаго, за которыми пошли бы зырянское, мордовское, калмыцкое, даже чухонское (Олонецкая, Петербургская, Эстляндская и часть Лифляндской губерніи)!

Да вѣдь это хуже, чѣмъ возвратиться къ удѣльной системѣ: тогда, среди кровавой борьбы, все-таки было сознаніе государственнаго, культурнаго и церковнаго единства.

При томъ, если брать языкъ за основаніе для автономическаго расчлененія Россіи, то не нужно забывать, что весьма многочисленная и, во всякомъ случаѣ, богатѣйшая часть населенія въ Западной Россіи говоритъ

на жидовскомъ языкѣ, а предоставляя привилегированное положеніе литовской культурѣ, мы должны будемъ, въ интересахъ справедливости и равноправности, предоставить такія же льготы и еврейской. Прелестная перспектива!

«С.-Петербургскія Вѣдомости» восхваляютъ золотыя времена Гедимина и Кейстута. Мы не думаемъ, чтобы сотрудники газеты пожелали жить въ эти «золотыя времена», когда образъ жизни литовцевъ немногимъ отличался отъ жизни какихъ нибудь полудивилизованныхъ народцевъ внутренней Аѳрики; сотрудники забыли однако, что Кейстутъ говорилъ по-русски, а Гедиминъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ, своимъ дѣтямъ позволялъ принимать православную вѣру и водворялъ при своемъ дворѣ и вообще въ Литвѣ русскій языкъ и обычай. Едва ли этого желаютъ, однако, нынѣшніе панегиристы Гедимина и Кейстута и проповѣдники литовской автономіи?

О НЕУДАЧНОЙ ФРАЗѢ.

Не совсѣмъ удачный оборотъ фразы въ одной изъ корреспонденцій изъ Китая г. Сигмы, или, точнѣе, случайное сопровожденіе этой фразы анекдотомъ о воровствѣ въ китайскихъ войскахъ и припоминаніе при этомъ Крымской войны вызвали противъ «Новаго Времени» цѣлую бурю въ стаканѣ воды. Нѣкоторые органы, спеціально поставившіе себѣ задачею бранить эту газету, забили тревогу, а затѣмъ уже и «севастопольцы» выступили въ защиту «доблестей русскаго воинства» и усмотрѣли въ «Новомъ Времени» чуть ли не оскорбленіе всей русской арміи и русской военной исторіи.

Упрекать «Новое Время» въ недостаточномъ уваженіи къ русской арміи и ея доблестямъ по меньшей мѣрѣ было смѣшно. Газета эта даже за границею считалась всегда ультра-патріотическою и настолько воинственною, что ей приписывали совсѣмъ незаслуженную конечно честь быть причиною сербской, а слѣдовательно косвенно и послѣдней восточной войны, какъ нѣкогда въ Англіи газетѣ «Times» приписывали воз-

бужденіе Крымской войны. Если же «Новое Время» и было такъ воинственно, то, очевидно, оно опиралось въ своихъ разсужденіяхъ и планахъ на испытанной доблести русской арміи, такъ какъ не съ итальянскими же или бельгійскими войсками предлагало оно разрѣшать оружіемъ коренные русскіе вопросы.

Въ каждой газетѣ, при спѣшности составленія нумеровъ, могутъ вкратъся неудачныя фразы, и въ этомъ случаѣ не стоило бы долго и останавливаться надъ происшедшимъ инцидентомъ, а тѣмъ болѣе раздувать его до степени преступленія *lèse armée*. Но намъ кажется, что и въ своей не совсѣмъ корректной формѣ фраза г. Сигмы не только никого не оскорбляла, но констатировала фактъ, о которомъ можно и поспорить и который только недостаточно ясно и подробно изложенъ.

Г. Сигма говорилъ, что мирные китайцы такъ же мало уважаютъ своихъ офицеровъ, какъ русскіе послѣ Крымской войны. Дѣйствительно, армія можетъ быть отмѣнная, но военное ремесло не быть популярнымъ въ странѣ. Мы не говоримъ уже о Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ составъ офицеровъ превосходный, а не играетъ ни малѣйшей роли въ странѣ, но, на примѣръ, въ Англіи армія извѣстна своею храбростью, вѣковая исторія ея блестяща, корпусъ офицеровъ отличный, тѣмъ не менѣе никто не скажетъ, что армія или военные «популярны» въ Англіи. Наоборотъ, въ Италіи, при гораздо худшемъ личномъ составѣ арміи, плохо къ тому же зарекомендовавшей себя на поляхъ сра-

женій, все военное въ большомъ почетѣ и лучшіе классы общества считаютъ за честь служить въ военной службѣ. А о женщинахъ такъ ужъ и говорить не стоитъ: онѣ къ военнымъ тамъ такъ и льнутъ.

Въ Россіи до Крымской войны почти одна военная служба считалась достойною для «порядочнаго человека». При Александрѣ I графъ Гурьевъ почти первый изъ министровъ сумѣлъ привлечь въ гражданскую службу людей хорошихъ фамилій, и это удивляло тогдашнее общество, по словамъ записокъ графа Рибопьера; даже для дипломатіи проходили прежде военную службу; на примѣръ извѣстный Нессельроде начала свою карьеру конногвардейскимъ офицеромъ, а въ гражданскую службу перешелъ только тогда, когда императоръ Павелъ приказалъ на разводѣ офицеру его полка Милюкову дать сто палокъ за поворотъ взвода не въ ту сторону. С. Глинка былъ первымъ русскимъ профессоромъ (въ Дерптѣ) изъ дворянъ, и это удивляло всѣхъ и считалось почти неприличнымъ: до него профессора въ русскихъ университетахъ были только изъ нѣмцевъ или изъ семинаристовъ.

Сравнительно съ этимъ эпоха отъ Крымской до Восточной войны или, точнѣе, до польскаго возстанія 1863 г. представляла несомнѣнную реакцію, — что, повидимому, и хотѣлъ сказать г. Сигма. Уваженіе къ доблестной арміи, а тѣмъ болѣе къ храбрости защитниковъ Севастополя, конечно, оставалось въ русскомъ обществѣ, но «популярность» въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, уменьшилась тогда въ значительной степени.

Въ прежнее время всѣ помѣщичьи дѣти, дойдя до 4-го класса гимназіи, мечтали поступить въ юнкера, въ гусары, теперь началось движеніе въ столицы въ адвокаты, въ сотрудники журналовъ, въ мировые посредники, въ службу по земству, затѣмъ въ путейцы, въ частные земельные банки. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что и до Крымской войны популярность различныхъ частей войска была весьма различна: гвардія и кавалерія первенствовали и легко завоевывали женскія сердца, ученые люди, инженеры, артиллерія уважались, но армейскіе офицеры держались почти исключительно общества средней руки и въ помѣщичьи дома не приглашались.

Послѣ Крымской войны реакція противъ военныхъ усилилась наиболѣе отъ многочисленныхъ доказательствъ неспособности и злоупотребленій, раскрытыхъ слѣдствіями и печатью. Даже офиціальный «Военный Сборникъ» обличалъ почти повальное стремленіе жить насчетъ солдатъ, обличалось также жестокое обращеніе, вошедшее въ привычку. Достаточно напомнить огромный успѣхъ въ «Сборникѣ» статей г. Обручева: «Изнанка Крымской войны». Другихъ статей, кромѣ обличительныхъ, тогда о военной части почти что и не было. Были въ тотъ бурный вѣкъ и прямыя проявленія неуваженія къ военнымъ чинамъ, даже высшимъ. Вспомнимъ, на примѣръ, весьма глупую исторію съ генераломъ въ звѣринцѣ Крейцберга, занимавшую цѣлую недѣлю Петербургъ.

Реформа провіантской части, очищеніе корпуса офи-

церовъ, уничтоженіе цѣлаго корпуса внутренней стражи, состоявшаго изъ мало развитаго и грубаго элемента, уничтоженіе въ арміи тѣлесныхъ наказаній, всеобщая повинность, повышение образовательнаго ценза—все это вновь подняло престижъ военной службы, а затѣмъ подвиги арміи въ Царствѣ Польскомъ, въ Туркестанѣ и, наконецъ, въ большую Восточную войну окончательно доказали, что недостатки не составляютъ коренного элемента ея высшихъ слоевъ, а зависѣли болѣе отъ общаго низкаго уровня культуры всего общества, соннаго и необразованнаго и легко мирившагося съ злоупотребленіями и грубымъ произволомъ.

КЪ ВОПРОСУ О КАПЕРАХЪ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА МОРЬ.

Я не читалъ статьи почтеннаго г. Батьянова въ «Русскомъ Инвалидѣ» и не знаю, по какому поводу возбудилъ онъ вопросъ объ отмѣнѣ перваго пункта парижской деклараціи 4-го (18-го) апрѣля 1856 г., воспрещающаго каперство. Во всякомъ случаѣ возбужденіе означеннаго вопроса, который подымался въ 1878 и 1885 гг., при столкновеніи нашемъ съ Англійей, теперь едва ли своевременно съ практической точки зрѣнія, ну а съ теоретической конечно можно обсуждать его сколько угодно, хотя въ международномъ правѣ нѣтъ вопроса, о которомъ было бы столько писано и переписано, какъ о каперахъ.

Въ полемикѣ приняли участіе гг. Кладо, Морякъ, Добротворскій, Сухопутный. Но мнѣ показалось, читая послѣдняго, что спорящія стороны недостаточно ясно разграничили два совершенно разнородные вопроса, одинъ—общій, о правѣ захвата частной собственности на морѣ, другой—частный, кѣмъ этотъ захватъ совер-

шается, и можетъ и должно ли для этого захвата государство уполномочивать частныхъ арматоровъ, создавая при помощи *lettres de marque* военныя суда, вооруженныя для крейсерства на средства частныхъ капиталистовъ, именно то, что называется корсарствомъ, приватирствомъ и каперствомъ. Кто защищаетъ каперство, само собою защищаетъ и первый вопросъ; профессора международнаго права высказываются обыкновенно и противъ перваго вопроса; наконецъ, есть защитники средняго мнѣнія: признавая захватъ частной собственности на морѣ какъ необходимое зло, они допускаютъ этотъ захватъ исключительно для военныхъ судовъ, принадлежащихъ къ составу постояннаго военнаго флота. Практически первые и третьи почти сходятся, ибо конечно, въ настоящее время если бы каперы и возникли (у насъ была къ тому попытка въ Добровольномъ флотѣ), то по внѣшней организаціи они ничѣмъ бы отъ прочихъ военныхъ судовъ не отличались.

Г. Сухопутный принадлежитъ къ числу сторонниковъ мнѣній второй категоріи: онъ полагаетъ, что Россія по своей «гуманности» должна-де подать примѣръ признанія неприкосновенности частной собственности на морѣ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это принято въ сухопутной войнѣ.

Отдавая справедливость вѣскости нѣкоторыхъ замѣчаній г. Сухопутнаго о каперской войнѣ, согласиться съ нимъ въ своевременности отказа отъ захвата частной собственности на морѣ никакъ нельзя.

Безъ сомнѣнія, теперь сентенція въ словарѣ Бейля, которая такъ поразила Екатерину II, что «правила государственнаго искусства противоположны строгой честности»,—сентенція, живымъ олицетвореніемъ которой былъ Фридрихъ II, не имѣетъ много сторонниковъ,—развѣ между дипломатами, но въ политикѣ сантиментальность равносильна глупости, и государство, которое объявило бы войну и не стремилось бы вредить какъ можно сильнѣе своему врагу, въ сущности вредило бы только своимъ подданнымъ, затягивая безъ нужды военное положеніе. Нельзя оправдывать всякія средства для веденія войны, бесполезныя жестокости, но захватъ частной собственности на морѣ еще не признается нигдѣ, кромѣ какъ въ головахъ утопистовъ и теоретиковъ, безнравственнымъ. Онъ такъ же безнравственъ, какъ контрибуція, налагаемая во время войны.

Парижская декларация 1856 г. значительно урегулировала и смягчила морской захватъ. Кромѣ воспрещенія каперства, отчего Англія временно выиграла, лишивъ своихъ противниковъ косвеннаго орудія въ крейсерской войнѣ, парижская декларация уничтожила бумажную блокаду портовъ и оградила отъ захвата нейтральный грузъ на непріятельскихъ судахъ и непріятельскій грузъ на нейтральныхъ судахъ, кромѣ случаевъ военной контрабанды.

Конечно, этимъ постановленіемъ болѣе всего могла воспользоваться Англія, однако она ихъ-то никогда не признавала и противъ нарушенія ихъ Англіей и

были создаваемы соглашенія въ родѣ вооруженнаго нейтралитета и т. п.

Теперь въ Англіи противниковъ парижской деклараціи 1856 г. очень мало. Присоединяя нейтрализацію Суэцкаго канала, декларація обезпечиваетъ въ извѣстной мѣрѣ торговлю Англіи во время войны. Но если, повторяю, послѣдняя выиграла болѣе другихъ державъ отъ деклараціи 1856 г., то было бы болѣе чѣмъ неразумно добиваться уничтоженія козыря, который имѣется еще въ рукахъ болѣе слабыхъ въ морскомъ отношеніи державъ, и отказаться совершенно отъ права захвата частной собственности на морѣ.

Вѣдь кромѣ этого захвата почти нѣтъ средствъ повредить во время войны Англіи, сидящей крѣпко и недоступно на своихъ островахъ. Несомнѣнно, война въ Индіи непріятна и опасна, но даже потеря Остъ-Индіи не потрясетъ могущества Англіи, какъ не потрясла ея могущества потеря сѣверо-американскихъ колоній въ XVIII столѣтіи. У Англіи останется достаточно территорій и колоній.

При огромности англійскаго военнаго флота, который еще сразу усилится значительнымъ числомъ почтовыхъ пароходовъ, обращенныхъ въ крейсера, Англія не особенно можетъ опасаться крейсерской войны со стороны другихъ державъ, но во всякомъ случаѣ косвенное вредное вліяніе крейсерства чрезвычайно для нея велико. Англія живетъ привознымъ хлѣбомъ и съѣстными припасами, фабрики ея также снабжаются сырыми матеріалами извнѣ. Поэтому всякое ограни-

ченіе этого снабженія равносильно огромнымъ убыткамъ для Англіи.

Англія пострадаетъ съ разныхъ сторонъ. Прежде всего подымутся страховыя преміи, каждый лишній процентъ на морскомъ страхованіи равенъ для нея 130 милліоновъ рублей въ годъ; затѣмъ часть англійскихъ судовъ изъ осторожности подыметъ чужой флагъ, т.-е. будетъ перепродана съ убыткомъ и заплатитъ пошлины за перепродажу; различныя государства стануть предпочитать фрахтовать для перевозки нейтральныя суда, отчего уменьшится заработокъ англійскаго торговаго флота; уменьшеніе флота и рискъ захвата удорожитъ, конечно, цѣнность привозныхъ товаровъ въ Англіи и уменьшитъ, въ свою очередь, цѣнность вывозныхъ, тѣмъ болѣе, что понятіе о военной контрабандѣ весьма растяжимо и уголь часто относятъ къ предметамъ военной контрабанды. Наконецъ, возможность подвергнуться разоренію и контрибуціи заставитъ укрѣплять множество портовъ и другихъ открытыхъ пунктовъ въ колоніяхъ и на побережьи.

Очевидно, что въ виду этихъ соображеній нѣтъ никакого расчета отказываться отъ угрозы крейсерской войны, основаной на захватѣ, и очень церемониться съ англійскими «интересами», когда сами англичане никогда не церемонились съ другими державами, особенно когда дѣло касалось англійскихъ интересовъ, главнѣйшій изъ которыхъ—владычество надъ морями. Rule Britannia!

Другое дѣло вопросъ о каперахъ. Въ послѣднее время онъ совершенно видоизмѣнилъ свою физиономію, измѣнилъ настолько, что Мексика, Испанія и Соединенные Штаты, которыя, какъ не присоединившіеся къ парижской деклараціи 1856 г., могли спокойно снаряжать каперовъ, во время послѣднихъ войнъ не воспользовались этимъ средством¹⁾.

Въ своей публицистической и общественной дѣятельности я былъ въ числѣ самыхъ горячихъ сторонниковъ каперства, множество статей написалъ я объ этомъ вопросѣ и читалъ въ 1878 г. двѣ публичныя лекціи въ обществахъ техническомъ и для содѣйствія русской промышленности, имѣвшія значительный успѣхъ; всѣ эти идеи резюмированы въ книгѣ моей «Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ» (стр. 138—147) уже въ смягченномъ видѣ, но, признаюсь, что хотя книга появилась не такъ давно, успѣхъ морского судостроенія и артиллеріи, развитіе телеграфныхъ сношеній и распредѣленіе всѣхъ береговъ земного шара между цивилизованными государствами съ организованной морской полиціей заставляютъ меня еще болѣе отступить отъ прежняго мнѣнія. Они сдѣлали не только каперство, но и военное крейсерство очень затруднительнымъ. Каперство, фактически не существующее со временъ освобожденія

¹⁾ Не воспользовался ими Трансвааль, но по другимъ причинамъ. Восточно-Африканская республика не морская держава и ея каперовъ англичане, и вполне справедливо, признали бы просто морскими разбойниками.

Греціи, т.-е. болѣе 70 лѣтъ, можно сказать, отошло въ область исторіи.

Съ легкой руки Бисмарка, въ немъ, строго говоря, и большой надобности нѣтъ. Современныя правительства такъ богаты и кредитъ ихъ такъ великъ, что нѣтъ никакого расчета для вооруженія нѣсколькихъ лишнихъ плохихъ крейсеровъ прибѣгать къ содѣйствію частныхъ капиталистовъ, которые рѣшатся пожертвовать своими средствами для созданія военныхъ судовъ въ надеждѣ на наживу отъ призовъ. Да и капиталистовъ такихъ болѣе не найдется. Когда для вооруженія капера достаточно было, какъ во времена Сюркуфа, на какую нибудь парусную шхуну поставить чугунную пушку и погрузить бочку пороха, охотниковъ сдѣлаться каперами было много, но теперь подобное судно возбудило бы смѣхъ; для снаряженія надлежащаго каперскаго судна по современнымъ условіямъ нужны сотни тысячъ рублей и болѣе, и конечно трудно ожидать погашенія подобнаго капитала изъ призовъ, когда почти всѣ гавани для послѣднихъ будутъ закрыты.

Если бы между частными судами и лицами нашлись подходящіе элементы для крейсерской войны, то они, со времени учрежденія въ 1870 г. въ Германіи волонтернаго флота, легко могутъ быть зачислены въ военный флотъ. У насъ на подобномъ же основаніи возникъ въ 1878 г. Добровольный флотъ, а Франція пошла еще далѣе и всѣ экипажи торговаго флота признаетъ состоящими въ резервѣ военнаго флота.

Англія также не отстала и субсидіи своему почтовому пароходству даетъ не иначе какъ подъ условіемъ постройки судовъ по такимъ типамъ, чтобъ въ случаѣ войны они могли быть обращаемы въ быстроходные крейсера. Это и было поводомъ, почему англичане такъ были недовольны океанскимъ трестомъ Моргана и не допустили общество Sunard и др. войти въ трестъ.

Такимъ образомъ всѣ государства не лишили себя, въ обходъ парижской деклараціи 1856 г., права пользоваться содѣйствіемъ въ случаѣ морской войны торговаго флота и этимъ сдѣлали содѣйствіе собственно каперовъ почти излишнимъ.

Противъ выгоды употребленія во время войны каперовъ говорятъ теперь соображенія и техническія и экономическія.

Въ техническомъ отношеніи, при современной быстротѣ паровыхъ судовъ и незначительной роли, которую играетъ парусный флотъ, крейсеръ, чтобы ловить другія суда, а не быть прежде всего самому пойманному, долженъ обладать очень большою скоростью. Для этого, особенно при условіи нести огромные запасы топлива (что очень важно для русскаго крейсера, не встрѣчающаго по дорогѣ русскихъ портовъ и складовъ угля) необходимы суда огромныхъ размѣровъ, спеціальной постройки. Такихъ судовъ въ частномъ оборотѣ, особенно русскомъ, почти не встрѣчается. Строить подобное судно во время войны не будетъ расчета: пока судно будетъ сооружаться, война вѣроятно давно окончится.

Въ экономическомъ отношеніи каперство стало невыгоднымъ. Каперъ не можетъ, какъ военный крейсеръ (снявъ экипажъ), ограничиваться однимъ потопленіемъ судовъ или бомбардировкою открытыхъ мѣстностей,—каперу необходимы призы, иначе онъ никогда не окупитъ своихъ расходовъ и затратъ по вооруженію, но продажа призовъ встрѣчаетъ теперь почти непреодолимая затрудненія, такъ какъ при всякой войнѣ морскихъ державъ всѣ нейтральныя государства съ того и начинаютъ, что воспрепятствуютъ приводъ въ свои порты и продажу призовъ, а если бы какое государство и забыло это сдѣлать, то англійская дипломатія вынудитъ сдѣлать подобное заявленіе. Только при явномъ союзѣ Франціи и особенной потачкѣ Соединенныхъ Штатовъ русскіе крейсера и каперы были бы въ состояніи реализовать захваченные призы и получать отъ нихъ барыши.

Исторія много помогла разъясненію вопроса о каперахъ. Наиболѣе дѣятельности каперы или корсары проявили въ эпоху войнъ революціи и первой имперіи ¹⁾.

¹⁾ Г. Добротворскій упрекнулъ г. Сухопутнаго, что онъ «смѣшиваетъ корсаровъ съ каперами» и «совершенно напрасно относится къ столь разнымъ понятіямъ съ одинаковымъ чувствомъ презрѣнія и отвращенія. Между тѣмъ никакого смѣшенія г. Сухопутный не сдѣлалъ.

Корсаръ, каперъ и приватиръ—синонимы, означаютъ одно и то же: судно, занимающееся крейсерствомъ съ уполномочія правительства. Каперъ слово голландское, приватиръ—англійское, а корсаръ—французское, испанское, итальянское, провансальское (*corsaire, corsario, corsaire, corsali, corsari*). Происходитъ оно отъ слова *corsa* или по-

Морскіе романы Сю, Купера и др. и официальные реляціи (также своего рода видъ романовъ) облекли эту дѣятельность легендарнымъ характеромъ, но безпристрастная исторія сильно сбавила цѣнность легендъ. Богъ знаетъ, до чего доходитъ вранье современниковъ. Кому напримѣръ неизвѣстенъ подвигъ въ 1794 г. французскаго судна «Le Vengeur», взлетѣвшаго на воздухъ при крикахъ экипажа: *Vive la République!*

французски *course*—крейсерство (*armer en course, faire la course, aller en course*), почему до XVI столѣтія французы писали болѣе правильно *coursaire*, а не *corsaire*.

Съ другими морскими голландскими терминами у насъ едва ли не съ Ивана Грознаго, выдававшаго *lettres de marque*, вошло въ употребленіе слово каперъ, но слова корсаръ, корсарскія письма или свидѣтельства употреблялись у насъ постоянно въ официальномъ языкѣ. Что корсары не имѣютъ ничего общаго съ морскимъ разбоемъ, достаточно прочесть знаменитые морскіе ордонансы Кольбера, послужившіе образцомъ и для другихъ государствъ.

Морской разбой, съ которымъ очевидно смѣшиваетъ г. Добротворскій дѣятельность корсаровъ, у насъ въ законѣ такъ и называется морскимъ разбоемъ и полагалась за него по уголовному уложенію рѣдкая у насъ смертная казнь. На всѣхъ почти языкахъ, да и на русскомъ, называютъ морскихъ разбойниковъ пиратами (по-французски еще и *forbans*); слово взято съ латинскаго языка, куда оно перешло отъ грековъ, которые издревле были наиболѣе дѣятельными морскими разбойниками.

Крейсерство, какъ вспомогательный для военнаго флота промыселъ, организовано уже въ XIII и XIV столѣтіяхъ, и тогда же вошли въ употребленіе *lettres de marque*, слово, происходящее отъ *marque*—граница, такъ какъ подобныя разрѣшенія на репрессалии давались ранѣе частнымъ лицамъ и по сухопутнымъ границамъ.

Кто въ жизни не видалъ картины или панорамы, изображающей этотъ знаменитый подвигъ, а между тѣмъ его никогда въ дѣйствительности не было и сочинилъ его Бареръ въ Конвентѣ, привравъ для красоты слога! Таковы и корсарскіе подвиги. Теперь обстоятельными изслѣдованіями доказано, что французы потеряли судами, грузомъ и людьми въ крейсерской войнѣ съ Англіей гораздо болѣе, чѣмъ послѣдняя. Этою потерею и объясняется даже иными ничтожностью нынѣшняго французскаго флота, еще въ XVIII столѣтіи весьма представительнаго.

Торопиться слѣдовательно съ вопросомъ о каперахъ и денонсированіи парижской деклараціи 1856 г. нечего. Каперы останутся слабымъ подобіемъ партизанской войны, средствомъ, которое будетъ имѣть значеніе только въ случаѣ всеобщей морской войны противъ Англіи, подобно той, что затѣялъ, хотя и неудачно, Наполеонъ въ 1807 году. Тогда и каперы могутъ принести въ качествѣ морского ландштурма пользу, очень однако сомнительную, потому что естественно, что въ случаѣ всеобщей морской войны всѣ морскія державы исчерпаютъ еще ранѣе насколько возможно всѣ ресурсы своего торговаго флота.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦІЯ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Поднятый г. Демчинскимъ вопросъ о децентрализаціи нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не новъ. Еще двадцать лѣтъ назадъ я, да и другіе, разбирали его, доказывая вредъ и даже опасность для Россіи въ умственномъ и культурномъ отношеніяхъ отъ искусственнаго сесредоточенія учащейся молодежи въ столицахъ, особенно въ Петербургѣ.

Всякая централизація вредна. Ламенэ справедливо назвалъ ее «параличемъ конечностей и апоплексіей центра». Централизація высшаго образованія въ образованіи несомнѣнно ослабляетъ у насъ умственную дѣятельность провинціи, и безъ того очень слабую.

Но если главныя положенія г. Демчинскаго безспорны, то далеко нельзя согласиться съ нимъ въ частности. Вредъ отъ скопленія высшихъ учебныхъ заведеній въ столицахъ онъ видитъ въ томъ, что профессора отвлекаются совершенно посторонними занятіями или преподаваніемъ сразу во многихъ заведеніяхъ, студенты

болѣе пляшуть и не имѣють времени сосредоточиться въ самихъ въ себѣ, а по своей многочисленности лишены всякой возможности имѣть научное и воспитательное общеніе съ своими преподавателями; жизнь въ столицахъ къ тому же очень дорога для молодежи.

Для устраненія означенныхъ неудобствъ г. Демчинскій предлагаетъ университеты разбить на особые факультеты и перенести ихъ въ провинцію, даже въ деревню, по возможности ближе къ природѣ; юридическій факультетъ Петербургскаго университета предлагаетъ онъ помѣстить на озерѣ Пейпусѣ, математическій—на р. Волховѣ или озерѣ Ильменѣ и т. д. То же предлагаетъ онъ и для высшихъ техническихъ заведеній, кромѣ медицинскихъ, нуждающихся въ разнообразныхъ клиникахъ. Почему, говоритъ онъ, не помѣстить институтъ путей сообщенія въ какомъ нибудь «желѣзнодорожномъ большомъ узлѣ», горный институтъ на Уралѣ? Расходы на подобное расселеніе не превысили бы 30 милл. руб., а для полученія этой суммы достаточно отложить года на два постройку Сѣверной желѣзной дороги.

Явленія, критикуемая г. Демчинскимъ, существуютъ не въ одной Россіи; и за границею замѣчается скопленіе молодежи въ столицахъ и немногихъ большихъ городахъ, въ Неаполѣ, на примѣръ, въ университетѣ болѣе пяти тысячъ студентовъ. И за границею мы видимъ концентрацію учебныхъ заведеній и затѣмъ службу выдающихся профессоровъ на сторонѣ.

Въ Германіи маленькіе университеты, недавно еще привлекавшіе не мало слушателей, положительно падаютъ. Берлинъ и Лейпцигъ насчитываютъ слушателей столько, сколько въ общей сложности всѣ остальные университеты. Понятно, они имѣютъ средства привлечь и выдающіяся научныя и педагогическія силы. Въ Австріи Вѣнскій университетъ совершенно затмеваетъ провинціальныя, имѣющіе болѣе политическое, чѣмъ научное значеніе, какъ напр. іезуитскій университетъ въ Инсбрукѣ, чешскій въ Прагѣ, польскій въ Краковѣ и т. п.

Въ Испаніи мелкіе провинціальныя университеты, въ одномъ изъ которыхъ, по увѣренію испанцевъ, учился еще Понтій Пилать, влачатъ самое жалкое и для страны вредное существованіе, готовя только политикановъ: адвокатовъ и чиновниковъ. Въ Италиіи проведенъ уже законъ о закрытіи упавшихъ небольшихъ провинціальныхъ университетовъ и только сопротивленіе городскихъ управленій не позволяетъ прилагать законъ болѣе энергично.

Во Франціи по учебному плану, установленному еще Наполеономъ I, существовала система, подобная той, которую рекомендуетъ г. Демчинскій, т.-е. каждый факультетъ былъ самостоятеленъ и факультеты разбросаны по многимъ провинціальнымъ городамъ. Неудовлетворительность факультетскаго преподаванія по сравненію съ преподаваніемъ въ нѣмецкихъ университетахъ заставила однако французовъ отказаться отъ наполеоно-демчинской системы и соединить

факультеты въ нѣскольکو большихъ университетовъ. И здѣсь, конечно, маленькіе города сопротивляются реформѣ.

Г. Демчинскій увѣряетъ, что слово *universitas* стало безсмыслицей, ибо одному человѣку нельзя хорошо знать и одной науки, а потому и рѣчи не можетъ быть объ универсальномъ образованіи. Однако при соединеніи въ одномъ заведеніи нѣсколькихъ спеціальностей несомнѣнно много выигрываетъ совершенство преподаванія и представляются значительныя сбереженія въ расходахъ отъ общихъ лабораторій, кабинетовъ, кафедръ и одной администраціи; поэтому-то опытные въ педагогикѣ нѣмцы и въ высшихъ техническихъ заведеніяхъ придерживаются теперь системы политехникумовъ. Конечно, богословіе не имѣетъ ничего общаго съ математикой, но умственное общеніе необходимо для богослова, какъ и для математика. Отчего, на примѣръ, астроному не поспорить съ богословомъ о вращеніи земли. Вѣрно, что всѣ науки дробятся теперь до безконечности, но вѣрно и то, что застываніе въ одной узкой спеціальности дѣлаетъ человѣка если не идіотомъ, то во всякомъ случаѣ непрактическимъ и негоднымъ для руководства молодежью.

Профессора и за границею не остаются безсребренниками и очень ищутъ постороннихъ заработковъ. Въ Парижѣ всѣ выдающіеся профессора техническихъ заведеній служатъ консультантами въ акціонерныхъ компаніяхъ; въ Германіи прошли времена, которыя я еще помню, когда, на примѣръ, профессоръ королев-

ской горной академіи въ Фрейбергѣ не выѣзжалъ изъ своего городка, утромъ читалъ сонныя лекціи, а вечеромъ скромно со студентами потягивалъ пиво въ какихъ-то полныхъ табачнаго дыма погребкахъ. Химическая промышленность Германіи обязана своимъ успѣхомъ тѣмъ, что въ фабричныхъ лабораторіяхъ работали лучшіе профессора и ученые. Я знаю одного профессора гидравлики и водяныхъ сооруженій въ техническомъ институтѣ въ Дармштадтѣ: онъ сверхъ профессуры состоялъ производителемъ работъ на Кильскомъ мореходномъ каналѣ и кромѣ того былъ моимъ сочленомъ въ совѣтѣ общества Панамскаго канала и аккуратно пріѣзжалъ въ Парижъ на засѣданія, гдѣ по своимъ выдающимся познаніямъ, хотя говорилъ по-французски какъ испанская корова, игралъ замѣтную роль. Очевидно изъ-за одного маленькаго профессорскаго гонорара скромный Дармштадтъ никогда не могъ бы удержать у себя такого хорошаго спеціалиста.

Расчистивъ и выселивъ столичныя заведенія, г. Демчинскій предлагаетъ студентовъ поставить лицомъ къ лицу съ природой, «давъ возможность полюбить ее, единственную исцѣлительницу нашихъ временныхъ моральныхъ недуговъ»...

«Только природа, говоритъ онъ, научаетъ любить все живущее на землѣ, устанавливая въ юношѣ столь необходимую въ жизни духовную и нравственную уравновѣшенность. Въ городѣ все дѣлается нервно, быстро; въ деревнѣ ничего нельзя сдѣлать скорѣе того, какъ живетъ природа».

Но гдѣ же эта русская природа (а не говорю объ окраинахъ въ родѣ Ленкоранскаго уѣзда или Кахетіи), которая «смирить пылкое воображеніе и подчинить общему закону бытія»?

Вѣдь поль-Россіи представляетъ теперь почти голую степь, въ родѣ той, о которой одинъ полковой командиръ николаевскихъ временъ говорилъ: «Какая тамъ природа, человѣка нечѣмъ высѣчь».

«Гдѣ же искать Россію? — спрашиваетъ Иванъ Васильевичъ въ «Тарантасѣ» Соллогуба.— Вотъ я ѣду четвертый день и слушаю и прислушиваюсь, и гляжу и вглядываюсь, и хоть что хочешь дѣлай, ничего отмѣтить и записать не могу. Окрестность мертвая; земли, земли, земли столько, что глаза устаютъ смотрѣть; дорога скверная... по дорогѣ идутъ обозы... мужики ругаются... Вотъ и все... а тамъ то смотритель пьянъ, то тараканы по стѣнѣ ползаютъ, то щи соевыми свѣчами пахнутъ... И всего безотраднѣе то, что на всемъ огромномъ пространствѣ господствуетъ какое-то ужасное однообразіе, которое утомляетъ до чрезвычайности и отдохнуть не даетъ... Нѣтъ ничего новаго, ничего неожиданнаго. Все то же да то же... и завтра будетъ, какъ нынче».

Извольте съ такою природою нашей провинціи устанавливать «духовную связь учащагося съ наставникомъ», какъ желаетъ г. Демчинскій.

Да и за границею въ мелкихъ университетахъ нѣмецкіе студенты не столько сближаются съ природою, сколько занимаются пьянствомъ и дракамъ. Прими-

ряетъ ихъ любовь къ пиву, а не къ природѣ. Объ Италіи и Испаніи и говорить печего: буржуазія и высшіе классы тамъ совсѣмъ городскіе и природою вовсе не интересуются. Студенческая жизнь вездѣ измѣнилась. Теперь даже въ Парижѣ идеалистическихъ студентовъ и гризетокъ, воспѣтыхъ такъ симпатично Анри Мюрже, не существуетъ болѣе. Студенты изучаютъ не столько науки, сколько *filles des brasseries*.

Въ Англіи въ природѣ живутъ очень богатые студенты—въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, но и тамъ бѣдняки, хотя уже не чистятъ сапоговъ и платья богатымъ товарищамъ, но спортомъ не занимаются, а долбятъ преисправно, въ надеждѣ получить пасторскія и учительскія мѣста. Но Англія никому не указъ: тамъ напримѣръ въ народныхъ школахъ законъ воспрещаетъ тѣлесныя наказанія, а въ аристократическихъ школахъ порютъ преусердно, что одну сатирическую газету заставило замѣтить, что единственная теперь привилегія аристократіи въ Англіи это право драть своихъ дѣтей въ школахъ.

Въ Англіи впрочемъ не мало университетовъ въ большихъ городахъ — въ Лондонѣ, Дублинѣ, Эдинбургѣ, Глазго.

У насъ есть заведенія не въ деревнѣ даже, а около городовъ, какъ Лѣсной и Петровская академія, и воспитанники ихъ значительно грубѣе остальныхъ студентовъ. Что же было бы, если удалить ихъ къ болотистымъ берегамъ Пейпуса и рѣки Вазузы.

Да и вообще, какое вліяніе можетъ имѣть природа

у насъ въ деревнѣ, когда полгода и болѣе сыплетъ снѣгъ, льетъ дождь, а круглый годъ грязь. Ужъ привыкшіе съ дѣтства и нетребовательные мужики—и тѣ по мѣсяцамъ валяются на палатахъ и выходятъ на улицу только по необходимости или уходятъ на зиму въ города.

Профессорамъ въ такихъ трущобахъ останется одно—играть въ карты и еще усиленнѣе интриговать другъ противъ друга, студенты же перемрутъ отъ скуки, гуляя по снѣгу или голой степи, да и не найдутъ въ деревняхъ и средствъ къ жизни; а вѣдь значительная доля молодежи перебивается уроками или живетъ при родителяхъ и родственникахъ. Что же ожидать ихъ на лонѣ природы? Г. Демчинскій не хочетъ даже разрѣшить имъ плясать, а я полагаю, что танцы гораздо полезнѣе для воспитанія, чѣмъ интегральное исчисленіе или греческая грамматика.

Не только деревня, но и города, какъ Псковъ или Новгородъ, рекомендуемые для помѣщенія факультетовъ г. Демчинскимъ, никакихъ рѣшительно ресурсовъ ни для учащихъ, ни для учащихся не представляютъ. Города эти не имѣютъ даже той умственной и промышленной жизни, какую имѣли въ XV столѣтіи.

Разселеніе и высшихъ техническихъ школъ дѣло вовсе не простое. Важнѣйшіе желѣзнодорожные узлы въ Россіи: Москва, Кіевъ, Варшава, но тамъ имѣются уже высшіе путейскіе и техническіе институты, Москва къ тому же столица. Но вообразите путейскій инсти-

туть въ желѣзнодорожномъ узлѣ въ родѣ Грязей, гдѣ кромѣ узла четырехъ дорогъ и грязи имѣлись только кабаки, а теперь и ихъ нѣтъ, остаются только пьяные на улицахъ.

Мысль хотя не новая перенести горный институтъ изъ Петербурга на Уралъ также не выдерживаетъ критики. Горный институтъ приготовляетъ инженеровъ рудничныхъ и заводскихъ. На Уралѣ нѣтъ почти ни одного благоустроеннаго рудника, заводы же въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ на минеральномъ топливѣ гораздо значительнѣе или лучше устроены, чѣмъ уральскіе на древесномъ топливѣ. Ничего подобнаго Путиловскому и Обуховскому заводамъ на Уралѣ не будетъ и черезъ 50 лѣтъ. Между тѣмъ ѣхать на Югъ Россіи или въ Царство Польское, центры нашего горнаго дѣла, конечно удобнѣе изъ Петербурга нежели съ Урала.

Нельзя отрицать однако, что нѣкоторыя заведенія были созданы въ послѣднее время не на мѣстѣ. Къ чему, на примѣръ, было затрачивать десять слишкомъ милліоновъ на политехникумъ въ Лѣсномъ, съ какимъ-то фантастическимъ экономическимъ факультетомъ или съ кораблестроительнымъ, когда у насъ никакихъ частныхъ верфей, сколько нибудь серьезныхъ, еще не существуетъ. Совершенно лишніе также, горныя отдѣленія технологическихъ институтовъ въ Томскѣ и Варшавѣ. На деньги, затраченныя на означенныя три заведенія, можно было устроить высшія учебныя заведенія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, на примѣръ политехникумъ

въ Тифлисѣ и сельско-хозяйственный институтъ въ Саратовѣ или Воронежѣ.

Мы не пользуемся своими силами; мы все толкуемъ объ отсутствіи активной торговли, а у насъ есть народъ армяне, удивительно способный для коммерческой агентуры; его оцѣнилъ уже по этой части Петръ Великій. Отчего не устроить высшаго коммерческаго училища въ Закавказьѣ?

Децентрализація высшихъ учебныхъ заведеній должна быть у насъ, но не ради сближенія съ природою, а чтобы поднять умственную и политическую жизнь въ большихъ провинціальныхъ городахъ. Упраздненіе генераль-губернаторовъ въ ихъ прежнемъ значеніи я считаю уже большою по части означеннаго поднятія ошибкою. Одесса при графѣ Воронцовѣ совсѣмъ была другимъ городомъ въ культурномъ отношеніи, чѣмъ теперь, хотя жителей было въ шесть разъ менѣе. Около графа группировались русскіе и польскіе аристократы и отставные дипломаты, наѣзжали иностранныя знаменитости, группировались и ученые и способные чиновники. Благодаря центральной администраціи въ какомъ либо Ташкентѣ теперь болѣе умственнаго движенія, чѣмъ въ существующихъ сотни лѣтъ чисто русскихъ городахъ: Тулѣ, Рязани, Черниговѣ.

Вотъ концентрируя высшія учебныя заведенія въ нѣсколькихъ большихъ городскихъ центрахъ да давая этимъ городамъ извѣстную роль въ мѣстной администраціи, мы можемъ оживить нашу замершую провинціальную жизнь и прекратить бѣгство всѣхъ жи-

выхъ силъ изъ провинціи на службу въ петербургскія канцеляріи и казармы.

Повидимому, у г. Демчинскаго была еще другая мысль: перенося высшія школы въ деревню, онъ полагалъ ограничить вообще приливъ въ нихъ учащихся. Вопросъ этотъ очень интересенъ, но, какъ всѣ вопросы о высшемъ образованіи, и очень сложенъ.

Высшее образованіе у насъ есть только ступенька для полученія чина и мѣста, а еще Платонъ въ своей «Республикѣ» замѣтилъ, что «тамъ, гдѣ всѣ ищутъ казенной службы и гдѣ желающіе нажитья думаютъ, что общественная дѣятельность для этого удобный источникъ, тамъ хорошее правительство невозможно».

Когда государство, вмѣсто распространенія общаго образованія, фабрикуетъ на свой счетъ ученыхъ чиновниковъ, инженеровъ, артистовъ, то оно дѣлается социалистическимъ и беретъ на себя совершенно непосильную задачу распредѣлять въ странѣ обязанности и трудъ. Оно какъ бы подражаетъ законодателямъ древности и среднихъ вѣковъ, когда опредѣлялось число работниковъ, долженствовавшихъ трудиться въ каждомъ отдѣльномъ ремеслѣ. Государство вмѣшивается такимъ образомъ въ рынокъ труда и опредѣляетъ предложеніе и спросъ. «Бѣдность, весьма вѣрно замѣтилъ Прудонъ, не есть лишеніе извѣстныхъ предметовъ, а нарушеніе равновѣсія между потребностями и способами ихъ удовлетворенія». Если потребности массы отъ развитія образованія увеличиваются, то въ сущности она становится относительно бѣднѣе.

Поэтому конечно одна многочисленность студентовъ не есть еще благо; тогда Испанія была бы самымъ культурнымъ государствомъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Если же задаться разрѣшеніемъ вопроса, поднятаго г. Демчинскимъ, т.-е. уменьшеніемъ числа студентовъ до той нормы, когда они могутъ какъ слѣдуетъ заниматься науками и находиться подъ наблюденіемъ не полицейскимъ, а педагогическимъ своихъ профессоровъ, то для этого имѣются болѣе энергическія средства, чѣмъ возвращеніе къ природѣ; средства эти—уничтоженіе привилегій высшаго образованія по чиновпроизводству и ограниченіе дарового высшаго образованія. Если мастеръ, учащійся шить сапоги, платитъ за эту науку деньгами или натурою, то почему горный инженеръ или адвокатъ долженъ пріобрѣтать свою спеціальность на общественный, т.-е. на чужой счетъ?

Современный нѣмецкій студентъ—обеспеченный и часто богатый молодой человекъ. Бѣдняки рѣдко попадаютъ въ Германію въ высшія учебныя заведенія. Студентъ первые два—три семестра проводитъ, бездѣльничая въ какомъ нибудь *Vishmeln*-университетѣ, напримѣръ Гейдельбергѣ, и затѣмъ ѣдетъ въ Мюнхень, Берлинъ или другіе научные центры для *Brodstudien*, иначе говоря,—для подготовки къ государственному экзамену.

На мелкіе расходы на увеселенія корпораціи студентъ въ Гейдельбергѣ вноситъ иногда по 600 рублей въ мѣсяць. «Трудно найти какой либо масштабъ для

сравненія корпоративнаго студента Гейдельберга и обитателя нашихъ ляпинскихъ и лепешкинскихъ общежитій», говоритъ корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей». «Бросаются деньги, прожигается здоровье въ ночныхъ кнейпахъ, льется кровь на дуэляхъ. Попойки, дуэли и пѣсни—сфера нѣмецкаго студента первыхъ семестровъ. И этотъ воинственный духъ молодежи не утихаетъ, а крѣпнетъ, благодаря сочувственному покровительству свыше».

То же самое и въ Голландіи. Тамъ студентами въ университетахъ могутъ быть только очень богатые люди. Расходы студентовъ на празднества доходятъ до безумія. Одному сынку банкира папаша на юбилейное торжество Утрехтскаго университета отпустилъ 250,000 гульденовъ!

Затѣмъ самая университетская наука прививается какъ-то иначе у насъ чѣмъ за границею. Достаточно вспомнить великаго Дарвина, сдѣлавшаго для науки XIX столѣтія то, что для науки XVII столѣтія сдѣлалъ столь же великій его соотечественникъ—Ньютонъ. Надобно сознаться, что у насъ торжество идей Дарвина сопровождалось весьма странными, почти комическими явленіями. Здѣсь, впрочемъ, не было ничего удивительнаго. Какъ стаканъ крѣпкаго вина, полезный для взрослога, опьяняетъ и дѣлаетъ безобразнымъ дитя, такъ и идеи Дарвина, схваченныя верхами, плохо понятыя и навыворотъ усвоенныя въ нашей молодой и неразвитой интеллигенціи, послужили началомъ болѣзненнаго увлеченія естество-

знаніємъ, увлеченія, которое, начавшись съ идеализаціи полезнаго вліянія науки, окончилось грубымъ поклоненіемъ динамиту.

Понятно, что упрекать въ подобныхъ уклоненіяхъ мы должны не науку, не Дарвина и дарвинизмъ, а самихъ себя. Какъ нѣкогда идеи Ньютона и энциклопедистовъ, такъ называемое у насъ «волтеріанство», выродились на русской почвѣ въ барскую забаву, такъ и дарвинизмъ переродился при помощи «мыслящихъ мозговъ» изъ семинаристовъ уже не въ забаву, а въ недозрѣлое міросозерцаніе умственныхъ пролетаріевъ. Съ Дарвиномъ здѣсь нѣтъ общаго даже по внѣшности. Длинные гривы мужчинъ и стриженные косы женщинъ—прямое отрицаніе естественныхъ отличій вида, а на тончайшемъ изученіи этихъ отличій и основалъ всю свою теорію знаменитый англійскій естествоиспытатель...

*
* * *

Означенныя разсужденія вызвали цѣлый рядъ статей въ разныхъ органахъ печати и между прочимъ длинный отвѣтъ г. Демчинскаго, на который я отвѣчалъ слѣдующею статьею.

Хорошо пишетъ г. Демчинскій. Если и не всегда убѣдительно, то картинно и съ жаромъ. Откуда только берется у него столько жару въ Новгородской губерніи? Къ сожалѣнію, я прочелъ его статью въ день отъѣзда за-границу и могу отвѣтить наскоро только нѣсколько словъ исключительно по вопросу о «при-

родѣ», такъ какъ весьма интересный и важный вопросъ о географической децентрализаціи нашихъ учебныхъ заведеній заслуживаетъ болѣе внимательнаго и подробнаго разбора.

Г. Демчинскій говоритъ, что я не формулировалъ своего предложенія, между тѣмъ я высказалъ его вполне ясно. Заведенія не для чего сосредоточивать въ столицахъ, но разсѣлять ихъ слѣдуетъ не въ медвѣжьихъ углахъ, гдѣ нѣтъ никакой умственной и артистической жизни, а въ большихъ провинціальныхъ центрахъ и безъ раздробленія факультетовъ, стараясь создать въ Россіи не двѣ, а десять «умственныхъ» столицъ, «очаговъ цивилизаціи», какъ выразились бы въ прежнее время.

Теперь обращаюсь къ вопросу о «природѣ». Тутъ очевидно между нами одно недоразумѣніе. Природа, о которой я говорилъ, не та, о которой пишетъ такъ краснорѣчиво г. Демчинскій. Я вовсе не городской житель, какъ турокъ или писецъ петербургскаго департамента. И я родился въ степи и выросъ на берегу моря, и ихъ поэзія близка моему сердцу. Русская природа мнѣ хорошо знакома, такъ какъ вдоль и поперекъ я изъѣздилъ Россію и въ телѣгѣ, и на лодкѣ, и всякими другими способами передвиженія. Я знаю свое отечество отъ Сосновицы до Владивостока и отъ Измаила, Баку и Оренбурга до Або, Соловецкаго монастыря и р. Печоры; жывалъ не только въ деревнѣ, но и на Мангышлакѣ и въ Киргизской степи. Я не смотрѣлъ во время своихъ путешествій

на окружающее, какъ корова смотритъ на проходящій поѣздъ желѣзной дороги. Но и въ природѣ, какъ во всѣхъ вещахъ, я различалъ идеальную сторону отъ реальной.

Поэзія конечно есть во всемъ, и та природа, которую геніальнымъ чутьемъ поняли Толстой, Тургеневъ, Гоголь и такими блестящими красками описали, доступна пониманію немногихъ. Другіе геніи, какъ Бальзакъ, Текерей, описали съ такимъ же тонкимъ чутьемъ городскую жизнь и въ ней есть поэзія и своя, идеальная сторона, а не одни чиновничьи подвохи и купеческія обдуванія, на которые намекаетъ г. Демчинскій.

Но еще Вольтеръ отвѣчалъ давно Руссо на его наивное восхищеніе природою и призывъ вернуться къ ней, что «какъ бы хороша природа ни была, но не можетъ же человѣчество стать на четвереньки и побѣжать въ лѣсъ».

И не таково ли отвлеченное желаніе сблизить молодыхъ людей съ деревней и природою?

Русская изба имѣетъ великій смыслъ; это резюме русской культуры за десятокъ слишкомъ вѣковъ: изучать ее можно, пожалуй даже безотчетно любить. Но это не значить, что можно развитого человѣка заставить жить въ избѣ и что тараканы, клопы и всяческая грязь ея сольютъ васъ русскою съ природою.

Море удивительно поэтично, морскія же бури послѣ изверженія вулкановъ самое ужасное, что можетъ представить себѣ и изобрѣсти человѣческое воображеніе.

Но это не значитъ, что жизнь на карабляхъ нормальна и что морская болѣзнь пріятна, особенно въ обстановкѣ сѣверныхъ непривѣтливыхъ русскихъ морей—Балтійскаго или Охотскаго.

Трупъ человѣка или лошади представляетъ для врача или химика цѣлый міръ, безконечную массу интереснѣйшихъ фізіологическихъ и химическихъ фактовъ и процессовъ, способныхъ увлечь ученаго и занять всю жизнь его. Это не значитъ, что нельзя затыкать носа при видѣ трупа и падали и не спѣшить убирать и закапывать ихъ.

Конечно заболотившуюся мѣстность, покрытую морошкой, какойнибудь художникъ изобразить чудеснымъ образомъ на полотнѣ; любимыя же мы болотными пейзажами, написанными Рюисдалемъ. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что если построить школу на сыромъ болотѣ, то ученики, гуляя по грязи, страдая ревматизмами и кусаемые лѣтомъ комарами, ощутятъ въ себѣ Рюисдалей или Тургеневыхъ и станутъ, какъ кулики, любить свое болото «превыше всего на свѣтѣ».

Разумный патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать свое наилучшимъ, а не въ томъ, чтобы сидѣть по уши въ помояхъ и находить это очень пріятнымъ и даже поэтичнымъ.

Г. Демчинскій указываетъ, что всякій разъ, когда онъ живалъ въ Европѣ подолгу, то томился тамъ и съ радостью возвращался въ свою «нищую и неумытую родину». Онъ объясняетъ это любовью къ родинѣ «до самозабвенія».

Чувство, которое испыталъ г. Демчинскій, испыталъ всякій. Еще Карамзинъ сказалъ, что «жить можно вездѣ, но мыслить и чувствовать только въ своемъ отечествѣ». А я думаю, что русскій человѣкъ и физически можетъ жить при вполнѣ нормальныхъ условіяхъ только въ своемъ отечествѣ.

Для объясненій этого не нужно никакихъ «любвей», «самозабвеній» и др. громкихъ фразъ и изліяній. Все это весьма научно и объясняется по теоріи Дарвина приспособленіемъ человѣческаго организма къ извѣстной средѣ. Человѣка также трудно пересадить въ другой климатъ, на другую почву и въ другую обстановку, какъ и растеніе, какъ нельзя вынуть рыбу изъ воды или заставить безъ головокруженія млекопитающихъ (кромѣ летучихъ мышей) летать по воздуху. По этой же причинѣ самоѣдъ задыхается отъ жары въ холодномъ Петербургѣ, а черному негру бѣлокожіе кажутся противными мертвецами.

Тѣ же процессы происходятъ во мнѣ, какъ и въ г. Демчинскомъ.

Я родился въ Одессѣ, родители мои были южане и я въ петербургской мглѣ всегда скучаю по солнцу. Никакая воронинская баня не замѣнитъ благотворнаго вліянія солнца на организмъ. Воспитанный въ Россіи въ «эпоху варварства, великодушія и славы» на кадетскихъ щахъ и кашѣ, я тоскую, кормясь за границею разными консоме и фрикасе.

Поэтому всякій разъ, когда я переѣзжаю государственную границу, то неизбѣжно «наваливаюсь» на

осетрину и балыкъ и неизмѣнно каждый разъ засариваю себѣ желудокъ на все время пребыванія въ миломъ отечествѣ, отъ чего можетъ быть настоящее и будущее его представляется мнѣ въ мрачныхъ краскахъ, а природа Псковскаго и Лужскаго уѣздовъ вовсе не увлекаетъ меня.

ПЕРЕПРОИЗВОДСТВО ИНЖЕНЕРОВЪ.

До сихъ поръ были разнаго рода артели; наиболѣе выгодными или аристократическими между ними считались артели биржевыя, т.-е. такія, члены которыхъ катаютъ бочки въ таможняхъ; теперь оказывается, что въ артели нужно включить горныхъ инженеровъ въ виду ихъ перепроизводства.

Такъ по крайней мѣрѣ предложилъ въ Обществѣ горныхъ инженеровъ г. Кенисбергеръ. По его словамъ, уже въ 1902 году 100 горныхъ инженеровъ находилось безъ опредѣленныхъ занятій, т.-е. не могли подыскать подходящихъ себѣ мѣстъ, а за годъ число безработныхъ конечно увеличилось, хотя, къ счастью, выпуска изъ Горнаго института почти не было изъ-за студенческихъ беспорядковъ. Имѣя въ виду, что въ золотомъ дѣлѣ еще мало работаетъ инженеровъ, гдѣ ихъ съ успѣхомъ замѣняютъ самоучки-практики, и то, что большинство золотопромышленныхъ предпріятій слишкомъ малы, чтобы позволить себѣ роскошь приглашать специалистовъ, да и работаютъ эти предпріятія

только три мѣсяца въ году, г. Кенигсбергеръ предложилъ, чтобы группа горныхъ инженеровъ, пожелавшихъ заняться золотопромышленностью, соединилась въ артель. Артель для начала должна быть непременно трудовая, а впоследствии, когда отъ доходовъ образуется нѣкоторый фондъ, она можетъ сдѣлаться и предпринимательской.

Противъ того, что горные инженеры могутъ образовывать трудовую артель или, какъ теперь принято называть за границею, «рабочій синдикатъ», я ничего не имѣю, но сомнѣваюсь, чтобы это само по себѣ увеличило сбытъ или помѣщеніе инженеровъ. Если бы банкиры или камергеры образовали артели, то это нисколько не увеличивало бы въ нихъ потребности, опредѣляемой числомъ банковъ или потребностью придворной службы. Горный институтъ вовсе не общеобразовательное заведеніе, а чисто профессиональное. Зачѣмъ же заставлятъ молодого человѣка тратить пять лѣтъ на изученіе двадцати спеціальныхъ наукъ, если заранѣе извѣстно, что это будетъ напрасно потраченный трудъ и пріобрѣтенныя съ такими усиліями знанія къ жизни приложены не будутъ? А изучить горную спеціальность нелегко. Оказывается, что за четыре года едва только 1 изъ 4 студентовъ оканчивалъ курсъ. Остальные напрасно обременяли преподаваніе, стоящее, какъ извѣстно, въ высшихъ техническихъ школахъ очень дорого.

Точно также спросъ на горныхъ инженеровъ опредѣляется развитіемъ промышленности, а не вну-

тренней организаціей инженернаго труда. Это все равно, какъ гармонія не зависитъ отъ того, какъ сидятъ музыканты. Разъ въ инженерахъ имѣется избытокъ, онъ и останется избыткомъ, и горнымъ инженерамъ придется искать заработковъ на сторонѣ, забывая о мудреныхъ наукахъ, прописанныхъ въ ихъ дипломахъ. Вѣдь палеонтологія или маркшейдерское искусство не составляютъ ежедневной потребности въ человѣческомъ быту, какъ искусство чистить сапоги или рубить котлеты. Слава Богу, если инженеры найдутъ помѣщеніе въ качествѣ сотрудниковъ газетъ по горно-заводскимъ вопросамъ, трактуемымъ, какъ извѣстно, теперь вкривь и вкось диллетантами. Вѣрнѣе, что найдутъ они себѣ помѣщеніе въ великой безъ того бюрократической арміи.

Но съ другой стороны весьма странно читать фактическое подтвержденіе существующаго уже избытка горныхъ инженеровъ, когда рядомъ, кромѣ Екатерининскаго горнаго института, наготовившаго этотъ избытокъ, единственно въ угоду маменькамъ, рѣшившимъ, что дѣти ихъ должны сдѣлаться горными инженерами (какъ въ свое время Ѳемистоклюсь долженъ былъ стать посланникомъ) и получать якобы сто тысячъ въ годъ жалованья, у насъ въ пять лѣтъ учредили пять новыхъ горныхъ институтовъ! Excusez du peu.

Въ то время, когда бѣдныя Англія и Франція съ ихъ колоссальною промышленностью должны довольствоваться однимъ единственнымъ высшимъ горнымъ училищемъ, у насъ, при наличности горнозаводскаго

кризиса, оттого, что построено десять лишнихъ заводовъ, имѣется уже шесть высшихъ горныхъ училищъ: Горный институтъ Екатерины II, Екатеринославское высшее горное училище, горное отдѣленіе Томскаго технологическаго училища, металлургическій отдѣлъ Петербургскаго политехникума и горное отдѣленіе Варшавскаго политехническаго института. Подымался кромѣ того вопросъ объ учрежденіи седьмого горнаго института въ Екатеринбургѣ и даже восьмого во Владивостокѣ.

Въ общей сложности, когда всѣ нынѣ существующія заведенія станутъ работать полною силою, они будутъ имѣть до двухъ тысячъ горныхъ студентовъ и фабриковать ежегодно отъ 300 до 400 горныхъ инженеровъ, вмѣсто 60—70, которыхъ давалъ Горный институтъ, или 15—20, которыхъ даетъ высшая горная школа въ Парижѣ, хотя во Франціи горные инженеры кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей завѣдываютъ контролемъ тяги желѣзныхъ дорогъ и инспекціей паровыхъ котловъ. Газеты видѣли наше техническое невѣжество между прочимъ въ томъ обстоятельствѣ, что у насъ всего 750 горныхъ инженеровъ. Но это только число инженеровъ (въ дѣйствительности болѣе 900), состоящихъ на службѣ горнаго вѣдомства; если же прибавить отставныхъ горныхъ инженеровъ, но служащихъ на заводахъ, технологовъ, фактически долготѣною практикою превратившихся въ горныхъ инженеровъ, и совершенно необходимыхъ иностранныхъ техниковъ, то число горныхъ инженеровъ далеко перевалить у

насъ за тысячу, что для русской горной промышленности въ настоящее время вполне достаточно.

Недостатокъ горныхъ инженеровъ въ Россіи существовалъ только въ воображеніи газетъ, да тѣхъ родителей, которымъ непременно хочется опредѣлить внѣ конкурса своихъ сыновей въ Горный или Путейскій институты. Въ теченіе моей продолжительной службы я не помню случая, чтобы желаніе имѣть русскаго инженера не было удовлетворено; наоборотъ, не мало горныхъ инженеровъ сидѣло безъ дѣла или, кончивъ Горный институтъ, обращалось къ другимъ карьерамъ ради куска хлѣба.

Наивные люди думаютъ, что отъ такой благодати въ инженерахъ золотыя руды отыщутся въ горѣ Парнасѣ около Парголова и забьютъ нефтяныя фонтаны въ Пулковѣ. Я въ этомъ столько же сомнѣваюсь, сколько и въ пользѣ инженерныхъ трудовыхъ артелей.

Нельзя же полагать, что чѣмъ болѣе будетъ въ Россіи число горныхъ инженеровъ, тѣмъ болѣе разовьется горная промышленность. Это все равно, что думать, будто если вмѣсто десятка кафедръ философіи у насъ устроить ихъ пятьсотъ, то вся Россія зафилософствуется и московскіе половые заткнутъ за поясъ Аристотелей и Бэконовъ. Горная промышленность расширяется отъ увеличенія спроса на каменный уголь и на металлы. Расширеніе промышленности вызываетъ спросъ на технику, а не наоборотъ. Это азбучная истина, которую просто совѣстно повторять. Пропорціоноально числу заводовъ и рудниковъ у насъ горныхъ

инженеровъ втрое болѣе чѣмъ въ Англии и Франціи. Важно не количество, а качество; одинъ хорошій инженеръ стоитъ десяти плохихъ, а для замѣщенія должностей штейгеровъ или уставщиковъ вовсе не требуется познаній горнаго инженера.

Новыя горныя заведенія возникли по большей части случайно. Вопросъ о Екатеринославскомъ возбудилъ одинъ покойный заводчикъ, боявшійся, что сынъ его никогда не окончитъ курса Петербургскаго института. Сынъ въ концѣ концовъ выбралъ карьеру музыканта; но южане стали придумывать что нибудь полегче и при помощи частныхъ сборовъ устроилось заведеніе съ трехлѣтнимъ курсомъ, очевидно недостаточнымъ потому, что уже сейчасъ же поднялся вопросъ объ учрежденіи 4-го курса. Въ Горномъ институтѣ ихъ пять. Томское горное отдѣленіе также будетъ готовить инженеровъ въ 4 года, предполагая вѣроятно, что въ Томскѣ познанія пріобрѣтаются скорѣе, чѣмъ въ Петербургѣ. Устроилось оно потому, что за отсутствіемъ въ Сибири фабрично-заводской промышленности явилось сомнѣніе, найдутъ ли себѣ помѣщеніе томскіе технологи. Металлургическій отдѣлъ политехникума въ Лѣсномъ, чуть ли не на 500 человѣкъ, — а всѣхъ серьезныхъ горныхъ заводовъ, заслуживающихъ этого названія, не наберется въ Россіи сотни, — устроенъ по мысли г. Менделѣева замѣнить мало пригодныхъ будто бы горныхъ инженеровъ инженерами-металлургами подъ условіемъ, чтобы они непременно не имѣли никакого отношенія къ горной администраціи

(см. отчетъ о поѣздкѣ на Уралъ нашего химика). Наконецъ, для учрежденія варшавскаго горнаго отдѣленія, которое въ дѣйствительности является польскою затѣею, предлогомъ было выставлено, по словамъ «Вѣстника Промышленности и Торговли», ожидаемое въ краѣ крупное развитіе горной промышленности, какъ-то: угольной, желѣзной, цинковой, даже сѣрной, мѣдной и соляной.

На чемъ основаны эти ожиданія, понять трудно для спеціалиста. Польскій угольный бассейнъ—кочокъ силезскаго, въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ; онъ весь почти покрытъ уже отводами. Польскія желѣзныя руды бѣдны и ихъ количество не удовлетворяетъ даже потребностей существующихъ заводовъ. Польскія цинковыя руды очень бѣдны и случайно встрѣчаются въ вельдской фармаціи, являющейся маленькимъ островкомъ. Сѣрное мѣсторожденіе одно, очень бѣдное; мѣдныхъ рудъ въ Царствѣ Польскомъ встрѣчаются лишь признаки: такія есть гдѣ угодно, даже у насъ близъ Петербурга на Волховѣ; соль въ краѣ искали усердно сто лѣтъ и не нашли, кромѣ бѣдныхъ рассоловъ близъ прусской границы. Гдѣ же тутъ наличность для будущаго огромнаго промысла, а слѣдовательно и для особаго дорогаго спеціального заведенія?

Удивленіе нѣкоторыхъ публицистовъ, что въ Россіи выплавка чугуна на каменномъ углѣ установилась только 30 лѣтъ назадъ,—также наивно. Если взять Царство Польское, то этотъ срокъ значительно отда-

лится. Но затѣмъ спрашивается: какъ это могла бы у насъ явиться выплавка чугуна на каменномъ углѣ, когда не было въ Донецкомъ бассейнѣ желѣзныхъ дорогъ?

Развѣ могли дѣйствовать доменные печи, поглощающія 5—8 милліоновъ пудовъ въ годъ сырыхъ матеріаловъ каждая, на гужевоѣ перевозкѣ на волахъ? До постройки желѣзныхъ дорогъ подобная выплавка могла имѣть только опытный характеръ и опыты плавки на каменномъ углѣ, коксѣ и антрацитѣ горное вѣдомство производило въ разныхъ мѣстахъ: въ Луганскѣ, Керчи, Петровскѣ и Лисичанскѣ еще съ самаго начала прошлаго столѣтія. А какъ только желѣзныя дороги прорѣзали Донецкій бассейнъ, явилась и выплавка на ископаемомъ горючемъ уже не опытная, а валовая.

Сталерельсовое производство у насъ установлено сравнительно недавно, потому что и въ цѣломъ мірѣ оно явилось недавно. Ранѣе рельсы употреблялись желѣзные. Въ Россіи стальные рельсы стали готовить почти въ одно время, что и за границею, т. е. тридцать лѣтъ назадъ.

Жалоба, что не были детально обслѣдованы мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ, неосновательна. Никто не развѣдываетъ мѣсторожденій, которыя не предполагается разрабатывать. Это было бы безцѣльнымъ бросаніемъ денегъ. Всѣ же значительныя мѣсторожденія рудъ, по крайней мѣрѣ въ Европейской Россіи, были болѣе или менѣе извѣстны; новыхъ никакихъ не нашли, а только прослѣдили болѣе точно распространеніе ста-

рыхъ, знакомыхъ поверхностно. Затѣмъ не угодно ли указать факты, гдѣ бы чугуноплавильное производство остановилось въ Россіи изъ-за неизвѣстности рудъ? Наоборотъ, рудъ у насъ и теперь извѣстно болѣе, чѣмъ ихъ требуется для дѣйствія доменныхъ печей.

Неосновательна и фраза, что половина изъ протекшихъ съ устройства горнаго вѣдомства двухсотъ лѣтъ пропала для серьезныхъ успѣховъ горнаго дѣла. Вѣдь за это пропавшее яко бы время русское горное дѣло, сосредоточивавшееся ранѣе въ нѣсколькихъ уѣздахъ подмосковной Руси, раскинулось отъ Домбровы до береговъ Амура и Каспія и предгорій Тянь-Шаня и было открыто болѣе полутора десятковъ тысячъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ и построены въ новыхъ мѣстностяхъ сотни заводовъ.

Въ своихъ благоглупостяхъ газеты дошли до сожалѣнія о томъ, что нефть употребляется у насъ будто бы для выплавки чугуна и цѣна ея «ложится тяжело въ цѣну послѣдняго»!! При этомъ высказывалось сожалѣніе, зачѣмъ у насъ не могутъ употреблять антрацита для отопленія паровиковъ, когда за границею уже примѣнились къ нему. Между тѣмъ въ дѣйствительности на нефти чугуна выплавить невозможно, а въ Европѣ антрацита на дорогахъ не употребляютъ, развѣ гдѣ нибудь въ Валлисѣ; у насъ же антрацитъ, какъ топливо для паровозовъ, примѣняется уже болѣе 40 лѣтъ, хотя конечно гораздо удобнѣе и выгоднѣе употреблять въ паровозахъ пламенный (курной) уголь и нефтяные остатки.

Многочисленность новыхъ заведеній представляетъ, помимо непроизводительнаго расхода (ибо достаточно было расширить лабораторію и прибавить нѣсколько аудиторій и чертежныхъ въ Горномъ институтѣ, чтобы увеличить на 50 проц. выпускъ горныхъ инженеровъ) и перепроизводства инженеровъ, и разныя другія неудобства.

Прежде всего является недостатокъ профессоровъ. Уже Горный институтъ сто лѣтъ съ трудомъ пріискиваетъ преподавателей для наиболее важныхъ наукъ: металлургіи, горнаго искусства, горной механики. Само собою разумѣется, что способному и опытному технику, имѣющему возможность зарабатывать большія деньги въ частной дѣятельности, нѣтъ никакого расчета зарываться за ничтожное вознагражденіе въ педагогію. А гдѣ же найти профессоровъ-спеціалистовъ для шести горныхъ академій; очевидно, преподавательскій персоналъ будетъ все понижаться и подготовка новыхъ инженеровъ слабѣть.

Затѣмъ и въ практическомъ и служебномъ отношеніяхъ явится непременно путаница изъ-за того, что шесть заведеній, принадлежащихъ разнымъ вѣдомствамъ, будутъ выпускать инженеровъ съ одинаковыми титулами, но вовсе не съ одинаковою подготовкою, пяти, четырехъ- и трехлѣтнею. Явится конечно соперничество, будутъ случаи, что талантливые инженеры со скорспѣлой подготовкою на дѣлѣ и на службѣ окажутся болѣе способными и бойкими, чѣмъ внушать инымъ убѣжденіе, что лучше поменьше учить инженеровъ.

Замѣчательно также, что если число высшихъ горныхъ заведеній за шесть лѣтъ ушестерилось, то число среднихъ за то же время не измѣнилось,—ихъ осталось попрежнему шесть или семь, т. е. по крайней мѣрѣ втрое меньше потребности, и не находится средствъ для покупки зданія вновь проектированному бакинскому горному училищу, содержаніе котораго приняли на себя нефтепромышленники.

Между тѣмъ для завѣдыванія отдѣльными цехами заводовъ или второстепенными разработками вовсе и не нужно горныхъ инженеровъ, т. е. людей съ широкой и разносторонней технической и общей подготовкой; для этого достаточно узкихъ спеціалистовъ, которыхъ за границею хоть прудъ-пруди, а у насъ именно мало; представители горнаго вѣдомства въ разныхъ комиссіяхъ были совершенно правы, указывая, что въ Россіи главный недостатокъ въ техникахъ со среднимъ горнозаводскимъ образованіемъ, а не въ горныхъ инженерахъ. Разныя спеціальныя горныя отдѣленія въ техническихъ училищахъ и должны быть направлены къ созданію вышеозначенныхъ среднихъ техниковъ, а не къ фабрикаціи «маргариновыхъ» инженеровъ, т. е. категоріи людей, которые, при меньшихъ познаніяхъ, имѣли бы тѣ же претензіи, что и настоящіе инженеры. Но такъ какъ это слишкомъ просто, то, вѣроятно, никогда сдѣлано и не будетъ.

Приписывать приглашеніе иностранныхъ инженеровъ недостатку въ русскихъ также не имѣетъ никакого основанія. У насъ въ металлургическое и гор-

ное дѣло на югѣ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ вложены большіе иностранные капиталы, естественно эти заграничные капиталисты имѣютъ болѣе довѣрія къ своимъ инженерамъ, которыхъ они лично знаютъ, чѣмъ къ русскимъ. Затѣмъ, новые большіе заводы въ Россіи для лучшаго устройства техники входятъ прямо въ соглашеніе съ первоклассными европейскими заводами, которые цѣликомъ передаютъ имъ свою технику, представляющую послѣднее слово металлургіи; они и присылаютъ для этого опытныхъ рабочихъ и инженеровъ. Русскіе инженеры часто знаютъ о подобныхъ новѣйшихъ операціяхъ лишь теоретически или изъ бѣглаго осмотра иностранныхъ заводовъ. Понятно, что труды иностранныхъ инженеровъ могутъ быть въ этомъ случаѣ только полезны даже для русскихъ инженеровъ. Россія не представляетъ, впрочемъ, исключенія: во Франціи, на примѣръ, очень много между техниками англичанъ, американцевъ, нѣмцевъ и бельгійцевъ ¹⁾).

Въ заключеніе я не могу не выразить удивленія, почему это о морскомъ дѣлѣ принято слушать моряковъ, о церковныхъ вопросахъ—богослововъ и т. д., но какъ только зайдетъ рѣчь о горномъ дѣлѣ, почитаемомъ повсюду однимъ изъ наиболѣе мудреныхъ и сложныхъ, такъ у насъ всѣ оказываются специали-

¹⁾ Да что инженеры! Насъ солить треску выучили при Петрѣ Великомъ голландцы и когда двѣсти лѣтъ спустя возникъ вопросъ, отчего русская треска воняетъ, то ничего другого министерство земледѣлія не нашло, какъ выписать для Мурмана вновь учителя—солильщика изъ Голландіи.

стами, и чѣмъ кто менѣе знаетъ, тѣмъ увѣреннѣе разсуждаетъ.

За границею спорять о достоинствѣ Канта, а у насъ тратятъ время на споры о достоинствѣ кантовъ, при чемъ съ особенно забавнымъ озлобленіемъ третируется теперь «синій», т. е. предполагаемый цвѣтъ горнаго вѣдомства, хотя онъ по закону «свѣтло-синій».

О КЛЕВЕТЪ.

Pro domo sua.

Какъ въ старыя годы помѣщики, возвращаясь въ свои деревни послѣ долгаго отсутствія, чинили судъ и расправу, такъ и мнѣ проживая за границею, только отъ времени до времени, благодаря интеллигентнымъ мужчинамъ «Бюро газетныхъ вырѣзокъ», удается чинить расправу съ наблудившими за мое отсутствіе «газетырами», какъ называлъ журналистовъ не любившій ихъ Петръ Великій. Хотя я принимаю теперь въ литературѣ самое незначительное участіе, но достаточно отлучиться изъ Россіи на два или на три мѣсяца, чтобы получить отъ «Бюро» цѣлый ворохъ разнообразныхъ клеветъ и выдумокъ по моему адресу.

По поводу моихъ воспоминаній о покойномъ сенаторѣ Барановѣ въ одной несуществующей теперь газетѣ посыпалась на меня куча ругательствъ и оскорбленій. Какіе-то литературные дворники, которые вѣроятно въ жизни не держали въ рукахъ не то

что моихъ книгъ, но, судя по неопрятности ихъ слога, даже куска мыла, ополчились на меня. Ругаются извощики и базарныя бабы, но это не даетъ ихъ мнѣніямъ особенной авторитетности, поэтому и я счелъ ниже своего достоинства обращать какое либо вниманіе на ругательства. Полное презрѣніе — лучшій отвѣтъ на означенныя мерзости: *le coup de pied de l'âne est plus méprisable que dangereux*, справедливо сказалъ нѣкто. Я и не обратилъ бы вниманія на всѣ эти измышленія, если бы нѣкоторыя московскія и провинціальныя и даже офіціальныя газетки не только спѣшили ихъ перепечатывать, но прибавляли къ нимъ собственныя нелѣпыя инсинуаціи.

* * *

Такъ возражая на мою статью объ иностранныхъ капиталахъ ¹⁾, «Московскія Вѣдомости» приписали мнѣ нелѣпое утвержденіе, будто иностранные капиталы въ русскомъ горнозаводскомъ дѣлѣ не участвовали, и назвали меня «состоящимъ негласнымъ маклеромъ по учредительской части».

Слова «Московскихъ Вѣдомостей» ложь и я просилъ указать мнѣ: въ учрежденіи какихъ это предприятий, русскихъ или иностранныхъ, я участвовалъ въ качествѣ маклера и притомъ негласнаго? Я въ жизни былъ одинъ разъ однимъ изъ учредителей, а именно небольшого «Ченстоховскаго горнопромышлен-

¹⁾ К. Скальковскій «Критическіе очерки и воспоминанія».

наго общества», устроеннаго моими друзьями для разработки желѣзныхъ рудъ въ Кѣлецкой губерніи, и мое имя напечатано en toutes lettres въ «Сборникѣ узаконеній и распоряженій правительства» 1899 года.

Учрежденіе акціонерныхъ обществъ я вовсе не считаю позорнымъ, наоборотъ, это дѣло весьма похвальное. Если я протестовалъ, то потому, что своему вранью «Московскія Вѣдомости» старались придать характеръ инсинуаціи.

Я не счелъ нужнымъ останавливаться на другомъ обвиненіи газеты, что если бы я «былъ руководителемъ нашей экономической политики, то вмѣсто помощи голодающимъ, всѣ средства казны отправилъ бы на биржу». Смѣю увѣрить «Московскія Вѣдомости», что при томъ количествѣ акцій, которыми я владѣю, если бы все наличіе Государственнаго Казначейства и Государственнаго банка поѣхало на биржу, то и отъ этого немного прибавилось бы денегъ въ моемъ карманѣ.

Это категорическое опроверженіе не помѣшало годъ спустя какому-то господину (подъ псевдонимомъ конечно, назвать меня дѣятельнымъ участникомъ и учредителемъ «многихъ» промышленныхъ предпріятій, хотя никакихъ «многихъ» промышленныхъ предпріятій я не учреждалъ, а разъ въ жизни фигурировалъ въ числѣ учредителей микроскопическаго желѣзноруднаго общества съ основнымъ капиталомъ въ двѣсти тысячъ рублей. Весьма скромно и вообще мое участіе въ русской металлургіи, о которой собственно и велъ рѣчь г.—въ

въ «Торгово - Промышленной Газетѣ», такъ какъ кромѣ участія въ вышеупомянутомъ обществѣ я состою еще членомъ правленія небольшого общества желѣзныхъ рудъ и одного металлургическаго общества, гдѣ директорскія акціи по нынѣшней цѣнѣ представляютъ теперь капиталъ въ пять тысячъ рублей.

Я не упоминаю объ обществахъ, не имѣющихъ отношенія къ желѣзной промышленности и къ данному вопросу, хотя и здѣсь не лишнее замѣтить, что званіе членомъ правленія не должно казаться чѣмъ-то ужасно соблазнительнымъ и возбуждать зависть. Благодаря друзьямъ и чуть ли не съ благословенія римскаго папы я попалъ, на примѣръ, въ одно общество, гдѣ до меня получали по 20,000 рублей въ годъ. Этакое подумаешь Эльдorado! А я вотъ съ товарищами получаю, и то по особымъ каждый разъ милостивымъ постановленіямъ общихъ собраній, по 600 рублей въ годъ, между тѣмъ на цѣнѣ акцій того же общества, блокированныхъ въ кассѣ правленія, я потерялъ 22,500 рублей, т.-е. мое вознагражденіе за 37^{1/2} лѣтъ впередъ! Такая же благодать и въ другихъ обществахъ.

Слѣдовательно, если я пишу о желѣзномъ дѣлѣ, то не потому, что состою членомъ правленій, а лишь потому, что долголѣтняя служба ознакомила меня съ его положеніемъ и невольно заставляетъ меня, горнаго инженера, коробиться, читая невообразимыя неслѣпости, печатающіяся о немъ чуть не ежедневно. Коробить не меня одного; вотъ и невозмутимый по

характеру ученый И. А. Тиме и тотъ удивлялся въ «Горназаводскомъ Листкѣ», что такое печатается. Теперь всѣ пишутъ о горномъ дѣлѣ, точно это такой предметъ, что стоитъ взяться за него, чтобы сейчасъ же познать его во всемъ объемѣ. И чулки нельзя вязать не научившись, а для одного теоретическаго ознакомленія съ горнымъ дѣломъ нужно выучить и, довольно основательно, наукъ двадцать. Никому однако до этого у насъ нѣтъ дѣла, и есть немало господъ, думающихъ, что у специалистовъ непременно должна быть «узкость» взгляда, тогда какъ у невѣждъ является какая-то «ширина» воззрѣній!

Въ этомъ году мнѣ доставили вырѣзку изъ 171 № «Московскихъ Вѣдомостей», которыхъ въ Парижѣ достать нельзя, статьи г. Волынца «Бакинскія нефтяныя тайны». Псевдонимъ г. Волынца скрываетъ господина, носящаго имя, пріобрѣтшее нелестную репутацію въ 40-хъ годахъ по части «доношеній». Вѣроятно этотъ атавизмъ, если не какія-нибудь другія поползновенія, побуждаютъ г. Волынца дѣлать доносы на меня въ печати. Судя по нумераціи, это двадцать шестая статья о томъ же предметѣ, наполненная клеветами и всяческими инсинуаціями, присущими всѣмъ писаніямъ означеннаго публициста, котораго я уже обличалъ и ранѣе во лжи.

И въ этой статьѣ разсказывается исторія, какъ нѣкто г. Кязумовъ, подставное, по словамъ г. Волынца, лицо извѣстнаго бакинскаго дѣятеля г. Тагіева,

хотѣлъ въ 1896 г. при моей помощи сдѣлать захватъ нефтяной земли на Биби-Эйбатѣ.

Желаніе выставить меня какимъ-то частнымъ ходатаемъ, т.-е. агентомъ Кязумова, о которомъ я понятія не имѣю, и г. Тагіева, котораго я въ жизни до 1896 г. видѣлъ одинъ разъ мелькомъ на съѣздѣ въ 1889 г. и о дѣлахъ съ которымъ никогда не говорилъ, покажется безсмыслицею, ложью и клеветою для всякаго, кто знаетъ, что все время моего управленія горною частью было направлено именно къ охраненію интересовъ казны, чего я добивался и рядомъ законодательныхъ постановленій, между прочимъ и по нефтянымъ дѣламъ.

Я подробно разъяснилъ, въ «Новомъ Времени» что роль моя была совсѣмъ не та, которую такъ развязно приписываетъ мнѣ авторъ «Бакинскихъ тайнъ» — романа въ 26 статьяхъ.

Въ той же статьѣ г. Волынецъ обвинялъ еще въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ: г. Тагіева, бывшаго предсѣдателя департамента тифлисской судебной палаты Рашета и старшаго нотаріуса бакинскаго окружнаго суда Билинскаго. Подобныя обвиненія повторяются и въ двадцати пяти остальныхъ статьяхъ того же клеветника и инсинуатора. Невольно спросить читатель: почему же ни я, ни остальные обвиненные не привлекли этого господина къ суду? На это можно отвѣтить, что, къ сожалѣнію, и наши нравы, и наши законы, и наши судебные порядки очень плохо охраняютъ отъ злословія, диффамаци и даже клеветы.

За границей на этотъ счетъ очень строго. Кромѣ тремнаго заключенія, клеветникъ будетъ приговоренъ къ огромнымъ *dommages-interêts*, да еще къ платанію цѣликомъ судебного рѣшенія въ десяти наиболѣе дорогихъ газетахъ, что равно дополнительному штрафу въ тысячи рублей. Недавно, напримеръ, въ Парижѣ журналъ «*Cri de Paris*» напечаталъ, что одинъ жокей, дабы взять призъ, нарочно распустилъ слухъ о болѣзни своей лошади. Судъ сейчасъ же приговорилъ журналъ, кромѣ ареста редактора и автора статьи, къ такому штрафу, который превосходилъ цѣнность этого ничтожнаго органа печати.

У насъ къ чести другъ друга относятся весьма беззаботно. Чтобы добиться для клеветника штрафа въ 10 рублей, надобно, считая примирительныя разбирательства у мирового судьи, пройти четыре инстанціи, т. е. потерять два года и переплатить немалыя суммы адвокатамъ; при этомъ каждая инстанція сбавляетъ обыкновенно наложенный штрафъ, а клеветникъ можетъ все это время писать о васъ что угодно, отвѣчая лишь «по совокупности», причемъ о дальнѣйшихъ его клеветахъ надобно возбуждать все новыя дѣла. Тутъ, очевидно, остается только махнуть рукою и защищаться лишь исправленіемъ фактическихъ неточностей, если г. клеветникъ удостоитъ еще перечисленіемъ какихъ-либо фактовъ, хотя и ложныхъ, а не общею какою-либо грязною инсинуаціей.

По клеветамъ обо мнѣ я нѣсколько разъ совѣщайсь съ опытнѣйшими юрисконсультами и адвокатами, всѣ они одинаково совѣтовали бросать дѣло.

Будь у насъ иностранные порядки, рѣчь была иная: промыселъ разныхъ клеветниковъ и шантжистовъ сейчасъ же сильно посократился бы.

*
* * *

Я полагаю, что письмо мое, относительно клеветы, г. Волынца, было достаточно категорично, чтобы прекратить дальнѣйшія попытки привлечь меня къ этому дѣлу. Но г. Волынецъ попытался обѣлить себя и обвинить меня, причемъ напечаталъ цѣликомъ мою телеграмму, на которой и построилъ онъ все свое обвиненіе. Это перепечатываніе вполне дало мнѣ средство подтвердить вѣрность моихъ словъ, почему я ни на какія его дальнѣйшія клеветы и инсинуаціи болѣе не отвѣчалъ. Гарибальди, котораго пріятель просилъ совѣта насчетъ клеветы, писалъ: «Человѣкъ храбрый можетъ, какъ Коклесъ, защищаться одинъ противъ цѣлой арміи, но онъ безсиленъ противъ клеветы, которая къ тому же прикрывается подлою маскою псевдонима. Совѣтую вамъ раздавить клевету каблукомъ вашихъ сапоговъ».

Этотъ умный совѣтъ одного изъ благороднѣйшихъ людей ХІХ вѣка я принялъ впередъ въ руководство.

Новый Донъ-Бозиліо.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» не только содѣйствовали распространенію дрянной клеветы о г. Комаровѣ, а даже, въ сущности, явились у насъ инициаторами ея, ибо кто же въ Россіи читаетъ болгарскія газеты, но и сочинили оригинальную теорію, по которой не клеветникъ долженъ доказать справедливость своихъ извѣтовъ, а оклеветанный подтвердить свое отрицаніе «документально»!

Подтвердить фактически отрицаніе—до такого математическаго абсурда можно додуматься только при особомъ устройствѣ головы.

Мышленіе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» еще удивительнѣе, впрочемъ, ибо онѣ считаютъ г. Комарова даже «неблагодарнымъ» и платящимъ за добро зломъ, за то, что онъ не «воспользовался перепечаткою «Вѣдомостей» изъ болгарской газеты, позорящей его на весь міръ», а «вдругъ запылалъ негодованіемъ».

Г. Комарову слѣдовало, вѣроятно, танцовать отъ восторга, что оскорбляютъ его честь.

Газета лицемѣрно прибавляла, что ее нисколько не интересовало и не интересуется, чѣмъ мотивировано обвиненіе, взводимое «Народными Правами», но де русскому обществу не можетъ быть безразлично, что подобная вещь вообще напечатана. Вотъ «Вѣдомости» и старались, въ интересахъ г. Комарова и рус-

скаго общества, разблаговѣститъ о клеветѣ, пущенно оппозиціоннымъ австрійскимъ органомъ г. Радославова приглашая г. Комарова принести документы, что онъ «не бралъ» взятки!

Пока, однако, такіе фантастическіе документы отыщутся, повтореніе клеветы, о которой такъ прекрасно говоритъ донъ-Базиліо, сдѣлаетъ свое дѣло. Пущенная болгаринномъ какъ легкій шорохъ, она, передаваясь, хотя и съ притворнымъ сожалѣніемъ, изъ русскихъ устъ, можетъ разразиться пушечнымъ выстрѣломъ.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» наивно прибавляли, однако, «съ какой стати намъ, русскимъ, стороннимъ наблюдателямъ, вмѣшиваться въ партійные споры и счеты болгарскихъ газетъ». А между тѣмъ, что же дѣлаютъ эти «сторонніе наблюдатели», какъ не вмѣшиваются въ домашнія дразги болгаръ, выкапывая изъ ихъ газетъ всякую грязь и забывая, что болгарскіе государственные мужи не стѣснялись съчь другъ друга палками и убивать изъ-за угла, и что, слѣдовательно, клевета для нихъ самое ужъ пустое дѣло.

Да по этой части отличаются и не однѣ болгарскія газеты. Рошфоръ, напримѣръ, почти ежедневно печатаетъ, называя имена, что султанъ подкупилъ французскихъ и другихъ государственныхъ людей, и опредѣляетъ данныя суммы. На эти клеветы потерпѣвшіе отвѣчаютъ только пожатіемъ плечъ.

Что «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ своихъ фи-

лишнихъ не имѣли вовсе въ виду защиты чести русской печати (которая въ такомъ защитникѣ вовсе не нуждалась и оскорбленною себя болгарскими инсинуаціями вовсе и не чувствовала), а единственное любезное распространеніе и раздуваніе клеветы о противникѣ и конкурентѣ, доказывается дальнѣйшимъ поведеніемъ газеты.

«С.-Петербургскія Вѣдомости» требовали, чтобы г. Комаровъ «не только на словахъ смылъ то пятно, которое наброшено передъ всею Европой (!) на нашу (!?) ни въ чемъ неповинную публицистику» и чтобы «нѣжное къ г. Комарову софійское правительство» заступилось за него. И то и другое желаніе исполнено: г. Комаровъ привлекъ болгарскую газету «Народныя Права» къ суду, а болгарское дипломатическое агентство въ С.-Петербургѣ официально заявило, что извѣстіе о субсидіи г. Комарову, перепечатанное «С.-Петербургскими Вѣдомостями», «лишено всякаго основанія».

Что же дѣлають послѣднія? Онѣ печатають сообщеніе дипломатическаго агентства, прибавляя крупнымъ шрифтомъ слѣдующую новую инсинуацію: «Печатая это заявленіе, мы всетаки должны сказать, что оно (къ сожалѣнію!) прямого отношенія къ дѣлу не имѣетъ,—пока газета Радославова, занимающая въ Болгаріи, очевидно, не менѣе достойное мѣсто и положеніе, чѣмъ нашъ листокъ «Свѣтъ», не скажетъ своего слова и не откажется отъ категорически поставленнаго обвиненія. Подождемъ...»

Подождемъ и мы, чтобы видѣть, чѣмъ кончится эта исторія, доказывающая, съ какимъ легкомысліемъ относятся у насъ нѣкоторые органы печати, мнящіе себя серьезными, къ «кражѣ чужой чести», какъ весьма остроумно опредѣлили клевету средневѣковые германскіе юристы.

НАШЪ БАЛЕТЪ¹⁾.

Послѣ долгаго затишья и отсутствія дарованій, петербургское театральное училище вдругъ выпустило цѣлый рядъ очень талантливыхъ танцовщицъ и еще, говорятъ, собирается выпустить нѣсколько таковыхъ же. Изъ каждой изъ нихъ можетъ, при небольшихъ усиліяхъ, выйти балерина и, очевидно, скоро явится перепроизводство танцовщицъ, какъ явилось перепроизводство въ Россіи листового желѣза и зеркалъ, и не далеко то время, когда, въ виду упадка итальянскаго балета, мы будемъ вывозить за границу своихъ балеринъ, какъ начали вывозить теперь свой чугунъ. Это единственный исходъ, такъ какъ сомнительно, чтобы въ скоромъ времени въ провинціи учредились балетныя труппы, хотя бы по одной въ каждомъ ге-

¹⁾ О нашемъ балетѣ за послѣдніе двадцать лѣтъ можно найти подробныя свѣдѣнія въ моей книгѣ «Въ театральномъ мірѣ». Сиб. 1900 г. Здѣсь, конечно, не упоминается о г-жѣ Замбелли, замѣчательной танцовщицѣ, которая танцевала уже послѣ выхода моей книги.

пералъ-губернаторствѣ. Всѣ эти новоявленные таланты получаютъ ничтожное вознагражденіе, бюджетъ театра опредѣленъ теперь строгими рамками, а по снисходительности изъ него идетъ содержаніе и артистамъ, уже ненужнымъ для театра, но которыя, имѣя право на пенсію, отслуживаютъ годы «благодарности», какъ по старой памяти называется сверхсрочная казенная служба при театрѣ.

Но благодарность публики важнѣе благодарности артистовъ начальству и для первой видѣть молодыя живыя силы куда какъ пріятнѣе.

Кто бы могъ ожидать, что и Москва станетъ снабжать насъ балеринами? Московскій балетъ пользовался всегда снисходительнымъ презрѣніемъ петербургскихъ спеціалистовъ, туда посылались на гастроли устарѣлыя танцовщицы, выцвѣтшія декорации и разорванные костюмы, а теперь, наоборотъ, свѣжія московскія хореографическія силы показываютъ, что обученіе танцевъ едва ли не лучше поставлено въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ.

Послѣ г-жи Л. А. Рославлевой, танцовавшей съ огромнымъ успѣхомъ, съ неменьшимъ успѣхомъ дебютировала у насъ другая московская балерина Е. В. Гельцеръ, дочь режиссера московскаго балета. Обѣ балерины еще молоды: г-жа Рославлева танцуетъ съ 1892 г., г-жа Гельцеръ — съ 1894 г. Обѣ онѣ были знакомы уже Петербургу и обѣ сдѣлали огромныя успѣхи со времени своего перваго появленія. Г-жа Рославлева мало измѣнилась по части техники,

но очень выиграла по части граціи, мимики и вообще умѣнію держаться на сценѣ. Это чрезвычайно симпатичная артистка, сразу завоевывающая расположеніе публики. Г-жа Гельцеръ, когда была у насъ въ теченіе года солисткою, обратила на себя вниманіе людей понимающихъ дѣло силою своей техники, но ее держали въ тѣни и она предпочла вернуться въ родную Москву на меньшей окладъ жалованья. Теперь г-жа Гельцеръ возвращается законченною балериною, а пріятно выступать генераломъ въ арміи, гдѣ васъ не хотѣли считать и за капитана.

Не смотря на изобиліе собственныхъ талантовъ въ Петербургѣ (г-жи Кшесинская, Преображенская, Трефилова, Сѣдова) приглашаются еще и иностранныя балерины. Одну изъ нихъ, г-жу Кампана, приглашенную по ошибкѣ какого-то театральнаго чиновника (подпоручики нынѣ улетучились куда-то), не допустили послѣ репетиціи до дебюта, но г-жи Гримальди и Замбелли танцовали съ успѣхомъ. Первая понравилась только какъ мимистка, а послѣдняя надѣлала не мало шуму.

За короткое пребываніе г-жи Замбелли на нашей сценѣ создалась о ней цѣлая литература. Балетоманы—и старѣйшіе, и толстѣйшіе, и глупѣйшіе, и всякіе другіе—горячо полемизировали и старались высказать о ней свое мнѣніе. «Дорогія подружки», всѣ большія патріотки, также въ долгу не остались и язычокъ ихъ вертѣлся съ быстротою электрическаго двигателя. Когда парижская балерина танцевала въ

старыхъ балетахъ, гдѣ на туръ де-форсы не обращалось вниманія, товарки находили, что техника ея вѣроятно слаба, ибо она ничего «удивительнаго» не дѣлаетъ; когда же въ «Пахитѣ» г-жа Замбелли показала, что самыя трудныя па она исполняетъ съ легкостью чрезвычайной, то ее стали упрекать въ «коварствѣ». «Что же это такое? Увѣряла, что пренебрегаетъ всякими выкрутасами, а сама теперь къ нимъ прибѣгаетъ, чтобы понравиться публикѣ!»

Въ дѣйствительности молодая балерина не была «коварною» ни въ концѣ своего ангажемента, ни въ началѣ, а лишь исполняла то, что ей приказывали. Если она имѣла успѣхъ менѣе въ началѣ, чѣмъ въ концѣ ангажемента, то это вина не ея, а дирекціи. Послѣдняя, пригласивъ знаменитую артистку, не озаботилась вовсе о ея репертуарѣ. Г-жа Замбелли пріѣхала, а оказалось, что танцовать ей не въ чемъ. Между тѣмъ не то, что балерину, но простое блюдо надобно умѣть подать какъ слѣдуетъ. Наскоро, въ одинъ мѣсяць, она должна была выучить три балета, причемъ два первые дебюта пришлось на старинныя балеты, мало для публики уже интересные, и гдѣ изъ уваженія къ цѣльности прекрасной музыки не позволяютъ вставлять большія постороннія па.

Были и другія причины. Въ «Коппелии» я г-жу Замбелли не видѣлъ, но въ «Жизели» во 2-мъ актѣ, этомъ перлѣ хореографіи, на сценѣ была, на примѣръ, такая темнота, что и изъ перваго ряда едва что можно

было разобрать, точно дѣйствіе шло въ «погребѣ иностранныхъ винъ».

Люди понимающіе не могли впрочемъ не восхищаться и здѣсь исполненіемъ г-жи Замбелли. Знаменитое *pas de deux* во-второмъ актѣ верхъ поэзіи; она порхала по сценѣ какъ настоящая виллиса и каждому невольно становилось жалко этокое сокровище да закопать опять въ могилу.

О г-жѣ Замбелли серьезно двухъ мнѣній быть не могло. Она можетъ не нравиться тому или другому, вкусы бываютъ разные: кому попадья, кому попова дочка; но конечно она первая танцовщица теперь въ Европѣ. Въ Парижскую Оперу впрочемъ, въ виду ея вѣковыхъ славныхъ традицій, и не ангажировали бы ее иначе прима-балериной, а г-жа Замбелли танцуетъ уже тамъ шестой годъ, причемъ первые три года по окончаніи школы она танцевала въ очередь съ постарѣвшею г-жею Мори, отъ которой отличалась своею легкостью.

Г-жа Замбелли представляетъ весьма рѣдкое сочетаніе всѣхъ качествъ, требующихся отъ первоклассной классической танцовщицы. У нея и красивая наружность, и стройное сложеніе, и сильныя выворотныя ноги, и вкусъ, и элевация. Она также выразительно мимируетъ, какъ и легко, блестяще и изящно танцуетъ. Такія сочетанія, повторяю, очень рѣдки.

Послѣдняя танцовщица у насъ съ большою элевацией г-жа Корнальба не отличалась граціозностью, была холодна и потому не понравилась публикѣ. Г-жа

Леньяни, которая долго нравилась петербургской публикѣ, отличалась огромною силою на носкѣ, была и граціозна, но это была танцовщица совсѣмъ *terre-à-terre*, безъ малѣйшей элеваціи, становясь изъ года въ годъ все тяжелѣе.

У г-жи Замбелли, какъ выразилась бы гоголевская сваха, «все на своемъ мѣстѣ». Хотя она въ дѣйствительности небольшого роста, но среди нашихъ вообще маленькихъ танцовщицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя совсѣмъ «пичужки», она кажется хорошаго роста, пропорціональной нашей большей сценѣ. Черные глаза ея очень ярки, съ умнымъ, веселымъ и пріятнымъ выраженіемъ, зубы прелестны, нижняя часть лица нѣсколько тяжела; съ точки зрѣнія скульптора это недостатокъ, но одинъ извѣстный антропологъ доказалъ, что всѣ крупныя сценическіе таланты имѣютъ выдающійся подбородокъ. Волосы конечно черные, какъ у типичной итальянки, — г-жа Замбелли миланка, а по мнѣнію большого спеціалиста Штрауса («Красота женскаго тѣла»), миланки самыя красивыя теперь женщины въ Италіи.

У г-жи Замбелли большой «баллонъ», т. е. когда она подымается въ танцахъ отъ земли, то кажется, будто она плаваетъ въ воздухѣ. Этотъ оптическій обманъ зависитъ отъ незамѣтности усилія. Исполненіе ея вообще такъ легко, что кажется, что все она дѣлаетъ шутя. Это верхъ хореографическаго искусства, послѣднее слово совершенства. Легкостью и свободою исполненія артистъ долженъ показать, что

онъ безъ труда и усилій побѣждаетъ всѣ трудности, словомъ долженъ скрывать свое искусство.

Силу свою по этой части балерина показала въ «Пахитѣ» въ трудныхъ антраша six, въ большихъ пируэтахъ, въ кабріоляхъ и въ вертунѣ вокругъ сцены, послѣ котораго она останавливалась увѣренно и смѣло въ красивой позѣ. Для такихъ остановокъ требуется не только большая сила, но и извѣстная храбрость. Вертунъ или *jetés en tournant*, это, впрочемъ, уступка испорченному вкусу нашей публики, въ Парижѣ бы его балерина не сдѣлала.

Мало освѣдомленная публика измѣряетъ скачки высотой ихъ. Видя, что и каждая порядочная солистка дѣлаетъ тѣ же па, она полагаетъ, что ничего особенно хитраго тутъ нѣтъ. Конечно дѣлаетъ, но какъ? Только по красивому рисунку всего гармонически цѣлаго и по тонкости исполненія можно судить о достоинствѣ балерины и сдѣлать сравнительную оцѣнку ея достоинствъ со второстепенными артистками.

Г-жа Замбелли при огромной силѣ не выказываетъ однако своей энергіи, почему у ней нѣтъ ничего рѣзкаго, все исполненіе мягкое, *moelleux*, какъ говорятъ французы. О граціи ея можно повторить комплиментъ поэта, что если бы для кадрили тремъ граціямъ требовалось подыскать четвертую, то конечно онѣ остановились бы на ней.

Талантливая балерина имѣетъ въ Парижѣ репутацію не только первоклассной артистки, но женщины, исключительно преданной своему искусству. Это впро-

чемъ наглядно можно видѣть по малому количеству драгоцѣнностей на ней, ибо—увы—добродѣтель на свѣтѣ вознаграждается на сценѣ, какъ извѣстно, обратно пропорціонально таланту.

Къ артисткѣ вполне примѣняются слова Вольтера:

Elle allume des feux qui lui sont inconnus
De Diane c'est la prêtresse
Dansant sous les traits de Vénus.

ЛЮБИТЕЛЬСКІЕ ПОТУГИ.

Балетъ.

По поводу попытокъ любителей танцевъ исполнять балеты я могу повторить то, что изложилъ въ своей книгѣ—«Въ театральномъ мірѣ», а именно, что собственно для искусства пользы отъ подобныхъ представленийъ немного. Балеты въ этомъ случаѣ нельзя сравнивать съ драматическими представленіями, гдѣ изъ любителей подчасъ выходятъ дѣйствительно талантливые артисты.

Балеты любителей были въ особенной модѣ въ XVIII столѣтіи. И недавно въ Лондонѣ танцовать балеты въ салонахъ было въ большомъ ходу, very smart, но не увеличило въ массѣ публики вкусъ къ серьезному хореографическому искусству. Наоборотъ, публикѣ казалось, что танцы, исполняемые на театрѣ, можно изучить безъ особаго труда и упражненія. «Для чего артистамъ затрачивать многолѣтній трудъ, необходимый для добросовѣстнаго исполненія,—писалъ по этому поводу одинъ англійскій художественный

критикъ,—когда можно имѣть успѣхъ, дѣлая прыжки въ родѣ тѣхъ, какіе дѣлаютъ дельфины. А научиться такимъ прыжкамъ можно въ двѣ-три недѣли».

Не если любительскіе балеты не важны для искусства, то они во всякомъ случаѣ представляютъ очень пріятное зрѣлище, не говоря уже о томъ огромномъ удовольствіи, которое испытываютъ исполнители этихъ балетовъ на многочисленныхъ репетиціяхъ. Есть зоилы, утверждающіе, что ради этихъ репетицій собственно и устраивается большинство любительскихъ спектаклей, но мало ли что выдумываютъ зоилы. Въ день представленія радуются также сердца мамашъ при видѣ успѣховъ ихъ дочекъ. А отчего иногда не порадовать и маменекъ?

Новый по этой части спектакль въ консерваторіи былъ организованъ, какъ и знаменитый аристократическій балетъ, описанный въ моей книгѣ, въ залахъ Николаевского дворца, графинею О. И. Бобринскою въ пользу того же благотворительнаго общества при городскихъ родильныхъ пріютахъ.

Я не знаю, пріютилъ ли кого этотъ пріютъ, но онъ уже принесъ пользу дважды, послуживъ для открытія такого количества талантовъ среди нашего общества.

Любители и любительницы исполняли балетъ «Джипси», музыку для котораго написалъ оперный ветеранъ г. Б. Шель, и дивертиссементъ «Послѣ веселаго бала». Балетъ названъ въ программѣ мимикодраматическимъ; дѣйствительно въ трехъ дѣйствіяхъ его ма-

ханіе рукъ стоитъ на первомъ планѣ, а танцамъ отведено очень скромное мѣсто.

Содержаніе балета, значительно сокращеннаго для любителей, «убійственное», т.-е. переполнено убійствами. Въ первомъ актѣ выборъ цыганской царицы, пляски бедуиновъ (это въ Индіи!), очарованіе змѣй и сцены ревности между Алосомъ и Гордасомъ, любящими одну и ту же цыганку Джипси, которой завидуетъ сестра ея Кенни.

Во второмъ дѣйствіи, послѣ ряда изъясненій въ любви Джипси и Алоса, кончающихся, какъ сказано въ программѣ, «вальсомъ любви», происходитъ сцена объясненія двухъ сестеръ, точь-въ-точь какъ въ «Frou-frou», но при этомъ мѣстами напоминающая извѣстную сцену съ убійцами въ «Брамъ». Въ заключеніе Гордасъ похищаетъ Джипси; Кенни торжествуетъ, но она забыла, что остается еще третье дѣйствіе.

Въ этомъ актѣ, послѣ напрасныхъ попытокъ Гордаса уговорить Джипси выйти за него замужъ, входитъ Алосъ и выгоняетъ Гордаса. Но послѣдній коваренъ: онъ возвращается съ невѣстою легкомысленнаго Алоса. Послѣдній отказывается отъ невѣсты, но Джипси, помня, что она простая цыганка и неровня Алосураджѣ, соединяетъ ихъ, а сама отъ любви умираетъ. Сцена эта взята очевидно изъ балета «Fille de Cléopre».

Несмотря на такое мелодраматическое содержаніе, любители справлялись съ нимъ. Наиболее отличилась г-жа Зейме (Джипси), мимировавшая съ большимъ талантомъ, а надобно замѣтить, что искусство мими-

ровать чрезвычайно трудно. Не говоря ужъ о необходимости въ красивыхъ, выразительныхъ глазахъ, для мимики требуется точное согласованіе выраженія лица — которое у насъ съ дѣтства пріучается къ лицемѣрью и скрытности — съ дѣйствительною характеристикою положенія, выражающагося въ жестахъ и атитюдахъ. Общее положеніе корпуса и резюмируетъ тончайшіе оттѣнки мимическаго исполненія. Разъ полного соотвѣтствія между движеніями лица и корпуса нѣтъ, впечатлѣніе нарушается. Оттого талантливья мимистки гораздо болѣе рѣдки, чѣмъ талантливыя танцовщицы.

Г-жи Брудинская и Скалонъ также недурно сыграли свои роли сестеръ Джипси, Ганды и предательницы Кенни. Г-жа Брудинская въ па заклинанія змѣй танцевала даже на носкахъ, для любительницы дѣло не легкое.

Сюжетъ дивертиссента «Послѣ веселаго бала» состоитъ въ томъ, что, вернувшись съ веселаго балъ-маскарада, нѣкій собиратель рѣдкостей засыпаетъ въ своемъ кабинетѣ среди картинъ и статуй. Подъ впечатлѣніемъ проведеннаго вечера, т.-е., точнѣе говоря, подъ вліяніемъ выпивки, ему кажется, что его картины и статуи оживаютъ и танцуютъ. Прежде всѣхъ фарфоровыя куклы-саксъ танцуютъ гавоть XVIII столѣтія; г-жа Вейбергъ здѣсь мило танцевала, но нѣсколько робѣла. Затѣмъ шла комическая пантомима трехъ китайскихъ *magots* изъ балета «Катарина» съ г-жей Говоровой въ женской роли. Пантомима очень понравилась. Г-жа Зейме должна была танцевать «ди-

кую пляску индіанки», но перемѣнила намѣреніе и безъ репетиціи протанцовала, съ весьма ловкимъ кавалеромъ, вальсъ *merveilleuse*, протанцовала прелестно, съ лукавой граціею, женственностью и тонкимъ изяществомъ. Этотъ нумеръ имѣлъ огромный успѣхъ. Очень недурно исполнила г-жа Кузина величественную русскую пляску, а трое крошечныхъ «чекенятъ», т.-е. дѣтей г. Чекетти—младшему я думаю года четыре—протанцовали казачокъ.

Слѣдующій нумеръ, испанскій танецъ, былъ однимъ изъ *слю* спектакля. Г-жа Брудинская положительно мастерски исполнила его и съ такимъ же успѣхомъ повторила. Говорятъ, она серьезно училась танцевать: это и видно на ея бойкомъ, увѣренномъ и отчетливомъ исполненіи. Походка съ *шепео* настоящей андалузянки, въ танцахъ смѣлыя *cambrures des reins* и *gondes des jambes*—все это съ гибкостью, огнемъ и увлеченіемъ, совсѣмъ «отеристо», т.-е. *à la Oterro*, какъ выразилась одна изъ зрительницъ. Г-жа Брудинская танцуетъ испанскіе танцы не хуже нашей любой второй танцовщицы.

Публика сейчесь же раздѣлилась въ своихъ симпатіяхъ: классики пальму первенства отдавали врожденной граціи и пластикѣ г-жи Зейме, романтики—гибкости корпуса и *brío* г-жи Брудинской. Я же могу сказать, что обѣ лучше и конечно не ихъ танцы вышеупомянутой непочтительный англійскій критикъ сравнилъ бы съ прыжками молодыхъ дельфиновъ.

Изъ футляра выскакиваетъ негръ и танцуетъ ве-

сельный комическій джигъ. Послѣднимъ номеромъ шелъ чардашъ. Г-жа Жерве и ея кавалеръ имѣли въ немъ большой успѣхъ. Танецъ этотъ, кромѣ лихости, требуетъ экспрессіи. Въ заключеніе всѣ участники закружились въ фарандолѣ, которую вела г-жа Зейме.

Дивертиссементъ, судя по неистовымъ аплодисментамъ, наиболѣе понравился публикѣ. Онъ и подходилъ болѣе къ силамъ любителей.

Балетъ и дивертиссементъ сочинилъ и поставилъ балетмейстеръ г. Чекетти, а оркестромъ руководилъ г. Фридманъ, извѣстный авторъ балетной музыки. Обстановка, декорации и особенно костюмы вполне удовлетворительны.

Нечего и говорить, что залъ былъ полонъ элегантной публики; дамы щеголяли туалетами. Собралось немало и представительницъ нашей казенной хореграфіи посмотрѣть на своихъ непрофессиональныхъ конкурентокъ. Тонкая, язвительная улыбка порхала подчасъ на ихъ прелестныхъ губкахъ, но въ общемъ кажется и эти безпощадные судьи остались довольны.

Д р а м а.

Д. С. Поляковъ пригласилъ массу публики въ свой великолѣпный отель на Англійской набережной для слушанія пьесы: «Местъ Аксюши», написанной какимъ-то «дядей Котей», въ которомъ всѣ безъ труда признали гостепріимнаго хозяина.

Конечно, Шекспиръ и Мольеръ могутъ спать въ гробахъ спокойно и лавры ихъ не померкнутъ отъ пьесы дяди Коти, но для милліонера, болѣе привыкшаго подписывать чеки и акценты, чѣмъ сочинять драмы, «Местъ Аксюши» написана сносно, тѣмъ болѣе, что главная цѣль пьесы была дать предлогъ хору цыганъ г. Шишкина исполнить свой новѣйшій репертуаръ. Сюжетъ пьесы, невѣянный очевидно «Трубадуромъ», основанъ на томъ, что цыганка Аксюша въ отомщеніе адмиралу Радову, лишившему ее чести еще въ чинѣ мичмана, похищаетъ адмиральскую дочь-Марину и отдаетъ въ цыганскій хоръ, гдѣ двѣнадцать лѣтъ спустя адмиралъ находитъ ее подъ видомъ цыганки Груши. Въ заключеніе растроганный адмиралъ, который заодно изъ хора увозитъ и незаконную свою дочь отъ Аксюши Сюшу, сильно напивается, что ужъ вовсе не изъ оперы Верди, а Груша выходитъ замужъ за гусара, князя Крицкаго.

На тему похищенія дѣтей цыганками существуетъ, какъ извѣстно, нѣсколько романовъ тридцатыхъ годовъ, да и теперь часто ставятся на ту же тему драмы на лондонскихъ театрахъ. Для русской жизни въ пьесѣ дяди Коти одно невѣроятно, чтобы при «цензѣ» мичманъ могъ въ двѣнадцать лѣтъ попасть въ адмиралы; онъ бы долѣе этого просидѣлъ въ одномъ лейтенантскомъ чинѣ. Такая быстрота производства бываетъ только у швейцарскихъ адмираловъ *de naissance*.

Проказника адмирала хорошо игралъ г. Звѣздичъ, а татарина лакея—г. Осетровъ. Отлично безъ шаржа

исполняла роль молодой няньки Настасьи г-жа Легать, напоминающая внушительными размѣрами г-жу Левкѣеву. Г-жа Легать поступаетъ, говорятъ, на Александринскій театръ. Сцена сватовства Настасьи съ приказчикомъ Семеномъ (г. Конычъ) едва ли не лучшая во всей пьесѣ. Грушу и Сюшу играли настоящія цыганки. Груша Панкова изъ хора Н. Шишкина очень миловидна. Г. Пальму, который руководилъ постановкой пьесы, удалось выучить цыганъ и цыганокъ давать реплики. Вообще же искусство цыганъ замѣтно падаетъ и таланты появляются у нихъ все рѣже и рѣже. Послѣдній крупный талантъ, контральто Пиша, пѣла уже тому назадъ лѣтъ двадцать; цыганскій репертуаръ также все опошляется, хотя г-жа Вяльцева по словамъ ея безчисленныхъ поклонниковъ будто бы его преобразила и облагородила.

МЕЛОЧИ И ПОПРАВКИ.

Объ армянахъ.

Изъ Пятигорска была послана въ «Новое Время» депеша, что армяне, лечащіеся на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, обратились къ директору водъ съ ходатайствомъ о выпискѣ издающихся на армянскомъ языкѣ газетъ, но директоръ водъ отклонилъ ходатайство, во-первыхъ, въ виду болѣе чѣмъ «страннаго основанія къ подобнаго рода ходатайству и того, что въ числѣ прибывшихъ для леченія Кавказскими минеральными водами армяне составляютъ ничтожный процентъ. Подъ ходатайствомъ, по словамъ корреспондента, «едва» набралось двѣсти подписей.

Двѣсти человѣкъ, желающихъ читать армянскія газеты, число вовсе не маленькое, если оно охватываетъ даже всѣхъ безъ исключенія армянъ на Кавказскихъ водахъ. А затѣмъ болѣе чѣмъ «странно» нежеланіе армянъ читать свои газеты, а поведеніе дирекціи водъ и нескрытое злорадство наивнаго корреспондента.

Было бы странно, если бы армяне заявили напримѣръ, что они русскихъ газетъ читать не намѣрены; но почему армянамъ не интересоваться своими газетами, которыя разбираютъ такіе спеціальныя армянскіе вопросы, которымъ конечно газеты на другихъ языкахъ не удѣляютъ ни одной строки?

За границею во всѣхъ курортахъ для удобства публики выписываются газеты на самыхъ разнообразныхъ языкахъ. Во Франціи, напримѣръ, на водахъ выписываются газеты и англійскія, и нѣмецкія, и итальянскія, и польскія, и русскія, и даже греческія и румынскія, хотя русскіе или греки составляютъ тамъ навѣрно болѣе ничтожный процентъ публики, чѣмъ армяне на Кавказѣ, гдѣ они образуютъ весьма значительную часть мѣстами сплошного населенія.

Кромѣ справедливости тутъ есть еще вопросъ такта и деликатности. Въ Парижѣ я былъ свидѣтелемъ, что когда одинъ изъ русскихъ пожелалъ, чтобы въ клубѣ была выписана русская газета, по цѣнѣ довольно дорогая для бюджета клуба, газета была сейчасъ же выписана, хотя русскихъ членовъ въ клубѣ было всего двое. Вотъ какъ поступаютъ у людей образованныхъ. У насъ же только ищутъ малѣйшаго предлога, чтобы стѣснить кого либо, хотя бы отъ этого ровно никому никакой пользы не было. Славно молъ облапошили армяшекъ!

О евреяхъ.

Въ статьѣ «Перемѣна теченія» «Новое Время» выразило сожалѣніе, что большинство банковъ въ Россіи управляется евреями и что для ихъ управленія не хватаетъ даже русскихъ евреевъ и понадобились иностранные евреи, «швейцарскіе, австрійскіе и нѣмецкіе подданные».

Газета говоритъ по этому поводу, что «банковая политика русскихъ была куда правильнѣе и осторожнѣе» и что «образцомъ банковской политики можетъ служить управленіе банками русскими людьми».

Хотя во всемъ мірѣ евреи стоятъ теперь во главѣ банковаго дѣла и свои финансовыя способности проявили еще во времена Римской имперіи, но я не буду спорить, что въ Россіи можетъ быть и желательно видѣть въ банкахъ побольше людей русскихъ. Нѣтъ вѣроятно никакой надобности выписывать и евреевъ изъ-за границы, когда и своихъ имѣется восемь милліоновъ и большинство ихъ не лишено финансовыхъ способностей. Но я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что прошедшее управленіе банками (будущее извѣстно Господу Богу) русскими можетъ служить «образцомъ».

Озирая мысленно истекшія двадцать лѣтъ, я вижу, что:

Юханцевъ обокралъ Общество взаимнаго поземельнаго кредита.

Рыковъ ограбилъ Скопинскій банкъ.

Касаткинъ разорилъ на половину (52%) Спб. Общество взаимнаго кредита.

Полянскій привелъ къ банкротству Московскій учетный и ссудный банкъ.

Борисовъ и др. обанкротили Симбирско-Саратовскій земельный банкъ.

Фитингофъ-Шель, Оболенскій и др. разорили Кронштадтскій коммерческій банкъ.

Духиновъ, Слѣпушкинъ и К^о были причиною банкротства Торговаго и Комиссионнаго банка въ С.-Петербургѣ.

Алчевскій ограбилъ банки Харьковскій земельный и Харьковскій торговый.

Письменный, Орловъ и другіе судились за разореніе Екатеринославскаго банка.

Развѣ всѣ эти господа евреи? И почему ихъ управленіе можетъ считаться образцомъ? Я не помню еще именъ, хотя несомнѣнно нееврейскихъ, разорившихъ Нижегородскій дворянскій, Орловскій и разные городскіе банки. Почему ихъ политика была «правильная и осторожная»?

О маломъ зернѣ.

«Гражданинъ» разсказалъ, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ министру государственныхъ имуществъ, чело-вѣку преисполненному самыхъ лучшихъ аграрныхъ намѣреній, пришла въ голову мысль вводить для улуч-

шенія сельскаго хозяйства травосѣяніе и какъ онъ полагалъ на первый разъ отпустить для этого сѣмянъ по 20 пудовъ на губернію.

«Гражданину», вѣроятно, это распоряженіе показалось очень глупымъ или смѣшнымъ—«это вѣдь по чайной ложечкѣ на хозяйство», замѣтилъ онъ. Между тѣмъ, посмотрѣвъ серьезно, ничего смѣшного и непрактичнаго въ предложеніи министра не было. Было бы смѣшно и непрактично, если бы министръ могъ вѣрить, что министерство государственныхъ имуществъ въ состояніи засѣять улучшенными травами всѣ нуждающіяся въ этомъ хозяйства въ Россіи. Дать же эти отборныя сѣмена тѣмъ изъ хозяевъ, которые желали сдѣлать опытъ, конечно, мысль вѣрная и повсюду, въ томъ числѣ и у насъ, многократно практиковавшаяся.

Малый размѣръ первоначальнаго опыта не служитъ вовсе доказательствомъ будущей его неудачи. Въ восемнадцатомъ столѣтіи французскій морякъ Декліе (Desclieux) повезъ на Мартинику три отсадка кофейнаго дерева изъ парижскаго Jardin du Roi; съ величайшимъ усиліемъ довезено было только одно деревцо. И что же! Изъ этого ничтожнаго отростка образовались всѣ богатѣйшія кофейныя плантаціи Средней и Южной Америки, питающія, какъ, на примѣръ, въ Бразиліи, милліоны людей и снабжающія весь міръ кофеемъ.

На базаръ цвѣтовъ.

...На обширномъ пространствѣ Россіи садоводству и связанному съ нимъ плодоводству предстоитъ широкое поприще, а оно находится еще въ зародышѣ и сравнительно съ эпохою крѣпостного права пошло даже назадъ. Не менѣе прискорбно видѣть, что вслѣдствіе полного отсутствія надлежащаго контингента опытныхъ русскихъ садовниковъ, приходится ввѣрять судьбы своего сада какому нибудь плохого разбора иностранцу, выдающему себя за садовника.

Садоводство теперь стало какъ будто оживать, но по распространенію садоводственнаго образованія послѣ крестьянской реформы до самаго послѣдняго времени никакихъ улучшеній почти не дѣлалось; напротивъ того, садовыя учебныя заведенія даже нѣсколько пострадали въ пользу развитія общихъ сельскохозяйственныхъ учебныхъ заведеній.

Вотъ означенному недостатку и собирается пособить Россійское Общество садоводства и для собранія необходимыхъ средствъ прибѣгло къ организаціи «базара цвѣтовъ» при помощи дамъ, помня турецкую пословицу, что въ каждомъ женскомъ волосѣ болѣе силы, чѣмъ въ шести лошадахъ. Дамы если возьмутся за это дѣло, то надлежащій капиталъ будетъ конечно быстро собранъ, и тамъ, гдѣ растеть мохъ и мошквѣ, выростутъ азалии и камеліи не безъ помощи, впрочемъ, дровъ, которыхъ у насъ не занимать стать, если вѣрять отчетамъ лѣснаго вѣдомства...

Всѣ цвѣты для базара и для лотереи пожертвованы здѣшними садоводами и торговцами цвѣтовъ. Хотя большинство ихъ изъ нѣмцевъ, а будущая школа, какъ мы сказали, имѣеть задачею создать русскихъ садоводовъ, но нѣмецкіе садоводы въ ущербъ своему потомству щедро помоги базару, который очень красивъ и роскошенъ...

«Садоводство, говоритъ Бэконъ, представляетъ самое чистое изъ человѣческихъ развлеченій; оно доставляетъ уму наибольшее отдохновеніе». Хотя умы петербуржцевъ и не Богъ вѣсть какъ утомлены, но доставить себѣ отдохновеніе среди прекрасныхъ цвѣтовъ, въ роскошномъ дворцѣ, да еще имѣя возможность пріобрѣсти это «чистое наслажденіе» изъ хорошенькихъ ручекъ молодыхъ дамъ и дѣвицъ, нарядно одѣтыхъ, найдется, вѣроятно, очень много охотниковъ. Въ результатѣ же получится въ Россіи лишняя ремесленная школа.

По адресу Г. Розанова.

Г. Розановъ принадлежитъ къ числу нашихъ оригинальныхъ писателей. Поклонники усматриваютъ въ немъ даже маленькаго Достоевскаго. Г. Розановъ пишетъ «нутромъ» и «со слезой», какъ играютъ провинціальныя актрисы. Многое у него мѣтко, но не рѣдко ошибочно, а когда рѣчь пойдетъ о союзѣ брачномъ и прелюбодѣянніи то, совершенно какъ при

разсужденіяхъ Тяпкина-Ляпкина о сотвореніи міра, приходится хотъ святыхъ выносить.

Хотя и бывшій учитель географіи, г. Розановъ, не крѣпокъ, по собственному сознанію, въ сей немудрой наукѣ. Касательно богословскихъ познаній, г. Рункевичъ сдѣлалъ уже поправку къ интересной статьѣ г. Розанова «Сословное ли только безвкусіе» въ томъ, что касалось профессора Болотова. Съ своей стороны я не могу оставить также безъ возраженій историческихъ разсужденій г. Розанова, а именно приравненія Ришелье и Мазарини къ Филарету и Сперанскому какъ къ государственнымъ людямъ «семинарскаго закала», которымъ будто бы «семинарское воспитаніе дало одинаковую структуру ума».

Ни Ришелье, ни Мазарини никогда семинаристами не были, да и духовными были только по платью.

Ришелье былъ аристократомъ до мозга костей; онъ готовилъ себя къ военной карьерѣ и епископомъ сталъ совершенно случайно двадцати двухъ лѣтъ отъ роду вслѣдствіе смерти своего второго брата, имѣвшаго право (по королевской милости) на епископскую кафедру. Карьеру онъ началъ военнымъ министромъ. И во власти третировалъ духовенство свысока. Одинъ изъ первыхъ Ришелье поднялъ вопросъ о конфискаціи духовныхъ имѣній и ему принадлежитъ извѣстное изреченіе: «потребности государства насущны, потребности церкви химеричны и произвольны».

Мазарини, сынъ нотаріуса, студентъ испанскихъ университетовъ, былъ докторомъ правъ, служилъ въ

военной службѣ и былъ даже капитаномъ въ пѣхотѣ, а затѣмъ дипломатомъ и дипломатіи ради, по просьбѣ Ришелье, принялъ уже тридцати лѣтъ отъ роду духовное званіе.

Затѣмъ еще маленькая поправка. Говоря о Флорентійскомъ соборѣ, рѣшившемъ унію Востока съ Западомъ, г. Розановъ говоритъ: «Рѣшеніе собора русскою совѣстью было брошено подъ ноги. Ибо Русь была безъ академій, была — народъ и царь».

Какой же царь былъ во время Флорентійскаго собора? Извѣстно, что рѣшеніе его было отвергнуто великимъ княземъ Василиемъ Васильевичемъ Темнымъ.

Изъ морской исторіи.

Въ одной изъ передовыхъ статей «Новаго Времени» я прочелъ, что въ 1703 г.

«два большихъ шведскихъ фрегата, завлеченные военной хитростью русскихъ въ устье Невы на мели нынѣшняго Екатерингофа, несмотря на свое сильное вооруженіе, вынуждены были сдаться русскимъ, окружившимъ ихъ какъ осы, на 60 яликахъ, въ каждомъ изъ которыхъ находилось 6 человекъ съ жалкими пищалями».

Хотя нѣтъ никакого повода умалять подвигъ нашихъ гвардейцевъ на 30 лодкахъ, взявшихъ на Невѣ у устья Фонтанки два шведскихъ судна, но историческая истина требуетъ замѣтить, что это были вовсе

не большіе фрегаты, а купеческія суда самыхъ малыхъ размѣровъ, хотя и вооруженные малокалиберными пушками. «Астрильдъ» былъ двухмачтовая шнява (бригантина), «Геданъ»—одномачтовый галіотъ. Петръ Великій называетъ его даже ботомъ. Суда эти, судя по сохранившимся моделямъ, напоминаютъ наши нынѣшнія мелкія поморскія суда. «Геданъ» имѣлъ 50 футовъ длины, «Астрильдъ» немного того болѣе. На обоихъ судахъ было по одному офицеру и штурману и на обоихъ всего 73 человѣка команды, которая, за исключеніемъ 19 человѣкъ, а по другимъ источникамъ—13 человѣкъ, и была перебита двумя нашими полками: преображенцами и семеновцами, «понеже, какъ писалъ Петръ, пардонъ зѣло поздно закричали». Русскіе имѣли такое преимущество въ численности сражающихся противъ шведовъ, что, по словамъ Петра, только 8 лодокъ успѣли принять дѣйствительное участіе въ бою.

*
* * *

Поправка эта вызвала длинную отповѣдь газеты, на которую я отвѣчалъ слѣдующее:

Мнѣ кажется, что газета совершенно напрасно утруждала себя чтеніемъ краткаго очерка исторіи русскаго флота г. Веселаго. Я конечно при взятіи «Астрильда» и «Гедана» не присутствовалъ и ихъ не видѣлъ, но видѣлъ ихъ модели на Московской политехнической выставкѣ 1872 г. Означенія модели хранятся теперь въ Морскомъ музеѣ. Въ прекрас-

номъ же каталогъ морского отдѣла означенной выставки, составленномъ извѣстнымъ тогда специалистомъ по морской исторіи лейтенантомъ Мордовинымъ, сказано по поводу «Астрильда» и «Гедана» (страница 9) слѣдующее:

«Въ исходѣ XVII столѣтія въ Швеціи для разныхъ надобностей при корабельномъ флотѣ строились и нѣкоторыя малыя посыльныя суда. Эти суда хотя и числились военными, но по своей конструкціи ни въ чемъ не разнились отъ прочихъ коммерческихъ судовъ тогдашняго времени. Все различіе ихъ состояло въ томъ, что въ ихъ бортахъ выше палубы прорѣзывались отверстія или порты для постановки орудій. То были суда трехмачтовыя или шнявы, двухмачтовыя или бригантины, одномачтовыя или галіоты. Судно «Геданъ» принадлежало къ числу послѣднихъ. «Геданъ» былъ длиною приблизительно до 50 фут. (а не 56, какъ пишетъ «Новое Время»), шириною до 15 и имѣлъ видъ грузового палубнаго коммерческаго судна.

Изъ того же описанія (страница 19) видно, что «Астрильдъ» былъ менѣе «Гедана».

«Адмиральскій боть» не значитъ, что на «Геданѣ» былъ адмиралъ, а то, что онъ служилъ для посылокъ адмиралу. Галіоты и полугаліоты (послѣдніе подходятъ по размѣрамъ къ «Гедану») и теперь можно легко видѣть на Невѣ. Это суда, служащія для Ладожскаго озера лихтерами. Поморскія «лодья» есть въ сущности тѣ же галіоты. Только надобно при-

знаться, что и тѣ и другія суда строятся теперь хуже и небрежнѣе, чѣмъ при Петрѣ Великомъ.

Затѣмъ прибавимъ, что газета не совсѣмъ вѣрно передала участіе шведской эскадры, которая будто бы боролась съ флотиліей Петра. Этого и Веселаго вовсе не говоритъ. Въ дѣйствительности Нуммерсъ со своею эскадрою былъ только зрителемъ печальной участи своихъ посыльныхъ судовъ: эскадра ставила паруса и шла на помощь, но узкій фарватеръ Невскаго устья помѣшалъ ей подойти. Принужденная лавировать, шведская эскадра тихо подвигалась впередъ и, увидя дѣло оконченнымъ, поворотила назадъ и стала на прежнее мѣсто.

Надобно прибавить еще, что тогдашнія пушки били на очень малую дистанцію и очевидно эскадра изъ 9 судовъ, находившаяся на почтенномъ разстояніи близъ устья Невы, не могла поддерживать «сильный огонь» по нападавшимъ.

Мечты славянина.

Кромѣ нѣсколькихъ крѣпкихъ ругательствъ и клеветъ отъ нѣкоторыхъ журналистовъ, я удостоился получить, по случаю юбилея моей литературной дѣятельности, и множество привѣтствій со всѣхъ концовъ Россіи и изъ-за границы. Между послѣдними было оригинальное поздравленіе одного хорватскаго писателя, присланное съ береговъ Адриатики. Наговоривъ

мнѣ много комплиментовъ за широкіе горизонты въ моихъ «духовныхъ» сочиненіяхъ, какія-де «рѣдко встрѣчаются у русскихъ писателей», и пожуривъ слегка, во имя принципа: *Qui bene distinguit, bene docet*, за то, что въ моей «Внѣшней политикѣ» я назвалъ хорватовъ аристократами (тогда какъ тамошняя аристократія лишь—остзейскіе бароны) и что не различаю строго въ Далмаціи сербовъ отъ далматинцевъ,—мой славянскій корреспондентъ пожелалъ мнѣ: «здравія, удовольствія и спокойности, живіо многая лѣта, и чтобы Господь Богъ далъ дожить до того»:

«1) Чтобы каждый русскій сельскій учитель имѣлъ ежедневно жалованья 2 рубля и квартиру, какъ лучшій рабочій на русскихъ фабрикахъ, и чтобы аккуратно получалъ это жалованье.

«2) Чтобы русскія политическія газеты имѣли постоянныя рубрики: славянскія земли, школа, просвѣщеніе народа и наука, какъ имѣютъ нынѣ рубрики: театръ, спортъ и шахматы.

«3) Чтобы въ русскихъ газетахъ писались такъ же часто передовыя статьи объ учителяхъ и школахъ, какъ пишутся о бурахъ и китайцахъ. «Кто, читая въ «Новомъ Времени» № 8927 о бѣдѣ сельскаго учителя, не зарыдалъ, — прибавлялъ мой корреспондентъ,—тотъ не человѣкъ, и русскія газеты, которыя объ этомъ не писали, не могутъ считаться патриотами. О школахъ и учителяхъ надо бить въ набатъ!»

«4) Чтобы народный учитель былъ также обезпеченъ юридически въ правахъ человѣка, какъ обезпечены

судьи, бюрократы и даже солдаты, а права попечительства школы урѣзаны.

«5) Чтобы губерніи Европейской Россіи, кромѣ сѣверныхъ, были такъ «аррондированы», чтобы на каждую приходилось не болѣе 50,000 кв. верстъ и чтобы больше было децентрализаціи.

«6) Чтобы на сельскія школы тратилось 100 милліоновъ рублей, а на среднее образованіе 30 милліоновъ.

7) Чтобы просвѣщеніе возвышалось въ центральныя губерніяхъ, а не на окраинахъ. «Потому что центральныя губерніи на своихъ плечахъ понесли (вынесли) все, всю исторію и бѣдствія Имперіи. Кто больше работалъ, долженъ быть лучше кормленъ. Центръ это ядро и звено всего!»

«8) Чтобы узнали наконецъ, сколько русскихъ въ Имперіи. «Четыре года статистическій комитетъ держитъ всѣхъ на этотъ счетъ въ невѣдѣніи».

«9) Чтобы днѣпровскіе пороги были урегулированы, проведенъ каналъ отъ Риги до Херсона, желѣзныя дороги: Владикавказъ — Тифлисъ, Новороссійскъ — Поти, Тифлисъ — Тавризь — Испагань — Бендеръ-Буширь, Асхабадъ — Мешедъ — Чахбаръ — Бомбей, каналы: Донъ — Волга, Азовское море — Каспій. Чтобы были русскія дороги и въ Эрзерумъ, Трапезунтъ, Дамаскъ и Іерусалимъ.

«10) Чтобы казна надѣлила безземельныхъ крестьянъ и не держала подъ спудомъ милліоны десятинъ казенной земли. «Въ Россіи не должно быть ни одного мужика безъ земли и ни одного социалиста».

«11) Чтобы виноградниковъ было въ три раза болѣе, чѣмъ во Франціи.

«12) Чтобы въ 45 губерніяхъ Европейской Россіи было 100,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

«13) Чтобы Черное море обратилось въ русское озеро, Малая Азія въ русскій Hinterland, Родосъ и Кипръ стали русскими.

«14) Чтобы половина русскихъ стала грамотными, чтобы государственная роспись дошла до 5 милліардовъ рублей и Россія имѣла 5 милліоновъ хорошо обученныхъ и кормленныхъ «войниковъ».

И наконецъ «15) Чтобы русскіе книги и журналы ввозились въ славянскія земли безъ пошлины».

Вотъ до чего желаетъ дожить мнѣ горячій славянскій патріотъ. Желалъ бы и я, но думаю, что едва ли доживу даже до бюджета въ пять милліардовъ—*excusez du peu*, какъ впрочемъ закончилъ свое письмо и хорватскій публицистъ. Послѣднему и его странѣ желаю всего хорошаго и тѣмъ болѣе отъ души, что я по крови на половину сербъ, а сербы и хорваты, какъ тутъ ни *bene distinguere*, родные братья.

На обѣдѣ горныхъ кадетъ.

Горные инженеры и вообще воспитанники Горнаго института празднуютъ по всей Россіи день св. Макарія, 19-го января, въ честь престольнаго праздника института. За границею покровительница горныхъ лю-

дей св. Варвара, считающаяся по старинному убѣжденію предохранительницею отъ несчастныхъ случаевъ; ея день празднуютъ и у насъ на частныхъ заводахъ и рудникахъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ послѣдніе два года стали собираться особо на обѣдѣ] бывшіе кадеты института корпуса горныхъ инженеровъ.

Участвуютъ значить на обѣдѣ лица, получившія военное воспитаніе и бывшіе офицерами корпуса горныхъ инженеровъ. Хотя Горный институтъ преобразованъ изъ военно-учебнаго заведенія въ гражданское еще въ 1866 г., но до сихъ поръ здравствуетъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи около ста бывшихъ горныхъ кадетъ. Ихъ собралось въ 1902 году на обѣдѣ въ С.-Петербургѣ 37, въ 1903 году явились на обѣдѣ 12-го декабря 35 и многіе, кромѣ того, прислали письма и депеши.

Собравшіяся на обѣдѣ лица прежде всего констатировали, что имъ въ общей сложности около двухъ тысячъ лѣтъ. Складывая года одного присутствующаго съ годами другихъ, можно было дойти до Юлія Цезаря, но воспоминанія не шли далѣе 40-хъ годовъ, такъ какъ старѣйшими изъ собравшихся были: предсѣдатель горнаго совѣта Н. А. Кулибинъ и извѣстный геологъ бывшій профессоръ Г. Б. Романовскій, — выпуска 1851 г., и бывшій почетный опекунъ А. И. Антиповъ, — выпуска 1852 г. Затѣмъ привѣтствія получились отъ лицъ выпусковъ 40-хъ годовъ, а пришедшій любезное письмо, бывшій директоръ депар-

тамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ А. Е. Гернгросъ, оказался кадетомъ выпуска 1832 года.

Въ числѣ многочисленныхъ привѣтствій были депеши: отъ извѣстнаго нашего философа-публициста Н. К. Михайловскаго, бывшаго кадетомъ съ 1856 по 1862 гг.; отъ помощника главноначальствующаго на Кавказѣ генерала А. А. Фрезе, въ качествѣ аматера въ званіи управляющаго Локтевскимъ сереброплавильнымъ заводомъ, участвовавшаго въ штурмѣ Ташкента и затѣмъ перешедшаго въ генеральный штабъ. Затѣмъ прислано было къ обѣду очень много стиховъ, конечно, сатирическаго содержанія. Годы не усмирили рѣзвости горныхъ юмористовъ. Было прислано и кадетское стихотвореніе 1842 года извѣстнаго въ свое время писателя П. М. Ковалевскаго, племянника Евграфа и Егора Ковалевскихъ, оставившихъ въ наукѣ и администраціи такую почетную память.

Въ одномъ изъ писемъ, бывшій кадетъ, а нынѣ артиллерійскій генералъ Штейнфельдъ обратилъ вниманіе на то, что старый Горный институтъ въ восемь лѣтъ давалъ и общее, и спеціальное образованіе, выпускалъ вполнѣ готовыхъ дѣятелей девятнадцати и двадцати лѣтъ и это не помѣшало этимъ дѣтелямъ прославиться на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ. Какой урокъ для нынѣшнихъ защитниковъ безконечныхъ долбленій, дополнительныхъ курсовъ и переутюженій!

Дѣйствительно, сколько изъ бывшихъ горныхъ ка-

детъ вышло извѣстныхъ духовныхъ (между прочимъ, апостоль-мученикъ Русской Америки Ювеналій), дипломатовъ, военныхъ (напримѣръ, славный Слѣпцовъ), писателей, поэтовъ, актеровъ (Вас. Каратыгинъ, Самойловъ, Брянскій), водевилистовъ, живописцевъ, не говоря уже объ ученыхъ: геологахъ, химикахъ, инженерахъ, администраторахъ.

Чтеніе стиховъ, депешъ и писемъ заняло большую часть обѣда, прерываясь только обмѣномъ указаній на болѣзни, которыя успѣли нажить долголѣтнею службою бывшіе кадеты, всѣ уже посѣдѣвшіе. Не обошлось безъ тостовъ и рѣчей. Я утѣшилъ вымирающихъ старыхъ кадетъ, сравнивая ихъ съ выигрышными билетами внутреннихъ займовъ, которыхъ цѣнность все возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія погашенія. Во всѣхъ словахъ и воспоминаніяхъ проглядывала неизмѣнно одна общая черта—любовь къ старому Горному институту. Честь и слава заведенію и его давно лежащимъ въ могилѣ дѣятелямъ, память о которыхъ полвѣка спустя не произносится иначе, какъ съ самыми благодарными воспоминаніями. А у насъ не мало господъ, увѣряющихъ печатно, что прежніе кадетскіе корпуса были нѣчто вродѣ арестантскихъ или тюремныхъ учрежденій съ идіотами и звѣрообразными воспитателями! Замѣчательно еще, что теплое отношеніе къ своей *alma mater* сохранили не только его русскіе воспитанники, отцы и дѣды которыхъ учились въ томъ же заведеніи, но и инородцы: нѣмцы, армяне, поляки.

КАКЪ Я ОКАЗАЛСЯ ПРОРОКОМЪ ВЪ СВОЕМЪ ОТЕЧЕСТВѢ.

Quand la métallurgie est fondée par une nation il est indubitable qu'elle battra ses voisins, et en fera des esclaves.

Voltaire.

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКІЙ КРИЗИСЪ 1899—1902 гг.

I.

Весною 1896 г., когда я еще управлялъ Горнымъ департаментомъ, въ газетахъ появился слухъ объ учрежденіи какой-то комиссіи по вопросу объ организаціи новыхъ порядковъ нашего горнозаводскаго дѣла. При этомъ ставили въ образецъ дѣятельность В. Н. Татищева на Уралѣ въ 1734 г., который пригласилъ-де для рѣшенія вопроса объ упорядоченіи уральскаго горнозаводскаго дѣла частныхъ лицъ; необходимость же реформы горнаго дѣла видѣли въ томъ, что прошло «чуть не десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ правительство рѣшилось твердою ногою стать на почвѣ покровительства», между тѣмъ чугунъ не сошелъ съ цѣны 80—90 коп. за пудъ. Такое положеніе дѣла считалось «непозволительнымъ».

По этому поводу я высказалъ слѣдующія соображенія, которыя послужили отвѣтомъ на поднятые газетами вопросы.

*
* *

При Горномъ департаментѣ существуетъ нѣсколько комиссій, но комиссіи о реформѣ горнаго дѣла вообще не существуетъ. Предстояли совѣщанія подъ предсѣдательствомъ г. министра земледѣлія относительно проектируемыхъ имъ улучшеній въ заводскомъ хозяйствѣ на уральскихъ казенныхъ заводахъ—плодъ поѣздки г. Ермолова на Уралъ лѣтомъ 1895 года,—но при незначительной роли, казенныхъ заводовъ въ общемъ оборотѣ горнаго дѣла Россіи назвать это реформою горнаго дѣла нельзя. Министерство земледѣлія обязано улучшать свои заводы, держать ихъ на надлежащей высотѣ для удовлетворенія надобностей артиллеріи и флота и добиваться для этого необходимыхъ средствъ, но если вмѣсто $4\frac{1}{2}\%$ производительность казенныхъ заводовъ составитъ $5\frac{1}{2}\%$ нашего желѣзнаго дѣла — отъ этого въ русскомъ горномъ дѣлѣ переворота произойти не можетъ. Одна новая доменная печь на югѣ Россіи можетъ доставить, напр., столько же чугуна, сколько всѣ казенные горные заводы, взятые вмѣстѣ.

Да и какая вообще можетъ быть общая реформа дѣла столь сложнаго и разнообразнаго, затрогивающаго тысячи частныхъ и казенныхъ интересовъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ и условіяхъ. Даже частичныя измѣненія горнаго устава требуютъ для своего осуществленія десятки лѣтъ, такъ какъ

задѣвають попутно множество вопросовъ и, главное, интересовъ.

Примѣръ Татищева былъ приведенъ газетами довольно неудачно. Въ 1734 году онъ созвалъ заводчиковъ (ихъ тогда на всю Россію и Сибирь было пять человѣкъ) для выработки горнаго устава, но татищевскій уставъ, какъ извѣстно, никогда утвержденъ не былъ, а сочиненный вмѣсто того, по приказанію Бирона, бергъ-регламентъ до сихъ поръ составляетъ часть нашего горнаго законодательства.

Непонятно, почему рекомендуется горному вѣдомству слушать голосъ частныхъ людей, когда это почти единственное вѣдомство, которое постоянно приглашаетъ частныхъ лицъ высказывать свои мнѣнія и критиковать его дѣйствія. Извѣстно, что горное вѣдомство организовало постоянные и періодическіе съѣзды горнопромышленниковъ южныхъ, уральскихъ, замосковныхъ, Царства Польскаго, нефтепромышленниковъ, марганцевопромышленниковъ; учреждены и съѣзды золотопромышленниковъ. И это не собранія для болтовни по извѣстнымъ вопросамъ, а общественныя организаціи, имѣющія свои сборы, свои капиталы, учрежденія и пр., участвующія въ распредѣленіи вагоновъ, въ надзорѣ за наймомъ рабочихъ, за горными училищами и пр. Горное вѣдомство собирало общій съѣздъ желѣзныхъ заводчиковъ, учредило совѣщательную контору желѣзныхъ заводчиковъ, оно издаетъ съ 1825 года «Горный Журналь», дающій отчетъ обо всемъ, что дѣлается интереснаго въ Россіи

по горной части, поддерживается субсидіями частные горнозаводскіе органы и отдѣльныя изданія, съ 1860 года публикуетъ подробныя статистическія свѣдѣнія, а съ 1891 года—отчетъ Горнаго департамента, удостоившійся похвалъ за полноту и обстоятельность сообщаемыхъ свѣдѣній. Засимъ, по сколько нибудь серьезнымъ законодательнымъ проектамъ по горной части приглашались въ комиссіи эксперты и самые проекты передавались на заключеніе съѣздовъ, или публиковались во всеобщее свѣдѣніе. Рекомендовать горному вѣдомству гласность послѣ этого, казалось бы, нѣсколько излишне.

Несправедливо, что у насъ ограничивались для горнаго дѣла только частичными улучшеніями; кто понимаетъ дѣло, знаетъ, что каждая изъ важныхъ отраслей горнаго дѣла получила развитіе вслѣдствіе весьма существенныхъ реформъ и только второстепенныя отрасли горнаго дѣла, какъ серебряное, цинковое и отчасти мѣдное, остались безъ движенія. Наибольшее значеніе для горнаго дѣла имѣло, конечно, освобожденіе крестьянъ. Горное дѣло Царства Польскаго создано, можно сказать, горными законами 1870 и 1892 годовъ; золотое дѣло было развито уставомъ 1870 года—его поддерживалъ низкій курсъ рубля, а теперь сильно двинетъ впередъ Сибирская желѣзная дорога и образованіе акціонерныхъ компаній; добыча каменнаго угля развилась отъ сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ и созданія на югѣ горныхъ заводовъ; соляное дѣло—отъ отмены акциза;

добыча марганца—отъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и устройства портовъ; нефтяное дѣло—отъ отмѣны казенной монополіи, изданія горнаго закона 1872 г. и переустройства способовъ перевозки; желѣзному дѣлу толчокъ данъ возстановленіемъ покровительственной системы и снабженіемъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ исключительно своими рельсами и подвижнымъ составомъ. Рядомъ съ этимъ, были изданы очень важные спеціальныя горныя законы въ 1887 и 1892 гг. о разработкахъ на земляхъ казенныхъ, въ 1892 г. о наймѣ рабочихъ на горныя заводы и промыслы и въ 1895 г. о правильной разработкѣ ископаемыхъ.

Обращаясь къ вопросу, который газеты считаютъ кореннымъ, т. е. къ вопросу о цѣнѣ чугуна, я долженъ замѣтить, что вопросъ этотъ дѣйствительно очень важенъ, но и относиться къ нему надобно внимательно и безпристрастно, а не повторять постоянно однѣ и тѣ же фразы о дороговизнѣ металловъ, баснословныхъ барышахъ заводчиковъ и застоѣ горнаго дѣла. Ни одинъ изъ упрековъ, расточаемыхъ такъ легкомысленно нашему горному дѣлу иногда и лицами, которыя могли бы имѣть о немъ надлежащія свѣдѣнія, не выдерживаетъ критики.

По вопросу о цѣнѣ металловъ надобно прежде всего задаться вопросомъ, могутъ ли въ Россіи вообще (а не въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) металлы быть такъ же дешевы, какъ, напр., въ Англіи или Германіи. На это слѣдуетъ отвѣчать, что нѣтъ, въ виду пространства Россіи, географическаго положенія рудныхъ

мѣсторожденій и, слѣдовательно, заводовъ и малой относительно площади каменноугольной формации. Упрекать за это русскихъ такъ же смѣшно, какъ упрекать англичанъ, зачѣмъ у нихъ пшеница обходится дороже чѣмъ въ Россіи.

Конечно, есть люди, которые думаютъ, что нѣдра Россіи чуть не сплошь наполнены металлами и минералами и только ихъ не умѣютъ добывать, но такой ребяческій взглядъ опровергается исторіей нашего горнаго дѣла. Новыхъ открытій, въ родѣ золота на Амурѣ или ртути на югѣ Россіи, очень мало, большинство же тѣхъ мѣсторожденій, которыми мы пользуемся, извѣстны очень давно, но эксплуатировать ихъ не приходилось по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Рудники Сибири работали въ доисторическія времена, бакинская нефть описана Квинтомъ Курціемъ; донецкій уголь оцѣненъ еще Петромъ Великимъ; разработка его, какъ равно уральскаго, польскаго и замосковнаго угля, началась еще въ прошломъ столѣтіи; Кривой Рогъ извѣстенъ со временъ Екатерины II; теперь толкуютъ объ открытіи рудъ на Керченскомъ и Таманскомъ полуостровахъ, а горное вѣдомство еще въ 40-хъ годахъ построило для проплавки ихъ заводъ въ Керчи, взорванный англичанами въ Крымскую войну, и т. д. Можно, слѣдовательно, развѣдывать болѣе тщательно свои мѣсторожденія, болѣе энергически ихъ эксплуатировать, но думать, что откроются какія-то невѣдомыя богатства—весьма, весьма сомнительно. Я говорю, конечно, въ

границахъ, гдѣ есть населеніе, а не о пустынныхъ, невѣдомыхъ, трудно доступныхъ окраинахъ.

Разсуждая о цѣнахъ у насъ чугуна, сравниваютъ обыкновенно для чугуна цѣну на заводахъ за границею съ цѣною его въ С.-Петербургѣ, т. е. на самой дальней отъ русскихъ заводовъ окраинѣ; для желѣза и стали сравниваются цѣны опять въ Петербургѣ и въ другихъ отдаленныхъ пунктахъ съ искусственно пониженными синдикатами для вывоза въ Россію цѣнами иностранныхъ горныхъ заводовъ; послѣднія цѣны явно убыточны, какъ, напр., и у насъ цѣны сахара, назначеннаго для вывоза. Увѣряютъ, что англійскіе рельсы можно имѣть въ Петербургѣ по 60 к. за пудъ; если эта цѣна нормальная, то положительно слѣдуетъ сказать, что никогда русскіе заводы по этой цѣнѣ въ Петербургѣ рельсовъ не поставятъ и поставить не могутъ безъ убытка. Это не резонъ, однако, чтобы закрывать свои желѣзные заводы, какъ не резонъ прекращать въ Англии посѣвъ хлѣбовъ, потому что пшеница въ Кубанской области стоитъ 15 или 20 коп. за пудъ. Если русскій чугунъ еще дороже въ Петербургѣ, то надобно сказать, что онъ былъ еще дороже въ періодъ свободной торговли. Взавъ, однако, цѣны на заводахъ, уже и теперь нѣтъ очень рѣзкой разницы между цѣнами чугуна въ Россіи и за границею; многіе заводы имѣютъ у насъ чугунъ не дороже 30—50 коп. за пудъ по цѣнѣ, признаваемой нормальной и въ Германіи, и въ Америкѣ, и даже въ Англии.

Что свободная торговля не развиваетъ желѣзной промышленности, отлично показалъ опытъ 1861—1875 гг., когда всѣ металлы для желѣзныхъ дорогъ, машиностроенія и судостроенія, т. е. для $\frac{4}{5}$ ихъ потребности, привозились въ Россію беспошлинно. Это было время самаго полнаго застоя нашей желѣзной промышленности; заводы уральскіе едва дышали, и если не закрылись, то лишь потому, что при крѣпостномъ трудѣ погасили свою стоимость, а новыхъ сооруженій не дѣлали—дѣлали наоборотъ только долги. Нѣкоторые крупные горные заводы: Катавъ-Ивановскіе, Шиповскіе, Выксунскіе, Ревдинскіе, Мальцовскіе и друг. до сихъ поръ не могутъ выпутаться изъ сдѣланныхъ тогда долговъ. Зато когда правительство въ половинѣ 70-хъ годовъ, въ видахъ политическихъ и стратегическихъ, пожелало имѣть, наконецъ, свои русскіе рельсы, то оно не могло получить ихъ иначе, какъ давъ казенный заказъ на 12 лѣтъ по 2 руб. 30 коп. съ пуда и 35 коп. преміи; большая часть этого заказа была исполнена при томъ изъ иностраннаго чугуна, на привозномъ топливѣ и даже иностранными техниками и рабочими.

Теперь такой же заказъ русскіе заводы, исключительно работающіе изъ русскихъ матеріаловъ, съ радостью возьмутъ за 1 р. 35 к., а можетъ быть, если срокъ исполненія не будетъ обусловленъ слишкомъ строгими штрафами, и по 1 руб. 25 коп. за пудъ. Разница противъ 1876 года не маленькая, болѣе чѣмъ вдвое, и можно ли утверждать по совѣсти, что ни-

какихъ успѣховъ наша желѣзодѣлательная промышленность не сдѣлала. Что она ихъ сдѣлала, доказывается и тѣмъ, что въ 1893 г. по торговымъ договорамъ пошлина на желѣзо и сталь была сразу сильно понижена, но заводы легко вынесли это пониженіе.

Но и это еще не все. Я считаю, что наше желѣзное дѣло только что начинаетъ развиваться. Заводы вѣдь не кабаки, гдѣ разставилъ косушки—и торгуй; для постройки горнаго завода надобно, по меньшей мѣрѣ, два года, а если на своихъ собственныхъ рудникахъ, то четыре, пять лѣтъ, да чтобы наладить и пустить въ ходъ заводскія операціи, требуется, сверхъ того, еще нѣкоторое время. Нельзя поэтому было думать, что если въ іюнѣ 1891 г. министръ финансовъ провель сильно покровительственный тарифъ, то черезъ мѣсяць Россія уже покроется сѣтью желѣзныхъ заводовъ, а черезъ два мѣсяца желѣзо подешевѣетъ на 30⁰/о.

Покровительственный тарифъ былъ введенъ для того, чтобы желѣзо временно вздорожало, чтобы заводчики получили при этомъ барыши, чтобы зависть къ этимъ барышамъ привлекла русскихъ и иностранныхъ капиталистовъ къ постройкѣ новыхъ горныхъ заводовъ и чтобы внутренняя конкуренція понизила въ будущемъ цѣны, и населеніе выбрало съ лихвою всю свою временную переплату. Это азбука покровительственной системы. *Qui veut la fin veut les moyens.* Наивно было думать, что если чугуны вмѣ-

сто 5 коп. кредитныхъ съ пуда обложить по 30 коп. золотомъ, т. е. 45—48 коп. кредитныхъ, то онъ долженъ отъ этого сейчасъ подешевѣть; наоборотъ, теоретически онъ долженъ былъ бы удвоиться въ цѣнѣ.

Онъ, однако, не удвоился, потому что при существующей относительно ограниченной потребности металловъ въ Россіи и тѣ заводы, которые существовали, могли удовлетворить увеличивающейся потребности и конкурировали между собою, вновь же возникающіе заводы были поглощены заказами правительства для сибирскихъ и другихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ укрѣпленіе таможеннаго покровительства совпало съ энергическою постройкою новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Во всякомъ случаѣ, удешевленія металловъ нельзя было ждать немедленно, новые заводы только что проектируются или строятся, старые же, обеспеченные на нѣсколько лѣтъ казенными заказами, естественно, стараются воспользоваться выгодными обстоятельствами, хотя надобно замѣтить, что благоразуміе требуетъ съ ихъ стороны получаемые барыши не спѣшить раздавать акціонерамъ или класть въ карманъ, а употреблять въ значительной части на расширеніе и перестройку заводовъ, чтобъ приготовиться къ конкуренціи съ новыми болѣе усовершенствованными заводами, требующими гораздо менѣе рабочихъ рукъ и топлива. Теперь металлургическая техника быстро идетъ впередъ и въ десять лѣтъ всѣ прежнія устройства уже являются устарѣлыми, по-

этому всё заводы, которые усиленно не погашают своего имущества, рискуют скоро очутиться въ тяжёломъ положеніи ¹⁾). Эта необходимость усиленнаго погашенія также одно изъ условій, почему металлы не могутъ быстро подешевѣть у насъ. Иностранные заводы гораздо болѣе погасили свою стоимость, да и стоятъ они, по климатическимъ условіямъ и по болѣе развитому машиностроенію, дешевле нашихъ.

Если, какъ мы сказали, заводовъ по щучьему велѣнію создавать нельзя, то нельзя сказать, чтобы время было потеряно. Съ 1871 по 1885 г. на югѣ съ трудомъ и неся убытки влачили существованіе два горныхъ завода — Юза и Пастухова. Съ тѣхъ поръ построились гигантскіе заводы: Брянскій, Днѣпровскій, Гданцевскій и Дружковскій, не считая маленькаго Кременчугскаго, строятся заводы Юрьево-Донецкаго и Русско-Бельгійскаго обществъ, затѣмъ намѣчены и будутъ построены горные заводы въ Одессѣ, Таганрогѣ, Мариуполѣ, Луганскѣ и въ разныхъ мѣстахъ Донецкаго бассейна. Уже и теперь югъ Россіи обогналъ по выплавкѣ чугуна Уралъ, а Уралъ съ своей стороны, какъ видно изъ отчетовъ Горнаго департамента, очень увеличилъ производительность; выплавка чугуна значительно возросла въ Царствѣ Польскомъ и въ Замосковномъ краѣ и являются попытки создать горнозаводское дѣло въ Сибири и на Кавказѣ. Передѣлочные заводы въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Ниж-

¹⁾ Это и случилось съ Брянскимъ обществомъ.

немъ, въ свою очередь, расширяются и проектируется постройка огромнаго завода въ Царицынѣ на нефтяномъ топливѣ. О техническихъ успѣхахъ говорить нечего, ихъ блистательно докажетъ нижегородская выставка, гдѣ будутъ выставлены нашими заводами рельсы въ 30 сажень длиною и т. п. послѣднія слова горной науки.

Десять лѣтъ назадъ выплавка чугуна не превосходила въ Россіи 31 мил. пудовъ, въ 1896 году она достигнетъ 100 милліоновъ пудовъ; имѣя въ виду, что каждая новая домна увеличиваетъ производительность чугуна на 2 или на 3 милліоновъ пудовъ въ годъ, очень близко время, когда выплавка достигнетъ 150 милл. пудовъ, т. е. сравнительно съ эпохою сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ удесятерится!

Все это въ очень скоромъ будущемъ угрожаетъ перепроизводствомъ желѣза, стали и рельсовъ, слѣдовательно, и быстрымъ пониженіемъ цѣнъ. Если керосинъ могъ у насъ, вопреки таможенной пошлинѣ въ 60 коп. золотомъ съ пуда, подешевѣть съ 3 руб. до 6¹/₂ коп. за пудъ (на заводахъ), несмотря на щедро расточаемыя фразы о нашихъ техническомъ невѣжествѣ, рутинѣ, осталости и жадности, то столь же быстро подешевѣетъ и чугунъ, и желѣзо, и сталь. Подешевѣютъ, однако, повторяю, настолько, насколько это позволяютъ естественныя условія Россіи, т. е. подешевѣютъ прежде всего въ районѣ заводовъ, а въ другихъ мѣстахъ—настолько, насколько позволятъ условія перевозки. Поэтому я убѣжденъ, что черезъ пять лѣтъ рѣчь

пойдетъ не объ отмѣнѣ таможеннаго покровительства, а объ нормированіи рынка и нормированіи производства, какъ это недавно еще заботило правительство по отношенію къ сахарной и нефтяной промышленности, а отчасти должно бы беспокоить по отношенію къ соляному дѣлу, гдѣ давно замѣчается перепроизводство.

II.

Годъ спустя, въ № 7811, «Новое Время», въ статьѣ «Предостереженіе отечественной промышленности», рассказавъ исторію дачи заказа на рельсы французскому «Донецкому обществу желѣзной и стальной промышленности», вывело мораль или, какъ говорила газета, философію объ «организованномъ грабежѣ потребителей», «безоблачномъ небѣ желѣзодѣлательнаго благополучія», «желѣзномъ голодѣ», «перспективѣ безмятежнаго выбиранія колоссальныхъ барышей» и т. д. На эту философію я возразилъ.

Позволяю себѣ, какъ человѣкъ, котораго слова «металлъ» и «жупель» и вообще страшныя слова не пугаютъ, извлечь «свою философію» изъ «исторіи», рассказанной авторомъ статьи, и объяснить—нуждаются ли рельсовые заводчики въ «предостереженіяхъ», точно какіе-то злоумышленники.

Прежде всего считаю долгомъ сдѣлать нѣсколько фактическихъ поправокъ къ его статьѣ.

Несправедливо, во-первыхъ, что удалось, будто бы, понизить теперь цѣну рельсовъ на одну треть, а именно съ 1 р. 60—65 к. до 1 р. 18—10 к. за пудъ. Уже въ 1893 г. казенные заказы состоялись по 1 р.

55 к. и 1 р. 50 к., затѣмъ заводы брали заказы по 1 р. 47 к., далѣе по 1 р. 40 к., а минувшимъ лѣтомъ желѣзныя дороги заказывали довольно большія партіи по 1 р. 32 к. Были даже предложенія отъ новыхъ заводовъ получить долгосрочный заказъ рельсовъ съ пониженіемъ цѣны до 1 р. 25 к. за пудъ.

Правительство никогда торжественно не обязывалось не понижать пошлинъ на металлы до извѣстнаго срока; въ 1885 г. было обѣщано только, что 12 лѣтъ не будетъ понижена пошлина на чугунъ, подъ гарантіей чего и возникли на иностранные капиталы большіе заводы; часть этихъ заводовъ еще не открыла своего дѣйствія.

Рельсовые заводы вовсе не могутъ считать себя «гарантированными на счетъ безконкурентнаго сбыта», потому что изъ официальныхъ свѣдѣній, напечатанныхъ министерствомъ путей сообщенія, видно, что наши заводы въ состояніи производить до 36 мил. пуд. рельсовъ въ годъ, между тѣмъ потребность въ рельсахъ, въ предположеніи еще ежегодной постройки 3,000 верстъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, не достигаетъ въ Россіи 18—20 мил. пудовъ.

Несправедливо, что большинство русскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ спеціализировалось на рельсовомъ производствѣ. Рельсовыхъ заводовъ у насъ, считая со строящимися, 9 или 10, а желѣзодѣлательныхъ заводовъ болѣе 140. Если сортовое и листовое желѣзо въ Россіи вздорожало, то не только отъ зацолненія заводовъ заказами рельсовъ, но и отъ

быстраго повышенія въ 1885—91 гг. таможенныхъ пошлинъ и отъ того, что одновременно начали строиться и перестраиваться многіе заводы. Эта постройка и новое оборудованіе служатъ причиною и того, что, несмотря на высокій размѣръ пошлинъ, привозъ изъ-за границы желѣза, стали и машинъ не упалъ, а значительно возросъ въ послѣдніе годы.

Не только «прекрасно спѣвшагося», но и никакого синдиката рельсовыхъ заводчиковъ не существуетъ. До 1892 г. существовало соглашеніе не всѣхъ, а части рельсовыхъ заводовъ, но и оно распалось, такъ какъ казенные заказы давались при отобраніи подписки, что ни къ какому синдикату заводъ, получающій заказъ, принадлежать не будетъ. Отъ себя прибавлю, что опасеніе синдикатовъ, послѣ опытовъ у насъ съ синдикатами нефтянымъ и сахарнымъ, напрасны. За границею во всѣхъ государствахъ синдикаты дѣйствуютъ благополучно. Въ Австріи, промышленность которой гораздо слабѣе нашей, образовалось новыхъ промышленныхъ синдикатовъ въ одномъ 1896 году 260, и въ рейхсратъ внесенъ проектъ закона, регулирующій дѣятельность синдикатовъ¹⁾.

Что у насъ рельсоваго синдиката нѣтъ, лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что «До-

¹⁾ При этомъ кстати замѣчу, что я одинъ изъ первыхъ доказывалъ въ «Новомъ Времени» пользу и необходимость синдикатовъ. Я даже внесъ на всероссійскій съѣздъ желѣзныхъ заводчиковъ 1885 г. предложеніе о пересмотрѣ нашихъ устарѣвшихъ законовъ о стачкахъ и соглашеніяхъ производителей, но заводчики не поддержали меня.

нецкое общество» предложило взять заказъ по столь пониженнымъ цѣнамъ, когда на торгахъ, на которыхъ требовалось незначительное количество рельсовъ отъ 300,000 до милліона пудовъ въ годъ, цѣна опредѣлилась въ 1 р. 32 к. за пудъ. Торги, впрочемъ, никогда не приводятъ къ удачнымъ результатамъ, когда число торгующихся ограничено немногими лицами и когда безъ всякихъ синдикатовъ послѣдніе имѣютъ общій интересъ не давать цѣнамъ быстро понижаться.

«Новое Время» увѣряетъ, что на рельсовыхъ заводчиковъ повліяла угроза заказывать рельсы за границею и совѣтъ, будто бы «благосклонно принятый», замѣнъ пріобрѣтенныхъ казною за границею рельсовъ готовить для рынка сортовое и листовое желѣзо. Но, во-первыхъ, сдѣлать заграничные заказы не такъ-то просто: уставы всѣхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, многочисленныя Высочайшія повелѣнія и не такъ давно еще состоявшееся положеніе Комитета министровъ обязываютъ, за рѣдкими исключеніями, готовить желѣзнодорожныя принадлежности въ Россіи; конечно, это измѣнить возможно, но означенное измѣненіе не во власти того или другого департамента. Это дѣло высшей государственной экономической политики и нуждается въ законодательной санкціи.

Затѣмъ, совѣтъ рельсовымъ заводамъ готовить вмѣсто рельсовъ сортовое и листовое желѣзо; могъ быть данъ развѣ въ шутку, но не серьезно малороссійская

пословица справедливо говоритъ, что на вербѣ никогда не вырастутъ груши.

Рельсы дѣлаются изъ бессемеровской стали, а сортовое и листовое желѣзо—изъ пудлинговой и мартеновской. Рекомендовать рельсовымъ заводамъ измѣнить производство—значитъ рекомендовать измѣнить не только прокатные станы, но и печи, и персоналъ рабочихъ; другими словами, это равносильно рекомендаціи построить новые заводы, на что требуются милліоны рублей; да новые заводы для приготовленія разныхъ сортовъ желѣза и стали и безъ того строятся рядомъ съ рельсовыми заводами.

Вотъ въ этой невозможности въ короткій срокъ и безъ затраты новыхъ милліоновъ измѣнить производство и лежитъ объясненіе, почему французское «Донецкое общество» поторопилось сдѣлать уступки въ цѣнѣ рельсовъ.

Заводъ этого общества—Дружковскій—исключительно рельсовый, онъ исполнилъ уже 6 мил. пуд. рельсовъ для казны и значительные заказы рельсовъ для частныхъ обществъ, не давъ не только 85⁰/₁₀₀ барыша, о которыхъ говорится въ статьѣ, но ни копейки дивиденда своимъ акціонерамъ. Не имѣя болѣе заказа и не имѣя возможности готовить что-либо другое до новаго оборудованія, заводъ поневолѣ предложилъ очень низкія цѣны, 1 руб. 18 коп. и 1 руб. 10 коп., но, однако, при условіи, чтобы былъ утвержденъ заказъ въ 2 мил. пудовъ по 1 руб. 32 коп., взятый пмъ для Рыбинской желѣзной дороги.

Въ среднемъ это составило цѣну въ 1 руб. 20 коп. за пудъ рельсовъ, отъ которой заводъ, обезпечивая себя работою на два года, если не будетъ имѣть прибыли, то и не понесетъ убытка до момента, когда выстроить новыя желѣзодѣлательныя устройства.

Возможность, однако, приготовить въ Россіи рельсы по 1 руб. 20 коп., а тѣмъ болѣе по 1 руб. 10 коп., составляетъ еще большой техническій вопросъ. Рельсы, говорятъ, стоятъ заводамъ отъ 85 до 93 к. за пудъ. Конечно, не на Уралѣ, гдѣ они должны обходиться непременно значительно дороже. Но къ вышеозначеннымъ издержкамъ приготовленія надобно прибавить проценты на оборотный капиталъ, расходы на новыя постройки, погашеніе старыхъ сооружений въ срокъ не болѣе 10—12 лѣтъ, комиссіонные расходы и дивидендъ. На все это 17—25 коп. съ пуда едва ли достаточно.

Но опять все зависитъ отъ различныхъ условій, разбирать которыя завело бы меня далеко: отъ размѣра заказа, отъ того—новый или старый заводъ принялъ заказъ, отъ круга производительности завода, ибо, имѣя барыши отъ механическаго или желѣзнаго производства, заводъ, понятно, можетъ дешевле дѣлать рельсы, разнося накладные расходы на другіе цеха, чѣмъ специально рельсовый заводъ, и т. д. При удешевленіи кокса и руды рельсы у насъ могутъ подешевѣть и можетъ быть, что цѣна въ 1 р. 20 к. и 1 р. 10 коп. и станетъ нормальною въ непродолжительномъ будущемъ, но при нынѣшнихъ

условіяхъ для спеціалистовъ цѣна эта, кажется, очень не высокою.

А что рельсы у насъ вообще подешевѣли, покажетъ простой расчетъ. Рельсы въ Бельгiи (гдѣ заводы окупили давно свою стоимость, коксъ, несмотря на коксовый синдикатъ, дешевѣ и $\frac{4}{5}$ количества руды привозится беспошлинно изъ-за границы) стоятъ 80 к. пудъ; для вывоза, при очень льготныхъ условіяхъ пріемки, тѣ же рельсы отдаются по 65 коп. за пудъ. Въ 1891 г., при весьма внимательномъ пересмотрѣ тарифа, было признано, что для рельсовъ необходима у насъ покровительственная таможенная пошлина въ 90 коп. кредитныхъ (60 коп. золотомъ) за пудъ, сбалансированная по договору съ Германіей до 75 коп. кред. за пудъ или 50 коп. золот. Складывая эти цифры, выходитъ, что цѣна рельсовъ должна бы быть въ Россіи, при условіи полнаго пользованія таможеннымъ покровительствомъ, дарованнымъ правительствомъ, и въ настоящее время, при ставкѣ договора съ Германіей, отъ 1 руб. 40 к. до 1 р. 55 коп. за пудъ, между тѣмъ цѣна опустилась уже до 1 руб. 20 коп. Трудно указать въ какой бы то ни было другой отрасли промышленности примѣръ такого пониженія отъ внутренней конкуренціи въ столь короткій срокъ.

Для развитія желѣзной промышленности правительство сдѣлало у насъ громадныя усилія: кромѣ установленія высокихъ пошлинъ и обязанности снабжать себя рельсами и другими желѣзнодорожными принадлежностями, приготовленными внутри страны, оно

дало большіе казенные заказы и понизило провозные тарифы по желѣзнымъ дорогамъ. Результаты не заставили себя ждать. Что нѣсколько лицъ, находившихся въ привилегированномъ положеніи, нажили при этомъ деньги, не столько еще отъ заводовъ, сколько отъ удачныхъ биржевыхъ спекуляцій съ акціями двухъ-трехъ заводовъ, — весьма естественно, но эти примѣры, которые можно отыскать въ какой угодно отрасли человѣческой дѣятельности, не должны пугать и заставлятъ сворачивать съ избраннаго развѣрнаго пути. Я убѣжденъ, о чемъ уже и ранѣе писалъ, что одна внутренняя конкуренція не только въ очень непродолжительномъ времени понизитъ цѣны желѣза, но сдѣлаетъ приготовленіе его прямо убыточнымъ для многихъ заводовъ, до тѣхъ поръ, пока расширеніе сбыта не дастъ работы всѣмъ вновь возникающимъ заводамъ. Торопить вызвать этотъ неизбежный кризисъ перепроизводства, отъ котораго пострадаютъ не одни акціонеры, но прежде и болѣе всего—рабочіе, служащіе и поставщики матеріаловъ, рѣшительно нѣтъ основанія.

*
* * *

Въ виду «поправокъ» къ моему письму, сдѣланныхъ въ № 7814 «Новаго Времени», я съ своей стороны сдѣлалъ небольшія поправки, чтобы еще болѣе разъяснить дѣло.

Мнѣ очень хорошо извѣстно, что попытки водворить существенными льготами рельсовое производство начались въ Россіи ранѣе 1835 года. Онѣ начались

еще въ 40-хъ годахъ, но я ничего не говорилъ о по-
нудительныхъ мѣрахъ 1877 г., которыя въ свое время
въ «Новомъ Времени» достаточно рѣзко критиковалъ,
потому что мѣры эти, состоявшія въ дачѣ огромныхъ
заказовъ по 2 руб. 30 коп. за пудъ, при выдачѣ еще
попудной преміи въ 20 копѣекъ за рельсы, изготов-
ленные изъ беспошлинныхъ иностранныхъ или полу-
иностранныхъ (старые рельсы) матеріаловъ на загра-
ничномъ беспошлинномъ горючемъ, были направлены
къ обогащенію нѣсколькихъ счастливицевъ, а вовсе не
къ развитію горнозаводскаго дѣла.

Мѣры эти дѣйствительно обогатили кн. Тенишева,
Голубева, Рау и Губонина, но ни на одинъ пудъ не
увеличили выплавки чугуна въ Россіи и не развили
ея горнаго дѣла. Только въ 1885 г. покойный Бунге
понялъ, что нельзя создать серьезнаго рельсоваго про-
изводства иначе, какъ опираясь на собственное гор-
нозаводское производство. Я очень хорошо помню,
какъ противъ постепеннаго повышенія пошлинъ на
чугунъ до 15 коп. кричали тогда тѣ же чиновники
и передѣлочные заводчики, которые теперь стали са-
мыми ярыми протекціонистами. Къ счастью, въ по-
ученіе потомству, труды разныхъ тарифныхъ комиссій
сохранились въ печати.

Поощрительныя мѣры 1877 г. имѣли еще и дру-
гой результатъ. Обогащенные этими мѣрами вла-
дѣльцы перенесли свои окупившіеся заводы (Днѣ-
провскій и Брянскій) на югъ, и тамъ, пользуясь при-
вилегированнымъ положеніемъ, сняли вторыя сливки.

На высокіе дивиденды этихъ заводовъ обыкновенно и указываютъ тѣ, которые находятъ, что желѣзные заводы въ Россіи даютъ слишкомъ много барышей; при этомъ, однако, забывается, что для заводовъ былъ и длинный рядъ голодныхъ годовъ. Уральскіе заводы очень плохо работали съ 1858 по 1886 годъ, заводъ Юза не давалъ дивидендовъ семнадцать лѣтъ, а Путиловскій заводъ, много разъ мѣнявшій хозяевъ и названіе, по крайней мѣрѣ, сорокъ лѣтъ работалъ безъ прибыли и за нимъ пропалъ огромный казенный долгъ¹⁾).

*
* *
*

Мои оппоненты перемѣнили тактику и стали упрекать меня въ излишнемъ пессимизмѣ, будто я писалъ, что въ Россіи желѣзная промышленность гибнетъ или должна погибнуть.

Промышленность, существующая два съ половиною столѣтія, отвѣчалъ я, не можетъ погибнуть, особенно если она удовлетворяетъ потребностямъ населенія слишкомъ въ сто милліоновъ. Я говорилъ только,

¹⁾ По точнымъ даннымъ статистическаго бюро южнаго горнопромышленнаго съѣзда, средняя доходность 1898—1899 гг. для каменноугольныхъ предприятий выразилась 4,95 проц., для металлургическихъ заводовъ 6,5 проц., для передѣлочныхъ заводовъ 4,4 проц., для смѣшанныхъ 4,8 проц., а для всѣхъ горныхъ и непосредственно съ ними связанныхъ предприятий за указанный періодъ — 5,76 проц. Средняя же доходность въ Россіи за десятилѣтіе 1885 — 1894 гг. для горнозаводской промышленности составляетъ 3,92 проц., а для каменноугольной—2,43 проц.

что у насъ временно избытокъ желѣзныхъ заводовъ, а еще многіе изъ строящихся или не готовы, или только начали развивать свою производительность.

Мои оппоненты говорятъ о какихъ-то «спекулятивныхъ заводахъ», которые-де страдаютъ отъ неумѣнія приспособиться къ рынку, остальные же благоденствуютъ. Никакихъ спекулятивныхъ заводовъ въ Россіи нѣтъ, всѣ новые заводы построены превосходно, по новѣйшимъ фасонамъ и именно приспособлены къ потребностямъ рынка; скорѣе старымъ пришлось, въ виду конкуренціи, приспособляться къ новымъ условіямъ рынка. Но рынокъ этотъ, къ сожалѣнію, ограниченъ.

Да оно и понятно: населеніе за сорокъ лѣтъ въ Россіи даже не удвоилось, а желѣзное дѣло за это время увеличилось въ пятнадцать разъ, а особенно выросло въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Легко было предвидѣть, что одинъ высокій тарифъ 1891 г. поощритъ созданіе новыхъ заводовъ и повыситъ цѣны металловъ; между тѣмъ для пониженія послѣднихъ министерство финансовъ, все болѣе и болѣе вмѣшивающееся въ завѣдываніе горнымъ дѣломъ, стало давать заказы непременно новымъ заводамъ, т.-е. увеличивать искусственно число ихъ, а это увеличеніе естественно подняло цѣну сырыхъ матеріаловъ, слѣдовательно сдѣлало пониженіе цѣнъ заказовъ убыточнымъ для заводовъ.

Спекуляція же акціями заводовъ на биржѣ прямого отношенія къ положенію заводовъ не имѣетъ. На

акціи Брянскаго завода, напрімѣръ, была огромная игра, и здѣсь и за границей, на акціи Новороссійскаго завода (Юза) никакой игры не было, между тѣмъ оба завода стоятъ приблизительно въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, оба прекрасно оборудованы, но безъ заказовъ казны существовать не могутъ.

Это и есть одна изъ слабыхъ сторонъ нашей желѣзной промышленности, что она существуетъ преимущественно для надобностей казны. Означенное положеніе долго еще будетъ продолжаться и представляетъ извѣстную опасность, такъ какъ ставить заводы въ зависимость отъ желѣзнодорожной политики правительства, которая въ свою очередь обусловливается политическимъ положеніемъ, большею или меньшею легкостью помѣщенія за границу займовъ и другими обстоятельствами. Для русской промышленности не все напр. равно, будетъ ли строить казна дороги на Волгѣ и въ Польшѣ или въ Манчжуріи, Персіи и Малой Азіи.

Указаніе моихъ оппонентовъ на два факта, которые будто бы подтверждаютъ здоровое положеніе желѣзной промышленности: довольно высокія цѣны на нѣкоторые сорта и то, что привозъ металловъ изъ-за границы не уменьшается, доказываетъ только, что оппоненты совсѣмъ не въ курсѣ дѣла.

Цѣны металловъ теперь во всемъ мірѣ высоки, онѣ и у насъ не падаютъ на нѣкоторые сорта ниже извѣстнаго уровня; но вопросъ, уровень этотъ обеспечиваетъ ли барышъ заводамъ,—заводамъ вообще, а не

одному какому-нибудь особенно выгодно поставленному для даннаго заказа? Для этого надобно знать, во что обходятся самимъ заводамъ металлы. Г. Менделѣевъ въ своемъ «Толковомъ тарифѣ» дѣлалъ расчетъ, что чугуны на югѣ Россіи можетъ стоить себѣ 28 копѣекъ пудъ; онъ никогда, однако, не обходился южнымъ заводамъ дешевле 45—50 коп., а теперь обходится (тамъ, гдѣ ведется правильное счетоводство) отъ 60 до 70 коп. пудъ. Такая высокая цѣна зависитъ отъ дороговизны сырыхъ матеріаловъ—угля, кокса, нефтяныхъ остатковъ, рудъ и большихъ затратъ на новыя сооруженія и погашеніе возведенныхъ. Низкія цѣны на рельсы заставили напр. обратиться къ листовому желѣзу, но это обращеніе сейчасъ же вызвало милліонныя затраты, которыя должны были упасть на цѣну желѣза. Понизить высокую цѣну чугуна, пока не мѣняется цѣна элементовъ, изъ коихъ она слагается,—нельзя, а изъ дорогого чугуна нельзя сдѣлать дешевыхъ металловъ. Понизить же цѣны сырыхъ матеріаловъ въ свою очередь нельзя вслѣдствіе избытка заводовъ и превышенія спроса на эти матеріалы надъ предложеніемъ.

Но высокія цѣны не такъ еще важны заводамъ, какъ обезпеченіе заказами. При массовой выдѣлкѣ, особенно въ теченіе нѣсколькихъ подъ-рядъ лѣтъ, всегда цѣна значительно понижается. Къ сожалѣнію, въ Россіи именно такіе-то заказы и рѣдки, а тѣ, которые имѣются, находятся въ рукахъ казны. При сокращеніи же производительности—цѣны, во что себѣ

обходятся металлы, быстро увеличиваются отъ прогрессивнаго увеличенія накладныхъ расходовъ.

Затѣмъ привозъ изъ-за границы ровно ничего не доказываетъ, особенно еще, если этотъ привозъ для полемики превращаютъ теоретически въ соотвѣтствующее количество чугуна. Надобно очень подробно разобратъ, куда идетъ этотъ привозъ и изъ чего онъ состоитъ? Россія такъ велика и условія ея рынка такъ разнообразны, что она никогда исключительно своими металлами не обойдется. То же явленіе въ другихъ странахъ, Англіи, Италіи, Франціи, существующихъ напримѣръ привознымъ хлѣбомъ; они однако всегда и вывозятъ нѣкоторое количество хлѣба. Это не значитъ, что страны эти могли бы не нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ. То же и по отношенію металловъ въ Россіи. Есть части Россіи, гдѣ всегда выгоднѣе купить за границею, въ Россію привозятъ даже хлѣбъ; есть случайныя выгодныя покупки; случается, что въ Петербургъ изъ-за границы доставляютъ простыя бревна; есть спеціальныя заказы: казна сама дѣлаетъ не мало такихъ заказовъ; есть металлическіе предметы: велосипеды, электрическія машины и пр., которыхъ мы не дѣлаемъ и ремонтъ которыхъ можетъ быть пока только изъ иностранныхъ матеріаловъ. Все это въ общей сложности составляетъ порядочную сумму, но очень трудно, а можетъ быть и невозможно уловить нашимъ заводамъ и частицу означенной суммы. Участъ заводовъ зависитъ отъ нормальнаго требованія рынка на большія количества

общеупотребительныхъ предметовъ. Производство ихъ и цѣна и служатъ показателями положенія желѣзной промышленности.

Въ заключеніе замѣчу еще, что я не хочу пугать кого-либо. Г. Менделѣевъ рекомендуетъ выплавку чугуна на Уралѣ увеличить съ 40 до 300 милліоновъ пудовъ. Я ранѣе уже усомнился въ возможности такого громаднаго увеличенія ¹⁾, а теперь прибавлю, что если бы оно и совершилось въ дѣйствительности, то вызвало бы только кризисъ въ заводахъ остальныхъ раойновъ Россіи, и нынѣ страдающихъ перепроизводствомъ. Кстатя сказать, у насъ перепроизводство не одного желѣза, но и многихъ другихъ предметовъ: сахара, зеркалъ, паровозовъ, вагоновъ и т. д.

Одинъ изъ моихъ оппонентовъ иронически называетъ меня Кассандрой. Я бы очень не желалъ быть въ роли таковой. Извѣстно, что всѣ несчастья троянцевъ и произошли оттого, что они не слушались совѣтовъ этой красивѣйшей изъ дочерей Пріама. Отечественные троянцы, надѣюсь, будутъ благоразумнѣе.

III.

К. Ф. Головинъ принадлежитъ къ числу нашихъ наиболѣе серьезныхъ и добросовѣстныхъ публицистовъ; тѣмъ прискорбнѣе было для меня прочесть въ статьѣ (№ 8187 «Новаго Времени» въ 1899 г.), гдѣ онъ полемизировалъ съ редакторомъ «Торгово-Промышленной Газеты» о значеніи нашей промышленности, такія вещи, которыя изобличали

¹⁾ К. Скальковскій «Очерки и фантази».

полное незнакомство его съ положеніемъ русской промышленности. Не касаясь другихъ отраслей промышленности, я остановился только на желѣзной, по поводу которой уважаемый публицистъ повторялъ безъ всякой критики невѣрныя свѣдѣнія.

Наше желѣзное дѣло сдѣлало за десять лѣтъ безпримѣрные успѣхи такого быстраго движенія не было еще ни въ одной странѣ, а г. Головинъ упрекаетъ русское горнозаводское дѣло въ косности!

Онъ не отрицаетъ, впрочемъ, что выплавка чугуна увеличилась въ пятнадцать лѣтъ съ 21-го до 133-хъ милліоновъ пудовъ, т. е. слишкомъ въ шесть разъ, но эта благопріятная, по его мнѣнію, прогрессія уменьшаетъ свое значеніе, если имѣть въ виду, что привозъ иностраннаго желѣза (онъ, вѣроятно, разумѣетъ его и въ издѣліяхъ) утроился, что выдѣлка сортового желѣза въ Россіи будто бы ничтожна, что все вниманіе заводчиковъ обращено на выдѣлку рельсовъ, что заводчики благодушно предпочитаютъ производить чугунъ, а не желѣзо, что земледѣліе платитъ тройную цѣну за желѣзо, «лемехъ для мужицкой сохи, ножи и отвалы для плуговъ, гвозди, замки, петли, а главное—желѣзный листъ для крышъ—все это стоитъ втридорога, чтобы доставить желѣзозаводчикамъ возможность побольше зарабатывать на чугунѣ и рельсахъ». Послѣднее обвиненіе г. Головина состоитъ въ томъ, что мы «предпочитаемъ ограждать себя непомерно высокими пошлинами отъ конкуренціи дешевыхъ нѣмецкихъ томасовыхъ шлаковъ, вмѣсто того, чтобы приняться ихъ выдѣлывать у себя дома».

Не нужно особаго труда, чтобъ доказать, что всѣ эти утвержденія положительно не вѣрны, и я вновь приведу эти доказательства, которыя, впрочемъ, могутъ и не показаться инымъ убѣдительными. Извѣстно, что «нѣтъ болѣе глухихъ, какъ тѣ люди, которые не желаютъ слушать». А о нашемъ горномъ дѣлѣ, точно сорока Якова, повторяются безъ провѣрки уже болѣе сорока лѣтъ одни и тѣ же бездоказательныя обвиненія.

Хотя выплавка чугуна въ 1898 г. дошла до 133 мил., т. е. Россія стала третьей въ Европѣ державой по желѣзному производству, но г. Головину, вѣроятно, неизвѣстно, что это только производительность уже дѣйствующихъ заводовъ, между тѣмъ въ Россіи строится или выстроилось независимо отъ сего десятокъ огромнѣйшихъ желѣзныхъ заводовъ. Когда они будутъ пущены въ ходъ, т. е. самое позднее черезъ три года, производительность чугуна можетъ составить у насъ не менѣе 200 мил. пудовъ, соотвѣтственно чему увеличится и производство желѣза и стали. При такихъ размѣрахъ, очевидно, надобно ожидать перепроизводства и быстрого паденія цѣнъ.

Цѣны и теперь понизились, не на всѣ еще сорта, но и тутъ нужно сравнивать вещи однородныя. Рельсы, стоившіе казнѣ 2 руб. 65 к., обходятся 1 р. 10 к., листовое желѣзо, продававшееся 3 р. и 3 р. 50 к. пудъ, продается по 1 р. 80—85 к., а будетъ скоро продаваться и по 1 руб. 60 к. Успѣхъ и здѣсь техники чрезвычайный. Недавно еще разница для завода между

цѣною сортового и листового желѣза была въ Россіи отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за цудъ, теперь эта разница упала до 15 копѣекъ! Это ли не прогрессъ? .

Самая цѣна, даже при равенствѣ, представляется теперь другою. Прежде заводы продавали за наличный расчетъ, а частью получали крупные задатки, теперь приходится продавать въ кредитъ.

Завѣреніе, что заводы дѣлаютъ только рельсы, пренебрегая сортовымъ желѣзомъ, невѣрно, потому что рельсовыхъ заводовъ осталось въ Россіи семь, а всѣхъ желѣзныхъ заводовъ болѣе двухсотъ, въ томъ числѣ десятка два грандіозныхъ. Изъ рельсовыхъ же заводовъ три, уральскіе, приготавливаютъ рельсы по 1 руб. 10 коп. не въ состояніи; значить, они или прекратятъ выдѣлку рельсовъ, или казна будетъ давать имъ болѣе высокую цѣну.

Увѣрять, что сортового желѣза заводчики не дѣлаютъ по большой затруднительности изготовленія—смѣшно ¹⁾. Его готовили въ Россіи уже при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Тотъ или другой сортъ зависитъ отъ прокатныхъ станковъ, часто просто отъ

¹⁾ Сортовое желѣзо и другіе виды желѣза для рынка постоянно и въ огромномъ количествѣ выдѣлывались не только на уральскихъ, но и на южныхъ, и на польскихъ, и на подмосковныхъ, и на сѣверныхъ заводахъ въ Россіи. Большинство ихъ для этого и были основаны; напротивъ, рельсы и желѣзнодорожныя принадлежности изготовлялись на немногихъ заводахъ, хотя, конечно, по объему производства въ общемъ итогъ казенные заказы составляютъ замѣтную величину.

нарѣзки валиковъ, и измѣнить послѣдніе не трудно; заводамъ же, исключительно приспособленнымъ для рельсовъ (а такихъ одинъ—Дружковскій), пришлось присоединить къ этому постройку нѣсколькихъ мартеновскихъ печей.

Еще курьезнѣе завѣреніе, что заводчики нарочно ограничиваются выплавкою чугуна, вмѣсто того, чтобы выдѣлывать желѣзо. Можно подумать, что чугунъ въ Россіи употребляютъ въ начинку пироговъ. Чугунъ вѣдь идетъ на передѣлъ въ желѣзо и сталь; если цѣна его высока и онъ доставляетъ крупные барыши, то это доказываетъ только, что желѣзное дѣло опережаетъ чугуно-плавильное и что спросъ на чугунъ превышаетъ его предложеніе.

Этимъ же объясняется, почему, несмотря на увеличеніе собственной выплавки, количество привозимаго чугуна въ издѣліяхъ, желѣзѣ, машинахъ и проч. не сокращается. Да оно и не можетъ быть иначе, потому что мы присутствуемъ при подъемѣ всей русской промышленности, особенно металлургической и механической. Заводы и фабрики необходимо оборудовать и для этого поневолѣ приходится прибѣгать къ иностранному привозу; но разъ заводъ оборудованъ, онъ производитъ уже русскія издѣлія и уменьшитъ въ ближайшемъ будущемъ привозъ иностранныхъ издѣлій. Недавно еще всѣ исполнительные механизмы привозились изъ-за границы, теперь лучшіе заводы по этой части, какъ Буэ, не могутъ ничего помѣстить въ Россіи.

Очень мило также предложеніе — выдѣлывать у себя томасовы шлаки. Шлаки эти получаютъ въ качествѣ отброса при обработкѣ очень фосфористыхъ чугуновъ по способу Томаса-Джилльджита. У насъ, къ счастью, рудные чугуны чисты: зачѣмъ же намъ прилагать этотъ способъ? Онъ, быть можетъ, найдетъ примѣненіе при обработкѣ чугуновъ, которые будутъ выплавляться изъ керченскихъ рудъ; эти чугуны содержатъ не менѣе 2% фосфора, но такъ какъ они содержатъ и очень много кремнезема, то способъ Томаса къ нимъ непримѣнимъ безъ его видоизмѣненія.

Г. Головинъ рекомендуетъ желѣзнымъ заводамъ работать не для желѣзныхъ дорогъ, а для земледѣлія. Этотъ совѣтъ нерѣдко слышится и также показываетъ недостаточно близкое знакомство съ предметомъ. Вездѣ и всегда желѣзное дѣло развивалось вслѣдствіе постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ. Сравнительно съ послѣдними собственно земледѣліе представляетъ весьма незначительнаго потребителя желѣза. Г. Головинъ, правда, рекомендуетъ заводамъ дѣлать сохи, ножи, замки, петли и пр. Но извѣстно, что производство этихъ издѣлій вовсе не дѣло желѣзныхъ заводовъ.

Можно, однако, указать, что развитіе, собственно, желѣзной промышленности не осталось въ Россіи безъ вліянія и на фабрикацію желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій. Достаточно просмотрѣть списокъ вновь учрежденныхъ акціонерныхъ обществъ, чтобы видѣть большее число заведеній, устроившихся для выдѣлки трубъ, сельско-хозяйственныхъ машинъ, инструментовъ, цѣ-

пей, косъ и т. д. Многія фабрики основались рядомъ съ заводами прямо для передѣла въ издѣлія обрѣзковъ желѣза и стали, т.-е. для приготовленія дешеваго крестьянскаго товара.

Вообще въ металлургіи и металлическомъ дѣлѣ у насъ громадное движеніе. Оцѣнить это вполне могутъ, конечно, только спеціалисты. Говорятъ, на примѣръ, что желѣзное дѣло на Уралѣ удвоилось; для многихъ это ничего не выражаетъ, а для человѣка, знакомаго съ Ураломъ, это значитъ, что болѣе 200 мил. пудовъ новаго груза, въ видѣ угля, дровъ, рудъ, флюсовыхъ издѣлій и пр., пришлось перевезти за 20—30 верстъ по снѣжнымъ сугробамъ, лѣсамъ, безъ дорогъ, на тощихъ крестьянскихъ лошадяхъ. Сдѣлано, словомъ, гигантское усиліе.

На Югѣ Россіи условія легче, но и тамъ желѣзное дѣло встрѣчаетъ, по своей новости, а отчасти и по неотвратимой силѣ вещей, огромныя затрудненія, побѣждать которыя составляетъ государственную заслугу. Извѣстныхъ мѣсторожденій желѣзныхъ рудъ у насъ оказывается уже недостаточно, руда поднялась въ цѣнѣ съ $4\frac{1}{2}$ до 10 коп. за пудъ. Изобиліе колчедановъ въ угляхъ мѣшаетъ приготовленію хорошаго кокса, необходимаго для дешевой выплавки чугуна. Благодаря бельгійцамъ, коксовое производство становится теперь на прочную почву. Это одно изъ проявленій такъ называемаго «вреда отъ иностранцевъ». Созданіе рабочаго персонала дѣло также вовсе не шуточное. Я знаю одинъ большой паровозный и ме-

ханической заводъ въ Харьковѣ: въ теченіе года изъ 7,000 обрацавшихся рабочихъ онъ уволилъ 4,500 за нерадѣніе и неумѣлость! Какова же должна была произойти при этомъ порча матеріала и удивительно ли, что наши паровозы не могутъ быть еще такъ дешевы, какъ иностранные.

Конечно, въ такомъ обширномъ, какъ желѣзная промышленность, дѣлѣ есть и недостатки, и неполадки. Но въ общемъ я долженъ сказать, и это подтверждаютъ всѣ горные инженеры, что еще въ 1885 году, когда мы на общемъ съѣздѣ желѣзныхъ заводчиковъ добивались введенія покровительственныхъ пошлинъ, мы и не подозрѣвали, что вліяніе ихъ окажется столь скорое и блистательное. Дѣйствительность превзошла, по крайней мѣрѣ, въ три раза ожиданія.

*
* * *

Статья эта вызвала вновь ожесточенныя на меня нападки. Защитникъ министерства финансовъ въ «Новомъ Времени» впалъ въ «недоумѣніе», но все его «недоумѣніе» объясняется очень просто. Мой оппонентъ или не понялъ моихъ словъ, или приписалъ мнѣ то, чего я вовсе не говорилъ.

Я сказалъ, что цѣна нѣкоторыхъ сортовъ листового желѣза понизилась до 1 р. 80—85 к. за пудъ. Мой оппонентъ, во первыхъ, сомнѣвается въ этой цѣнѣ (хотя и приводитъ ее для Гуты-Банковой), а затѣмъ увѣряетъ, что эту цифру я «привелъ какъ среднюю и нормальную цѣну листового желѣза въ Россіи». Последнія слова не мои. Заявленная же мною цѣна—это

приблизительно цѣна, по которой Мариупольскій заводъ продавалъ резервуарное желѣзо для Баку (съ доставкою на желѣзнодорожную станцію и въ кредитъ). Имѣя въ виду, что польскіе заводы конкурируютъ съ этимъ заводомъ въ Баку, а отстоятъ слишкомъ на 1500 верстъ далѣе, надобно думать, что они продаютъ трубное желѣзо еще дешевле, а этого желѣза идутъ милліоны пудовъ для нефтяной промышленности.

Затѣмъ я говорилъ, что разница «заводу» (то есть издержки производства) между сортовымъ и листовымъ (конечно, опять для извѣстныхъ сортовъ) желѣзомъ понизилась до 15 коп. съ пуда, когда въ прежнее время (я разумѣлъ не годъ, не два, а тридцать лѣтъ назадъ) разница эта не могла быть менѣе рубля за пудъ. Мой же оппонентъ ищетъ тщетно въ продажныхъ прейсъ-курантахъ разницы въ 15 коп. и, не находя, недоумѣваетъ. Онъ и будетъ долго недоумѣвать, потому что рѣчь шла о вещахъ совершенно различныхъ.

Мой оппонентъ напрасно почвой для полемики избралъ цѣну желѣза. Это предметъ наиболѣе трудный для сравненія, потому что сортовъ желѣза сотни, да и одного сорта желѣзо можетъ быть разное въ цѣнѣ не только по годамъ, но и по заводамъ, смотря по качеству, чистотѣ отдѣлки, точности размѣровъ и проч. Сравнивать же можно вещи лишь вполне однородныя. Мой оппонентъ путаетъ въ цѣнахъ даже листовое и кровельное желѣзо. Какъ примѣръ удешевле-

нія цѣнъ листового желѣза, могу указать еще на цѣну котельнаго желѣза, резервуарнаго. Въ 1890—91 гг. цѣна его была до 2 руб. 85 к. и даже 3 р.; въ 1897 г. она упала до 2 р. 20 к. и 2 р. за пудъ. Въ настоящее же время (1899 г.) въ Москвѣ за него платили 1 руб. 95 к. только вслѣдствіе заминки на Югѣ, а нормальная цѣна теперь не выше 1 р. 85 к., т.-е. желѣзо подешевѣло въ семь лѣтъ на 35 проц.

Я могъ бы еще сказать нѣсколько словъ и по общему вопросу о высокой относительно цѣнѣ желѣза въ Россіи, но ужъ столько объ этомъ было говорено! Могу только повторить два положенія, многократно мною разбиравшіяся.

Десять лѣтъ назадъ для развитія желѣзнаго дѣла признано было нужнымъ установить высокія пошлины, т.-е. временно для привлеченія капиталовъ къ желѣзному дѣлу удорожить желѣзо. Какимъ же образомъ, разъ сознательно желали его удорожить, оно могло вдругъ, не дожидаясь окончанія постройки заводовъ (а ихъ и половина не пущена въ дѣйствіе), подешевѣть? Слава Богу, что оно не особенно вздорожало, а для нѣкоторыхъ сортовъ (рельсовъ, листового толстаго желѣза и пр.) уже замѣтно подешевѣло.

Во-вторыхъ, что бы ни выдумывать и какихъ бы либеральныхъ тарифовъ ни сочинять, желѣзо въ Россіи, кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ районовъ, по разнымъ условіямъ, всегда будетъ нѣсколько дороже, чѣмъ въ Англіи, Вестфалии и Бельгіи. Точно также какъ хлѣбъ, керосинъ, лѣсные матеріалы и пр. въ

этихъ послѣднихъ странахъ обойдутся дороже, чѣмъ въ Россіи или въ Соединенныхъ Штатахъ. Нельзя все имѣть дешевле другихъ странъ, но это не резонъ, чтобы не заводить своей желѣзной промышленности. Что ее необходимо имѣть, доказывается еще въ Библии. Эту истину въ Россіи отлично понимали уже въ XVI и XVII столѣтіяхъ. А что необходимое желѣзо проще купить, нежели приготовить, рассказывали намъ издавна наши соперники. Англичане убѣждали въ этомъ и американцевъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ. Но американцы, не будь дураки, не послушались и обогнали въ тридцать лѣтъ въ желѣзномъ дѣлѣ англичанъ. Сдѣлали же они это исключительно при помощи покровительственныхъ тарифовъ Мориля и Макъ-Кинлея, вызывавшихъ и вызывающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ буквально тѣ же жалобы, что и у насъ.

*
* *
*

Мой оппонентъ въ «Новомъ Времени» не успокоился и нашель, будто бы я согласенъ съ нимъ въ общей оцѣнкѣ современнаго положенія горнаго дѣла въ Россіи, но расхожусь лишь въ частностяхъ, хотя и существенныхъ. Я говорилъ, что у насъ уже перепроизводство въ желѣзномъ дѣлѣ, что металлы вовсе не продаются въ три-дорога, а, напротивъ, очень подешевѣли, листовое желѣзо, напримѣръ, до 1 руб. 50 коп. съ пуда.

Но въ чемъ же выражается это «перепроизводство», спрашивалъ мой оппонентъ, когда желѣзо до сихъ поръ составляетъ въ нашемъ народномъ хозяйствѣ чуть не предметъ роскоши и найденная на дорогѣ старая подкова считается чѣмъ-то въ родѣ счастливаго амулета? «О перепроизводствѣ

говорилось въ связи съ сокращеніемъ заказовъ на рельсы и вагонныя принадлежности. Но и это перепроизводство далеко не доказано, а просто-на-просто исключительно выгодныя въ прежнсе время заказы казны стали менѣе выгодными, потому что казна догадалась уменьшить цѣну по своимъ заказамъ для надобностей желѣзныхъ дорогъ. Зато на свободномъ рынкѣ о пониженіи цѣнъ желѣза совсѣмъ не слышно. Г. Скальковскій очень неудачно взялъ въ примѣръ листовое желѣзо, которое за границей продается не дороже рубля за пудъ, а у насъ 2 руб 70 коп. пудъ считается льготной цѣной, по которой листовое желѣзо можно купить развѣ изъ земскихъ складовъ, пользующихся уступкою отъ заводовъ, но ужъ никакъ не на рынкѣ. Напримѣръ, въ Москвѣ на Бальчугѣ средніе сорта этого желѣза идутъ не дешевле 3 руб. пудъ, и намъ совершенно непонятно, что хотѣлъ сказать г. Скальковскій, утверждая, будто листовое желѣзо продается у насъ на заводахъ по 1 руб. 50 коп. за пудъ».

На всѣ эти вопросы, писалъ я, очень легко отвѣтить и удовлетворить любопытство моего оппонента, съ которымъ я ни въ общемъ, ни въ частностяхъ вовсе не согласенъ.

Дѣйствительно желѣзо составляло и отчасти составляетъ въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ чуть не предметъ роскоши и мужикъ безъ церемоніи готовъ вытащить чужой, плохо держащійся гвоздь или болтъ; но этому причина не какая-либо особая дороговизна желѣза, а бѣдность населенія. У насъ во многихъ мѣстахъ мужики сидятъ безъ хлѣба. Развѣ это доказательство, что хлѣбъ въ Россіи производится слишкомъ дорого? Желѣзо такъ же мало доступно мужику въ мѣстахъ, гдѣ оно очень дешево (по сосѣдству заводовъ), какъ и въ отдаленныхъ мѣстахъ. Будетъ ли

жельзо на 5 или 10 коп. на пудъ дешевле не такъ важно, какъ то, чтобы у мужика всегда нашлись 5 и 10 коп. на покупку необходимой ему вещи. Отсутствіе этихъ копѣекъ есть признакъ нищенства, а у насъ—чего скрывать—половина населенія буквально нищая по весьма извѣстнымъ причинамъ. Когда строилась, и неподалеку отъ Москвы, столицы, Казанская желѣзная дорога, оказалось, что въ деревняхъ, лежащихъ однако въ лѣсахъ, топоровъ у мужиковъ не было! А топоръ стоитъ какой-нибудь полтинникъ. Такъ гдѣ же тутъ ждать распространенія металловъ десятками пудовъ на душу, какъ въ Англіи?

О томъ, что «казна догадалась уменьшить цѣну своимъ заказамъ» стоитъ поговорить, такъ какъ это уменьшеніе и было одною изъ главныхъ причинъ существующаго металлургическаго кризиса. Казна у насъ, какъ и въ Германіи, главнѣйшій потребитель металловъ. По совѣту гг. Максимова и Кербедза, преслѣдовавшихъ исключительно желѣзнодорожные интересы, цѣна на рельсы была сразу понижена до 1 руб. 10 коп. Мой оппонентъ восхвалялъ въ свое время это пониженіе, какъ великую побѣду. Я тогда же доказывалъ, что означенное рѣзкое пониженіе преждевременно и невозможно, такъ какъ и при цѣнѣ въ 1 руб. 10 коп. заводы, кромѣ немногихъ, барышей не имѣли. Отъ цѣны въ 1 руб. 30 коп. большинство заводовъ отказалось. Принялъ ее Дружковскій заводъ, принадлежащій богатому французскому обществу, которое работаетъ, не получая ни копѣйки дивиденда,

уже восьмой годъ. Это не каждому доступно. Казна увидѣла, что установленныя цѣны дѣйствительно невозможны: рельсы давали убытокъ, отъ вагона оставалось по 9 руб. барыша на штукѣ, то есть $\frac{1}{10}$ процента, и то не считая правленскихъ расходовъ и процентовъ по облигаціямъ и займамъ. Паровозы окупались только изготовленные по старымъ типамъ; по новымъ—получилось бы $2\frac{1}{2}$ тысячи рублей убытка на штукѣ. Особая комиссія подъ предсѣдательствомъ бывшаго товарища министра путей сообщенія, нынѣ члена Государственнаго Совѣта Петрова, признала невозможнымъ оставленіе низкихъ цѣнъ и предложила повысить цѣну до 1 руб. 25 коп., а также увеличить цѣны вагоновъ и паровозовъ — послѣднихъ новыхъ типовъ.

Заводы, лишеныя возможности дѣлать рельсы, бросились, съ затратою новыхъ крупныхъ капиталовъ, на изготовленіе балочнаго, фасоннаго и листового желѣза и создали перепроизводство въ послѣднихъ. Паденіе цѣнъ и вызвало критическое положеніе, изъ котораго едва ли можно будетъ выйти иначе, какъ при ограниченіи производства въ извѣстныхъ районахъ, а послѣднее достижимо только путемъ синдиката. Кому охота себя добровольно ограничивать, т.-е. увеличивать еще сильнѣе убытки: каждый предпочитаетъ, чтобы его сосѣдъ разорился, закрылъ или остановилъ временно заводъ и очистилъ мѣсто.

Что многимъ заводамъ теперь не до барышей, а особенно на Югѣ Россіи, — доказываетъ цѣна ихъ

бумагъ на биржѣ. Даже акціи Брянскаго завода, одного изъ солиднѣйшихъ и существующаго 15 лѣтъ, съ 550 руб. упали до 280 руб. Но, скажутъ: акціи этого завода были подняты въ цѣнѣ на нашей биржѣ спекуляціей? Возьмемъ заводы, акціи которыхъ не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ нашей биржѣ: акціи Oural-Volga стоили 670, теперь 115 франковъ, акціи Volga-Vichega стоили 730, теперь 160 франковъ. Потеряно, значитъ, иностранцами, благополучію которыхъ у насъ такъ завидовали, 75% ихъ капитала; всего на двухъ только этихъ заводахъ—до 25 милліоновъ рублей. Сколько же всего можетъ быть потеряно, если металлургическій кризисъ приметъ острый характеръ?

О пониженіи цѣнъ на желѣзо въ Россіи, говоритъ мой опонентъ, не слышно, о цѣнѣ листового желѣза въ 1 руб. 50 коп., по его словамъ, также едва ли кто слыхалъ. Очень жаль, что не слыхали. А стоитъ обратиться въ любой южный заводъ, чтобы по этой цѣнѣ получить даже со сдачею на станцію желѣзной дороги сотни тысячъ пудовъ, причемъ заводъ еще платитъ комиссіонеру порядочный процентъ комиссіи и беретъ въ уплату не наличныя деньги, а трехмѣсячныя векселя, которыхъ большинство банковъ не принимаетъ къ учету, а тѣ, что берутъ, учитываютъ «изъ милости» по 8 процентовъ, да еще съ бланковыми ручательствами директоровъ правленія.

Когда рѣчь идетъ о цѣнахъ, надобно строго знать, о чемъ именно ведутъ рѣчь. Въ Россіи есть мѣста,

гдѣ сахаръ продается рубль фунтъ; это не значитъ, что кievскіе и подольскіе заводчики получаютъ 40 руб. за пудъ; они продаютъ свой сахаръ по 2 и по 2 руб. 50 коп. (безъ акциза). Въ Парижѣ я плачу за каменный уголь 40 и 45 коп. пудъ, а цѣна ему на французскихъ копяхъ 6—8 коп. Надобно взять въ расчетъ, что стоитъ провозъ по желѣзной дорогѣ или водою, доставка на домъ, посредники, склады, проценты на капиталъ въ оборотѣ и т. д.

Затѣмъ надобно знать, о какомъ собственно сортѣ идетъ рѣчь. Мой оппонентъ очевидно говоритъ о кровельномъ листовомъ желѣзѣ, которое составляетъ почти монополію нѣкоторыхъ уральскихъ заводовъ и которое еще сравнительно держится въ цѣнѣ, хотя и его цѣна упала, а расходы выдѣлки его, вздорожаніе древеснаго топлива, рабочихъ и увеличеніе казенныхъ и земскихъ налоговъ за 25 лѣтъ должны бы удвоиться, если бы не улучшеніе техники. Я говорилъ не объ этомъ сортѣ желѣза, а о главныхъ сортахъ листового желѣза—кубовомъ, котельномъ, трубномъ. Цѣна ему въ послѣднія пять лѣтъ понизилась съ 2 руб. 70 коп. и 3 руб. до 1 руб. 50 коп. за пудъ, т.-е. до предѣла, который не покрываетъ расходовъ производства даже на наилучше устроенныхъ заводахъ при существующихъ цѣнахъ чугуна и каменнаго угля, а удешевить чугунъ нельзя, такъ какъ онъ зависитъ отъ цѣны кокса, т.-е. того же каменнаго угля. Вздорожаніе кокса парализуетъ уменьшеніе расходовъ отъ замѣчающагося пониженія цѣнъ желѣзной руды.

Въ чугуны у насъ также чувствуется перепроизводство. Была поднята рѣчь о вывозѣ его за границу съ вывозной преміей отъ казны. Но это едва ли уже возможно вслѣдствіе пониженія цѣнъ въ Германіи.

IV.

Кризисъ все разрастался и въ 1900 г. принялъ уже угрожающіе размѣры. Желая сложить отвѣтственность администраціи на горныхъ заводчиковъ, министръ финансовъ обратился въ 1901 г. къ харьковскому съѣзду горнопромышленниковъ телеграммою съ просьбою разъяснить, почему владельцы желѣзныхъ заводовъ и угольныхъ копей жалуются на затруднительное положеніе, между тѣмъ изъ-за границы привозится все еще значительное количество металловъ, машинъ и угля? Такъ какъ внутреннее производство ограждено высокою пошлиною, то министру не ясно-де, почему такъ великъ привозъ иностранныхъ продуктовъ, которые могли бы быть изготовляемы русскою промышленностью.

Вопросъ, поднятый министромъ финансовъ, весьма важенъ, отвѣчалъ я, но мнѣ кажется, что для разрѣшенія его у министерства финансовъ имѣется гораздо болѣе средствъ и данныхъ, чѣмъ у съѣзда горнопромышленниковъ. Скорѣе за разъясненіемъ вопроса могъ бы обратиться съѣздъ къ министерству, чѣмъ министерство къ съѣзду.

Горнопромышленники, за рѣдкимъ исключеніемъ, металловъ и угля изъ-за границы не выписываютъ и куда идутъ выписываемые оттуда продукты, имъ въ точности неизвѣстно, хотя конечно кое-что они могутъ собрать отъ своихъ агентовъ по продажѣ, но такъ

какъ послѣдніе торгуютъ и иностранными продуктами и имѣютъ интересъ сбивать цѣны, указывая на выгодныя будто бы предложенія иностранцевъ и огромное будто бы требованіе на произведенія послѣднихъ, то этимъ свѣдѣніямъ мало можно довѣрять.

Наоборотъ, министерство финансовъ имѣетъ въ рукахъ всѣ данныя, чтобы прослѣдить цѣль и направленіе привоза. Однимъ изъ главныхъ покупателей иностранныхъ товаровъ у насъ являются казенныя учрежденія и желѣзныя дороги. Они не имѣютъ права пріобрѣтать иностранные металлы, машины и уголь безъ вѣдома и даже безъ согласія въ нѣкоторыхъ случаяхъ министра финансовъ. Затѣмъ, имѣя въ рукахъ всѣ таможи, министерство финансовъ можетъ по фактурамъ провѣрить до мелочей, изъ какихъ элементовъ складывается привозъ, а затѣмъ при помощи своихъ экспертовъ въ таможняxъ и специалистовъ по горной и механической частямъ опредѣлить, какое количество изъ этого привоза могло бы безусловно приготовляться съ выгодною въ Россіи.

Надобно имѣть, однако, въ виду, что возможность приготовленія еще ничего не говоритъ. Конечно, антрацитъ, на примѣръ, можно съ выгодною добывать и продавать въ Россіи, но въ Архангельскѣ будетъ всегда выгоднѣе покупать антрацитъ изъ-за границы, чѣмъ привозить съ Дона.

Г. Витте сообщилъ съѣзду общіе итоги привоза по 1-е октября 1901 года. Этихъ свѣдѣній у съѣзда нѣтъ. Онъ имѣетъ, какъ и вся публика, свѣдѣнія

только по 1-е августа, распубликованныя департаментомъ таможенныхъ сборовъ. Эти свѣдѣнія скорѣе благопріятны для русской промышленности, такъ какъ указываютъ на постоянное и крупное уменьшеніе привоза изъ-за границы, т.-е. на быструю замѣну иностраннаго горнозаводскаго продукта русскимъ. По 1-е августа было привезено тысячъ пудовъ:

	Въ 1899 г.	Въ 1900 г.	Въ 1901 г.
Чугуна	5,361	1,612	1,276
Желѣза. . . .	10,859	3,474	3,172
Машинъ	4,486	3,240	2,041
Камен. угля.	123,988	138,734	113,625

Въ рубляхъ выйдетъ, что за два года машинъ привезено въ теченіе семи мѣсяцевъ менѣе слишкомъ на 21 мил. руб., желѣза менѣе почти на 8 мил. руб., чугуна менѣе на 1 милліонъ 200 тысячъ рублей. За цѣлый годъ это составитъ уменьшеніе на 50 мил. рублей. Сумма не маленькая. Только цѣнность угля была почти та же противъ 1899 г., но на 8 мил. руб. менѣе прошлаго года, вслѣдствіе извѣстнаго всемірнаго вздорожанія каменнаго угля въ концѣ 1899 и въ началѣ 1900 гг.

Во всякомъ случаѣ, о чемъ я уже писалъ (смотри выше) (ожидать, что благодаря высокой таможенной охранѣ привозъ металловъ, угля и машинъ прекратится, рѣшительно невозможно. Сила вещей вызываетъ этотъ привозъ. До ничтожнаго минимума онъ можетъ дойти только или при крайнемъ стѣсненіи населенія отдаленныхъ

отъ заводовъ и копей районовъ, или при непомѣрныхъ расходахъ и потеряхъ правительства, или при введеніи въ Россіи такихъ производствъ, которыя не могутъ по новизнѣ, спеціальности или ограниченности требованія представлять выгоду для заводчиковъ.

Вполнѣ разобрать этотъ вопросъ можетъ только министерство финансовъ при содѣйствіи горнаго вѣдомства, но уже одинъ бѣглый взглядъ на цифры таможенной статистики указываетъ, что благое желаніе министра финансовъ о вытѣсненіи иностраннаго привоза, при всемъ желаніи горнопромышленниковъ, исполнено быть цѣликомъ не можетъ.

Начнемъ съ угля и кокса. На Югъ ихъ теперь не привозятъ. Изъ 114 мил. пуд. угля и 17 мил. пуд. кокса (по 1-е августа 1901 г., на каковой срокъ будутъ сдѣланы и послѣдующіе расчеты) 13 мил. были допущены по особымъ распоряженіямъ министерства финансовъ беспошлинно для желѣзныхъ дорогъ, а 72 мил. пудовъ угля и $2\frac{1}{2}$ мил. пуд. кокса перевезено въ Бѣлое и Балтійское моря, куда русскій уголь по желѣзнымъ дорогамъ и даже моремъ (при монополіи русскаго дальняго каботажа) идти не можетъ. Повышеніе пошлины на уголь до предѣла открытія этой возможности разорило бы только всѣ фабрики Сѣвернаго района и балтійскіе порты. Привозъ угля въ Царство Польское, конечно, можно еще уменьшить, но маленькій Домбровскій угольный районъ не въ силахъ снабжать всю быстро развившуюся промышленность Царства Польскаго и Юго-Западнаго края.

Кокса, безусловно необходима для горнозаводскаго дѣла, польскій уголь къ тому же не даетъ, поэтому онъ поневолѣ привозится изъ-за границы. Коксъ однако можетъ привозиться и изъ Донецкаго бассейна, но для этого требуется новое значительное пониженіе провозныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, что во власти министра финансовъ и чего добиваются горнопромышленники.

Привозъ чугуна ничтоженъ, даже включая неизбѣжный привозъ изъ Финляндіи; половину привоза составляетъ ферромарганцевый чугунъ для сѣверныхъ и польскихъ заводовъ. Привозъ этотъ убить нельзя. Хотя марганцевыхъ рудъ у насъ изобиліе, но готовить ферромарганецъ при нынѣшней таможенной пошлинѣ невыгодно. Для этой фабрикаціи требуются особенныя доменные печи, выдерживающія очень высокую температуру, а устройство особыхъ заводовъ при маломъ относительно требованіи для Россіи не окупитъ себя. Дѣло устроится, когда русскому ферромарганцу откроется сбытъ за границу, но это не легко, потому что лучшія и богатые марганцевыя руды у насъ на Кавказѣ, а тамъ нѣтъ подходящаго топлива для заводовъ.

Желѣза и стали, полосовыхъ, сортовыхъ и листовыхъ, привозъ конечно можетъ еще сократиться, хотя и теперь онъ не великъ для такой махины, какъ Россія, но надобно имѣть въ виду, что 904,000 пуд. желѣза и стали были привезены въ видѣ листовъ свыше № 25 по бирмингамскому калибру. Это такой

тонкій сортъ желѣза (идуцій преимущественно на выдѣлку жести), который по малому требованію и дороговизнѣ приготовленія не выгодно выдѣлывать въ Россіи. Его готовятъ, если не ошибаюсь, на заводахъ Вогау и К^о, но, конечно, изъ одного уральскаго завода нельзя доставить желѣзо во всѣ отдаленные концы Россіи, гдѣ оно требуется.

Привозъ машинъ въ Россію хотя быстро уменьшается, но здѣсь также нельзя ожидать прекращенія привоза. Въ число привезенныхъ машинъ, доставленныхъ всего на сумму 19.239,000 руб., входятъ машины динамо-электрическія и аккумуляторы (на 875,000 руб.), очевидно спеціальныя, машины для обработки волокнистыхъ веществъ (на 2.821,000 руб.), приготовляемыя для всего міра только на нѣсколькихъ спеціальныхъ заводахъ въ Европѣ, такія же типографскія машины (на 254,000 руб.), машины швейныя (на 3.179,000 руб.), въ свою очередь въ Россіи почти не приготовляющіяся по ихъ спеціальности, машины пишущія, машины для золотопромышленности, допускаемыя теперь беспошлинно. Если прибавить еще разные новые привилегированные станки, автомобили и т. п., то поле для новыхъ побѣдъ русской промышленности окажется невелико. Да и все то остающееся не разъясненнымъ количество машинъ на 9 или 10 милліоновъ рублей представляетъ работу двухъ большихъ механическихъ заводовъ, т. е. трудъ много-много 5,000 рабочихъ и сбытъ милліону или двумъ пудамъ металловъ. Это металлургическаго кризиса не устранишь.

Запросъ министра финансовъ о причинахъ значительнаго привоза металловъ и машинъ изъ-заграницы создалъ цѣлую литературу и въ столичной и провинціальной печати. На запросъ отозвалось не мало и специалистовъ. Не обошлось, конечно, и безъ курьезовъ. Такъ, бывший адъюнктъ Горнаго института Войславъ, человекъ казался бы освѣдомленный, въ «Новостяхъ» вмѣсто отвѣта на вопросъ доказывалъ, что и не слѣдовало заводить никакого горнаго дѣла, не сдѣлавъ какихъ-то изысканій по всей Россіи, вѣроятно черезъ Развѣдочное бюро того же г. Войслава. Но такъ какъ половина горныхъ заводовъ основаны у насъ еще при царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ и императорѣ Петрѣ I, когда никакой конторы г. Войслава не было, то какъ тутъ было поступить? Къ сожалѣнію, и въ большинствѣ отвѣтовъ специалистовъ не содержалось прямого отвѣта на поставленный министромъ интересный вопросъ: безъ какихъ именно заграничныхъ предметовъ могли бы мы обойтись уже?

Нельзя, конечно, думать, писалъ я, что Россія въ состояніи обходиться безъ иностраннаго привоза. Франція и Германія, гдѣ наука и техника стоятъ такъ высоко, не въ силахъ обойтись безъ привоза иностранныхъ машинъ. Въ первую половину текущаго года въ Германію привезено машинъ и желѣзныхъ издѣлій около 6¹/₂ мил. пудовъ, т.-е. въ два раза болѣе, чѣмъ привезено въ Россію. Очевидно, Россія еще сильнѣе нуждается въ содѣйствіи заграничныхъ заводовъ.

Это содѣйствіе обусловлено не только тѣмъ, что имѣются машины, которыя, какъ, на примѣръ, машины для бумагопрядильнаго и ткацкаго производствъ, сосредоточены для снабженія всего міра на немногихъ

заводахъ, но и вообще невозможностью при относительно маломъ производствѣ специализировать выдѣлку машинъ. Несомнѣнно, каждый порядочный русскій механическій заводъ можетъ сдѣлать, на примѣръ, гидравлическій прессъ, но такъ какъ онъ получаетъ заказъ на одинъ прессъ въ годъ или въ два, то, конечно ему и думать нечего конкурировать въ цѣнѣ съ иностраннымъ заводомъ, ничего кромѣ прессовъ не изготовляющимъ. Подобныхъ специальныхъ производствъ не мало въ механическомъ дѣлѣ.

Во всякомъ случаѣ, при ближайшемъ разборѣ въ средѣ специалистовъ можно и теперь найти предметы по горнозаводскому и механическому производствамъ, привозъ которыхъ при пересмотрѣ таможеннаго тарифа или просто при болѣе внимательномъ отношеніи къ дѣлу могъ бы уменьшиться, или, наоборотъ, приготовленіе которыхъ въ Россіи значительно увеличится.

Въ количествѣ стали, привозимой еще изъ-за границы, замѣтную величину составляетъ, на примѣръ, инструментальная сталь. Она отличается по цѣнѣ и издержкамъ производства, а обложена одинаковою пошлиною съ обыкновенною сортовою сталью. Когда разсматривался таможенный тарифъ 1891 г., инструментальная сталь приготовлялась, и то скорѣе въ видѣ опыта, только на Златоустовскомъ казенномъ заводѣ. Теперь валовое приготовленіе ея установилось. На примѣръ, на Волжскомъ стальномъ заводѣ выдѣлываютъ превосходную инструментальную сталь по спо-

собу Белера, привилегію котораго заводъ нарочно приобрѣлъ.

Очевидно, теперь требуется для сокращенія привоза стали нѣкоторое измѣненіе классификаціи пошлины. Недосмотромъ тарифа можетъ объясниться и существованіе въ Россіи чисто сборочныхъ мастерскихъ механическихъ заводовъ, которые только собираютъ машины изъ привозныхъ иностранныхъ частей. При нормальномъ положеніи вещей подобная фабрикація, служащая лишь къ обходу таможеннаго тарифа и предоставляющая народному труду и русской техникѣ слишкомъ ничтожную область, не должна допускаться.

Въ числѣ производствъ, на поощреніе которыхъ необходимо обратить вниманіе, можно указать на керосино- и бензино-моторы. Ихъ начинаютъ выдѣлывать на русскихъ заводахъ, но этого недостаточно; тутъ требуется и широкая организація дѣла и подготовленіе рабочихъ спеціалистовъ. Между тѣмъ это производство очень подходитъ къ Россіи, такъ какъ керосина у насъ избытокъ, а милліоны пудовъ бензина, которыми особенно богата грозненская и челекская нефть, просто остаются безъ всякаго употребленія; они не идутъ и за границу, потому что русскій бензинъ болѣе тяжелаго удѣльнаго вѣса, чѣмъ американскій, а такъ какъ бензинъ покупается за границею на вѣсъ, то его неохотно берутъ для автомобилей. Бензино- и керосино-моторы, требующіе воду только для охлажденія, очень годятся для Юга Россіи, степи которой такъ бѣдны водою.

Относительно [расширения] сбыта существующихъ уже производствъ можно указать на сбытъ на Восточно-Китайскую желѣзную дорогу. Дорога эта, слишкомъ въ двѣ тысячи верстъ протяженія, систематически строится изъ иностранныхъ матеріаловъ, допускающихся въ Манчжурію почти беспошлинно, и наши заводы два года напрасно осаждали фантастическое правленіе дороги просьбою о заказахъ. Имъ кое-что давали, но неохотно и слишкомъ на короткіе сроки исполненія. А извѣстно, что никакой заводъ не можетъ взять серьезный заказъ при срокѣ въ мѣсяць или два для сдачи; требуется всегда нѣкоторое время на установку дѣла.

Равнодушіе общества Восточно-Китайской дороги къ русской промышленности тѣмъ болѣе досадно, что, найдя сбытъ на этой дорогѣ, наши заводы открыли бы себѣ сбытъ и въ Китай. Недавно, на примѣръ, заводъ Буэ въ Парижѣ взялъ оборудованіе Шанхайскаго арсенала станками. Очевидно, этотъ заказъ могъ бы быть взятъ, если бы о немъ было извѣстно своевременно, и харьковскимъ заводомъ Русскаго паровознаго общества, который представляетъ по отдѣлу исполнительныхъ машинъ *pendant* къ заводу Буэ. Но для этого надо бы имѣть агента въ Китаѣ, а для чего русскимъ заводамъ содержать тамъ такового, когда и ближе, въ русской Манчжуріи, они не находятъ сбыта?

По поводу заказовъ для Восточно-Китайской дороги можно сказать еще, что изготовленіе желѣзнодорожныхъ принадлежностей сдѣлало въ Россіи такіе

успѣхи, что мы можемъ готовитьъ паровозы и пр. не только не дороже, но даже дешевле заграничнаго. Издержки приготовленія еще понизятся, когда погасится часть стоимости заводовъ и удешевится кредитъ, который теперь русскимъ заводамъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ обходится не дешевле 8⁰/₀ годовыхъ.

Да и не только паровозы, но и все массовое, такъ сказать, производство въ механическомъ дѣлѣ мы можемъ готовить не дороже заграничнаго; другое дѣло, какъ я сказалъ выше, если требуется строгая спеціализація производства или является предметъ совершенно новый. Недавно, на примѣръ, почти всѣ котлы привозились въ Россію изъ-за границы, теперь ихъ готовятъ въ Россіи самыхъ сложныхъ системъ, на примѣръ бельвильскіе. Таковы же успѣхи и по другимъ частямъ механическаго дѣла.

*
* *
*

Отрицало кризисъ не одно финансовое вѣдомство, ему вторили газеты, даже независимыя, какъ «Русскія Вѣдомости», которыя въ своемъ фритредерскомъ усердіи увѣряли, что никакого горнопромышленнаго кризиса не существуетъ, что онъ «выдуманъ съ неподражаемымъ искусствомъ».

Человѣкъ купилъ, положимъ, горную акцію за 730 франковъ, ему даютъ за нее (при дѣйствіи еще, замѣтьте, завода) только 30 франковъ, а московская профессорская газета увѣряетъ, что разоренный владелецъ акцій искусно притворяется. «Нѣтъ, это не

мечта», можно повторить слова Собакевича, когда у челоуѣка убыло слишкомъ $\frac{23}{24}$ его достоянія.

Но вопросъ не во взглядахъ—взгляды бываютъ разные; нельзя, однако, для подтверженія своихъ превратныхъ и одностороннихъ взглядовъ исказать истину.

«Русскія Вѣдомости» увѣряютъ, на примѣръ, что «существующая пятнадцать лѣтъ горнопромышленность Юга только напрасно обременяла и обременяетъ потребителей, взыскивая въ свою пользу налогъ въ размѣрѣ пошлыны». То есть, по мнѣнiю газеты, выходитъ, что русскіе заводчики и углепромышленники продаютъ свои металлы и уголь потребителю, прибавляя къ цѣнѣ сумму иностранной пошлыны.

На дѣлѣ, конечно, нѣтъ ничего подобнаго.

На Югѣ Россіи таможенная пошлына на уголь— $4\frac{1}{2}$ коп. съ пуда, между тѣмъ уголь въ среднемъ продается по $6\frac{1}{2}$ коп. (и это хорошая цѣна, одинаковая съ англійской и болѣе дешевая, чѣмъ въ Германіи и Бельгіи), значитъ, что уголь съ барышомъ обходится себѣ, по мнѣнiю «Русскихъ Вѣдомостей», 2 коп. съ пуда. Между тѣмъ извѣстно, что уголь на Югѣ не стоитъ себѣ дешевле 6 коп., да и въ прежнее время онъ обходился себѣ не дешевле 5 коп. съ пуда. Если же вся выгода углепромышленниковъ въ $\frac{1}{2}$ коп., то гдѣ же тѣ $4\frac{1}{2}$ коп. таможенной пошлыны, которыя «Русскія Вѣдомости» великодушно кладутъ въ карманъ углепромышленнику?

Такъ же ложенъ и ихъ расчетъ о желѣзѣ. По ны-

нѣшнимъ цѣнамъ южнымъ горнымъ заводамъ очищается за листовое желѣзо (стоившее прежде отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 20 к.) франсо-заводъ 1 р. 35 к. за пудъ, пошлина на это желѣзо составляетъ 90 коп.; ывходитъ по расчету «Русскихъ Вѣдомостей», что листовое желѣзо обходится заводу съ барышомъ въ 45 коп. за пудъ, а заводчикъ вѣзываетъ въ свою пользу 90 коп. пошлины. Между тѣмъ одинъ чугунокъ, изъ котораго готовится желѣзо, обходится на Югѣ отъ 45 до 52 коп. за пудъ, а нужны еще топливо, рабочія руки, огнепостоянные и другіе матеріалы, погашеніе и проч. По «Русскимъ Вѣдомостямъ» выходитъ, что часть (желѣзо) болѣе цѣлаго (чугуна). Хорошая ариѳметика! Въ дѣйствительности листовое желѣзо обходится себѣ на Югѣ безъ погашенія имущества отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 45 к. за пудъ. Слѣдовательно, продавая его по 1 р. 35 к., заводчикъ даже съ благословенія московской газеты, и даже будучи профессоромъ, никакъ не можетъ «взыскать въ свою пользу» еще 90 коп. таможенной пошлины.

Не менѣе курьезно заявленіе «Русскихъ Вѣдомостей», что съѣзды горнопромышленниковъ представляютъ «рѣдкій даже у насъ образчикъ узко-классовой организаціи».

Если бы на съѣздахъ горнопромышленниковъ допускались одни горнопромышленники, то въ этомъ не было бы ничего дурного, потому что съѣзды устроены для защиты ихъ «интересовъ» и имѣютъ характеръ совѣщательный; правительству, очевидно, удобнѣе отъ

имени горнопромышленника услышать его голосъ, а не мнѣніе третьяго лица. На дѣлѣ, однако, съѣзды горнопромышленниковъ давно широко открыли двери для постороннихъ элементовъ и внимательно прислушиваются къ мнѣнію потребителей.

Съ правомъ голоса на съѣздахъ горнопромышленниковъ участвуютъ не только горнозаводчики, горнопромышленники и солепромышленники, но и представители горнаго вѣдомства, всѣ даже желающіе горные инженеры и геологи, представители министерствъ: путей сообщенія, финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, представители желѣзныхъ дорогъ, городовъ, земствъ, пароходныхъ обществъ, горной печати, заводовъ—огнеупорныхъ матеріаловъ и канатныхъ, кредитныхъ учрежденій, лѣсопромышленники, торговцы углемъ и металлами, словомъ, всѣ лица, имѣющія прямо или косвенно отношеніе къ горному дѣлу.

Гдѣ же тутъ узкая сословность? И кого еще звать? Не можетъ же съездъ приглашать представителей духовенства, женскихъ учебныхъ заведеній или театровъ.

V.

Видя невозможность свалить причины кризиса съ больной головы на здоровую, министерство финансовъ созвало особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ В. И. Ковалевскаго для устраненія означеннаго кризиса, названнаго металлургическимъ. Я участвовалъ въ этомъ совѣщаніи и по окончаніи его писалъ:

Названіе настоящаго кризиса «металлургическимъ» не совсѣмъ точно. Прежде всего по отношенію къ

терминологіи: металлургія — наука, а въ наукѣ этой никакого кризиса нѣтъ, кризисъ же замѣчается въ горнозаводской промышленности и отчасти въ механической. Но и въ горнозаводской промышленности кризисъ существуетъ только въ желѣзной промышленности, потому что мѣдная и цинковая, вслѣдствіе повышенія цѣнъ, находятся въ удовлетворительномъ положеніи, выплавка же остальныхъ металловъ особаго значенія у насъ не имѣетъ.

Тяжелое положеніе желѣзной промышленности констатировано было и въ особомъ совѣщаніи. Къ сожалѣнію, подробныхъ отчетовъ объ этомъ совѣщаніи въ печати не могло появиться, въ видѣ желанія предсѣдателя предоставить яко бы заводчикамъ излагать свои нужды совершенно свободно и откровенно. Въ общихъ чертахъ, однако, результаты совѣщанія извѣстны уже, и надобно удивляться, что и послѣ компетентнаго разъясненія вопроса опять возникла о причинахъ кризиса литература, гдѣ повторяются прежнія глупости, десять разъ опровергнутыя.

Хотя съ того момента, какъ Петръ сдѣлалъ генераль-адмираломъ Лефорта, который, какъ швейцарецъ, никакого отношенія къ морю имѣть не могъ, мнѣнію специалистовъ мало придаютъ у насъ значенія, но я все-таки рѣшаюсь высказать свое скромное мнѣніе о кризисѣ, прося принять это мнѣніе хотя въ равной силѣ съ мнѣніемъ лицъ, пишущихъ о горнозаводскомъ дѣлѣ по вдохновенію — «изъ нутра», какъ играютъ актеры.

Въ совѣщаніи при министерствѣ финансовъ было поднято и попутно обсуждено много разныхъ вопросовъ, но серьезное и существенное значеніе имѣли только три: констатированіе, какъ я сказалъ, кризиса, его размѣровъ и разрѣшеніе вопросовъ о кредитѣ для желѣзныхъ заводовъ и о казенныхъ заказахъ. Прочіе вопросы были признаны или не нуждающимися въ спѣшномъ рѣшеніи, или же не имѣющими значенія, хотя быть можетъ и интересными.

Существованіе кризиса несомнѣнно не только въ виду быстрого паденія цѣнъ чугуна и желѣза и цѣнъ заводскихъ акцій и облигацій, но и при наличности затрудненія въ сбытѣ и въ расплатахъ за купленные матеріалы. Оно подтверждается и паденіемъ цѣнъ на руды и др. сырые матеріалы, остановкою на одномъ Югѣ 14 доменныхъ печей (а каждая печь представляетъ капиталъ въ 1¹/₂ мил. руб.) и въ остановкѣ четырехъ большихъ желѣзныхъ заводовъ и нѣсколькихъ механическихъ. Цѣны топлива: кокса, каменнаго угля и мазута также или понизились, или понижаются.

Причина кризиса была выяснена достаточно ясно. Онъ явился послѣдствіемъ главнымъ образомъ перепроизводства, а затѣмъ ошибокъ администраціи и отчасти увлеченій капиталистовъ. Кризисъ былъ рано или поздно неизбеженъ, я его постоянно предсказывалъ—онъ только явился скорѣе, чѣмъ слѣдовало и чѣмъ его ждали.

Газеты всю вину валяютъ на частныхъ лицъ. По

словамъ «Московскихъ Вѣдомостей», первые иностранные предприниматели на Югѣ дали такой доходъ, что акціи ихъ быстро поднялись, а это «подало поводъ къ такому набѣгу иностранцевъ, что цѣна на земли, аренда нѣдръ земли и т. п. поднялись до небывалыхъ размѣровъ». «Правительство»,—говоритъ другая газета,—«охраняя отечественное производство, переплачивало по своимъ заказамъ значительныя суммы. Наши горнопромышленники въ этомъ случаѣ съ одной овечки драли двѣ шкуры». Полагали, будто бы «недостатокъ путей сообщенія мѣшалъ равномерному распредѣленію желѣза, что развращало заводчиковъ»!?!

Не допуская «развращенія» заводчиковъ, которыхъ по большей части не существовало, ибо акціи находились въ рукахъ множества лицъ, въ ближайшемъ веденіи дѣла совсѣмъ не участвующихъ, нельзя въ вышеизложенномъ видѣть спутываніе совсѣмъ различныхъ стадій вопроса.

Правительство рѣшилось поощрять внутреннее горное производство еще въ началѣ 80-хъ годовъ; съ 1887 г. это было рѣшено окончательно, и таможеннымъ тарифомъ 1891 г. закрѣплено. Преслѣдовались двѣ цѣли: экономическая—созданіе своего крупнаго производства и финансовая—сокращеніе привоза изъ-за границы, съ начала 60-хъ годовъ обратившаго торговый балансъ не въ нашу пользу. Но обѣ цѣли, очевидно, не могли быть сразу осуществлены, привозъ, очевидно, не уменьшался, а временно увели-

чился, потому что строилось много новыхъ заводовъ съ усовершенствованными машинами и приборами, которые можно было пріобрѣсти только за границею. Внезапное же повышеніе таможенныхъ пошлинъ повысило рѣзко цѣны на металлы. Этимъ повышеніемъ воспользовались заводы, построенные до 1891 года. Можно сказать, что за немногими исключеніями явившіяся послѣ тарифа 1891 г. предпріятія до сихъ поръ барышей не давали или давали неправильно на счетъ погашенія. Высокими цѣнами воспользовались существовавшіе ранѣе заводы на Уралѣ, въ Петербургѣ, въ Царствѣ Польскомъ; на Югѣ этимъ воспользовались заводы Юза, Брянскаго и Днѣпровскаго обществъ. Конечно, для означенныхъ заводовъ это былъ родъ преміи, но, не будь повышенія цѣнъ и связанныхъ съ нимъ временныхъ выгодъ, не было бы и приманки для привлеченія капиталовъ для постройки новыхъ заводовъ. Повышеніе цѣнъ предвидѣлось при пересмотрѣ тарифа.

Старые заводы лучше бы сдѣлали, если бы погашали свое устарѣвшее имущество и не давали высокихъ дивидендовъ, но съ государственной точки зрѣнія послѣднее было выгоднѣе, ибо привлекало быстрѣе капиталистовъ въ горную промышленность. Можно было однако предвидѣть, что быстрая постройка заводовъ вызоветъ перепроизводство, а съ нимъ и неизбѣжный кризисъ. Это смутно сознавалось, но тутъ-то и произошли явленія, о которыхъ я говорилъ выше.

Новые заводы и безъ того возникали быстрѣе, чѣмъ слѣдовало, между тѣмъ, желая поскорѣе понизить цѣну казенныхъ заказовъ, таковыя давались министерствомъ финансовъ все новымъ заводамъ, что увеличивало число предпріятій и число доменныхъ печей. Россія можетъ производить теперь 250 мил. пуд. чугуна въ годъ, а требуется 150. Самая сбавка цѣнъ привела къ тому, что заводы, не находя уже цѣны подходящими, переходили на новыя производства, т. е. расширялись безъ особой надобности и усиливали конкуренцію заводамъ, которые до того спокойно существовали безъ казенныхъ заказовъ. Такимъ образомъ искусственно было создано перепроизводство балочнаго и листового желѣза.

Самая сбавка была мнимою, потому что она существовала только, пока заводы новые, дешевые заказы разбавляли неоконченными дорогими заказами прежнихъ лѣтъ; разъ же разбавка кончилась, казнѣ поневолѣ пришлось увеличить цѣны, чтобы не заказывать вновь за границею.

Это ошибка администраціи. Вздорожаніе арендъ, рудъ, топлива—не вина заводовъ: оно создалось естественно быстротою постройки заводовъ, отчасти слишкомъ короткими сроками контрактовъ, медленной дачею казенныхъ заказовъ и моментомъ приѣмки, укороченнымъ безъ нужды, потому что по всѣмъ серьезнымъ заказамъ была потомъ сдѣлана отсрочка безъ начисленія штрафовъ. Частныя лица виноваты въ постройкѣ заводовъ безъ строгаго соображенія съ

дѣйствительною надобностью рынка, причемъ еще слушали разныхъ фантазеровъ, писавшихъ, особенно въ официальныхъ органахъ, что передѣльные заводы нужно строить на Волгѣ; виноваты частные предприниматели и въ томъ, что всѣ свои капиталы ухлопали на постройки, не оставивъ ничего на оборотный капиталъ.

Но и въ этомъ случаѣ имѣется нѣкоторое оправданіе. Постройка желѣзныхъ дорогъ шла такъ интенсивно въ послѣдніе годы, параллельно съ желѣзною промышленностью всѣ отрасли промышленности развивались въ Россіи такъ быстро, цѣны металловъ были такъ высоки, что трудно было рѣшить до указанія опыта: мало или много строится новыхъ заводовъ? Этому не помогла бы никакая статистика, регистрирующая прошедшее, а не будущее. Безъ оборотныхъ капиталовъ заводы остались главнымъ образомъ отъ «мажораціи» въ собранныхъ капиталахъ. Значительная часть послѣднихъ съѣдалась посредниками и черезчуръ высокою платою за пріобрѣтенное недвижимое имущество. Это явленіе прискорбное, но неизбежное. Собраніе акціонерныхъ капиталовъ добровольною публичною подпискою—мечта законодателя. На дѣлѣ, а особенно за границею, откуда и пришли капиталы, безъ участія учредителей ¹⁾, банковъ, ихъ

¹⁾ Вознагражденіе посредниковъ и собственниковъ было впрочемъ часто хотя и высокое, но мнимое. Я зналъ человека, получившаго за устройство дѣла миліонъ акціями, только съ условіемъ не продавать ихъ два года. Акціи не стоили по истеченіи этого срока ни гроша!

отдѣленій, маклеровъ, зайцевъ и биржевой печати нельзя собрать ни одной копѣйки для самаго выгоднаго предпріятія.

Вслѣдствіе мажораціи, высокихъ оцѣнокъ *arrorts*, т. е. пріобрѣтеннаго имущества, и щедраго вознагражденія посредниковъ, особенно услугъ банковъ, капиталы, даже очень крупныя, были недостаточны для одной постройки заводовъ. Современные горныя заводы стоятъ милліоны и десятки милліоновъ, между тѣмъ заводы пришлось перестраивать еще, вслѣдствіе измѣненія направленія производства и необезпеченности въ заказахъ. Но оборотнаго капитала при такихъ условіяхъ немного уже могло остаться, пришлось обращаться за содѣйствіемъ къ банкамъ. Иностранцы имѣли это въ виду, ибо за границею кредитъ очень свободенъ; но и банки услуги свои оцѣниваютъ дорого, да и сами они стѣснены въ средствахъ по незначительности образованія въ Россіи новыхъ капиталовъ. Нуждаясь въ деньгахъ, заводы прежде всего обратились къ облигаціямъ.

Облигаціонныя займы разрѣшались очень легко, можно сказать даже, что, за отсутствіемъ какихъ-либо законодательныхъ нормъ, слишкомъ легко, причемъ, какъ напр. въ отношеніи владѣльцевъ облигацій иностранныхъ обществъ, дѣйствующихъ въ Россіи, обязательства эти ничѣмъ не гарантировались. При успѣхѣ дѣла на это никто не обращалъ вниманія, но въ будущемъ отсутствіе обезпеченія для облигацій грозитъ большими затрудненіями.

Государственный банкъ оказывалъ горнозаводскому производству значительное пособіе. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ г. Плеске, было выдано уже заводамъ подъ разными формами болѣе 60 мил. руб., причемъ всѣ благоразумныя формы кредита: подъ товарныя ссуды (залогъ металловъ и затѣмъ облигацій) уже почти исчерпаны. Сами заводчики не могли формулировать въ этомъ случаѣ новыхъ пожеланій и просили только о расширеніи срока для учета квитанцій въ пріемѣ казенныхъ заказовъ, которые иногда оплачиваются полтора года спустя послѣ сдачи заказа. Банкъ обѣщаль удовлетворить и это ходатайство.

Конечно, въ послѣднее время выдвинуты разные проекты горнопромышленныхъ банковъ, но не говоря, что эти проекты или фантастическіе, или ничѣмъ (при серьезномъ веденіи дѣла) не отличаются отъ существующихъ поземельныхъ банковъ, пособіе такихъ банковъ можетъ быть очень незначительно и имѣетъ значеніе скорѣе для новыхъ рудниковъ, чѣмъ для заводовъ. Рудное же дѣло страдаетъ у насъ не отъ недостатка кредита, а отъ застоя въ заводской дѣятельности, слѣдовательно кредитъ ему немногимъ поможетъ.

Въ вопросѣ о кредитѣ есть еще одна деликатная сторона. Хотя желательно избѣгать всякаго риска, но при кризисѣ нѣкоторый рискъ не только неизбѣженъ, но даже, пожалуй, необходимъ. Лишняя пострадавшіе заводы кредита, легко, конечно, довести ихъ

до закрытія, но это не улучшить положенія остальныхъ заводовъ. Купленные за безцѣнокъ закрытые заводы могутъ съ новыми оборотными средствами работать выгоднѣе, чѣмъ устоявшіе, но обремененные большимъ пассивомъ. Очевидно, появленіе подобныхъ преобразованныхъ предиріятій не ослабитъ, а усилитъ конкуренцію и кризисъ. Поэтому съ точки зрѣнія заводчиковъ выгоднѣе поддерживать, чѣмъ закрывать заводы.

Нѣкоторые находятъ, что на постигшіи горнозаводскую промышленность кризисъ не слѣдуетъ смотрѣть особенно мрачно: «тяжелый для капиталистовъ, онъ дастъ-де весьма хорошіе результаты для страны». Никакой кризисъ, какъ всякая болѣзнь, хорошихъ результатовъ дать не можетъ, а горнозаводскій, съ которымъ длинными нитями связано безчисленное множество интересовъ землевладѣнія, рудопромышленности, желѣзныхъ дорогъ, пароходства, добычи топлива, флюсовъ, кирпича, огнестоянныхъ матеріаловъ, торговли и проч., тѣмъ менѣе. Уменьшеніе производительности заводовъ на 40 милліоновъ руб. навѣрное уменьшаетъ итогъ разныхъ оборотовъ на 200 милліоновъ. Поэтому-то сбереженіе, которое могло быть сдѣлано на какомъ-либо заказѣ, разъ этотъ заказъ принятъ быть не могъ безъ убытка, составляло для казны не прибыль, а косвенную потерю въ десять разъ большую, ибо, конечно, казна еще болѣе, чѣмъ акціонеры, заинтересована въ благополучіи заводовъ. Разоренные капиталисты насчитываются десятками и сотнями,

они имѣютъ часто и другія средства для жизни; разоренныя же отъ закрытія фабрикъ мѣстности останутся на шеѣ казны десятки лѣтъ. Примѣровъ тому много, даже въ Петербургѣ; правительство уже лѣтъ тридцать, напримѣръ, возится съ Невскимъ заводомъ, а теперь получаетъ въ свои руки новые.

Еще важнѣе кредитнаго вопроса вопросъ о казенныхъ заказахъ. Казна у насъ крупнѣйшій потребитель металловъ и особенно желѣза. Ничего подобнаго нѣтъ за границею. Однѣ желѣзныя дороги поглощаютъ почти половину производительности, а затѣмъ идутъ порты, военное судостроеніе, артиллерія и предметы вооруженія, арсеналы, инженерныя постройки и казармы, заводы акцизнаго вѣдомства, дворцовое управленіе, строительная и дорожная части министерства внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, телеграфы и т. д. Если все это сложить, то можетъ быть четыре пятыхъ продуктовъ желѣзной промышленности въ томъ или другомъ видѣ попадаютъ у насъ въ руки казны. Поэтому-то такъ важно, чтобы заказы казны не дѣлались за границей, кромѣ совершенно исключительныхъ случаевъ пріобрѣтенія совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ или художественно - артистическихъ предметовъ. Хотя на этотъ счетъ существуетъ немало распоряженій и даже законовъ, но совѣщаніе констатировало, что многія вѣдомства продолжаютъ игнорировать русское желѣзное производство.

Тутъ необходимы новыя мѣры, но по размѣрамъ сбыта важнѣе всего заказы желѣзныхъ дорогъ. Въ

совѣщаніи выяснилось по этому поводу, что сравнительно съ двумя предъидущими годами заводы имѣютъ заказовъ въ 1902 году рельсовъ на половину противъ прежняго, паровозовъ на четверть, а вагоновъ даже на двѣ трети менѣе. Очевидно, при такихъ условіяхъ работать трудно. Конечно, есть люди, убѣжденные, что вагонный заводъ, не имѣя заказа, можетъ завтра же приготовить пряники; но люди дѣловые понимаютъ, что подобныя превращенія невозможны. Всякое же сокращеніе въ работѣ отзывается прежде и болѣе всего на рабочихъ и на томъ населеніи, которое живетъ около и насчетъ рабочихъ. Извѣстно, что около каждаго завода быстро образуются поселенія и городки съ десятками тысячъ жителей.

Казенные заказы въ томъ количествѣ, какое было ранѣе, несомнѣнно облегчили бы кризисъ, такъ какъ связали бы опредѣленнымъ назначеніемъ избытокъ въ металлахъ, замѣчаемый на заводахъ, и уменьшили бы конкуренцію на частномъ рынкѣ.

Во всякомъ случаѣ, хотя казна у насъ главный потребитель металловъ, прямые казенные заказы, не считая нуждъ, удовлетворяемыхъ собственными заводами казны, могутъ касаться только извѣстнаго и сравнительно небольшого числа заводовъ; для остальныхъ, какъ и прежде было, остается одинъ путь — свободный рынокъ, къ которому прибѣгаетъ въ большинствѣ случаевъ и казна. Поэтому несправедливо само по себѣ утвержденіе, что «металлургическая промышленность, выращенная на казенныхъ заказахъ, знать не

хочетъ мужика, т.-е. народнаго потребительнаго рынка, и за это заслуженно казнится кризисомъ, ибо промышленность, чтобы не быть эфемерною, должна работать для народнаго потребленія». «Русскія Вѣдомости» заявили, что разрѣшеніе кризиса «всецѣло зависитъ отъ благосклоннаго вниманія русскаго мужика».

Въ дѣйствительности это не такъ. Можно, конечно, мечтать объ удешевленіи нашего желѣза для мужика, но, какъ всякія маниловскія пожеланія, они останутся безъ отвѣта. Какъ же можно думать теперь о новомъ удешевленіи желѣза, когда цифры и опытъ доказываютъ, что существующія цѣны настолько низки и разорительны для заводчиковъ, что вынуждаютъ остановку доменныхъ печей и закрытіе заводовъ! Вѣдь нельзя же надѣяться на устройство какихъ-то благотворительныхъ заводовъ, а чѣмъ болѣе заводовъ закроется, тѣмъ, конечно, уменьшится надежда на дальнѣйшее удешевленіе желѣза.

Гораздо болѣе вѣрно обратное положеніе, что чѣмъ мужикъ будетъ зажиточнѣе, тѣмъ потребленіе желѣза въ Россіи увеличится, и положеніе заводовъ улучшится. Если у мужика нѣтъ средствъ купить хлѣба, то странно ждать, чтобы у него нашлись средства купить себѣ желѣзную крышу.

Много значитъ также и культурность: малороссы несомнѣнно зажиточнѣе великоруссовъ и живутъ на лучшихъ земляхъ, желѣза же употребляютъ гораздо менѣе, чѣмъ великоруссы.

Засимъ простонародное потребленіе желѣза, вклю-

чая сюда и всѣ дешевыя желѣзныя и чугуныя подѣлки, необходимыя въ крестьянскомъ быту, хотя и не мало, но роль его совершенно второстепенная сравнительно съ казеннымъ потребленіемъ желѣза, а также съ нуждами желѣзныхъ дорогъ, пароходства, фабрикъ, заводовъ и городовъ. Поэтому вовсе не здѣсь ключъ къ разрѣшенію кризиса.

Въ совѣщаніи былъ затронутъ и вопросъ о картеляхъ и синдикатахъ, которые такъ пугаютъ наше общественное мнѣніе и такъ успѣшно дѣйствуютъ за границею. По этому поводу въ совѣщаніи происходилъ, безъ участія официальныхъ представителей, обмѣнъ мыслей въ особомъ засѣданіи, причемъ мнѣ пришлось предсѣдательствовать. Судя по рѣзко выяснившимся противорѣчіямъ въ интересахъ (а въ совѣщаніи не было еще многихъ производителей), надо бы думать, что никакой общероссійскій синдикатъ желѣзной промышленности невозможенъ. Трудно ожидать даже, чтобы синдикатъ осуществился и для отдѣльныхъ районовъ. Самое большее, чего могутъ добиться заводы, это соглашенія по нѣкоторымъ отдѣльнымъ категориямъ продуктовъ. Но подобныя соглашенія бывали и ранѣе. Обычная «славянская рознь» вліяла при этомъ даже на заводчиковъ иностранцевъ или носящихъ иностранныя фамиліи.

Рознь проявилась и теперь. Уральцы не поддержали на совѣщаніи, собранномъ подъ предсѣдательствомъ г. Ковалевскаго, заявленія о существованіи металлургическаго кризиса не то по недоразумѣнію,

не то по какой-то дипломатіи. Ихъ, говорятъ, склонилъ къ этому главный начальникъ уральскихъ горныхъ заводовъ, хлопотавшій не во время о постройкѣ новыхъ казенныхъ доменныхъ печей на Уралѣ. Но расколъ сейчасъ же вызвалъ протесты, дошедшіе до того, что на уральскомъ горнозаводскомъ съѣздѣ нѣкоторые заводы стали отказываться отъ дальнѣйшаго участія въ съѣздахъ и т. д. Какъ бы то ни было, но нижегородская ярмарка блистательно доказала, что кризисъ одинаково распространился и на уральскіе горные заводы, хотя нѣкоторые изъ послѣднихъ спасаются тѣмъ, что готовятъ листовое кровельное желѣзо. Оно держится сравнительно въ хорошей цѣнѣ; къ сожалѣнію, количества его нельзя произвольно увеличить, ибо для этого желѣза требуется чугуны очень высокаго качества. Въ настоящее время и уральскіе заводы льютъ такія же «желѣзныя слезы», какъ и остальные заводы, и собираются не расширять, а сокращать свое производство. Нѣкоторые изъ нихъ, не имѣя работы и нуждаясь въ деньгахъ, берутъ заказы по явно убыточной цѣнѣ.

Въ общемъ итогъ совѣщаніе выяснило,—что впрочемъ и ранѣе можно было предугадать, что если устранить кризисъ нельзя, то смягчить его вредное вліяніе возможно и въ силахъ это сдѣлать лишь правительство, заинтересованное въ этомъ, какъ крупнѣйшій потребитель продуктовъ желѣзной промышленности. Изъ сдѣланныхъ въ совѣщаніи заявленій можно было

вынести впечатлѣніе, что правительство сознаетъ это и готово принять соотвѣтствующія мѣры. Желательно только, чтобы эти мѣры не откладывались: «благовременіе» великое дѣло.

*
* * *

Подъ не совсѣмъ русскимъ названіемъ «Въ чемъ выходъ» въ Торгово-Промышленной Газетѣ» была напечатана статья о положеніи нашей желѣзной промышленности, какою она представлялась послѣ совѣщанія подъ предсѣдательствомъ г. Ковалевскаго. Статья подписана г.—въ, поэтому она не имѣла ни официальнаго и ни офиціознаго значенія, тѣмъ не менѣе однако, такъ какъ «Торгово-Промышленная Газета» изданіе официальное, то все въ ней напечатанное получаетъ въ глазахъ публики особое значеніе, а слѣдовательно должно бы подлежать строгой и осторожной оцѣнкѣ со стороны редакціи. Такой оцѣнкѣ повидимому не было сдѣлано для статьи г.—ва, который отнесся къ дѣлу довольно легкомысленно, искажилъ факты и чужія мнѣнія и представилъ заключенія очевидно противорѣчивыя. Я лично могу пожаловаться на относящіяся ко мнѣ въ статьѣ строки.

Обрисовавъ невѣрно мои личныя отношенія къ горному дѣлу, г.—въ уже совершенно невѣрно передавалъ мои мнѣнія, приписывая мнѣ разныя нелѣпости.

Въ томъ, что горнопромышленники обращаются къ правительству, нѣтъ ничего дурного, и напрасно гг. публицисты, повторяя сказку о бѣломъ бычкѣ: громадныхъ наживахъ, вожделѣніяхъ, непомѣрныхъ аппетитахъ и т. п., бранятъ ихъ за это. Не казна виновата въ неурожаяхъ, она однако издержала сотни милліоновъ на помощь крестьянамъ, и никто ее за это не попрекалъ. Если бы правительство и не имѣло

никакого вліяння на появленіе металлургическаго кризиса, то и въ такомъ случаѣ на его обязанности лежало бы изучить и по возможности придти на помощь заводамъ. Казна тутъ гарантируетъ вовсе не дивиденды капиталистовъ, а существованіе заводовъ, т. е. заработокъ сотенъ тысячъ населенія и плательщиковъ налоговъ, благосостояніе цѣлыхъ мѣстностей. Правительство, очевидно, не можетъ оставаться равнодушнымъ.

Вопросъ, значить, долженъ быть только о наилучшемъ направленіи этого воспособленія, а не о принципѣ. Радоваться чьей-либо бѣдѣ могутъ сатирики и пессимисты, но не правительство.

Очень бы любопытно разобратъ въ вопросѣ о причинахъ кризиса. «Торгово-Промышленная Газета» продолжаетъ объяснять его какимъ-то «набрасываніемъ» устроителей заводовъ, да еще съ «головокружительною быстротою», при содѣйствіи «послѣдняго мірового промышленнаго подъема». Но зачѣмъ намъ міровой подъемъ, когда болѣе реальныя факты указываютъ, что толчокъ шелъ изнутри, а не извнѣ, и что никто не набрасывался на постройку заводовъ до внезапнаго повышенія пошлинъ въ 1887 и 1891 гг., до заказовъ, даваемыхъ все новымъ заводамъ, до расширенія листового и балочнаго производствъ отъ внезапнаго пониженія казенныхъ цѣнъ на рельсы и т. д.

Безтолковое увлеченіе безъ ознакомленія съ рынкомъ имѣло, конечно, не малое значеніе и его слѣдовало сдерживать, но тутъ главнѣйшую роль играли господа,

увѣрявшіе и правительство и предпринимателей, что металловъ у насъ мало, что рынокъ далеко не наполненъ и т. п. Я же всегда и постоянно протестовалъ противъ подобныхъ завѣреній и всѣ мои статьи можно хотъ сейчасъ перепечатать. Меня даже одна газета назвала разъ Кассандрою—пророчество коей, однако, сбылось.

Что я былъ достаточно проницателенъ, доказываютъ мои заявленія еще въ тарифной комиссіи 1890 г., гдѣ я протестовалъ противъ непомѣрныхъ повышеній пошлинъ на металлы, издѣлія, уголь и пр. Вотъ, на примѣръ, мои слова въ засѣданіи 7-го ноября (стр. 235 III части стенографическаго отчета): «...Изъ всѣхъ данныхъ мы видимъ, что теперь чугуноплавильное производство достаточно ограждено, и тамъ, гдѣ оно можетъ развиваться, развивается очень быстро... Поэтому новое повышение было бы безцѣльно, оно нисколько не оградило бы желѣзнодорожной промышленности, а обременило бы только потребителей литейнаго чугуна... причемъ если измѣнять пошлины на чугунъ, то придется измѣнять оныя не только на желѣзо и сталь, но и на всѣ металлическія издѣлія»...

Повторяю, однако, о прежнемъ спорить не стоитъ. Это дѣло исторіи разобратъ, кто виноватъ; важно не прошедшее, а настоящее и будущее. Вотъ тутъ-то я и не согласенъ съ г.—мъ.

Въ рекомендуемыхъ имъ для разрѣшенія кризиса средствахъ онъ обнаруживаетъ незнакомство съ дѣ-

ломъ. Я не говорю уже о наивныхъ мѣрахъ à la M. de la Palice, въ родѣ рекомендуемаго «промышленнаго самосознанія и самодѣятельности», или о желаніи устроить статистику, когда у насъ единственная порядочная промышленная статистика только и имѣется что для горнаго дѣла и когда сами «Торгово-Промышленная Газета» и «Вѣстникъ Финансовъ» наполовину существуютъ этою статистикою, совершенно затирая «Горный Журналъ». Промышленность можетъ давать отличные дивиденды и безъ всякой статистики и не статистика подыметъ цѣны.

Серьезны три разбираемая г.—мъ мѣры: удешевленіе издержекъ производства, возбужденіе народнаго спроса и отказъ отъ устройства синдикатовъ.

Въ то время, когда заводы жалуются на невозможность работать при нынѣшнихъ низкихъ цѣнахъ, подкрѣпляя свои заявленія огромными понесенными убытками, г.—въ находитъ производство «крайне дорогимъ» и «не соответственнымъ естественнымъ условіямъ нашей промышленности». Никакого разъясненія въ доказательство возможности удешевленія издержекъ производства онъ не приводитъ. Не нужно однако быть великимъ мудрецомъ, чтобы понять, что какое бы ни было удешевленіе, производство можетъ быть основано только на трехъ факторахъ: расширеніи производства, удешевленіи кредита и удешевленіи рабочихъ рукъ.

Спрашивается, приложимы ли эти факторы? Какъ расширить производство, когда у насъ и безъ того

перепроизводство; какъ удешевить кредитъ, когда денегъ въ Россіи такъ мало и половина заводовъ банкроты, и какъ удешевить рабочія руки, когда онѣ и безъ того дешевле, чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ, и рабочіе бѣдствуютъ. Улучшеніе техники? Да заводы наши, какъ наиболѣе новые, едва ли не лучше всѣхъ устроены въ Европѣ. Удешевить перевозки? Но для этого надобно перенести Кривой Рогъ въ Бахмутскій уѣздъ, а Екатеринославскую губернію помѣстить подь Москвою.

Столь же серьезно и предложеніе г.—ва возбудить русскіе потребительскіе рынки (какъ будто бываютъ рынки не потребительскіе), притомъ рынки просто-народные. Стоитъ ли повторять сто разъ сказанное, что думать о приготовленіи желѣза, доступнаго по цѣнѣ каждому нищему, по 5 коп. за пудъ нельзя, а что пониженіе на 5 коп. или 10 коп. на пудъ никакого новаго рынка не создастъ. Въ Южной Россіи колеса возовъ часто безъ шинъ. Неужели оттого, что шинное желѣзо такъ ужъ дорого? Вовсе нѣтъ, сѣверное населеніе бѣднѣе малороссіянь, а колеса обтягиваетъ желѣзомъ. Возы безъ шинъ отъ отсутствія дорогъ, оттого что съ шинами воловая подвода еще скорѣе потонетъ въ черноземной грязи. Нужно устроить дороги, на что, однако, требуется милліардъ рублей, а тогда увеличится спросъ на шинное желѣзо и послѣднее отъ расширенія производства подешевѣетъ. То же касается и другихъ простонародныхъ металловъ и издѣлій.

Въ вопросѣ о синдикатахъ г.—въ противорѣчить самому себѣ. Онъ доказываетъ, что горный промышленный кризисъ явился отъ избытка производства; если есть избытокъ, значить нужно ограничить и сократить, а какъ это сдѣлать безъ синдикатовъ?

Особенно курьезно противорѣчіе въ заключеніи статьи г.—ва по поводу синдиката въ Россіи. Онъ говоритъ: «Всякое нормировочное предпріятіе, съ поддержкой казны, съ перспективой возврата къ прежнимъ цѣнамъ и поддержкою того, что должно погибнуть, будетъ новымъ шагомъ назадъ, и шагомъ крайне опаснымъ».

Прекрасно. Но нѣсколькими строками далѣе тотъ же г.—въ говоритъ:

Германская промышленность въ 1878 г. была въ положеніи, много худшемъ, чѣмъ наша теперь. Однако принципъ единенія сдѣлалъ чудеса. Съ восьмидесятихъ годовъ германская желѣзная промышленность все время развивалась плавно и быстро и нынѣ легче переноситъ послѣдствія господствующаго въ Германіи промышленнаго кризиса и тѣхъ увлеченій, какія не могли не отразиться и на этой промышленности въ періодъ общаго промышленнаго подъема.

Но что же это за нѣмецкій «принципъ единенія». Извѣстно, и о чемъ въ той же «Торгово-Промышленной Газетѣ» были десятки весьма обстоятельныхъ статей, что германская желѣзная промышленность двадцать послѣднихъ лѣтъ существуетъ исключительно синдикатами или по-нѣмецки картелями. Боязнь этихъ картелей и заставила такъ повышать наши пошлины въ 1891 г. Въ картельныхъ союзахъ состоятъ не

только горные заводы частные и казенные и районы, но и отдѣльныя производства, добыча сырыхъ матеріаловъ, кокса и т. п.

Почему же г.—въ находитъ въ Россіи дурнымъ то, что одобряетъ для Германіи? Или онъ выворачиваетъ только извѣстную поговорку, что «русскому здорово, то нѣмцу смерть», на новый ладъ: «что нѣмцу здорово, то русскому смерть»?

V.

Побуждаемое необходимостью помочь заводамъ, финансовое вѣдомство остановилось на нѣсколькихъ мѣрахъ: отмѣнѣ горной подати съ чугуна, ссудахъ изъ государственнаго банка, продолженіи дачи казенныхъ заказовъ и созывѣ, при помощи Техническаго общества, какого-то съѣзда потребителей желѣза.

Для чего оставалась горная подать, когда ужъ былъ введенъ тяжелый и запутанный промысловый налогъ, и понять трудно. Заводы несли также тяжелые сборы отъ требованій инспекцій и вновь учрежденнаго высшаго фабричнаго присутствія. А то заводы облагались и произвольными сборами; Кривошеинъ взыскалъ съ рельсовыхъ заводчиковъ болѣе ста тысячъ рублей на устройство какого-то путейскаго общежитія.

Ссуды совершались большею частью путемъ промышленныхъ ссудъ. Тутъ, конечно, руководствовались исключительно благоусмотрѣніемъ—по человѣку глядя. Большинство заводовъ, пріобщившіеся промышленному кредиту, сдѣлались или должны сдѣлаться собственностью Банка. Къ нимъ относятся заводы Невскій, Александровскій, Донецко-Юрьевскій, Шиповскіе, Богословскіе, Катавскіе, Брянскіе, Керченскій и др. Такимъ образомъ рядомъ съ казенными заводами горнаго вѣдомства, для улучшенія которыхъ ничего сдѣлано не было, хотя это очень цѣнныя имущества, обра-

зовалась новая серія казенныхъ заводовъ Государственнаго банка, совершенно правительству не нужныхъ.

Заказы казны на желѣзнодорожныя принадлежности, вопреки агитации, поднятой г. Гужономъ, даны были на «новыхъ началахъ». Начала эти состояли въ томъ, что, независимо отъ двухъ министерствъ: финансовъ и путей сообщенія и государственнаго контроля, количество, распределение заказовъ, цѣны и пр. были поручены еще двумъ комиссіямъ, низшей и высшей. Въ результатъ горные заводы получили заказы совершенно несвоевременно, съ огромнымъ опозданіемъ, по частямъ, въ недостаточномъ количествѣ и часть заказовъ пошла на созданіе новыхъ производствъ въ двухъ разоренныхъ, состоявшимъ подъ особымъ покровительствомъ, заводахъ, въ конкуренцію прочимъ.

О създѣ потребителей желѣза и говорить не стоитъ. Это была какая-то интермедія, гдѣ разные земцы и невѣдомые комики состязались въ пустомельствѣ и предлагали дѣтскія резолюціи

Между тѣмъ разсужденія о пользѣ синдиката не прошли даромъ, между заводами состоялось соглашеніе, образовавшее Общество для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ, Высочайше утвержденное 5-го іюля 1902 г. Это соглашеніе, хотя касалось только листового, но не кровельнаго желѣза и не включало Уралъ, сейчасъ же повліяло благопріятно на цѣны.

Но едва положеніе хотя немного улучшилось, какъ полились крокодиловы слезы.

Бакинскій биржевой комитетъ издалъ весьма курьезный циркуляръ, хорошо рисующій наши торговые нравы. Комитетъ обратилъ вниманіе, что листовое (резервуарное) желѣзо поднялось въ Баку на 30 и 40 коп. съ пуда.

Такое поднятіе цѣнъ бакинскій комитетъ счелъ «явленіемъ угрожающимъ», почему нашелъ нужнымъ «принять мѣры къ пониженію поднявшихся цѣнъ». Имѣя однако въ виду, что «ходатайство» объ этомъ болѣе должно имѣть успѣха, если послѣдуетъ отъ всѣхъ районовъ Россіи, ко-

митетъ обратился ко всѣмъ русскимъ биржевымъ комитетамъ съ запросомъ, готовы ли они поддержать означенное ходатайство, направленное противъ желѣзной промышленности?

Что бакинскимъ нефтепромышленникамъ, отвѣчалъ я, непріятно вздорожаніе листового желѣза, продававшася два года подъ-рядъ дешевле даже того, что оно само стоило заводамъ, весьма понятно, а равно и то, что нефтепромышленники желали бы удешевить для себя желѣзо, но агитація о какихъ-то ходатайствахъ къ высшимъ властямъ по сему предмету производитъ скорѣе комическое впечатлѣніе, особенно когда исходить изъ Баку, гдѣ недавно нефть подымалась въ цѣнѣ съ 2-хъ до 20 копѣекъ за пудъ и никто на это не жаловался въ полицію.

Резервуарное желѣзо, потребляемое въ Баку въ количествѣ двухъ милліоновъ пудовъ въ годъ, недавно еще продавалось отъ 1 р. 80 к. до 2 р. 20 к. франсо-заводъ. Въ послѣднее время оно упало въ цѣнѣ до 1 р. 15 к. и 1 р. 25 к. франсо-заводъ, т.-е. до размѣра необыкновенно низкаго, ибо такое желѣзо русскимъ заводамъ обходится, смотря по ихъ финансовому положенію и состоянію погашенія (не говоря уже о разницѣ въ географическихъ и естественныхъ условіяхъ), не дешевле 1 р. 25 к. до 1 р. 35 к. за пудъ.

Пониженіе цѣны съ 2 руб. 20 коп. до 1 р. 15 коп., т.-е. на 1 руб. 5 коп., почти на 50⁰/₀, было дѣйствительно «угрожающимъ» для металлургическихъ заводовъ, обѣщая имъ полное разореніе и остановку,

а рабочему населенію голоданіе, и странно, что бакинскій биржевой комитетъ, который по закону не представляетъ эгоистическихъ интересовъ нѣсколькихъ лицъ, а оберегаетъ вообще интересы русской промышленности и торговли цѣлаго района, не обратился циркулярно къ другимъ биржевымъ комитетамъ, приглашая ихъ обдумать мѣры для ходатайства о поддержаніи русской горнозаводской промышленности, угнетаемой столь рѣзкимъ паденіемъ цѣнъ на желѣзо.

Комитетъ этого не сдѣлалъ, и заводчики (далеко впрочемъ не всѣ) своимъ умомъ, по примѣру Германіи, Франціи, Англіи, Австро-Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ, додумались до соглашенія, которое не довело цѣнъ до прежнихъ 2 р. 20 коп., а только до 1 р. 55 коп. франсо-заводъ.

Это конечно непріятно бакинцамъ, но если нефтепромышленники желаютъ пригласить заводчиковъ къ добровольному пониженію цѣнъ себѣ въ убытокъ, то нефтепромышленникамъ слѣдуетъ строго держаться заповѣди Христа: «Врачу, исцѣлися самъ». Взывая къ предержащимъ властямъ о пониженіи цѣнъ на резервуарное желѣзо, бакинцы забыли, что заводы, выдѣлывающіе желѣзо, потребляютъ немалое количество нефтяныхъ продуктовъ въ видѣ топлива, освѣщенія и смазочнаго матеріала, и что вообще потребленіе нефтяныхъ продуктовъ въ Россіи у насъ не меньше распространено, чѣмъ потребленіе желѣза. Жалуясь однако не вздорожаніе на 30⁰/₀ резервуарнаго желѣза, бакинскій биржевой комитетъ, очевидно

по разсѣянности, позабыль, что его кліенты нефтепромышленники увеличили въ теченіе одного послѣдняго года цѣну нефти и нефтяныхъ остатковъ на 50⁰/о, а керосина для вывоза за границу даже на 100⁰/о. Такъ кто же долженъ скорѣе жаловаться на «угрожающее явленіе»: тѣ ли, кто вынужденъ платить лишніе 30⁰/о, или тѣ, кого заставляютъ платить болѣе противъ прежняго на 50⁰/о?

Мораль изъ всего изложеннаго, по моему мнѣнію, слѣдующая: у начальства столько прямого дѣла, что оно рѣшительно не въ силахъ, развѣ введя монополию на всѣ безъ исключенія предметы производства, регулировать рыночныя колебанія цѣнъ сообразно вкусу и потребностямъ cadaго покупателя. А само собою разумѣется, что каждый желаетъ имѣть то, что покупаетъ, чуть не даромъ, а то, что продаетъ—сбыть въ три-дорога: это и называется въ наукѣ политической экономіи закономъ спроса и предложенія. Скажутъ, что соглашеніе ограничиваетъ предложеніе и нарушаетъ свободную конкуренцію. Это вѣрно, но если бы часть заводовъ вмѣсто соглашенія закрылась или закрыла извѣстные цехи, на примѣръ листового желѣза, то это все равно было бы ограниченіемъ предложенія и потребители ничего бы не выиграли.

Нефтепромышленники для повышенія цѣнъ сокращаютъ буреніе, что уменьшаетъ добычу и сильно сократитъ ее въ будущемъ. Результатъ тотъ же, что и отъ соглашенія. Если нефтепромышленники предпочитаютъ дѣйствовать такъ, то лишь потому, что

легче закрыть нефтяную скважину, стоящую сорокъ тысячъ, чѣмъ желѣзодѣлательный заводъ, стоящій десять, пятнадцать милліоновъ.

*
* * *

Въ «Торгово-Промышленной Газетѣ», какъ я говорилъ, часто печатаются замѣтки о нашей горнозаводской—по старой еще времянь петровскихъ, терминологіи, или металлургической¹⁾ по новой чиновничьей терминологіи—промышленности, напечатана была статья «Характерныя черты теперешней нашей желѣзной промышленности».

Статья, очевидно, имѣеть цѣлью убѣдить, что «наша теперешняя (Боже, что за языкъ!)» промышленность хотя и съ «неполадками», «лишившими акціонеровъ на нѣсколько лѣтъ дивидендовъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самыхъ капиталовъ» (это ужъ не «неполадка», когда человѣкъ лишается всего достоянія), находится чуть ли не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ заграничная.

Судите сами. Чугунъ франко - заводъ продается на Югѣ Россіи большими партіями по 38 коп., т.-е. дешевле противъ 1899 г. на 45 проц. Цѣна эта де-

¹⁾ Этотъ терминъ выдуманъ бывшимъ департаментомъ торговли и мануфактуръ, который желалъ измѣненіемъ 2 ст. Горнаго Устава перетянуть къ себѣ часть желѣзныхъ заводовъ, чтобы удобнѣе вмѣшиваться въ компетенцію горнаго вѣдомства.

Въ настоящее время металлургическимъ производствомъ стали называть у насъ и машиностроеніе, и постройку вагоновъ, что уже совсѣмъ не имѣеть смысла.

шевле, чѣмъ въ Германіи, Англіи и даже на 45 пр. дешевле, чѣмъ въ Америкѣ. Сортовой литой металлъ продается у насъ на Югѣ въ одной цѣнѣ съ Англіей, немного дороже, чѣмъ въ Германіи (Вестфаліи) и значительно дешевле, чѣмъ въ Америкѣ.

Такая благодать только кажется убыточною; она достигнута «путемъ необходимыхъ техническихъ и административныхъ измѣненій» и «несомнѣнно, говоритъ «Торгово-Промышленная Газета», что наши желѣзные заводы «приспособлены уже къ нынѣшнимъ дешевымъ продажнымъ цѣнамъ, а въ ближайшемъ будущемъ эти приспособленія обѣщаютъ сдѣлать еще большіе успѣхи».

Вся задача нашей желѣзной промышленности должна сводиться поэтому къ постановкѣ сбыта. Приведенныя цѣны показываютъ, по мнѣнію газеты, что сбытъ нашего чугуна за границу и въ настоящее время не можетъ уже быть предметомъ праздныхъ разсужденій, а потому наша желѣзная промышленность должна серьезно относиться къ возможности участія въ міровомъ оборотѣ.

«Условія современнаго производства таковы, говоритъ министерскій органъ, что внутренній рынокъ долженъ быть только главной основой сбыта, самый же сбытъ ограничиться предѣлами этого рынка не можетъ. Безъ вывоза немыслимы ни спеціализація, ни массовое производство, удешевляющія себѣ стоимость, немыслимо и пониженіе цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ. Въ то время, когда Германія, Великобританія,

Бельгія или С.-А. Соединенные Штаты продають сортовое желѣзо съ достаточной прибылью по цѣнѣ, превышающей только въ $1\frac{1}{2}$ —2 раза текущую цѣну чугуна, у насъ цѣна желѣза, превышающая стоимость чугуна въ $2\frac{1}{2}$ —3 раза, считается еще неудовлетворительной».

Газета припоминаетъ, что уже былъ сдѣланъ опытъ вывоза за границу русскаго чугуна, который «превосходно конкуррировалъ на британскомъ желѣзномъ рынкѣ», и весьма сожалѣетъ, зачѣмъ мы прозѣвали моментъ сбыть избытокъ нашихъ металловъ въ Соединенные Штаты, гдѣ лѣтомъ 1902 года были очень высокія цѣны. Газета думаетъ, что и въ настоящую минуту, имѣя чугунъ въ Маріуполѣ по 43 коп. за пудъ, сбыть въ Америку возможенъ.

Констатированіе низкихъ цѣнъ металловъ въ Россіи полезно можетъ быть для опроверженія крупныхъ нелѣпостей, въ родѣ напечатанныхъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (А. Полѣновъ, «Финансовая политика и сельское хозяйство»), будто бы за желѣзо русскій народъ переплачиваетъ лишнихъ 100 мил. руб. въ годъ, когда и все-то производство желѣза едва ли превосходитъ 100 мил. руб.; полезно и для опроверженія напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» дикой передовой статьи, гдѣ сказано, что южные заводы живутъ исключительно казенными заказами, тогда какъ послѣдніе въ дѣйствительности составляютъ 20—25 мил. пуд. изъ 60 мил. пуд. всего производства желѣза и стали, но остальные выводы «Торго-

во-Промышленной Газеты» ни на чемъ, по моему, не основаны.

Торговать чугуномъ по 38 коп. за пудъ могутъ только заводы, которые находятся въ администраціи, долговъ не платятъ, работаютъ на счетъ казны и ихъ директорами сидятъ или чиновники или ихъ родственники; подобные заводы задуваютъ даже новыя доменные печи, когда заводы, работающіе за свой рискъ, ихъ выдуваютъ и распускаютъ рабочихъ и служащихъ.

Въ дѣйствительности цѣна чугуна быстро понизилась на Югѣ Россіи не отъ какихъ-то техническихъ и административныхъ улучшеній, а потому, что въ виду кризиса и уменьшенія потребности понизились значительно цѣны сырыхъ матеріаловъ, руды и кокса, и отчасти рабочихъ рукъ; погашеніе имущества заводы также производятъ теперь очень скупно. Во всякомъ случаѣ по 38 коп. чугунъ могутъ имѣть, а не продавать, безъ убытка, только горные заводы, стоящіе прямо на собственныхъ угольныхъ кояхъ: Юза, Русско-Бельгійскаго общества. Заводы, болѣе удаленные отъ кокса, и теперь дешевле 45 коп. чугуна имѣть не въ состояніи, даже измѣнивъ контракты на сырые матеріалы, а это измѣненіе, кстати замѣчу, тоже стоитъ денегъ, ибо даромъ никто отъ своихъ правъ не откажется. Заводамъ на берегу Азовскаго моря чугунъ обходится не дешевле 50 коп., продать избытокъ его въ Америку по 43 коп. можно только въ явный убытокъ.

Цѣною чугуна опредѣляется и цѣна желѣза и ли-

того металла. Несправедливо, что за границею сортовое желѣзо въ полтора или два раза превосходитъ текущую цѣнность чугуна, а у насъ не могутъ сдѣлать его дешевле, чѣмъ въ два съ половиною или три раза противъ цѣны чугуна. По цеховымъ расходамъ и наши заводы имѣютъ то же соотношеніе, но большая разница въ накладныхъ расходахъ. За границею заводы погасили свое имущество и имѣютъ дешевый кредитъ, а наши недавно устроены въ новой мѣстности на капиталы, доставленные на невыгодныхъ условіяхъ, и обременены крупными долгами, налогами и самыми придирчивыми требованіями фабричной инспекціи, куда попало не мало псевдорадѣтелей о меньшей братіи. Отъ заводовъ требуютъ постройки церквей, школъ, казармъ, о чемъ за границею не слыхали, да и у насъ закономъ не предусмотрено.

Не нужно думать однако, что и за границею въ горнозаводской промышленности такое ужъ благополучіе. Повсюду желѣзная промышленность страдаетъ отъ перепроизводства, да иначе и быть не можетъ, потому что періодъ постройки сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ уже законченъ и потребность въ металлахъ не увеличивается съ прежней быстротой, между тѣмъ современная металлургическая техника требуетъ для дешевизны производства все новыхъ сооружений гигантскихъ печей и машинъ, чѣмъ вызывается массовое производство; заводу выгоднѣе работать много, даже съ небольшимъ убыткомъ, чѣмъ сократить производство или остановить на время заводъ;

тогда накладные расходъ и проценты по долгамъ быстро съѣдятъ основной капиталъ предпріятія.

Что и за границею желѣзное производство не на розахъ—всѣмъ извѣстно. Въ Бельгіи горнозаводская промышленность давно задыхается и постепенно создаетъ филиальныя предпріятія въ разныхъ странахъ, въ томъ числѣ и у насъ въ Россіи; во Франціи желѣзная промышленность находится буквально въ томъ же положеніи, какъ и въ Россіи: она живетъ періодическими лихорадочными вспышками и связана главнымъ образомъ съ заказами желѣзныхъ дорогъ и казны, весьма неравномѣрными. Въ Англіи желѣзное дѣло, нѣкогда первенствовавшее на земномъ шарѣ, теперь далеко уступаетъ американскому и скорѣе сокращается. Въ техническомъ отношеніи оно очень отстало. Въ Германіи желѣзное дѣло держится исключительно весьма сложной системою синдикатовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки такая же система трестовъ. Любопытно, что въ той же статьѣ, гдѣ «Торгово-Промышленная Газета» заявляетъ, что американскій стальной трестъ, будучи стѣсненъ во внутреннемъ сбытѣ своихъ товаровъ, готовится къ сбыту своихъ избытковъ въ Европу, офиціальныи органъ рекомендуетъ намъ сбывать свои металлы въ Америку, гдѣ рынокъ переполненъ!

Опытъ вывоза русскаго металла, на который указываетъ «Газета», никоимъ образомъ рекомендованъ быть не можетъ, а тѣмъ болѣе служить примѣромъ. Лишенное всякихъ денежныхъ ресурсовъ Керченское

общество, не находя покупателей въ Россіи, вынуждено было продать въ Англіи едва ли не по 29 к. чугуна, который ему самому обошелся въ полтинникъ за пудъ. Еще бы тутъ не «превосходно конкурировать» въ цѣнѣ, когда отдаешь вещь за безцѣнокъ: даромъ ее взяли бы еще скорѣе.

Я полагаю, что намъ думать о вывозѣ металловъ рано,—это затруднительно пока даже для каменнаго угля. Надобно привести въ порядокъ свое собственное производство. Хотя «Торгово-Промышленная Газета» заявляетъ, что нѣкоторые заводы не уменьшаютъ своихъ дивидендовъ, но нужно бы поближе посмотреть, что это за заводы и за дивиденды. По моему, дивиденды даютъ очень немногіе единичные заводы, и тѣ ихъ уменьшили; Днѣпровскій заводъ, котораго прибылями кололи у насъ постоянно люди несвѣдущіе глаза другимъ заводамъ, первый затѣялъ, однако, синдикатъ южныхъ заводчиковъ и добился, хотя и не вполне, синдиката листового желѣза. За этимъ послѣдовали соглашенія по балочному и проволочному желѣзу. Вѣдь не изъ любви же къ своимъ конкурентамъ хлопоталъ онъ, а, очевидно, спасая свою шкуру. А сколько заводовъ не даютъ дивиденда или обанкротились и закрылись. Громадный Поротовскій заводъ Общества Крезо на Волгѣ такъ и остановленъ постройкой. Не даютъ дивидендовъ весьма хорошо устроенные заводы обществъ: Донецкаго, Брянскаго, Никополь-Маріупольскаго, Таганрогскаго, Макѣевскаго, Краматоровскаго и др.; закрылись или

попали въ администрацію заводы обществъ: Уралъ-Волжскаго (въ Царицынѣ), Провидансь (въ Мариуполѣ), Донецъ-Юрьевскаго, Керченскаго, Алмазнаго, Бѣлянскаго, Верхнеднѣпровскаго, Екатеринославскаго, Александровскаго (и Ладога), Беккера, Кулебакскій-Коломенскаго, затѣмъ разные заводы въ Западномъ краѣ, въ Царствѣ Польскомъ, въ Олонецкомъ краѣ, въ Средней Россіи, на Уралѣ и въ Сибири. Хотя кровельное желѣзо считается наиболѣе ходкимъ товаромъ и производство его пока было ограничено, но и его осталось на уральскихъ заводахъ непроданнымъ болѣе милліона пудовъ, и Нижегородская ярмарка въ 1902 году была для желѣза прямо убыточною не только для заводчиковъ, но и для торговцевъ—первыхъ и вторыхъ рукъ.

У насъ многіе чужь не расплакались, читая дещеши, какъ на харьковскомъ горнопромышленномъ съѣздѣ заводчики и земцы трогательно предлагали крестьянамъ желѣзо въ разсрочку. Заводы давали залежавшееся у нихъ желѣзо, земства гарантировали долгосрочные кредиты. Но какъ у тѣхъ и у другихъ денегъ не оказалось, а земство къ тому же не можетъ ручаться по векселямъ, то вышло, что вся благодѣтельная операція основывалась на сомнительномъ предположеніи, что Государственный банкъ станетъ ссужать изъ 4⁰/₀ подъ счета, подписанные земцами. Такъ какъ банкъ и первоклассные векселя иногда съ трудомъ учитываетъ изъ 6⁰/₀, то мало вѣрится, чтобы онъ раздавалъ деньги изъ 4⁰/₀, развѣ это будетъ ему

вмѣнено въ обязанность, какъ благотворительная мѣра, ради оказанія помощи сельскому населенію.

Но такъ какъ Государственный банкъ въ сущности та же казна, а казна живетъ преимущественно на счетъ сельскаго населенія, то и всякія его благотворенія, хотя бы и подъ платоническое ручательство земства, происходятъ на счетъ того же населенія. Результатъ тотъ же, но процедура подлиннѣе, и въ результатѣ вологодскій мужикъ заплатитъ, хотя и косвенно, за то, чтобы бессарабскій купилъ кровельное желѣзо на 5 коп. на пудъ дешевле или на болѣе длинный срокъ. Да и вопросъ еще, предохраняетъ ли кровельное желѣзо отъ пожаровъ и не есть ли оно въ деревнѣ ненужная роскошь?

При такихъ порядкахъ, когда неизвѣстно, сколько заводовъ выдержать борьбу и сколько ихъ еще закроется, гдѣ уже намъ мечтать о всемірной конкуренціи. Это дѣло будущаго. Что за граница и для насъ не закрыта, что можемъ и мы, какъ говорится, «съ суконнымъ рыломъ да въ Калашный рядъ», показываетъ примѣръ нефтяной промышленности. Вопреки розсказнямъ разныхъ шантажистовъ о нашей технической отсталости, мы въ добычѣ нефти обогнали уже Америку и вывозъ нашихъ нефтяныхъ продуктовъ все усиливается; онъ въ послѣднее время мало сдѣлалъ успѣховъ по сбыту на Востокъ, зато сбытъ въ Западную Европу, особенно въ Англію и Германію, постоянно увеличивается.

Будутъ благопріятныя конъюнктуры рынка, устроится

и вывозъ металловъ. Россія господствовала уже на металлическомъ рынкѣ Европы въ XVIII столѣтіи. Но нужны терпѣніе, побольше свободы для горной промышленности и поменьше административныхъ гнѣвъ въ канцеляріяхъ.

Какой же выводъ я дѣлаю изъ перепечатыванія всей этой длинной полемики (часть ея я счелъ еще лишнимъ вновь предавать тисненію)? А тотъ, что при нашихъ условіяхъ, если горнозаводскій кризисъ вновь повторится, то публицисты попрежнему будутъ повторять тѣ же глупости, а тѣ, до кого дѣло касается, менѣе всего будутъ слушать совѣты и указанія людей компетентныхъ и опытныхъ. «Исторія тому и учитъ, что она никого никогда не научаетъ». *C'est triste, mais, c'est ainsi...*

ВОСПОМИНАНІЯ О СУДѢ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Я всегда считалъ Коклена (младшаго) не только превосходнымъ актеромъ, но и очень умнымъ человекомъ (что, какъ извѣстно, не всегда совпадаетъ и одно изъ другого не вытекаетъ), а теперь еще болѣе въ этомъ убѣдился, прочтя въ «Figaro» статью его, подъ названіемъ «Jugé!» о «судѣ присяжныхъ». Подъ этою статьею я подписался бы обѣими руками.

Кокленъ по пятикратному личному опыту стоитъ за уничтоженіе суда присяжныхъ, хотя убѣжденъ, что во Франціи судъ этотъ уничтоженъ никогда не будетъ, такъ какъ пользуется популярностью въ обществѣ.

Каждый разъ, что онъ исполнялъ обязанности присяжнаго засѣдателя, Кокленъ сильно волновался и хотѣлъ судить серьезно, но убѣждался, что для того, чтобы судить правильно и съ толкомъ, надобно заниматься этимъ дѣломъ съ молодости, работать, какъ работаютъ тѣ, которые хотятъ быть докторами, генера-

лами, живописцами, писателями, булочниками, актерами. Быть судьейю это своего рода профессія.

«Пусть пригласятъ,— говоритъ Коклэнъ,— какихъ угодно талантливыхъ людей, имѣющихъ даже даръ передразниванія и подражанія, и скажутъ имъ: вотъ вамъ десятокъ ролей, играйте вмѣстѣ съ актерами на Théâtre Français, и вы увидите, каковъ получится результатъ. Я знаю, что въ Парижѣ актеровъ-любителей насчитываютъ сотнями, они всюду проникли и стараются занять мѣсто профессиональныхъ артистовъ, и никогда его не займутъ. Заболѣйте и начните лечиться у архитектора или попросите каменщика поставить вамъ клистиръ, и вы узнаете разницу».

«Какъ актеръ я еще могу играть роль присяжнаго,— говоритъ Коклэнъ.— Но это одна внѣшность, у меня нѣтъ судейской души, потому что я не юристъ. Чтобы судить, надо быть настоящимъ судьей, въ одеждѣ судьи ¹⁾), знающимъ до косточекъ всѣ законы и уголовное уложеніе. Необходимы судьи, преисполненные юридической наукой, а не продавцы пробокъ, часовщики, садовники, подрядчики или актеры. Судьи, если они порядочные и гуманные люди, оправдываютъ или обвиняютъ во всей полнотѣ или силѣ своей честности, понимая, почему они обвиняютъ или

¹⁾ Потому-то, вѣроятно, англичане, хотя народъ дѣловой и практичный и не любящій театральности, сохраняютъ для своихъ судей и адвокатовъ и парики и мантии. У насъ въ Россіи судебный персоналъ также имѣетъ форменную одежду, но, надо признаться, мало внушительную.

оправдываютъ согласно закону. Это ихъ ремесло; судья судить, какъ плотникъ строгаеть, романистъ сочиняеть, повивальная бабка принимаетъ. Каждому своя спеціальность»...

Отъ того, что присяжнымъ засѣдателямъ назначать вознагражденіе, о чемъ поднялъ теперь вопросъ во Франціи депутатъ Эмануэль Арень, они лучше судить не станутъ. Адвокатовъ, — говоритъ Коклэнъ, — я уважаю особенно внѣ суда. На судѣ они только надоѣдаютъ, и чѣмъ болѣе стараются загнипотизировать своимъ краснорѣчіемъ, тѣмъ менѣе производятъ впечатлѣнія.

Мнѣніе Коклэна сходно съ тѣмъ, что я изложилъ уже въ своей книгѣ «Современная Россія» (2-е изданіе 1891 г.), на основаніи чтенія и отчасти личнаго опыта.

Судъ присяжныхъ своего рода предразсудокъ. Естественно сложился онъ только у англичанъ или вообще у англо-саксонцевъ, съ молокомъ матери всосавшихъ уваженіе къ закону, самодѣятельности и самоуправленію. Народы эти ничего не ждутъ извнѣ, а особенно отъ чиновниковъ, и полагаются только на себя, на свои руки и на свои сужденія. Въ другихъ странахъ судъ присяжныхъ былъ чистѣйшимъ подражаніемъ. Имѣются однако весьма цивилизованныя страны, какъ Германія, Голландія, Скандинавскія государства, гдѣ прекрасно обходятся безъ суда присяжныхъ, и въ большинствѣ ихъ юстиція выше нашей.

О личномъ опытѣ я могу сообщить нѣсколько свѣдѣній, по примѣру Коклена. Я былъ одинъ разъ присяжнымъ засѣдателемъ и убѣдился, что это только комедія, поэтому, когда меня назначили во второй разъ, то я отказался подъ предлогомъ какихъ-то спѣшныхъ занятій въ одной изъ безчисленныхъ комиссій, гдѣ состоялъ членомъ. Судъ уважилъ мое ходатайство. Затѣмъ я занималъ съ 1883 года такія мѣста, которыя освобождаютъ отъ обязанности присяжнаго засѣдателя, и меня оставили въ покоѣ.

Признаюсь, что и я вступалъ въ составъ присяжныхъ съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ; мысль рѣшать участь людей безпокоила меня и отчасти поднимала мой духъ. Но очарованіе скоро прошло. Прежде всего является безпокойство и недовольство изъ-за нарушенія обычнаго хода занятій. Приходится являться рано, между тѣмъ судейскій персоналъ постоянно опаздываетъ, ѣсть приходится скверно въ ресторанѣ въ зданіи суда и, какъ кошмаръ, надъ вами носится угроза, что засѣданіе затянется и васъ запрутъ ночью въ комнату съ клопами спать въ сообществѣ съ людьми вамъ неизвѣстными и можетъ быть неопрятными. Еще скучнѣе то, что составы присяжныхъ засѣдателей то и дѣло мѣняются, мѣняются по каждому дѣлу, и приходится по цѣлымъ днямъ оставаться въ залѣ суда безъ дѣла, а если уйти, то рисковать опоздать къ слѣдующему дѣлу и быть оштрафованнымъ. Да и уйти нельзя, потому что зданіе суда находится въ Петербургѣ въ концѣ города.

Толстой въ «Воскресеніи» хорошо и вѣрно изобразилъ судъ присяжныхъ, рѣшеніе котораго, по его словамъ, взятымъ изъ Рабле, равняется игрѣ въ четъ и нечетъ. Еще злѣе описалъ присяжныхъ Диккенсъ въ «Пиквикскомъ клубѣ».

Я былъ присяжнымъ въ столицѣ, въ провинціи очевидно составъ ихъ слабѣе; не скажу однако, чтобы и въ Петербургѣ рѣшенія присяжныхъ не были совершенно случайны и необдуманны.

Когда я былъ присяжнымъ, наибольшее число засѣдателей были изъ чиновниковъ средней руки, безцвѣтныхъ и мало развитыхъ; былъ одинъ помѣщикъ, суровый, очень озлобленный, — старые помѣщики всѣ были, какъ извѣстно, послѣ 1861 г. народъ очень озлобленный; былъ одинъ крестьянинъ, старшина какой-то чухонской деревни, плохо понимавшій по-русски и вотировавшій обыкновенно съ большинствомъ. Старшиной избирался чаще всего какой-то чиновникъ изъ коннозаводства, кажется за высокій ростъ и стройность, такъ какъ пониманія дѣлъ и краснорѣчія онъ не обнаруживалъ.

Комическій элементъ представляли одинъ купецъ-лавочникъ и одинъ слабонервный и болѣзненный контрольный чиновникъ, добрый и слезливый.

Какое бы серьезное дѣло ни было разсматриваемо, купецъ находилъ, что судъ излишенъ. «Накласть бы ему, подлецу, въ шею, — говорилъ онъ, — вотъ тебѣ и судъ. А то иди присягай!» Только одинъ разъ онъ вдругъ разсвирѣпѣлъ; судилась какая-то несчастная

женщина за кражу двухъ юбокъ, конечно со взломомъ чердака. У насъ, какъ извѣстно, кассационный Сенатъ ко взлому приравнялъ открытіе помѣщенія, даже если ключъ къ нему оставался въ замкѣ. Почти всѣ присяжные находили, что баба довольно наказана предварительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Но купецъ вдругъ заартачился. «Да ихъ мало повѣсить, — кричалъ онъ. — Эти шлюхи совсѣмъ насъ обворовали!».

Едва мы могли его успокоить. Контрольный чиновникъ во всѣхъ дѣлахъ подавалъ голосъ за оправданіе.

— Нельзя же такъ дѣтски относиться къ дѣлу, — замѣтилъ я ему. — Если всѣхъ оправдывать, то тогда и судовъ не нужно. Конечно, каждое преступленіе объясняется или бѣдностью, или врожденными качествами, или дурнымъ примѣромъ, или воспитаніемъ, и вѣняемость его сомнительна. Наказаніе не исправляетъ преступника, какъ не исправитъ его и тюрьма. Это только дураки думаютъ, что можно исправлять преступниковъ, держа ихъ на горохѣ въ обществѣ злодѣевъ или въ одиночной камерѣ. Угроза наказанія имѣетъ только педагогическое значеніе: молодья поколѣнія воспитываются въ спасительномъ страхѣ наказанія, какъ лошади или собаки въ циркѣ отлично выучиваются танцовать и играть въ карты подъ угрозою кнута. Вотъ почему нелѣпа отмѣна тѣлесныхъ наказаній и особенно смертной казни.

— Да я вовсе не по теоріи, — говорилъ мнѣ бѣд-

ный контролеръ, — оправдываю всѣхъ. Я просто боюсь наказывать, я уже недѣлю не сплю, мнѣ все снятся и представляются подсудимые. Чѣмъ я виновать, что я неврастеникъ?

Составъ присяжныхъ еще нарочно ухудшается на судѣ. Пользуясь правомъ отвода, адвокаты, а иногда и прокуроры отводятъ всѣхъ, кто кажется имъ интеллигентнымъ, и оставляютъ въ списокѣ для тиража лицъ, по ихъ предположенію, ограниченныхъ, полагая, что на послѣднихъ лучше подѣйствуетъ судебное краснорѣчіе. Трудъ напрасный! Я убѣдился, что на присяжныхъ засѣдателей болѣе всего дѣйствуетъ чтеніе обвинительнаго акта. Извѣстно, какъ замѣтилъ еще Талейранъ, что первое впечатлѣніе всегда самое сильное. Разъ сложившееся о подсудимомъ мнѣніе съ трудомъ измѣняется допросомъ свидѣтелей, обыкновенно показывающихъ по робости, разсѣянности, а то и по тупоумію не то, что показывали ранѣе на предварительномъ слѣдствіи, и дальнѣйшими рѣчами сторонъ. Къ сожалѣнію, предварительныя слѣдствія у насъ ведутся и излагаются въ обвинительныхъ актахъ по большей части очень плохо.

На простыхъ людей дѣйствуетъ еще иногда ловко сказанное заключительное слово предсѣдательствующаго, особенно если послѣдній іезуитъ и подъ маскою безпристрастія клонить къ обвиненію. Прокурорская и особенно адвокатская болтовня наводятъ только скуку, никого не убѣждая, и «въ большомъ количествѣ вещь нестерпимая». Адвокатовъ любятъ слу-

шать дамы, особенно если брехунцы хороши собою, а не присяжные засѣдатели, торопящіеся главнымъ образомъ, какъ бы скорѣе кончилось дѣло, боясь ночью клоповника.

По большей части прокуроры и защитники по назначенію отъ суда едва знакомы съ дѣломъ и что-то мямлятъ, но Боже избави отъ адвоката, вздумавшаго исторгать за гонораръ слезы у присяжныхъ, — онъ навѣрное погубить своего кліента.

Говорить сжато, логически и убѣдительно у насъ мало кто умѣетъ, да и вездѣ такихъ мало. Я пытался прочесть въ печати рѣчи нашихъ знаменитыхъ судебныхъ ораторовъ; что-либо несноснѣе и выдумать трудно, хотя несомнѣнно между ними есть неглупые и ученые люди. Особенно скучны тѣ, которые свои защитительныя и обвинительныя рѣчи пишутъ, примѣняясь къ уголовнымъ романамъ Габоріо и сотрудниковъ «Petit Journal», размазывая самыя обыкновенныя вещи на десятки страницъ и запутывая положенія самыя ясныя. При Екатеринѣ II въ Эрмитажѣ въ наказаніе заставляли читать Третьяковскаго, теперь съ успѣхомъ можно бы замѣнить это наказаніе чтеніемъ нашихъ *causes celebres*.

Таковыхъ впрочемъ у насъ мало бываетъ, а если бываютъ, то это болѣе какія-то пассіональныя убійства влюбленныхъ писарей или растраты. Уголовныя сессіи переполнены самыми обыкновенными дѣлами о кражахъ со взломомъ или кражахъ рецидивистовъ. Нѣтъ, чтобы судить какихъ-либо заготовителей хлѣба

на казенный счет или строителей какихъ-либо рельсовых путей на отдаленныхъ окраинахъ. Теперь, съ измѣненіемъ подсудности, суду присяжныхъ оставлены дѣла еще менѣе интересныя.

Кромѣ адвокатовъ коварную роль по отношенію къ присяжнымъ играютъ судебныя пристава; они прислушиваются къ болтовнѣ засѣдателей о ходѣ преній въ комнатѣ присяжныхъ и затѣмъ, въ нарушение закона о тайнѣ совѣщанія присяжныхъ, сообщаютъ пріятелямъ адвокатамъ о томъ, кто изъ присяжныхъ относительно суровъ или имѣетъ болѣе вліянія на остальныхъ присяжныхъ. Таковыхъ, конечно, адвокаты спѣшатъ отводить; отводятъ они иногда и просто по личной просьбѣ присяжныхъ: человѣку хочется хорошо пообѣдать въ клубѣ или поѣхать къ своей кузинѣ Амаліи Карловнѣ, его и отводятъ.

Большое вліяніе на присяжныхъ имѣютъ соображенія о размѣрѣ наказанія. Такъ какъ наше прежнее уголовное уложеніе было очень строго невпопадъ, то присяжные засѣдатели прежде всего пытаются узнать, къ чему можетъ быть приговоренъ подсудимый. Иногда размѣръ наказанія до такой степени превосходитъ ожиданія, что на скамьѣ присяжныхъ раздаются оханія и аханія. Присяга, въ мое время постоянно повторявшаяся, а нынѣ производящаяся одинъ разъ, гуртомъ, въ началѣ засѣданія, значенія не имѣетъ. Я обратилъ какъ-то вниманіе предсѣдательствующаго, что одинъ свидѣтель, богатый купецъ, присягнувъ, что не состоитъ съ подсудимымъ ни въ родствѣ, ни въ свой-

ствѣ, сталъ сейчасъ же называть подсудимаго своимъ племянникомъ, но предсѣдатель замялъ мой нескромный вопросъ, очевидно считая присягу за формальность только.

Наиболѣе крупнымъ дѣломъ въ моей сессіи было дѣло о злостномъ банкротствѣ одного купца. Экспертиза члена коммерческаго суда была сдѣлана обстоятельно и виновность купца несомнѣнна. Но присяжные рѣшительно ничего не понимали. Не имѣя никакого понятія о бухгалтеріи, да еще о двойной итальянской, о разныхъ сальдо и ресконтро, они съ ужасомъ и недоувѣріемъ смотрѣли на кучу огромныхъ разнованныхъ книгъ. Дѣла о злостныхъ банкротствахъ оканчиваются обыкновенно оправданіемъ подсудимыхъ.

На этотъ разъ почему-то меня выбрали старшиною и я послѣ долгихъ споровъ и разъясненій убѣдилъ вынести обвинительный приговоръ, удивившій всѣхъ, и подсудимаго, и прокурора, и повлекшій къ ссылкѣ на житье въ Сибирь.

При этомъ произошелъ слѣдующій эпизодъ. Споря какъ-то съ упомянутымъ выше сердобольнымъ контрольнымъ чиновникомъ, который никогда не соглашался на обвиненіе, я замѣтилъ ему, что онъ невѣрно понимаетъ требованіе закона о желательности единогласнаго рѣшенія присяжныхъ.—Единогласіе, объяснялъ я, состоитъ въ томъ, что большинство убѣждаетъ меньшинство, а не меньшинство старается навязать свое мнѣніе большинству.

Когда купца признали виновнымъ, зашелъ вопросъ о снисхожденіи. Большинство видимо склонялось дать таковое, но я, поддержанный огорченнымъ помѣщикомъ, продолжалъ спорить и не отбиралъ голоса. Тогда мой контролеръ торжественно заявилъ: «Единогласіе состоитъ въ томъ, что большинство убѣждаетъ меньшинство, а не въ томъ, что одинъ человекъ хочетъ убѣдить всѣхъ!»

— Ты побѣдилъ, галилеянинъ! — сказалъ я смѣясь, подписалъ вопросный листъ и позвонилъ, чтобы пригласить судебного пристава.

Когда послѣ объявленія приговора председательствующій приказалъ подсудимаго немедленно взять подъ стражу, въ публикѣ раздались вопли, очевидно родныхъ и знакомыхъ.

Я еще не сошелъ со скамьи присяжныхъ, какъ ко мнѣ подлетѣла одна покойная теперь дама, жена нотариуса въ родной моей Одессѣ, со словами:

— Какъ же вы это такъ несправедливо рѣшили! Вѣдь я знаю дочь подсудимаго, она такая добрая; я все время дѣлала вамъ знаки, но вы вѣроятно не замѣтили.

— Да вы съ ума сошли, — сказалъ я. — Вы не знаете, что я стою за справедливость и могъ бы съ успѣхомъ замѣнить по этой части Соломона во всей его славѣ и Людовика IX подъ дубомъ.

Дѣйствительно я по характеру люблю справедливость, за что, когда былъ начальникомъ, меня не очень жаловали подчиненные. Справедливость лю-

бять люди только отвлеченно, какъ и равенство. Въ жизни, напротивъ, огромное большинство добивается несправедливости въ томъ смыслѣ, чтобы получить поболѣе въ свою пользу или же какія-либо преимущества передъ другими. Это простирается даже до ничтожныхъ мелочей. О женщинахъ и говорить нечего. «*La femme est la desolation du juste*», справедливо замѣтилъ Прудонъ. Да и общество перевернулось бы верхъ дномъ, если бы женщины свою любовь и привязанность «справедливо» распредѣлили по равной части между всѣми мужчинами.

*
* * *

Вышеозначенныя воспоминанія вызвали конечно, какъ всегда бываетъ съ моими статьями, полемику. Я отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ:

Прочель въ «Новостяхъ», что столичная печать съ рѣдкимъ единодушіемъ осудила мое «легкомысленное» мнѣніе о судѣ присяжныхъ.

Почему это не восхищаться судомъ присяжныхъ легкомысленно, а восхищаться глубокомысленно, іудофильская газета не объясняетъ, хотя, если разобратъ европейскую литературу уголовного права, найдется столько же противниковъ суда присяжныхъ, сколько и его защитниковъ. При томъ можно быть защитникомъ извѣстнаго вопроса въ принципѣ и не допускать его на практикѣ иначе, какъ съ ограниченіями. Свободная торговля, на примѣръ, установилась въ наукѣ

политической экономіи (буде есть такая наука), какъ догмать, между тѣмъ на практикѣ безусловную свободную торговлю не допускалъ даже Кюбденъ.

И въ Россіи такой спеціалистъ, какъ сенаторъ и профессоръ уголовного права г. Фойницкій, заявилъ, что «введеніе у насъ суда присяжныхъ тотчасъ послѣ отмѣны рабства было смѣлымъ, скажемъ болѣе, дерзкимъ шагомъ теоретическаго ума». Легкомысленно или велегкомысленно подобное заявленіе?

Не только среди ученыхъ криминалистовъ замѣчается разногласіе, но весьма образованныя государства, какъ Германія, Голландія, Швеція, Данія, не имѣютъ суда присяжныхъ, а не могутъ быть, кажется, причислены къ «легкомысленнымъ». Не имѣетъ его и наша Финляндія.

Во Франціи, заимствовавшей судъ присяжныхъ изъ Англіи, гдѣ присяжные функционировали съ XII столѣтія, съ 1792 года пятнадцать разъ мѣнялось уже законодательство объ этомъ судѣ. Это прекрасное подтвержденіе мысли Монтескье, что «законы настолько должны согласоваться съ потребностями народа, для котораго пишутся, что надобенъ необыкновенно рѣдкій случай, чтобы этой потребности могъ удовлетворить законъ, заимствованный у другой націи». Послѣдній французскій законъ о присяжныхъ былъ изданъ въ апрѣлѣ 1871 г. въ антидемократическомъ духѣ, затруднивъ способы попадать въ присяжные, но и съ такою поправкою едва ли судъ присяжныхъ во Франціи такъ хорошъ, по крайней мѣрѣ

недавно еще французскій первый министръ Комбъ заявилъ въ палатѣ, что не довѣряетъ ему!

Введеніе Національнымъ Собраніемъ суда присяжныхъ обусловливалось еще не столько теоретичностью всѣхъ законопроектовъ означеннаго законодательнаго учрежденія, сколько ненавистью, вызванною старинными судебными парламентами, въ легистахъ которыхъ французы видѣли сильнѣйшій оплотъ привилегированныхъ сословій. И до сихъ поръ магистратура во Франціи, причисляя къ ней всю массу покупныхъ должностей, составляетъ едва ли не самое консервативное установленіе. Національное Собрание заимствовало изъ Англіи присяжныхъ засѣдателей и и для гражданскаго судопроизводства. но уже Наполеонъ I отмѣнилъ это неудачное позаимствованіе и никому и въ голову не придетъ его возстановлять.

Судъ присяжныхъ былъ введенъ въ другихъ государствахъ вмѣстѣ съ заимствованіемъ французскаго кодекса и французскаго судопроизводства. И у насъ судъ присяжныхъ также былъ чистѣйшимъ позаимствованіемъ, такъ какъ извѣстно, что главный авторъ новой судебной процедуры, астрономъ Зарудный, выписалъ ея существенныя части изъ сардинскаго кодекса процедуры, который въ свою очередь былъ спискомъ съ французскаго. Это на канцелярскомъ языкѣ называется «копія съ копій».

Изъ мотивовъ государственной канцеляріи къ Судебнымъ Уставамъ Александра II видно, что однимъ изъ главнѣйшихъ пробужденій къ введенію присяж-

ныхъ было опасеніе, что коронные судьи могутъ ошибаться въ приговорахъ значительной важности, но хотя означенное соображеніе потеряло часть своей силы, ибо многія важныя дѣла изъяты съ тѣхъ поръ изъ компетенціи присяжныхъ, оно во всей своей первоначальной чистотѣ является только признаніемъ слабости власти, которая какъ бы желала свалить съ себя отвѣтственность за приговоры по важнымъ преступленіямъ.

Противъ меня за мою мимоходную замѣтку о присяжныхъ ополчились многіе, ополчился даже въ «Петербургской Газетѣ» г. Авсѣенко. Съ извѣстнымъ своимъ остроуміемъ этотъ романистъ, полагая вѣроятно, что для меня г. Кокленъ авторитетъ уголовного права, пишетъ: «Весьма возможно, что у артиста Варламова есть свое собственное мнѣніе... ну, хотя бы о мелкой земской единицѣ. Однако это мнѣніе было бы ни для кого не обязательно, несмотря на то, что г. Варламовъ прекрасный артистъ».

Тутъ логика равносильна остроумію. Земская единица вопросъ чисто спеціальный, русскій, о немъ и мнѣніе могутъ имѣть только люди, вращающіеся въ сферѣ земскихъ дѣлъ, тогда какъ судъ присяжныхъ является ежедневнымъ явленіемъ въ разныхъ государствахъ и свои впечатлѣнія объ этомъ судѣ можетъ имѣть каждый. Что г. Авсѣенко въ какомъ-то полицейскомъ листкѣ на французскомъ языкѣ старается вразумить парижскую публику въ прелестяхъ русскихъ порядковъ, это пожалуй забавно, но что г. Кок-

лэнъ сообщилъ для парижской публики свои наблюденія надъ присяжными, выходящими изъ этой же публики, вовсе не смѣшно, и мнѣніе Коклена могло быть спокойно цитировано мною, конечно не въ качествѣ непререкаемаго авторитета для криминалистовъ, а какъ матеріаль по интересному житейскому вопросу.

Изъ другихъ газетъ я видѣлъ еще отзывы «Новостей» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Для этихъ уважаемыхъ органовъ все, что печатается въ «Новомъ Времени», является какъ бы кускомъ красной матеріи для индюковъ. Они сейчасъ же распѣтушиваются и начинаютъ ругаться. Если бы авторы статей попробовали кончики тѣхъ перьевъ, которыми пишутся означенныя ругательства, то безъ сомнѣнія не умерли бы, ибо настоящаго яда тутъ нѣтъ, но почувствовали бы навѣрное легкую тошноту, какъ отъ чего-то очень сквернаго.

Наиболѣе непріятностей старался наговорить мнѣ г. Мечтатель, нѣкій ветхій публицистъ, которому съ его окаменѣвшими воззрѣніями казалось бы и мечтать не о чемъ. Онъ обидѣлся, точно былъ изобрѣтателемъ суда присяжныхъ въ XII вѣкѣ или ввелъ его въ Россіи въ сообществѣ съ упомянутымъ выше астрономомъ.

Между тѣмъ я вовсе не имѣлъ ни малѣйшей претензіи касаться такой святыни и подымать важный вопросъ о реформѣ нашего уголовнаго судопроизводства; моя статейка и помѣщена была въ качествѣ

воспоминаній, навѣянныхъ тѣмъ, что мои впечатлѣнія въ Петербургѣ случайно совпали съ впечатлѣніями Коклена въ Парижѣ.

Посреди клоунскихъ противъ меня выходокъ пріятно было встрѣтить нѣсколько спокойныхъ и интересныхъ строкъ г. Половцева въ «Новомъ Времени». Возраженіямъ противъ суда присяжныхъ онъ противопоставляетъ свой двадцатипятилѣтній личный опытъ въ качествѣ товарища предсѣдателя одного изъ провинціальныхъ окружныхъ судовъ. Г. Половцевъ утверждаетъ, что нѣтъ ничего справедливѣе суда присяжныхъ, особенно въ провинціи. За четверть вѣка онъ видѣлъ только два несправедливыхъ приговора, и оба раза въ нихъ былъ виноватъ онъ самъ, г. Половцевъ, въ качествѣ предсѣдательствовавшего на судѣ.

Такой оптимизомъ трогателенъ, но неубѣдителенъ, потому что во всѣхъ странахъ, гдѣ введенъ институтъ присяжныхъ, то и дѣло жалуются на поразительные промахи присяжныхъ, на то, что въ сужденіяхъ присяжныхъ нѣтъ никакого постоянства, никакого соотношенія между различными рѣшеніями, никакихъ опредѣленныхъ правилъ. То и дѣло происходятъ обвиненія и оправданія, которыхъ предвидѣть заранѣе было нельзя и еще труднѣе объяснить. Ежедневно подсудимые, находившіеся въ одинаковыхъ условіяхъ, приговариваются въ разныхъ судахъ къ совершенно различнымъ наказаніямъ и процессы обращаются въ лотереи. Недавно еще въ Парижѣ присяжные подвели подъ каторжныя работы одну даму,

виновную въ пустякахъ. Газеты замѣтили только, что счетъ глупостей (gaffes) присяжныхъ потерянъ.

Г. Половцевъ въ защиту суда присяжныхъ не приводитъ ни одного новаго аргумента, а повторяетъ тѣ же аргументы, которые постоянно приводятся его защитниками. Коронные-де судьи, работая съ молодю надъ обвинительными актами, пріучаются всѣхъ считать виновными; вращаясь постоянно среди преступниковъ, судьи не вѣрятъ болѣе въ невинность; судьи судятъ формально, тогда какъ присяжные отражаютъ начала справедливости, господствующей въ обществѣ и не отвѣчающей закону, основанному на прежнихъ устарѣлыхъ правовыхъ воззрѣніяхъ.

Но если судьи относятся будто бы болѣе формально, то зато они не только юридически гораздо болѣе образованы, но и нравственно стоятъ выше большинства присяжныхъ. Институтъ послѣднихъ вытекъ изъ принципа, что каждый долженъ быть судимъ равными себѣ, между тѣмъ худшій судъ это именно судъ равныхъ,—хуже его только судъ низшихъ. Юстиція только тогда представляетъ надлежащія гарантіи, когда производится лицами, стоящими по развитію выше подсудимаго. Поэтому-то присяжные лучше всего и судятъ мелкихъ воришекъ; дѣль же, съ которыми они въ жизни рѣдко соприкасаются, они часто вовсе не понимаютъ, а потому и судить ихъ справедливо не могутъ.

Доводъ, что присяжные засѣдатели судятъ болѣе сердцемъ, нежели разсудкомъ, есть не оправданіе, а

важнѣйшее обвиненіе суда присяжныхъ. Дѣло суда не дѣло чувства, а дѣло законности. Во Франціи въ Шато Тьери прославился теперь предсѣдатель суда Маньо, судящій на основаніи чувства. Первые дни его, благодаря ловкимъ газетнымъ рекламамъ, превозносили, теперь онъ сталъ посмѣшищемъ. Людей нужно судить не по ихъ намѣреніямъ, а по ихъ поступкамъ. Если же принять мнѣніе Маньо за основаніе для приговоровъ, то законъ Линча или нашъ крестьянскій самосудъ, постановляемый міромъ по единогласію, долженъ быть признанъ идеаломъ судебной процедуры.

Затѣмъ, точныя статистическія цифры доказываютъ, что и у насъ въ Россіи число оправдательныхъ приговоровъ со стороны присяжныхъ не отличается существенно отъ числа оправдательныхъ приговоровъ коронныхъ судей. Значитъ, гуманность и тѣхъ и другихъ одинакова; коронные судьи находятся не менѣе присяжныхъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія и его колебаній; крупный же процентъ оправданія зависитъ скорѣе отъ плохого устройства слѣдственной части. Да и изобиліе вообще оправданій было бы явленіемъ не радостнымъ, а крайне неутѣшительнымъ, показывая весьма дурное устройство всей судебной части. За что же держать тысячи людей подъ судомъ и стражей, если они не виновны?

«Юстиція,—по словамъ знаменитаго философа Дидро,—находится по срединѣ между снисходительностью и жестокостью», она не должна уклоняться

ни въ какую сторону, потому-то древніе Ѡемиду и изображали съ вѣсами въ равновѣсіи. Г. Половцевъ съ увѣренностью говоритъ, что встрѣтилъ только два дурныхъ приговора. Очевидно, что если бы судьи судили и безъ присяжныхъ, то рѣшили бы тѣ же дѣла одинаково, какъ рѣшили присяжные. Между тѣмъ судъ присяжныхъ не легкая повинность и своею сложною процедурою очень задерживаетъ и безъ того медленный ходъ правосудія, а быстрота послѣдняго одна изъ важнѣйшихъ потребностей населенія. Другая крупная потребность это — удешевленіе процедуры.

НА БЕРЕГАХЪ АТЛАНТИЧЕСКАГО ОКЕАНА.

I.

Біарриць—одно изъ излюбленныхъ русскими мѣстъ за границею. Послѣ Карлсбада и Монте-Карло оно можетъ идти по этой части третьимъ номеромъ. Одно время тамъ было столько русскихъ, что Біарриць прозвали «Гостинымъ дворомъ на берегахъ Атлантического океана». Отъ милыхъ соотечественницъ прохода не было и многіе нарочно избѣгали этого прелестнаго уголка. Я какъ-то жаловался одному петербуржцу, любителю Біаррица, что, идя завтракать, по Большой Морской, встрѣчаюсь постоянно съ одной дамой (нынѣ покойной), которая имѣла страсть звать всѣхъ и каждого къ себѣ на обѣдъ, невозможно скверный.

— Вамъ хорошо,—говорилъ онъ,—вы можете идти къ Кюба и по Малой Морской. А каково мнѣ въ Біарриць на пляжѣ. Съ одной стороны гора, а съ другой—океанъ, а впереди m-me X. Остается одно—броситься въ море...

Теперь Біарриць, особенно съ паденіемъ Остенде отъ закрытія тамъ рулетки, сдѣлался моднымъ мѣстомъ и для французовъ, и народа было въ этомъ (1903) году столько, что я пять дней ждалъ въ Парижѣ, пока очистилась комната въ Grand Hôtel, а изъ Hôtel du Casino — этого Магометоваго рая въ миниатюрѣ, телеграфировали, что всѣ комнаты заняты за мѣсяць впередъ.

Да и послѣ долгаго ожиданія мнѣ было не легче. Комнату я получилъ, но она оказалась на солнце, подъ нею была огромная прачечная, отапливавшаяся круглыя сутки, всю ночь ругались стоявшія подъ окномъ извозчики и гдѣ-то по-сосѣдству уже съ шести часовъ утра рубили котлеты, а въ прочемъ (какъ пишутъ въ синодскихъ резолюціяхъ), кромѣ цѣны, было также скверно: постельное бѣлье мѣняли разъ въ недѣлю, пробовали приписать къ счету всѣ дни переговоровъ о номерѣ и угрожали, хотя безуспѣшно, прибавить по 5 франковъ въ сутки, если не буду пользоваться столомъ въ гостиницѣ.

Такой произволъ зависитъ отъ того, что одна изъ лучшихъ гостиницъ въ Біаррицѣ du Palais сгорѣла этою зимою и не возобновляется вслѣдствіе спора, кому отдать страховую премію: обществу ли, собственнику гостиницы, или обществу, арендующему гостиницу для эксплуатаціи? Эта гостиница бывшій дворецъ Наполеона III и императрицы Евгеніи. Последняя и выдумала, собственно говоря, Біарриць въ 1854 году.

Во время Карлистской войны при королевѣ Изабеллѣ часть испанскихъ аристократовъ не имѣла возможности ѣздить лѣтомъ въ С.-Себастьянъ, гдѣ командовалъ Донъ-Карлосъ. Она избрала себѣ для купанья Біаррицъ, близъ испанской границы. Въ числѣ первыхъ здѣшнихъ посѣтителей была извѣстная авантюристка графиня Монтихо со своею дочерью Евгеніей. Ставъ французской императрицей, Евгенія не забыла о Біаррицѣ и эта деревушка, имѣвшая еще въ 1856 году немного болѣе двухъ тысячъ жителей, теперь представляетъ красивый городокъ съ 15,000 постоянныхъ жителей, причемъ новые дачи и дома, построенные изъ мѣстнаго красиваго сѣраго песчаника, возводятся постоянно. Пріѣзжаетъ сюда ежегодно около тридцати тысячъ купающихся изъ иностранцевъ, особенно испанцевъ, англичанъ и русскихъ, людей по большей части состоятельныхъ.

Я не знаю, кто изъ русскихъ пріѣхалъ сюда первымъ, но уже въ 1879 г. ихъ было столько, что возникла мысль построить здѣсь русскую церковь; въ 1887 г. началось постоянное православное богослуженіе, а въ 1892 г. была выстроена въ византійскомъ стилѣ церковь Покрова Пресвятыя Богородицы и при ней домъ для священника. Князь М. С. Волконскій былъ, кажется, душою этого дѣла. Кромѣ сооруженія храма высокопоставленные русскіе или, точнѣе, русскія оказали публикѣ въ Біаррицѣ и другую услугу: по ихъ ходатайству женщины были допущены въ игорные залы, что открыло дорогу представительни-

цамъ полусвѣта, ранѣе весьма избѣгавшимъ Біаррица. Это одинъ изъ результатовъ франко-русскаго союза, хотя быть можетъ и отрицательный, съ точки зрѣнія высшей морали.

Роль русскихъ однако скорѣе сокращается въ Біаррицѣ.

— Четырнадцать лѣтъ подъ-рядъ живу я въ Біаррицѣ и замѣчаю, что испанцы каждый годъ дѣлаются все богаче, а русскіе все бѣднѣе,—говорилъ мнѣ хозяинъ одной парикмахерской.

Въ той же парикмахерской одинъ изъ подмастерьевъ, оказалось, былъ въ такомъ мѣстѣ земного шара, гдѣ мало кто и бывалъ. Это во французской колоніи Сень-Пьеръ. Куаферъ казался веселымъ философомъ: «*La gaieté c'est le meilleur nourriture*»—сказалъ онъ мнѣ. Онъ и на закутанномъ въ полярные туманы островкѣ—этой французской Камчаткѣ—не скучалъ. Путь туда идетъ на пароходѣ чрезъ Нью-Йоркъ на Галифаксъ и Сидней, но онъ изъ экономіи ѣхалъ и туда и обратно на маленькомъ бретонскомъ рыболовномъ суднѣ въ надеждѣ получать по 200 франковъ въ мѣсяць.

Городъ Сень-Пьеръ, по его словамъ, хотя маленькій, но жители не скучаютъ, зимою главное развлечение коньки. За недостаткомъ общества даже мой куаферъ приглашался на балъ къ губернатору. Женщины-француженки изъ Канады красивы собою и усиленно ищутъ себѣ жениховъ. Рассказчикъ могъ бы составить себѣ партію, такъ какъ моряковъ, глав-

ный контингентъ молодежи, сень-пьерки избѣгаютъ по опасности ихъ ремесла и риску скоро остаться вдовою. Да и какъ не быть опасности, когда лучшей уловъ селетки происходитъ въ темныя ночи при 20 градусахъ мороза. Пріятная жизнь!

Русскіе бываютъ въ Біаррицѣ въ главный купальный сезонъ, съ 10-го августа по 15-е октября новаго стилия, особенно въ сентябрѣ—лучшемъ времени для купанья въ Біаррицѣ. Въ это же время пріѣзжаютъ французы и вообще всѣ тѣ, кто посѣщаетъ купанья съ цѣлью повеселиться. Испанцы, для которыхъ Біаррицѣ по климату кажется уже Сибирью, проводятъ здѣсь жаркое время года—съ іюля по октябрь, англичане—тѣ любятъ проводить здѣсь зиму и весну, тоже довольно теплыя и главное ровныя, отчего и смертность въ Біаррицѣ меньше, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ. Въ 1896 году она опустилась даже до невѣроятной цифры— $14\frac{1}{2}$ человекъ на тысячу.

Англичане имѣютъ свой клубъ и разныя спортивные общества. Они занимаются псовой охотою на лисицъ, прогулками на автомобиляхъ и любимую своею игрою golf. Зимой Біаррицѣ походитъ на Каннъ, то есть въ немъ для тѣхъ, о комъ римляне говорили: *omnes insulares malo*, царитъ скука. Американцы также любятъ являться весною, число ихъ растетъ. Какъ извѣстно, теперь янки и нѣмцы овладѣваютъ постепенно всѣми мѣстами развлеченій. Между американцами не мало, впрочемъ, потомковъ пропавшихъ и не пропавшихъ колѣнъ израильскихъ.

Испанцы живутъ въ Біаррицѣ болѣе по-семейному. У многихъ изъ нихъ имѣются роскошныя дачи, и такъ какъ испанскія семейства изобилуютъ черно-окими чернобровыми дѣвцами, нерѣдко красивыми, то и испанскіе молодые люди возвращаются болѣе въ семейномъ кругу. Имѣются даже нѣсколько записныхъ сердцеѣдовъ, которые, въ ожиданіи будущихъ наслѣдствъ, стараются пристроить свои громкіе титулы къ реальнымъ доходамъ отъ бильбаоскихъ рудниковъ и андалузскихъ или аррагонскихъ земель и стадъ.

Публика большого сезона живетъ, конечно, по гостиницамъ, слегка купается, играетъ въ баккара, а болѣе ничего не дѣлаетъ, или волочится за кокотками, которыя удостоиваютъ своимъ посѣщеніемъ Біаррицъ только въ концѣ августа и въ сентябрѣ, въ такъ называемый франко-русскій сезонъ. Въ другіе сезоны имъ поживы нѣтъ.

День въ Біаррицѣ, кромѣ для живущихъ особнякомъ на собственныхъ дачахъ, складывается довольно однообразно. До 11 часовъ мало кого видно, кромѣ тѣхъ, кто беретъ теплыя морскія ванны или ванны изъ густого соленого раствора въ великолѣпно устроенныхъ *Thermes Salins*, куда ропа проведена изъ источниковъ Бриску. Это царство ревматиковъ.

Послѣ 11 часовъ и почти до 1 часу публика толчется на такъ называемой *Grande Plage*, особенно подъ аркадами купальнаго заведенія, надъ которыми возвышается красивое зданіе Новаго муниципальнаго казино.

Здѣсь въ это время идетъ главное купанье въ океанѣ. Люди, любящіе плавать или ищущіе спокойной воды, купаются въ купальняхъ *Vieux Port*, на другомъ концѣ города. Для простонародья есть своя *Plage des Basques*. Женщины и мужчины купаются вездѣ вмѣстѣ, но раздѣваются, если не имѣютъ своихъ палатокъ, отдѣльно, въ разныхъ отдѣленіяхъ. Идти, впрочемъ, въ воду приходится подѣ выстрѣлами всей публики, что быть можетъ удобно для молодыхъ вдовъ, желающихъ щегольнуть своими формами, или для маменекъ, ищущихъ сбыта своимъ дочерямъ, но для стариковъ и некрасивыхъ женщинъ не представляетъ большого удовольствія.

Глазѣя на купающихся и слушая неаполитанскій оркестръ, публика нарочно разсаживается на деревянныхъ стульяхъ, разставленныхъ подѣ аркадами, и обмѣнивается новостями дня, въ Біаррицѣ довольно скудными. Въ это время купающіеся пользуются приливомъ: въ сопровожденіи дюжихъ купальщиковъ бѣгутъ они по отмели къ приливной волнѣ и скачутъ, подымаемые ею; болѣе нервныя субъекты поворачиваются къ волнѣ... спиною. Если вѣтеръ западный, то волны получаютъ приличные размѣры, почему на всякій случай и при всякой погодѣ передѣ купающимися стоитъ спасательная лодка, въ которой матросы болтаются по 12 часовъ въ сутки. Въ 5 часовъ купанье возобновляется и продолжается до заката солнца, но въ это время публика и глазѣющая, и купающаяся уже погрязнѣе. *Beau monde* въ разбродѣ.

Въ часъ дня всѣ завтракають. Большинство совершаетъ означенную операцію, а равно и обѣдаютъ въ своихъ гостиницахъ, ибо въ Біаррицѣ, вѣроятно подъ вліяніемъ близкаго сосѣдства испанской кухни, самой скверной въ Европѣ, кормятъ почти вездѣ очень плохо. Получше кормятъ въ городскомъ казино, гдѣ помѣщается ресторанъ Ритца и играютъ цыгане Больди, но зато цѣны тамъ очень дорогія и помѣщеніе мало удобное. Вино, несмотря на сосѣдство Бордо, тоже неважное въ гостиницахъ Біаррица; теперь впрочемъ всѣ пьютъ минеральныя воды и избѣгаютъ вина.

Желающіе видѣть за столомъ болѣе веселое общество завтракають и обѣдаютъ въ ресторанѣ отеля «Стараго Казино», на большой террасѣ, крытой стекломъ и похожей на дебаркадеръ желѣзной дороги. Изъ оконъ видъ на океанъ, заставляющій забывать о дурно приготовленныхъ блюдахъ.

Еще красивѣе видъ съ огромной террасы передъ самымъ казино, открытый къ морю. Это одна изъ лучшихъ террасъ въ мірѣ. Отсюда открывается видъ на Атлантическій океанъ, видны и маякъ, и Grande Plage, и Rocher de la Vierge, съ моста на которую унесло въ прошломъ году въ море трехъ актеровъ, вздумавшихъ погулять въ ожиданіи поѣзда, и Vieux port. Но какъ видъ ни красивъ, ему далеко до вида съ террасъ игорнаго дома или Riviera Palace въ Монте-Карло, ибо берегъ въ Біаррицѣ сравнительно невысокъ, не то что на Corniche.

Сидѣніе на террасѣ не можетъ однако наполнить

существованія, кромѣ развѣ для тѣхъ, кто ведетъ какую-либо амурную интрижку или любитъ на своихъ собственныхъ дѣтей, танцующихъ на дѣтскихъ балахъ, нерѣдко здѣсь устраиваемыхъ днемъ. Послѣ двухъ часовъ публика поэтому отправляется на скачки, бои быковъ, въ *tir à pigeons*, и въ разныя экскурсіи въ Кондо, Байонну, Сень-Жанъ де-Люсь или на испанскую границу, иногда въ Лурдь—объ этихъ поѣздкахъ я поговорю ниже,—а люди серьезные, «не теряя драгоценнаго времени», идутъ играть въ баккара въ казино, которыя гостепріимно открываютъ свои двери для игроковъ въ 2¹/₂ часа. Игра ведется и здѣсь якобы въ «клубахъ», но записка въ означенные псевдо-клубы чистѣйшая комедія; у дамъ такъ и именъ не спрашиваютъ, въ предположеніи вѣроятно, что шуллеровъ между ними не бываетъ.

Съ увеличеніемъ числа публики азартная игра очень увеличилась въ Біаррицѣ и продолжается до 4-хъ, а иногда и до 6-ти часовъ утра. Въ новомъ городскомъ казино игра, кромѣ дней, когда идутъ театральныя представленія въ очень красивомъ театральномъ залѣ, небольшая; публику здѣсь изображаютъ болѣе жены крупье, но въ Старомъ Казино, особенно по вечерамъ, идетъ очень оживленная игра. Женщинъ играющихъ болѣе, чѣмъ мужчинъ, но такъ какъ женщины не имѣютъ права ни брать банковъ, ни садиться къ столу, то роль ихъ болѣе страдательная; чуть въ банкъ денегъ поменьше — имъ и при выигрышѣ ничего не платятъ. Играютъ въ двухъ залахъ,

въ большомъ на трехъ столахъ, гдѣ ставки minimum отъ 5 до 20 франковъ, въ другомъ, поменьше, ставка не допускается менѣе 100 франковъ.

Этотъ залъ своего рода «святая святыхъ»: публика безъ шляпъ, благоговѣйная тишина, среди которой только и слышны: *carte! carte! neuf à la banque! la banque est aux enchères; vingt louis au billet* и т. д.; банкометъ—своего рода деспотъ: жарко ему, онъ отворяетъ настежь всѣ окна и простуживаетъ вспотѣвшую отъ волненія публику; кажется ему холодно, онъ моритъ публику въ духотѣ; никто пикнуть не смѣетъ, потому что при выигрышѣ онъ небрежно бросаетъ 400 или 500 франковъ въ пользу крупье и *chef de partie*. При такой щедрости игроковъ крупье, казалось бы, должны довольствоваться своимъ положеніемъ, но они подчасъ изыскиваютъ дополнительные доходы. Въ Эксѣ ле Бенѣ въ городскомъ казино нынче лѣтомъ поймали крупье, который устроилъ себѣ большой карманъ въ панталонахъ на брюхѣ и туда преспокойно сгребалъ часть жетоновъ, принадлежавшихъ банкомету. Въ карманѣ нашли жетоновъ на 2¹/₂ тысячи франковъ, и это за одинъ вечеръ!

Для метанія банка въ маломъ залѣ требуются, конечно, крупныя суммы. Тутъ болѣе фигурируютъ испанскіе гранды, англійскіе пивовары, а изъ русскихъ интендантскіе чиновники и сахарозаводчики. «Бѣдныя дѣвушки» по цѣлымъ часамъ сидятъ около этихъ кресловъ, умильно поглядывая на нихъ, или вѣрнѣе на ихъ деньги, и для увеличенія состраданія раз-

сказываютъ другъ другу: Вчера, ma chère, я потеряла пятьсотъ луи. — А я, ma chère, триста пятьдесятъ луи... и т. п.

Старое Казино или Casino de Biarritz, въ виду конкуренціи Муниципальнаго Казино, совершенно преобразовалось, отдѣлано заново, стѣны и потолки его расписаны *al fresco* извѣстнымъ спеціалистомъ по части голаго женскаго тѣла Лекеномъ. Среди этихъ соблазнительныхъ фигуръ гуляетъ весьма фешенебельная публика, нерѣдко балующаяся въ невинную, хотя весьма воровскую по отношенію къ играющимъ, игру въ *petits chevaux*, но главнымъ образомъ занимающаяся легкимъ флиртомъ и танцами.

Танцовать могутъ только дамы и дѣвицы, принадлежащія къ какому-нибудь семейству. Если бы, забывъ сіе постановленіе, артистка или кокотка пустилась бы въ плясъ, то распорядитель безъ церемоніи останавливаетъ музыку. Вообще при своей многочисленности общество въ Біаррицѣ не смѣшивается, каждая національность, каждое сословіе держится отдѣльно и какъ бы слоями. Кромѣ танцевъ на террасѣ предлагается публикѣ ежедневно концертъ, иногда фейерверкъ, а скромный буфетъ позволяетъ тѣмъ, кто плохо обѣдалъ или чувствуетъ жажду, пополнять бреши въ желудкѣ. Въ Муниципальномъ Казино, какъ я сказалъ, главное развлеченіе для серьезной публики — театры оперный и драматическій. Публика и въ самомъ дѣлѣ серьезная. Когда извѣстная Петербургу г-жа Валентина Пти протанцовала

«avec son nègre» кекъ-уокъ, то получила отъ поклонниковъ десять огромныхъ корзинокъ цвѣтовъ, а отъ публики ни одного хлопка.

Погода нынче была въ Біаррицѣ въ сентябрѣ теплая, хотя дожди перепадали. Вообще же во Франціи лѣто было чрезвычайно дождливое и одно время сильно опасались за урожай. Фрукты и виноградъ вышли плохіе, но на хлѣба и травы урожай необыкновенный. Это приписываютъ тщательной обработкѣ земли и быстротѣ уборки—двумъ вещамъ, которыхъ именно и недостаетъ русскому земледѣлю.

II.

Одинъ американскій ученый, интервьюированный недавно сотрудникомъ «New-York Herald», заявилъ съ горечью: «Мы имѣемъ министерство земледѣлія и институты, гдѣ учатъ, какъ ухаживать за деревьями и растеніями, но правительство нисколько не заботится, правильно ли заключаются браки. Между тѣмъ люди должны бы знать, что любовь такая же болѣзнь, какъ скарлатина или гриппъ, только она бросается на мозгъ. Развѣ не бациллы причиною того, что вдругъ, ни съ того ни съ сего, восьмидесятилѣтняя образцовая мать семейства увозитъ юношу, или что почтенный отецъ семейства, опытный и серьезный коммерсантъ, начнетъ тратиться на туалеты своей переписчицы?»...

Въ Біаррицѣ бациллы любви такъ и летаютъ въ воздухѣ, но расходы на какую-нибудь переписчицу на копировальномъ станкѣ показались бы здѣсь мизерными, дѣтской игрушкой. Тутъ надобно *casquer plus ferme*, какъ выражаются французы.

«Figaro» въ прошломъ году опредѣлилъ примѣрно, сколько съ собою должна взять багажа парижанка, желающая быть элегантною на морскомъ купаніи или на минеральныхъ водахъ. Требуется всего только двадцать платьевъ для прогулокъ, завтраковъ, обѣдовъ и баловъ; для экскурсій по горамъ и для игры въ tennis полагаются особые туалеты; затѣмъ идетъ не менѣе четырехъ манто; особые сундуки необходимы для перевозки юбокъ и бѣлья, для ботинокъ всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ и соотвѣтственной окраски чулковъ, для вѣеровъ, зонтиковъ, искусственныхъ цвѣтовъ, перчатокъ, вуалетокъ, для парфюмеріи, макильяжа и лекарствъ; нѣсколько огромныхъ ящиковъ для десятка или двухъ шляпокъ. Полезно также не забыть и нѣсколько подушекъ, покрышекъ для кресель, альбомовъ, матерій для обворачиванія горшковъ съ цвѣтами и.т. д. Драгоценности укладываются въ особую сумку, а еще чаще въ желѣзный ящикъ. Въ особую корзину кладутъ собачку.

Какъ это все помѣщается потомъ въ маленькихъ комнатахъ гостиницы, понять невозможно, но несомнѣнно, что укладывается, и такъ какъ чулки рвутся, платья мнутся, шляпки пачкаются, то требуются соединенныя усилія многихъ кармановъ, чтобы поддер-

живать означенный скарбъ въ надлежащемъ видѣ и пополнять его въ теченіе сезона. Конечно, судьба ба-луется парижанокъ. Каждый годъ гдѣ-нибудь открывається «рогъ изобилія» и высыпанныя оттуда богатства везутся въ Парижъ *roug faire la pose*. Въ этомъ году на примѣръ въ Египтѣ на хлопкѣ наживались безумныя деньги и Парижъ наполненъ черномазыми греками, сирійцами и арабами, увивающимися около красивыхъ женщинъ и тратящими плоды трудовъ скромныхъ феллаховъ.

Но роговъ ли изобилія стало вообще меньше или число шикарныхъ парижанокъ увеличилось, или вкусы измѣнились, только и въ области полусвѣта, по отзыву специалистовъ, замѣчается въ послѣднее время переворотъ. И здѣсь идетъ своего рода демократизація и явилось декадентство. Порода *grandes demi-mondaines*, славившаяся при Второй имперіи, почти повывелась. Число женщинъ, тратившихъ сотни тысячъ, но и державшихъ себя величественно, какъ нѣкія Аспазіи, Партенисы и Фрины, поуменьшилось въ Парижѣ. Остающіяся — по большей части старухи. Въ вѣкъ электричества и телефона явилась новая скороспѣлая порода, которую хроникеры называютъ *les maximilliennes*, по мѣсту, гдѣ она имѣла одно время главный пріютъ. Съ прогрессомъ теперь и ресторанный *Maxims*'а повидимому уже устарѣлъ и не въ модѣ; его замѣнили многочисленные бары, открываемые въ разныхъ мѣстахъ Парижа отставными актрисами и кокотками, а то и претендентами на балканскіе пре-

столы. Бары весьма удобны для иностранцевъ, прїѣзжающихъ на короткое время. Выпилъ рюмку шерри-коблера или vin Mariani и уже побѣдилъ сердце какой-либо новой Цирцеи. Просто, а главное скоро, хотя и не дешево и не безопасно.

Обѣ школы полусвѣта представлены, безъ сомнѣнія, въ Біаррицѣ. Онѣ, а равно весь тамошній женскій мірокъ, были взволнованы чрезвычайно извѣстіемъ о звѣрскомъ убійствѣ въ Эксъ-ле-Бенѣ бѣдной Эжени Фужеръ, одной изъ представительницъ «старой школы», строго сохранявшей традиціи прежняго времени и скептически относившейся къ «новому направленію».

Конечно, сейчасъ же нашлись охотники выступить на защиту такъ называемаго bataillon de Cythère. По совѣту одного бойкаго репортера, семь или восемь молодыхъ людей изъявили готовность поступить въ добровольцы, чтобы стеречь поочереды ночью этихъ дамъ въ ихъ виллахъ. Но проектъ новой національной гвардіи успѣха, говорятъ, не имѣлъ. А l'oeil парижанки не согласны быть даже спасаемы отъ убійцъ. Ну, а у молодежи насчетъ galette по большей части плохо.

Женщинъ убиваютъ во Франціи, а особенно въ Парижѣ, нерѣдко, но давно убійство не вызывало такого шума, какъ убійство Фужеръ. О немъ говорили и спорили двѣ недѣли и будутъ говорить и писать до окончанія судебного процесса; ничего подобнаго не было со времени Прандзини.

По первоначальнымъ свѣдѣніямъ объ убійствѣ, въ половинѣ второго часа ночи Фужеръ со своей ком-

паньонкою Жириа вернулась домой изъ городского казино на свою дачу Chalet Solms, построенную известною графинею Ратацци для своего сына и гдѣ было столько дано веселыхъ пировъ во времена Второй имперіи. Ихъ проводилъ до воротъ сада одинъ знакомый. Не тревожа горничную, онѣ отворили своимъ ключомъ двери и улеглись спать. Около трехъ часовъ ночи компаньонка услышала шумъ и зажгла свѣчу; въ это время въ комнату ея вошли двое грабителей, затушили свѣчу и при словахъ «vite, vite!» связали крѣпко руки и заткнули глотку полотенцемъ. Жириа впала въ безпамятство, отъ котораго очнулась утромъ и, стоя у окна, умоляла, протягивая руки, о помощи. Проходившій въ 8 часовъ утра рабочій замѣтилъ это, далъ знать полиціи, и такъ какъ двери дачи были заперты и на звонокъ никто не отзывался, то, приставивъ лѣстницу, влѣзли черезъ балконъ.

Оказалось что горничная, спавшая въ нижнемъ этажѣ, судя по вскрытію тѣла, удушена была еще около 11 часовъ, т.-е. до возвращенія Фужеръ, а самое Фужеръ нашли въ ея спальнѣ, въ верхнемъ этажѣ дачи, въ пеньюарѣ, лежащею на кровати; руки ея и ноги были скручены веревками, горло затянуто бечевкою, завязанною узломъ на затылкѣ, ротъ былъ заткнутъ мокрымъ полотенцемъ и на головѣ лежала подушка. Фужеръ уже похолодѣла, но имѣла видъ какъ бы спящей. Когда бечевку разрѣзали, убитая сразу почернѣла. Вся комната была покрыта разбросаннымъ бѣльемъ и платьями. Грабители искали де-

негъ и драгоценностей и перерыли шкапы до послѣдняго носового платка. Ничего другого, вѣроятно изъ опасенія быть замѣченными, они не унесли.

Убивъ горничную, грабители, повидимому, сидѣли и дожидались спокойно возвращенія Фужеръ домой. Замѣчательно, что собака ея не лаяла. Отъ скуки грабители курили и что-то пили, судя по оставленной папиросной бумагѣ и пустой бутылкѣ.

Бѣдную Фужеръ похоронилъ на свой счетъ ея парикмахеръ, но огромная толпа сопровождала ея тѣло изъ госпиталя въ церковь и въ кортежѣ шель мэръ города Эксъ-ле-Бенъ и его товарищъ. Какъ бы предчувствуя свою раннюю кончину, покойная уговорила одного изъ своихъ поклонниковъ, богатаго аргентинца, построить ей на родинѣ въ Шамбонѣ прекрасный мавзолей.

Убийство подало поводъ къ самымъ разнообразнымъ догадкамъ. Желали непременно дать ему болѣе романтическую окраску или во всякомъ случаѣ отыскать виновныхъ въ пестрой публикѣ, толкущейся въ игорныхъ казино. Знающіе Эксъ-ле-Бенъ объясняли все гораздо проще и прозаичнѣе. При огромномъ стеченіи публики въ Эксѣ вовсе нѣтъ полиціи, всего четыре городскихъ; когда пріѣзжаетъ король греческій—прибавляется пятый. Поэтому когда вечера становятся темными, т.-е. съ половины августа, начинаются грабежи и обкрадываніе дачъ, благо швейцарская и итальянская граница въ двухъ шагахъ и поѣзда отходятъ со станціи, лежащей въ самомъ центрѣ города, безпрестанно.

Люди опытные, не имѣющіе большихъ дачъ, гдѣ много всякой прислуги, и не остаются въ Эксѣ долѣе, какъ до конца августа. Грабители были очевидно профессионалы, ибо какіе свѣтскіе люди, хотя бы и растакуеры, явились бы съ веревками и съ бутылкою для грабежа.

Я думалъ сначала, что убійцъ, если только ихъ серьезно искали, никогда не найдутъ, развѣ случайно по доносу одного изъ сотоварищей. Французская полиція имѣетъ даже для этого свой truc; она преувеличиваетъ всегда цѣнность украденныхъ вещей, чтобы кто либо изъ грабителей, считая себя обиженнымъ при раздѣлѣ добычи, выдалъ изъ мести остальныхъ участниковъ. Раздуваніе уголовныхъ дѣлъ имѣетъ также другую цѣль; оно отводитъ вниманіе французской публики отъ политики и поддерживаеетъ существованіе министерствъ, дѣятельностью которыхъ въ это время менѣе занимаются. Дѣло Эмберъ навѣрное продолжило на лишнихъ полгода прозябаніе курьезнаго министерства Комба.

Преступленіе однако скоро раскрылось. Молодой слѣдователь въ Шамбери почти не допрашивалъ компаньонку Фужеръ, бывшую кокотку Жиріа, а дуракъ докторъ нашелъ послѣднюю «полумертвою». Но опытному начальнику парижской сыскной полиціи Гамару показалось страннымъ, что Жиріа имѣла силу со связанными руками отворить жалузи у окна, но не вынула себѣ изо рта душившее ее полотенце. За Жиріа былъ установленъ тайный надзоръ и послѣ нѣ-

Люди опытные, не имѣющіе большихъ дачъ, гдѣ много всякой прислуги, и не остаются въ Эксѣ долѣе, какъ до конца августа. Грабители были очевидно профессионалы, ибо какіе свѣтскіе люди, хотя бы и растакуеры, явились бы съ веревками и съ бутылкою для грабежа.

Я думалъ сначала, что убійцъ, если только ихъ серьезно искали, никогда не найдутъ, развѣ случайно по доносу одного изъ сотоварищей. Французская полиція имѣетъ даже для этого свой truc; она преувеличиваетъ всегда цѣнность украденныхъ вещей, чтобы кто либо изъ грабителей, считая себя обиженнымъ при раздѣлѣ добычи, выдалъ изъ мести остальныхъ участниковъ. Раздуваніе уголовныхъ дѣлъ имѣетъ также другую цѣль; оно отводитъ вниманіе французской публики отъ политики и поддерживаеъ существованіе министерствъ, дѣятельностью которыхъ въ это время менѣе занимаются. Дѣло Эмберъ навѣрное продолжило на лишнихъ полгода прозябаніе курьезнаго министерства Комба.

Преступленіе однако скоро раскрылось. Молодой слѣдователь въ Шамбери почти не допрашивалъ компаньонку Фужеръ, бывшую кокотку Жиріа, а дуракъ докторъ нашелъ послѣднюю «полумертвою». Но опытному начальнику парижской сыскной полиціи Гамару показалось страннымъ, что Жиріа имѣла силу со связанными руками отворить жалюзи у окна, но не вынула себѣ изо рта душившее ее полотенце. За Жиріа былъ установленъ тайный надзоръ и послѣ нѣ-

сколькихъ подслушанныхъ въ ресторанахъ разговоровъ, гдѣ подгулявшая Жиріа жаловалась, что ей пришлось убѣдиться, что мужчины трусы, и послѣ перехватки нѣкоторыхъ писемъ, Гамарь пригласилъ Жиріа къ себѣ. Онъ заставилъ ее два раза описать покушеніе и, ловко уличивъ ее въ противорѣчіи въ двухъ разказахъ, заставилъ сознаться въ преступленіи.

По словамъ Жиріа, она участвовала въ ограбленіи по настоянію своего любовника Бассо, красиваго сутенера, уже сидѣвшаго пять лѣтъ въ тюрьмѣ; но убійство совершило третье лицо, ей будто бы знакомое только по наружности. Бассо схватили, онъ запирается и доказалъ свое alibi: въ ночь убійства онъ пріѣхалъ изъ Виши въ Парижъ. По разнымъ признакамъ «третье лицо» отыскалось. Это былъ портной Ладерманъ. При арестѣ Ладерманъ застрѣлился, но оставилъ письмо съ описаніемъ убійства. О послѣднемъ онъ рассказывалъ подробно и своему брату.

Ограбленіе задумалъ дѣйствительно Бассо, Ладерманъ будто бы только долженъ былъ передать ему украденные брилліанты, которые долго не могли отыскать. Горничную задушила Жиріа, возвратясь нарочно домой изъ театра въ антрактѣ, а затѣмъ она же задушила Фужеръ, Ладерманъ же сидѣлъ въ это время въ саду. Понятно, вѣрить этому разказу трудно, хотя Жиріа и рассказывала до своего арестованія одной пріятельницѣ, что придушила Фужеръ, которая удавленная хрипѣла пятнадцать минутъ; убійца же

боялась къ ней подойти. Je le croyais plus costaud (молодцомъ), говорила она.

Эту ужасную фурию я видѣлъ нынче въ іюлѣ (1903 г.) въ Эксъ-ле-Бенѣ въ Villa des fleurs. Всѣхъ поражало, какъ такая толсторожая курносая фигура могла въ богатомъ Ліонѣ имѣть большіе успѣхи. Ее впрочемъ и тамъ за уродливость прозвали la Nou-biègne. Она имѣетъ огрсмныя руки съ длинными большими пальцами—признакъ, по мнѣнію фізіогномистовъ, убійцы. Фужеръ познакомилась съ нею только передъ отъѣздомъ въ Эксъ и, найдя ее совершенно безъ средствъ, взяла вмѣсто компаньонки, какъ женщину, знавшую кокотскій обрядъ и могущую при случаѣ замѣнить горничную.

Смерть Ладермана помѣшаетъ, конечно, полному разъясненію дѣла, тѣмъ болѣе что въ слѣдствіе вмѣшались, согласно новому французскому закону, дозволяющему имѣть защитника при самомъ производствѣ слѣдствія, извѣстные адвокаты, а главный виновникъ преступленія Бассо—продувная бестія.

Многіе русскіе знали Фужеръ, оригинальную и симпатичную женщину, которая, не отличаясь большой красотой, сумѣла, благодаря своему уму и веселому характеру, быстро выдвинуться впередъ въ парижскомъ полусвѣтѣ и долго занимать мѣсто наряду съ его главными знаменитостями ¹⁾. Она была и въ Пе-

¹⁾ Фужеръ послужила мнѣ, между прочимъ, какъ типъ для описанія парижскаго полусвѣта въ книгѣ «Въ Парижѣ» (изд. 4-е 1902 г.).

тербургѣ въ 1896 г., чтобы играть вмѣстѣ съ Ліаной де-Пужи и Небіей въ «Аркадіи», но банкротство антрепренера не дозволило ей у насъ дебютировать. Ранѣе уже, если вѣрить газетамъ, Фужеръ выступала на театральныхъ подмосткахъ въ Монлюсонѣ, главномъ городѣ ея родного живописнаго департамента Крезы.

Фужеръ, или, какъ чаще называли ее, Foufou, была рѣдкимъ исключеніемъ въ своемъ кругу, гдѣ большинство отличается только извѣстной *roublardise*, т. е. дѣловой сметкой. Дочь ткача, начавъ свою карьеру кружевницей въ Виши и не получивъ никакого образованія, она вслѣдствіе природныхъ способностей, необыкновенной памяти и наблюдательности, вращаясь постоянно среди образованныхъ людей и много путешествуя, настолько образовала себя, что могла съ тактомъ вести разговоръ съ кѣмъ угодно, до королей включительно, и вообще держала себя отлично. Всѣ ее въ Парижѣ знали въ томъ мірѣ, что называется *tout Paris*, а своего департамента она считалась украшеніемъ и депутаты Крезы, пріѣзжая въ Парижъ или на воды, считали долгомъ дѣлать ей визиты. Это рисуетъ современные французскіе нравы...

За бойкій языкъ и остроумныя *reparties* она имѣла репутацію скорѣе злой женщины и ея боялись; въ дѣйствительности, по общимъ отзывамъ, это было необыкновенно доброе сердце. Одна газета замѣтила, что «она можетъ быть не оказала бы маленькой услуги, но навѣрное не отказала бы въ большой».

Доброта и погубила ее, заставивъ пріютить у себя изъ состраданія свою убійцу.

Пакенъ, царь моды или модистокъ, выдалъ ей лестный атестатъ, какъ женщинѣ съ большимъ и тонкимъ вкусомъ. Ея туалеты (особенно она любила, по его словамъ, красный цвѣтъ) сейчасъ же копировались другими женщинами въ Парижѣ. Въ послѣднее время она постарѣла и подурнѣла, но все-таки гдѣ бы она ни появлялась, въ Біаррицѣ, Монте-Карло, Эксъ-ле-Бенѣ, она становилась средоточіемъ веселаго общества и около нея всегда вращался цѣлый кружокъ людей, любившихъ ея острый умъ. Многія мѣткія фразы ея повторялись, какъ афоризмы.

При такой популярности неудивительно, что по смерти она имѣла *une très belle presse*. Объ убійствѣ Фужеръ было писано кажется больше, чѣмъ о смерти Гамбетты или Виктора Гюго. Одинъ Рошфоръ, говорившій съ покойницей за нѣсколько часовъ до убійства, написалъ пять передовыхъ статей! Писали о ней такіе серьезные и высоконравственные органы, какъ «*Journal des Débats*» или «*Temps*». О репортерахъ и говорить нечего,—тѣ наполняли цѣлыя полосы своимъ враньемъ, причемъ интервьюировали бывшихъ кухарокъ, консьержей, напечатали какъ документы письма сестры Фужеръ къ ея куафѣру, сообщили, что акушерка, снявшая бывший отель Фужеръ, нашла въ немъ чернильное пятно на коврѣ и уголь одного камня, слегка отбитый! Пустое любопытство поддержала и парижская полиція, которая перечитала

всю любовную переписку, тщательно сохранявшуюся покойной вмѣстѣ со счетами и квитанціями за 15 лѣтъ, и сообщила кое-какіе пикантные отрывки для печати, хотя это едва ли могло содѣйствовать въ чемъ-либо открытію убійцъ.

Такое обиліе репортажа вызвало наконецъ реакцію. Э. Лепелетье въ особой статьѣ въ «Journal» обратилъ вниманіе, что одновременно въ Эбердинѣ умеръ одинъ изъ величайшихъ современныхъ философовъ-психологовъ Бэнъ и никто о немъ не обмолвился ни словомъ, тогда какъ смерть кокотки вызвала цѣлую литературу. «C'est la honte de la société,—воскликнулъ онъ съ паѳосомъ,—такая разница во вниманіи!» На что впрочемъ легко отвѣтить, что философію понимать могутъ очень немногіе, тогда какъ задавленнымъ ворами можетъ быть каждый, откуда и разница въ интересѣ.

Анри Рошфоръ трактовалъ вопросъ съ политической точки зрѣнія; убійцъ, увѣрялъ онъ, не найдутъ да и не ищутъ. «Что такое была бѣдная Эжени Фужеръ?—писалъ онъ,—почти ничего, ибо не имѣла права вотировать, тогда какъ ея убійцы навѣрно вліятельные избиратели, способные своими голосами дать большинство официальному кандидату. Если бы убійцъ и нашли, продолжаетъ онъ, то ихъ помилуютъ, ибо они или выдадутъ себя за анархистовъ, претендующихъ на revendications sociales, или за нихъ заступится пресловутая дрейфусарская лига «des Droits de l'Homme».

Какъ всегда, вопросъ третировался съ двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія. Одни прилагали мораль широкую, широчайшую, другіе—узкую, строго буржуазную.

Извѣстный романистъ и директоръ «Comédie Française» Кларти проводилъ идею, которую Жанъ Вальжанъ объяснялъ уже въ «Misérables» Виктора Гюго, а именно, что гораздо легче быть добродѣтельнымъ. «Не проще ли,—говоритъ Кларти,—было оставаться Фужеръ честною женщиною, ея имя не было бы въ газетахъ, у нея не было бы жемчужныхъ ожерелій, но зато она не знала бы тревожныхъ ночей и ужасныхъ встрѣчъ. Да и кто знаетъ, что за каторга и невольничество такъ называемая «развеселая жизнь»? Кларти вспоминаетъ, что, когда онъ говорилъ съ одною кокеткою, нынѣ старухой, о рискѣ ея существованія, она отвѣтила:

— Если любовникъ меня броситъ, я вспомню, что была швеей и снова начну работать. Я не вижу въ этомъ «позора».

— О, нѣтъ,—воскликаетъ иронически Кларти,—наоборотъ, навѣрно будетъ болѣе спокойствія и менѣе опасностей.

Возражая какъ бы Кларти и одной газетѣ, писавшей, что возмущаться особенно нечего, ибо тутъ дѣло шло о «профессіональномъ рискѣ», другая парижская газета писала: «Всѣ человѣческія существованія одинаково священны и нѣтъ причины не пожалѣть отъ души женщину, задушенную разбойниками, потому

только, что она посвятила жизнь для удовольствія другихъ и отчасти для своего собственнаго. Прежде строили храмы въ честь куртизанокъ. Это очевидно было преувеличеніемъ. Но нельзя впадать въ противоположную крайность и тѣхъ, кто исчезаетъ такъ трагически, удостоивать только равнодушной улыбкой»...

«Я убѣжденъ, писалъ извѣстный романистъ Жанъ Лоренъ, что родители изъ любопытства познакомили уже съ этой интересной драмой и дѣтей въ пеленкахъ... Если зарѣжутъ какую-нибудь почтенную женщину, проводившую время въ госпиталяхъ и въ помощи бѣднымъ и которая имѣла болѣе добродѣтелей, чѣмъ Фужеръ келье, то это навѣрное никого не заинтересуетъ и никого не тронетъ. Но трагическій конецъ куртизанки среди столькихъ платьевъ, тряпокъ и блестящихъ украшеній всѣхъ волнуетъ и всѣ готовы не знаю что дать, только бы узнать имена тѣхъ, кто подарилъ означенныя тряпки»...

Въ «Gaulois» Faveroles замѣчаетъ, что въ томъ фактѣ, что похоронилъ ее куаферъ, «кроется глубокая философія, иронія судьбы, краснорѣчивый символъ и высшая логика...» «Никому другому и не было мѣста за гробомъ, кромѣ какъ для того, кто столько разъ голову покойной убиралъ разными *assosche-soeurs*'ами столь же хрупкими, какъ ея грація и репутація»...

Споръ зашелъ о томъ, слѣдовало ли муниципалитету идти за гробомъ убитой кокотки? Однѣ парижскія газеты видѣли въ этомъ только родъ извиненія

городского управленія въ томъ, что оно не имѣетъ порядочной полиціи. Другіе и тутъ открыли философскіе горизонты. «Иные требуютъ, писалъ одинъ публицистъ, чтобы Фужеръ оставалась въ навозѣ родной деревни и стерегла свиней, но я думаю, что она лучше сдѣлала, бѣжавъ въ столицу... Конечно, она продавала свою красоту. Но этотъ рѣдкій даръ природы долженъ ли былъ атрофироваться въ грязи, хотя бы и честной? А какъ женщина, хотя и куртизанка, не была ли она по характеру выше, чѣмъ всѣ эти дамы свѣта, жены и матери, которыя день, между завтракомъ и обѣдомъ, проводятъ въ обманываніи мужей и любовниковъ, то изъ-за богатыхъ подарковъ, то просто отъ бездѣлья? Всѣ честные люди будутъ навѣрное въ сторонѣ эксаго муниципалитета»...

Читая эти благоглупости, а ихъ можно бы набрать еще на тысячу строкъ, я невольно вспомнилъ слова Вольтера, что всѣ писанія и сочиненія касательно морали совершенно излишни, ибо все, что напишутъ моралисты, давнымъ давно всѣмъ извѣстно и ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи сказать ничего новаго. Немногимъ правильнѣе поступили и тѣ, которые, не мудрствуя лукаво, но растроганные, поспѣшили собрать семьсотъ франковъ въ пользу пострадавшей Жиріа, которая и оказалась главною убійцею.

Ш.

Экскурсії изъ Біаррица сколько угодно и всѣ онѣ любопытны. Чаще всего ѣздятъ на родину «штыка», въ Байонну, куда можно проѣхать тремя и даже четырьмя разными путями. Болѣе дальній идетъ по открытому берегу океана, другой и третій, тоже кружные, идутъ среди разныхъ дачъ и заборовъ; четвертый вдоль паровой конки проходитъ по шоссе или старой почтовой дорогѣ, давно застроенной по бокамъ роскошными дачами. Чаще всего ѣдутъ сначала по берегу къ бару рѣки Адуръ, а возвращаются по почтовой дорогѣ.

По первому пути лежатъ плацъ для игры въ golf, въ которой такъ славятся министры кабинета Бальфура, и *tir à pigeons*, гдѣ спортсмены цѣлый день пострѣливаютъ несчастныхъ голубей, устраивая между собою состязанія. Въ этомъ году отличалась мѣткою стрѣльбой и брала часто призы артистка г-жа Валентина Пти: она стрѣляла болѣе удачно, чѣмъ танцевала кекъ-уокъ. Спустившись по тропинкѣ подъ гору, можно видѣть и *Chambre d'amour*, пещеру, занесенную пескомъ, но о которой легенда гласитъ, что приливная волна залила здѣсь влюбленную парочку.

Далѣе на одномъ изъ перекрестковъ попадается учрежденіе съ загадочною надписью: «Assurance contre la soif». Вотъ видъ застрахованія, который имѣлъ бы огромный успѣхъ въ Россіи. Это, оказывается обыкновенный кабакъ.

Передъ тѣмъ, какъ прорѣзывать лѣсокъ изъ морскихъ сосенъ, дорога огибаетъ два женскихъ монастыря: одинъ съ пріютомъ для падшихъ женщинъ, другой—англійскій бернардинскаго ордена, сохранившійся отъ изгнанія, благодаря заступничеству англійскаго правительства. Англійскій монастырь часто посѣщается публикою. Монахини его, большею частью молодыя женщины, дали обѣтъ молчанія; онѣ занимаются рукодѣліемъ и садоводствомъ, при встрѣчѣ съ посторонними, не отвѣчая на вопросы, отворачиваются и уходятъ. Грязныя работы исполняются наемными работницами: тѣ обѣта молчанія не давали и болтаютъ за троихъ, а баски и безъ того отличаются разговорчивостью. Особенно стараются онѣ навязать посѣтителемъ издѣлія монастырскихъ затворницъ, конечно, по двойной цѣнѣ.

Въ сосновомъ лѣсу всѣ деревья подсочены для полученія живицы, изъ которой добывается скипидарное масло. Это главное богатство страны. Извѣстно, что Наполеонъ III, поощривъ посадку въ Ландахъ морской сосны, обратилъ этотъ бѣднѣйшій во Франціи департаментъ, состоявшій изъ сыпучихъ песковъ, по которому не было мѣстами сообщеній иначе, какъ на ходуляхъ, въ богатѣйшій. Около скакового ипподрома сворачиваютъ обыкновенно къ маяку, около котораго и начинаются двѣ водостѣпительныя дамбы, образующія входъ въ рѣку Адуръ, т. е. въ поріъ Байонны.

Такъ какъ рѣка впадаетъ въ океанъ почти пер-

пендикулярно, то борьба двухъ теченій идетъ постоянно. Гигантскія волны сбрасываютъ огромные массивы, размываютъ дамбы и заносятъ входъ въ рѣку пескомъ, расширяя баръ. Если бы здѣсь была наша система управленія водными путями, то никто бы съ моря въ Байонну не попалъ, ну, да и во Франціи, гдѣ соприкасается казна, дѣло не спорится.

Вотъ примѣръ. Въ іюлѣ происходятъ въ Парижской консерваторіи конкурсы. Получившіе премію имѣютъ право на денежныя награды—родъ стипендіи. Ихъ никогда не даютъ раньше декабря, потому что бѣднымъ чиновникамъ требуется пять мѣсяцевъ, чтобы написать простую ассигновку!

Какъ городъ — Байонна невеликъ. Онъ стѣсненъ укрѣпленіями своей сильной нѣкогда крѣпости, но зато расширяется постройкою домовъ и дачъ внѣ гласиса, вдоль рѣки и посреди окружающей красивой мѣстности. Огромная площадь вдоль Адурра занята горнымъ заводомъ, проплавляющимъ испанскія руды на привозномъ коксѣ и выдѣлывающимъ желѣзо. Какъ во всѣхъ французскихъ портахъ, судоходное движеніе невелико. Аллеи около города состоятъ изъ огромныхъ старинныхъ деревьевъ. Удивительно, какъ они могли сохраниться около крѣпости, выдержавшей нѣсколько осадъ, въ томъ числѣ послѣднюю въ 1813—1814 гг. противъ Веллингтона. Тогда было перебито столько англичанъ, что пришлось устроить два особыхъ англійскихъ кладбища донынѣ сохранившихся.

Городъ можетъ быть осмотрѣнъ очень скоро. Главная достопримѣчательность—готическій соборъ XII—XV вѣка, заново реставрированный на проценты съ огромнаго капитала, завѣщаннаго однимъ мѣстнымъ патриотомъ. Около собора находится довольно уродливый мавзолей, поставленный въ честь двухъ байонцевъ, убитыхъ въ іюльскіе дни. На монументѣ надпись: «Les revolutions justes sont les chatiments des mauvais rois», которую лучше бы замѣнить глубокомысленнымъ изреченіемъ Жозефа де-Местра: «Злоупотребленія все-таки легче нежели революція». Памятникъ разваливается. Кого теперь интересуеть скромная революція 1830 г., сдѣланная журналистами, послѣ столькихъ грозныхъ переворотовъ, испытанныхъ Франціей? Кстати замѣтить, въ Байоннѣ была рѣшена Варооломеевская ночь и здѣсь же Наполеонъ I устроилъ западню для испанскихъ Бурбоновъ, глубоко возмутившую всю Европу и о которой Карлейль вѣрно замѣтилъ: «Несправедливость оплачивается съ ужасно сложными процентами». Кромѣ собора стоитъ осмотрѣть изящный городской музей, составленный преимущественно изъ пожертвованій знаменитаго портретиста Леона Бонна, уроженца Байонны. Кромѣ многихъ отличныхъ картинъ старинныхъ и новыхъ первоклассныхъ художниковъ, музей богатъ коллекціей подлинныхъ рисунковъ тѣхъ же мастеровъ, за большія деньги собранной жертвователемъ.

Музей, какъ всѣ музеи въ мірѣ, стоитъ конечно пустой; публика, пріѣзжающая изъ Біаррица, пред-

почитаетъ толочься между 5 и 7 часами въ кондитерской Guilloi, разсаживаясь за столиками подъ аркадами улицы du Pont Neuf. Послѣдняя такъ узка, что въ это время проѣхать и повернуться очень трудно и одинъ автомобиль въѣхалъ прямо въ кондитерскую, напугавъ господъ потребителей.

Успѣхъ кондитерской создали не ея продукты, довольно посредственные, а красота трехъ дочерей хозяйки, роскошныхъ брюнетокъ, великолѣпно сложенныхъ. Дочери вышли замужъ,—уже въ прошломъ году ихъ не было,—но привычка посѣщать ресторанъ осталась, хотя другихъ кафе въ городѣ не мало и они удобнѣе расположены. Байонна вообще славится красотой своихъ жительницъ, представляющихъ помѣсь басковъ, беарнцевъ и французовъ. Отъ того можетъ быть сюда и любятъ селиться на покой старые военные.

Въ Байонну ѣздятъ изъ Біаррица и на бой быковъ, происходящій каждыя двѣ недѣли въ августѣ и сентябрѣ. Интереснѣе для этого съѣздить въ С.-Себастьянъ, гдѣ арена больше и толпа любопытнѣе, но зато теряется много времени изъ-за таможенъ. Въ Южной Франціи, а особенно среди баскскаго населенія, любовь къ бою быковъ процвѣтаетъ. Люди серьезные и парижская печать много протестовали протестовали противъ такого явнаго нарушенія, не отмѣненнаго loi Grammont, запрещающаго мучить животныхъ, но такъ какъ по этому закону максимальный штрафъ 16 франковъ, то виновные предпочитаютъ пла-

тить штрафы. Противъ же изданія новаго болѣе строгаго закона предприниматели бычьихъ боевъ, наживающіе огромныя деньги, застраховываютъ себя подкупомъ муниципалитетовъ, въ свою очередь подкупающихъ вліятельныхъ депутатовъ въ парламентъ.

Для оправданія боевъ приводится подкупленными тотъ же аргументъ, что у насъ для тотализатора, а именно, что бои поощряютъ улучшеніе породы рогатаго скота; забываютъ только прибавить, что порода эта улучшается въ Андалузїи, а не во Франціи, гдѣ быковъ для боя не разводятъ и не улучшаютъ. Въ окрестностяхъ Біаррица всѣ перевозки производятся на волахъ, но это очень мелкія животныя, сравнительно съ нашими черкасскими волами. Ярмо у нихъ не на шеѣ, а на лбу. Одинъ саратовскій помѣщикъ увѣрялъ меня, что такъ воламъ легче и прїятнѣе, и жалѣлъ, что въ Южной Россіи не переймутъ этого способа запряжки, рекомендованнаго имъ Вольному Экономическому обществу. Ярмо покрыто у басковъ всегда овчиною, вѣроятно отъ мухъ.

Бои, какъ я сказалъ, популярны; поэтому въ день боя извозчики удваиваютъ цѣны, конки переполняются и все способное двигаться въ Біаррицѣ переносится въ окрестности Байонны. Мѣста въ циркѣ не дешевы: плохое стоитъ 2 р., получше 4 и 5 р., ложа около 25 р.; цѣны зависятъ отъ того, на солнцепекѣ мѣсто или въ тѣни.

Бой быковъ, на которомъ я присутствовалъ въ этомъ году, показывалъ, что или быки стали умнѣе съ про-

грессомъ, или искусство матадоровъ поослабѣло. Изъ шести быковъ только одинъ, послѣдній, былъ убитъ какъ слѣдуетъ, ловкимъ ударомъ шпаги, проникающимъ въ легкія; остальные были убиты послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ ударовъ, а два быка даже, истекавшіе кровью, по требованію публики, были убиты какъ на живодернѣ, ударомъ кинжала сзади въ позвоночный столбъ, между черепомъ и первымъ позвонкомъ.

Надобно было видѣть, какой ревъ подымался тогда среди aficionado, или любителей боя быковъ, которые и безъ того нервно критикуютъ каждое движеніе esпада и вѣчно недовольны, какъ у насъ меломаны пѣвцами. Одинъ почтенный старикъ такъ волновался, что я думалъ, что съ нимъ сдѣлается припадокъ эпилепсіи. Онъ старался перепрыгнуть черезъ заборъ и палкою грозилъ Мацантини. Этотъ знаменитый быкобоецъ, по страсти къ опасностямъ ушедшій изъ чиновниковъ въ матадоры, особенно былъ плохъ на этотъ разъ. Онъ, изящными формами котораго восхищались до упоенія не только севильянки, но и актрисы Александринскаго театра, растолстѣлъ, отяжелѣлъ и глаза и руки его потеряли вѣрность. Другой матадоръ, Квинито, былъ лучше и половчѣе.

Матадоры зарабатываютъ огромныя деньги, не меньше нашихъ теноровъ, но имѣть надлежащія для ихъ ремесла качества не легко; требуется огромная физическая сила, одинъ костюмъ яркихъ цвѣтовъ, весь расшитый золотомъ, уже вѣситъ порядочно, шпага

тоже тяжела, между тѣмъ всѣ движенія esrada должны быть легки и граціозны.

Публика, какъ я сказалъ, была оживленная; при успѣхѣ она бросала въ матадора шапки, палки и даже кодаки, которые тотъ, снявъ шляпу, низко кланяясь, съ большою ловкостью возвращалъ назадъ. Но французская толпа, одѣтая въ менѣе блестящіе цвѣта, не имѣетъ такого красиваго вида, какъ испанская. У испанцевъ бой быковъ самый важный, жгучій вопросъ, единственный, который сближаетъ всѣ партіи и сословія. Это прямой пережитокъ римскихъ цирковъ, и, глядя на бои, переносишься за пятнадцать вѣковъ назадъ.

Въ Сень-Жанъ-де-Люсь ѣхать дальше чѣмъ въ Байонну; дорога идетъ по берегу моря, по старинной почтовой дорогѣ, мѣстность красивая, особенно приближаясь къ Пиренеямъ, которые, вопреки извѣстному изреченію Людовика XIV, что ихъ болѣе нѣтъ, прекрасно стоятъ на своемъ мѣстѣ, какъ вопреки другому изреченію — Паскаля, и истина и глупость по обѣ стороны горъ одинаковы. Между любопытными вещами показываютъ по дорогѣ домъ на морѣ какого-то сумасшедшаго, который, чтобы его не видали, всѣ тропинки и спуски около своего замка покрылъ галереями, гдѣ и гуляетъ. Затѣмъ видна дача сербской королевы Наталіи, проживающей здѣсь круглый годъ. Я встрѣтилъ ее по дорогѣ въ первый разъ послѣ того, какъ видѣлъ въ 1875 году въ Бѣлградѣ невѣстой.

Мѣстечко Бибаръ служитъ границею, откуда уже

начинается сплошное населеніе басковъ, этого оригинальнаго народа, которому всѣ курильщики и особенно акцизное управленіе должны быть благодарны, такъ какъ онъ первый сталъ курить въ Европѣ во второй половинѣ XVI столѣтія и ввелъ табакъ въ моду. У басковъ свой костюмъ, своя архитектура домовъ и свой языкъ, не имѣющій ничего общаго съ другими европейскими языками. Одни находятъ въ немъ отдаленное сходство съ языкомъ японскимъ, другіе съ языками американскихъ индѣйцевъ. Баски—загадка для этнографовъ. Неизвѣстно даже, арійцы ли они. Сами себя они называютъ *Eschaldunac*, т.-е. «говорящими» (синонимъ нашего славянинъ). Баски отличаются отъ окружающаго населенія и складомъ жизни и системою землепользованія; съ древности живя на берегахъ моря, извѣстнаго своею бурностью, они отличались удалствомъ, славились какъ китобои, а теперь охотно эмигрируютъ въ Америку, особенно въ Аргентину, гдѣ наживаютъ деньги, и возвращаются на родину; здѣсь такихъ счастливицковъ называютъ «американцами».

Женщины баски, воспѣтыя Мериме въ «*Carmen*», отличаются стройностью, гибкостью, тонкостью *attaches*, живостью движеній и граціей. Даже у простыхъ крестьянокъ плечи и шея сохраняютъ чистоту линій. Во Франціи баскское населеніе болѣе смѣшано, но испанскія *vascongadas* еще красивѣе, а въ двухъ мѣстностяхъ въ Гвипускоѣ: *Azpeytia* и *Azcoytia* всѣ женщины красавицы. Волосы у басокъ преимуще-

ственно каштановые, рѣже темные; блондинки очень рѣдки. Онѣ отличаются, какъ и мужчины, трудолюбіемъ. Во Франціи баски охотнѣе всего идутъ въ горничныя и субретки, но не пренебрегаютъ и грубыми работами даже въ портахъ. У басковъ сохранился обычай, называемый *couvade*, существующій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи. Послѣ родовъ жены мужъ ложится въ постель и принимаетъ поздравленія! Обычай этотъ—остатокъ полиандріи—быстро исчезаетъ. Исчезаетъ впрочемъ баскскій языкъ, благодаря усиліямъ французскаго духовенства и учебнаго вѣдомства, но едва ли исчезнетъ. Война противъ него началась чиновниками еще въ V вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ! Вестъ-готы хотѣли заставить говорить басковъ по-латыни: вестъ-готы исчезли латинскій языкъ сталъ мертвымъ, а баски все изъясняются на своей тарабарщинѣ.

Послѣ оживленнаго Біаррица Сень-Жанъ де-Люсь поражаетъ своею пустотою и тишиною; въ порту нѣтъ судовъ, кромѣ нѣсколькихъ шлюпокъ, а нѣкогда эта гавань славилась своими корсарами и снаряжала цѣлыя флоты къ Ньюфаундленду, который и открытъ былъ въ XV столѣтіи здѣшними жителями. Даже на *plage*, длинной песчаной отмели, обстроенной довольно скромными дачами, нѣтъ почти жизни. Зато городъ и излюбили англичане, особенно для зимняго пребыванія. Улицы напоминаютъ объ Испаніи, до которой рукой подать—всего 8 верстъ. Въ соборѣ, по баскскому обычаю, деревянныя галереи въ

три этажа, гдѣ женщины стоятъ отдѣльно отъ мужчинъ; статуи Мадоннъ разодѣты, какъ въ Испаніи.

Соборъ знаменитъ тѣмъ, что въ немъ вѣнчался Людовикъ XIV съ испанской инфантой. Домъ, гдѣ остановилась инфанта Марія Тереза, сохраняется до сихъ поръ, а домъ въ стилѣ Людовика XIII, гдѣ гостилъ король, заново отдѣланъ. Брачный договоръ до сихъ поръ показываютъ въ мѣри.

Народъ тутъ простодушный; неизвѣстны даже аптекарскіе счета. Я зашелъ въ аптеку и принялъ нѣсколько капель опія въ какой-то микстурѣ. Аптекарьша не хотѣла брать денегъ, такъ какъ лекарство не было прописано докторомъ! Съ трудомъ навязалъ я ей франкъ.

Въ С.-Себастьянѣ можно ѣхать въ экипажѣ, но одинаково удобно можно проѣхать и по желѣзной дорогѣ, осматрѣвъ по дорогѣ Энде, Ирунъ, Фазаній островъ, Фонтарабію и Пасахесъ. Обыкновенно эти осмотры туристы раздѣляютъ на нѣсколько экскурсій.

Въ Энде, пограничномъ городѣ Франціи, имѣется хорошая гостиница de France et d'Angleterre, гдѣ можно недурно пообѣдать и выпить рюмку мѣстной наливки, пользующейся извѣстностью. Впрочемъ и за табль-д'отомъ на желѣзнодорожной станціи столъ не такъ дуренъ, а равно и въ Ирунѣ, хотя это уже испанскій городъ. Теофиля Готье въ первомъ испанскомъ городѣ угостили обѣдомъ, состоявшимъ изъ супа изъ томатовъ съ шафраномъ, рисега, т.-е. ломтей хлѣба въ горячемъ прованскомъ маслѣ, по-

сыпанныхъ обильно перцемъ, цыпленкомъ равнымъ образомъ на деревянномъ маслѣ, козьимъ сыромъ и виномъ «прекраснаго фіолетоваго цвѣта». Теперь меню уже обыкновенное французское, только вино не перемѣнило за 60 лѣтъ своего фіолетоваго цвѣта; за 3¹/₂ пьесеты бутылка вино, однако, порядочнаго качества.

Въ городѣ, кромѣ казино и огромнаго санаторіума, устроеннаго Парижемъ для бѣдныхъ больныхъ дѣтей, показываютъ домъ извѣстнаго сладенькаго романиста-академика Пьера Лоти (псевдонимъ морского офицера Жюльена Вю), долго командовавшаго здѣсь стоящей въ пограничной рѣкѣ Бидасао брандвахтою. На испанскомъ берегу также имѣется брандвахта; командующій ею офицеръ что-то высматривалъ внимательно, когда я проѣзжалъ, въ подзорную трубку, вѣроятно слѣдилъ за своею женою или возлюбленною. А впрочемъ можетъ быть и за тѣмъ, что дѣлается на французской границѣ. Въ то время, какъ французы не придаютъ никакого значенія своей испанской границѣ и думаютъ даже скрыть историческія укрѣпленія Байонны, испанцы очень заботятся объ укрѣпленіи своей французской границы и недавно еще построили огромный фортъ Хаизквибель съ 24 большими орудіями новѣйшаго образца.

Всѣ путешественники считаютъ долгомъ, отправляясь изъ Энде или Ируна въ Фонтарабію, посѣтить посреди Бидасао Фазаній островъ или островъ Конференціи. Это плоская отмель, «величиною съ боль-

шую рыбу соль»,—писалъ Теофиль Готье,—гдѣ конечно нѣтъ фазановъ, но который очень знаменитъ во франко-испанской исторіи. Здѣсь совѣщался Людовикъ XI съ Генрихомъ, королемъ Кастильскимъ; здѣсь былъ обмѣненъ на своихъ двухъ сыновей попавшій подъ Павіей въ плѣнъ король Францискъ I; здѣсь послы обмѣнялись двумя невѣстами—Изабеллой для испанскаго короля Филиппа IV и Анной Австрійской для Людовика XIII. Наконецъ здѣсь заключенъ въ 1659 г. Пиренейскій миръ послѣ продолжительной войны.

Въ память послѣдняго на песчаной отмели Наполеонъ III. въ 1861 г. поставилъ монументъ съ соотвѣтствующею надписью, засадилъ островокъ деревьями, укрѣпилъ его сваями и камнемъ и сдѣлалъ нейтральнымъ владѣніемъ.

Когда у насъ даже въ столицѣ на улицахъ жгутъ керосинъ, Ирунъ, несмотря на свои микроскопическіе размѣры, освѣщается, какъ всѣ баскскіе города, электричествомъ и отличается опрятностью. Улицы носятъ названія на двухъ языкахъ, причемъ видно, что баскскій совершенно непохожъ на испанскій. На соборѣ, какъ и на большинствѣ церквей въ странѣ басковъ, надпись, что стѣну собора запрещено употреблять для игры въ *pelotes*. Игра эта составляетъ главную страсть басковъ.

Въ маленькій городокъ Фонтарабія попасть можно только въ приливъ. Эта старинная крѣпостца носитъ титулъ «непобѣдимой», хотя Францискъ I и маршалъ

де-Бервикъ брали ее. Титуль сохранился за геройское отраженіе двадцати штурмовъ Конде въ 1638 г., пока городъ не былъ вырученъ. Когда не хватило свинца для пуль, жители, по примѣру алькада Діега Бутрона, перелили въ снаряды все свое серебро и драгоценности; даже женщины и дѣти дрались, осыпая штурмующихъ камнями и поливая кипящимъ масломъ. Это славное событіе до сихъ поръ ежегодно празднуется въ сентябрѣ крестнымъ ходомъ, очень живописнымъ, а городская дума Casa consistorial сохранилась почти безъ измѣненій на Calle Mayor, очень интересной, со своими старинными домами, украшенными гербами, указывающими на прежнее значеніе города. Окна съ балконами и затѣйливыми рѣшетками, но любопытнѣе всего большіе деревянные выступающіе впередъ рѣзные карнизы—отличіе барскихъ домовъ. Историческіе дома заняты теперь жалкими лавчонками, гдѣ продаютъ помидоры или чинятъ дешевые башмаки.

Огромное полуразрушенное зданіе въ видѣ куба носитъ названіе дворца Карла V, хотя построено королемъ Санчо еще въ X столѣтіи. Оно принадлежит частному лицу. За деньги можно получить право взобраться по очень крутой лѣстницѣ, оттуда любоваться чуднымъ видомъ на устье Бидасао и на окрестности. Нѣсколько красивыхъ замковъ оказываются просто пограничными игорными домами, потому что въ Испаніи къ азартной игрѣ законодательство и полиція относится болѣе снисходительно, чѣмъ во Франціи.

Теперь испанцы не стали бы заряжать своими монетами ружья, какъ въ XVII столѣтіи, а предпочли бы поставить ихъ въ рулетку. Зато штурмовъ и не отражаютъ, а бѣгаютъ въ сраженіяхъ какъ перепелки, какъ показала послѣдняя война съ Америкой.

Отъ Ируна до С.-Себастіана желѣзная дорога проведена очень живописною мѣстностью, мнѣ по прежнимъ поѣздкамъ въ Испаніи хорошо знакомой. Для французовъ дорогъ по воспоминаніямъ городокъ Пасажесъ, у красивой бухты, сообщающейся съ моремъ очень узкимъ горломъ. Здѣсь прожилъ въ 1843 г. нѣсколько мѣсяцевъ Викторъ Гюго. Домъ, гдѣ жилъ авторъ «Hernani» и «Ruy Blas», сохранился безъ измѣненія на берегу моря и посѣщается французами, а Деруледъ прикрѣпилъ тутъ соотвѣтствующую надпись. Въ Испаніи все сохраняется, даже специфическій запахъ на улицахъ, смѣсь гвоздики, аниса и сквернаго деревяннаго масла...

Вся эта мѣстность у подножья Кантабрійскихъ горъ очень оживлена, хорошо орошена и обработана; повсюду майсовыя поля, лѣсныя рощи, множество заводовъ и промышленныхъ заведеній. Баскскія провинціи всегда выгодно отличались отъ остальныхъ провинцій Испаніи своей культурностью. Только Каталонія и отчасти Аррагонія могли еще сравниться съ ними въ этомъ отношеніи. Кромѣ предприимчиваго духа жителей, о которомъ я упоминалъ выше, говоря о баскахъ во Франціи, *vascongadas* долго пользовались совершенно привилегированнымъ положеніемъ.

Благодаря своимъ стариннымъ fueros, они не платили ни таможенныхъ пошлинъ, никакихъ другихъ налоговъ въ пользу центрального правительства, не несли также воинской повинности. Это была своего рода испанская Финляндія. Не участвуя нисколько въ общегосударственныхъ тягостяхъ, баски имѣли претензіи навязывать еще Испаніи своего претендента на престолъ. Въ концѣ концовъ терпѣніе испанцевъ истощилось и послѣ послѣдняго возстанія карлистовъ фуэросы были отняты и теперь въ административномъ и судебномъ отношеніи три баскскихъ провинціи ничѣмъ не отличаются.

Въ послѣднее время, впрочемъ, вся Испанія сильно двинулась впередъ въ экономическомъ отношеніи. Къ ней совершенно примѣняются извѣстныя слова Шуазеля: «A force d'aller mal tout ira bien». Выдержавъ несчастную войну и окончательно потерявъ колоніи, которыя она не умѣла эксплоатировать, Испанія разбогатѣла и быстро поправила свои финансы. Несмотря на грубый отказъ Америки принять колониальный долгъ, испанская 4% рента, стоившая во время войны 33 франка за 100, стоитъ теперь 92. Въ бюджетѣ имѣется постоянное превышеніе доходовъ и заграничная торговля быстро развивается.

По Санъ-Себастьяну можно судить объ этомъ благополучіи. Хотя это скорѣе аристократическій курортъ и собственная торговля города, какъ порта, невелика, но онъ недаромъ зовется испанцами «жемчужиною океана». Какое сравненіе съ нашими портовыми го-

родами, въ родѣ Либавы, Новороссійска или Николаева, или курортами въ родѣ Ялты или Евпаторіи. Широкія и превосходно вымощенныя улицы и бульвары города обстроены громадными домами очень изящной архитектуры, магазины роскошны, банки помѣщаются въ тропическихъ садахъ. Лучшія части города: набережная Alameda, очень широкая, гдѣ поставленъ затѣйливый памятникъ адмиралу Оквендо, герою голландо-испанскихъ войнъ, и Paseo de la Conche около песчаного спокойнаго пляжа, гдѣ происходятъ купанья. Здѣсь же помѣщаются громадное зданіе Казино, гдѣ идетъ большая игра — неизбѣжная спутница испанцевъ, — клубы и важнѣйшія гостиницы. Новая, самая лучшая теперь, находится въ городѣ около площади Guirizsoa; тамъ же помѣщаются дворцы городской думы (Ayuntamiento) и земскаго собранія (Firutacion). Желалъ бы я видѣть «дворецъ» какого-нибудь черниговскаго земскаго собранія...

Противъ бульвара Конча, на другомъ берегу залива, находится королевская купальня въ мавританскомъ стилѣ, а повыше ея королевскій дворецъ Саграда Мирамар, гдѣ Альфонсъ XIII проводитъ лѣто вмѣстѣ со своею матерью, одною изъ умнѣйшихъ женщинъ въ Европѣ. Дворецъ очень скромный, въ англійскомъ стилѣ, окруженъ садами. Бухта С.-Себастіана почти круглая, входъ въ нее съ моря какъ бы охраняется двумя высокими горами, покрытыми укрѣпленіями. На одной изъ нихъ замокъ, игравшій роль въ исторіи карлистской войны.

Въ С.-Себастьянѣ, въ отличіе отъ французскихъ купаній, мужчины купаются въ морѣ отдѣльно отъ женщинъ и городовые не позволяютъ публикѣ даже останавливаться на набережной противъ того мѣста, гдѣ дамы погружаются въ волны Атлантики.

Эти остатки восточныхъ нравовъ замѣтны и въ другихъ отношеніяхъ. Я былъ на Уля, гдѣ въ ресторанѣ кутила молодежь; пиво лилось рѣдкою, молодежь танцевала испанскіе танцы, но не было ни одной женщины. Можно ли вообразить себѣ что-либо подобное во Франціи?

Гора Улія, куда ведетъ электрическій трамвай, славится своимъ необыкновенно красивымъ видомъ на С.-Себастьянъ и окрестности. Весь городъ какъ на ладони.

Благодаря открытію другого парового трамвая для всѣхъ посѣщающихъ С.-Себастьянъ стала обязательной поѣздка въ Эрнани, ранѣе посѣщавшагося только фанатиками французскаго романтизма.

Это городокъ въ шести верстахъ. Вы садитесь въ центрѣ Санъ-Себастьяна и черезъ часъ доѣзжаете по весьма оживленной и богатой долинѣ, имѣющей видъ засыпаннаго морского залива. Останавливается поѣздъ на десяткѣ станціи, носящихъ курьезныя имена: Оярзунъ, Агригарига и т. п., дающихъ понятіе о прелестяхъ баскскаго языка. Я наслушался его въ вагонѣ, наполненномъ крестьянками; онѣ весело болтали между собою безъ умолку всю дорогу. Можно ѣхать въ Эрнани и въ экипажѣ по хорошей дорогѣ, встрѣчая то

и дѣло автомобили. О дилижансахъ, запряженныхъ мулами, погоняемыхъ загаломъ, соскаквивавшимъ съ запятокъ и бросавшимъ каменья, въ которыхъ я ѣздилъ еще съ покойнымъ В. О. Коршемъ въ 1872 г., нѣтъ и въ поминѣ. Пейзажъ, какъ во всей Гви-пускоѣ, скорѣе швейцарскій, Бернскихъ альцовъ, нежели испанскій. Это одинъ изъ лучшихъ уголковъ въ Европѣ.

Одна изъ станцій называется Лойола, имя, наводящее на размышленіе. Родить на свѣтъ геніальнаго основателя ордена іезуитовъ и не интересоваться теперь ничѣмъ, кромѣ боя быковъ, каково паденіе! А по части быковъ баски не отстаютъ отъ испанцевъ.

Эрнани описывалъ въ свое время Теофиль Готье, а недавно вновь описалъ Гастонъ Дешанъ и воспѣлъ Ростанъ. Они любовались «пылью временъ Филиппа II», что только поэтическая вольность, потому что городъ чистъ и освѣщенъ электричествомъ. Онъ почти весь заключается въ узкой длинной улицѣ *Calle Mayor*, хорошо вымощенной и состоящей изъ старинныхъ феодальныхъ домовъ съ гербами. Поражаетъ изобиліе дѣтей. Улица ведетъ на площадь, гдѣ находятся зданіе городской думы, замѣчательно роскошной для такого уголка, и соборъ. Послѣдній безъ оконъ, очень темень и тѣсенъ, только фасадъ болѣе новый, въ стилѣ рококо. Алтарь въ соборѣ — чудо деревянной рѣзьбы. Тамъ же находится гробница никому теперь невѣдомаго Жуана де-Урбіето, а онъ-то и взялъ въ плѣнъ при Павіи французскаго короля Франциска I. «Не-

достаточно,—замѣчаетъ по этому поводу философски Дешанъ,—встрѣтить въ жизни счастливый случай. Надобно продолжать!» Иначе васъ скоро забудутъ даже соотечественники.

Поѣздка изъ Біаррица въ Камбо, Haut Cambo, въ Пиренеяхъ также очень интересна. Тутъ любуются видомъ на долину Нивы, осматриваютъ курьзную скалу, называемую Pas de Roland, и спускаются на плоской лодкѣ «passe» по рѣкѣ Нивѣ въ Устарицъ. Лодка проходитъ семь подпруженныхъ водопадовъ, и хотя опасности нѣтъ, но прыжки лодки заставляютъ дамъ кричать и рѣзвиться, а кавалеровъ бережно придерживать ихъ, якобы спасая отъ опасности, за талии.

Изъ Біаррица можно легко съѣздить также въ Лурдъ, осмотрѣвъ по дорогѣ По съ его чудной панорамой на снѣжныя вершины Пиренеевъ и заново реставрированнымъ замкомъ Генриха IV.

Я посѣтилъ Лурдъ весною этого года, ознакомившись заодно и съ весьма любопытными городами По, Каркасономъ и Тулузой. Можетъ быть когда-нибудь опишу свою поѣздку. Лурдъ я давно собирался посѣтить. Его рекомендовалъ мнѣ осмотрѣть покойный банкиръ Л. М. Розенталь, который передъ смертью ѣздилъ туда искать облегченія отъ своихъ страданій и конечно не получилъ.

— Вы ожидали чуда,—сказалъ я ему,—вы вѣроятно забыли слова вашего Генриха Гейне, который писалъ, что единственное чудо, случившееся во Франціи въ XIX столѣтіи, было то, что извѣстный соціа-

листъ Анфантенъ заплатилъ долгъ портному своего учителя Сень-Симона, знаменитаго автора *Systeme Industriel*, по счету, предъявленному тридцать лѣтъ спустя.

На-дняхъ впрочемъ Лази заявилъ въ палатѣ депутатовъ о чудѣ, совершенномъ Лурдской Мадонной, а именно «разстрига» Комбъ, закрывъ во Франціи безжалостно всѣ часовни, оставилъ Лурдскую, хотя она даетъ наиболѣе дохода французскому духовенству.

